

Дорогие читатели!

В первой половине 2017 года редакция журнала предполагает опубликовать:

- роман Ивана ПЕРЕВЕРЗИНА “Постижение любви”. “Этот роман, я думаю, достоин войти в долгую память русской прозы”. Л. Аннинский. Из предисловия;
- роман Александра СЕГЕНЯ “Знамя твоих побед”;
- роман Олега ИГНАТЬЕВА “Удар скорпиона”;
- повести и рассказы Владимира КРУПИНА, Юрия ЛОЩИЦА, Михаила ТАРКОВСКОГО, Романа СЕНЧИНА, Сергея МИХЕЕНКОВА, Евгения ШИШКИНА, Дмитрия ЕРМАКОВА;
- стихи Новеллы МАТВЕЕВОЙ, Льва КОТЮКОВА, Николая КОПОВСКОГО, Натальи ЕГОРОВОЙ, Виктора ВЕРСТАКОВА;
- книгу Станислава КУНЯЕВА “Литературный дневник Третьего тысячелетия”;
- исследование Александра СЕВАСТЬЯНОВА “XX век. Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом истории”;
- статьи Андрея ФУРСОВА, Михаила ДЕЛЯГИНА, Сергея ГЛАЗЬЕВА, Татьяны МИРОНОВОЙ, Бориса КЛЮЧНИКОВА, Михаила ЧВАНОВА, Платона БЕСЕДИНА;
- книгу Сергея КУНЯЕВА “Вадим Кожин”, написанную для серии “ЖЗЛ”;
- окончание книги Александра БЕЛОНЕНКО “Шостакович и Свиридов”;
- работу Бориса КУРКИНА “Неизвестный Толстой”;
- критические статьи Юрия ПАВЛОВА, Сергея КЛЮЧНИКОВА, Ирины МОНАХОВОЙ, Марины ПЕТРОВОЙ.

Выписывайте и читайте ваш любимый журнал,
который отмечает своё 60-летие!

.....

**24 ноября в 18:30 в Большом зале ЦДЛ состоится
юбилейный вечер журнала «Наш современник»**

Приглашены:

Ст. Куняев, Г. Зюганов, С. Глазьев, А. Проханов, В. Ганичев,
М. Гущериев, С. Есин, Т. Петрова, Н. Бурляев, В. Бондаренко,
З. Прилепин, С. Шаргунов, Р. Харис, Д. Мизгулин,
И. Переверзин, А. Лиханов, В. Крупин

Вечер ведут Александр Казинцев и Сергей Куняев

Вход по приглашительным билетам, которые можно получить
в Редакции журнала и в Бюро пропаганды:

Тел.: 8(495) 621-48-71 (Редакция)

Тел.: 8(495) 625-00-50 (Бюро пропаганды)

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 11 2016

120 лет Георгию Константиновичу Жукову

1 декабря этого года исполняется 120 лет со дня рождения Маршала Победы — Георгия Константиновича Жукова.

Как и многие советские полководцы, Жуков — выходец из бедной крестьянской семьи. В 1915 году его послали на германский фронт, где он вскоре отличился — взял в плен немецкого офицера и был награждён Георгиевским крестом. К концу Первой Мировой он уже дважды Георгиевский кавалер.

Революция... Куда идти служить молодому унтер-офицеру? Жуков вступает в Красную Армию — армию бедного народа, сражается за новую жизнь. Командир взвода, эскадрона, а к 1923 году уже командир полка — стремительный взлёт крестьянского самородка. Таким талантам с “правильным” социальным происхождением была открыта широкая дорога в новой армии. Он не учился в академиях, окончил только Курсы высшего начсостава в 1930 году, но к 1938 году Георгий Константинович уже заместитель командующего войсками Белорусского военного округа. А в 1939 году — Халхин-Гол! И здесь впервые развернулся во всю свою ширь блестящий талант полководца. Стремительное окружение и разгром японской группировки войсками под командованием Жукова поразили мир. Тогда же Георгий Жуков впервые стал Героем Советского Союза.

Великая Отечественная война сделала Георгия Константиновича трижды Героем. Он громил врага под Ельней, отстоял Ленинград, спас Москву в декабрьских боях 1941 года. Он курировал окружение и разгром врага под Сталинградом. С лета 1942 года Георгий Константинович Жуков — заместитель Верховного главнокомандующего, фактически — второй человек после Сталина в нашей стране. Особую славу Жукову принесли сражения 1944–45 годов, когда он командовал 1-м Белорусским фронтом, освободил Польшу, взял Берлин и в Карлсхорсте принял капитуляцию германских вооружённых сил. Затем Парад Победы на Красной площади в Москве. Знаменитый всадник на белом коне навек запечатлён теперь в конной статуе работы Вячеслава Клыкова у стен Исторического музея. Таким и останется он в наших сердцах, в нашей памяти — героем, полководцем, победителем. Вечная слава!

60 лет Игорю Талькову

Он был убит совсем молодым — и многие в тогдашней “музыкальной тусовке” встретили его смерть с видимым облегчением. До такой степени им было неудобно существовать рядом с Тальковым — сразу обнажались вся их продажность.

“Со своими политическими песнями он никому не был удобен, — говорил о нём его друг, народный артист России Александр Михайлов, — ни правительству, ни тем, кто думал, что надо перестраивать нашу систему”. И ведь сейчас в телепередаче, специально посвящённой Талькову, слышится: “Политические песни его никто не вспоминает”.

Многим очень удобно сделать вид — насколько у них короткая память. Очень хочется “забыть” и его “Метаморфозы”, и “Господа демократы”.

А лучшие его песни “Россия”, “Бывший подгесаул” неотделимы от того проклятого времени, времени их создания, когда человеческая жизнь в России начала дешеветь на глазах.

Но только снова услышишь их — и словно порыв ветра сметает весь музыкально-словесный мусор, рассыпанный по нынешним телеканалам.

Вечная память!

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Э. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ
В. А. ШТЫРОВ

Юбилей

Поздравления журнала
с 60-летием 3

Проза

Альберт ЛИХАНОВ
Оглянись на повороте,
или Хроника забытого времени
Роман в повестях 16

Юрий УБОГИЙ
Время вокзала.
Дневник писателя 113

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Берендеево царство.
Рассказ 144

Поэзия

Александр ПОШЕХОНОВ
Ближе к вечеру 7

Игорь ТЮЛЕНЕВ
Мир вселенной красоты 12

Борис ЛАПУЗИН
Здесь твой дом 107

Валентина КОРОСТЕЛЁВА
Застольные песни 110

Станислав ГОРОХОВ
И двадцать лет
вот так меня мотало... 141

Михаил ГУЦЕРИЕВ
"Я просто медленно люблю" 150

Очерк и публицистика

Андрей ФУРСОВ
Ситуация может
призвать диктатора 157

Анатолий ЕХАЛОВ
Есть ли будущее у деревни? 167

Юрий КОЗЛОВ
Море мёртвое и живое 179

Игорь ЯНИН
Блестящий сочинский гамбит 188

Николай ПЛИСКО
"Удирай и не оглядывайся!" 211

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

А. Ю. Сегень —
ред. отдела прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Патриотика

Инна БАСОВА
Юрий Селезнёв:
в борьбе за души и будущее 243

Юрий ЛОЩИЦ
Слово о друге 246

Поиски истины

Николай МОНОСТОН
Благодать старости 251

Критика

Ирина МОНАХОВА
Белинский и Аксаковы 261

Книжный развал

Владимир РОДИН
Ай да Шмагин, ай да... 275

Сергей ЕСИН
Своя ноша.
О книге Елены Тулушевой 283

Юрий ОСТАПЕНКО
Первые триста лет 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 03.11.2016. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 2599-2016. Тираж 25200 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

СЕРГЕЙ МИРОНОВ,
председатель партии
“Справедливая Россия”

“МЫСЛЬ НАРОДНАЯ”

Хочу от всей души поздравить редакцию, авторов и читателей журнала “Наш современник” с 60-летним юбилеем!

Все эти годы журнал был и остаётся в центре литературной жизни страны. На его страницах публиковались и публикуются лучшие произведения советских и российских писателей. “Наш современник” – журнал, твёрдо стоящий на позициях патриотизма, социальной справедливости, сохранения и продолжения национальных традиций в культуре, литературе и политике. Эта линия остаётся неизменной на протяжении всей истории журнала.

“Наш современник” – история и сегодняшний день российской литературы. В разные годы авторами журнала были Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, многие другие писатели, поэты, публицисты, составляющие славу и гордость отечественной словесности. Вклад журнала в национальную культуру неоценим.

Мне, как лидеру социалистической партии, особенно близко и понятно стремление журнала честно и художественно убедительно рассказывать читателю о том, как сегодня живут в России простые люди, те, кто своим трудом, своими талантами создаёт материальные и духовные богатства страны. В этом смысле журнал продолжает лучшие традиции русских журналов девятнадцатого века, таких, как “Современник”, “Гражданин”, “Отечественные записки”. В каждом номере журнала присутствует та самая “мысль народная”, на которую во все времена опирались русские писатели и философы.

В прошлом году партия “СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ” совместно с “Романгазетой” учредила литературную премию для молодых прозаиков, поэтов и публицистов. Девиз премии: “В поисках правды и справедливости”. Первыми лауреатами стали авторы, активно сотрудничающие с “Нашим современником”: Андрей Тимофеев, Платон Беседин, Елена Тулушева. Это свидетельствует о том, что правда и справедливость – вечные духовные символы нашего народа. Меняются поколения, а стремление к правде и справедливости остаётся. И хотя сегодня тем, кто последовательно отстаивает эти принципы, живётся нелегко, я уверен, что будущее за нами!

Ещё раз поздравляю редакцию, авторов и читателей журнала с юбилеем!

.....

ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО,
губернатор Белгородской области

БЕСЦЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВА

Сердечно рад от имени полуторамиллионной Белгородчины поздравить редакционный коллектив, читателей журнала “Наш современник”, писательское содружество России и ближнего зарубежья с замечательной юбилейной датой – 60-летием этого авторитетного литературного издания!

Без преувеличения, “Наш современник” – это бесценное культурно-нравственное достояние Отечества, его уникальная общественно-литературная сокровищница. За минувшие шесть десятилетий, продолжая славные пушкинские традиции, журнал явил стране и миру целую плеяду выдающихся рос-

сийских писателей, пополнил золотой фонд русской литературы величайшими шедеврами, воспитал миллионы читателей и ценителей художественного слова. И сегодня “Наш современник” открывает путь к известности многим талантливым авторам, возрождает думающую и читающую Россию.

Неизменно и с честью журнал несет свою патриотическую и нравственную миссию. Солидарным творческим трудом редакции и авторов он утверждает в российском общественном сознании идеи государственности и служения Отечеству, сберегает в умах и сердцах россиян многовековой непобедимый духовно-нравственный код народа, способствует сохранению России как великой и независимой страны-цивилизации.

С благодарностью отмечаю плодотворное сотрудничество журнала с Белгородской писательской организацией, многолетнюю крепкую дружбу издания с Белгородской землёй.

От души желаю журналу “Наш современник” долголетия, процветания, новых блестящих открытий, расширения и умножения читательской аудитории. Коллективу редакции, авторам и друзьям издания – крепкого здоровья, вдохновения, неизменных успехов на литературной ниве на благо и во славу России!

.....

АМАН ТУЛЕЕВ,
губернатор Кемеровской области

РАЗВИВАЯ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Поздравляю Вас, Ваш коллектив с 60-летием со дня основания журнала “Наш современник”!

Журнал по праву принадлежит к числу самых известных, популярных отечественных периодических изданий. “Наш современник” всегда был открыт для молодых авторов, поэтому не случайно на его страницах начинали свой творческий путь талантливые поэты, писатели и публицисты. Отрадно, что и сегодня одно из старейших отечественных литературных изданий продолжает знакомить своих многочисленных читателей с лучшими произведениями писателей со всей страны, публиковать мнения общественных, политических деятелей современности, развивать замечательные традиции российской словесности. Желаю Вам здоровья, новых творческих успехов, вдохновения, реализации намеченных планов и всего самого доброго!

.....

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ,
член Совета Федерации

АКТИВНАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Дорогие Станислав Юрьевич и Александр Иванович!

Примите искренние поздравления с 60-летним юбилеем творческой деятельности исторически значимого и горячо любимого читателями журнала “Наш современник”.

Моя дружба с журналом продолжается вот уже более 20 лет. На его страницах печатались главы моих книг. Что меня привлекает в этом журнале – это его активная патриотическая позиция, преемственность национальным традициям, приверженность идеям русского возрождения.

Журнал публикует сегодня материалы по вопросам политики, экономики, социологии, которые являются для нас тем нравственным мериллом, которое помогает определить своё отношение к действиям руководства страны, правительства, парламента, всей нынешней государственной власти.

Большой разговор состоялся на журнальных страницах и о национальной идее. Без возрождения национальной идеи нам не видеть своего будущего.

Вызывает огромное уважение небольшой по численности, но по-настоящему творческий и сплочённый коллектив единомышленников, под руковод-

ством главного редактора С. Ю. Куняева. На посту главного редактора с 1989 года и по сей день Станислав Юрьевич в полной мере проявил себя как продолжатель лучших национальных государственно-патриотических традиций. Журнал за эти годы становится поистине духовным центром, объединившим лучшие, самые талантливые и национально мыслящие литературные силы России.

Существует такая мудрость: “Самые главные в мире вещи – не вещи”. И это не только любовь, семья и дружба, а еще и творческое, интеллектуальное и духовное развитие. В журнале “Наш современник” мы находим и эту пищу для души. Для многих читателей он стал хлебом духовным.

Со страниц Вашего журнала хочу сказать огромное спасибо заместителю главного редактора журнала А. И. Казинцеву. Александр Иванович – один из самых эрудированных людей нашего времени. Какой глубиной, публицистическим мастерством слова он обладает, как точно характеризует события! Огромный вклад его в увековечении героического подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны, в том числе на Белгородчине. Александр Иванович вот уже многие годы является членом Попечительского совета “Прохоровское поле”. На месте, где состоялось одно из самых грандиозных танковых сражений, создан величественный мемориальный комплекс “Прохоровское поле”, в который входят Музей боевой славы, величественный храм Петра и Павла, на стенах которого высечены имена 10 тысяч погибших в этом сражении, Памятник Победы – “Звонница” на Прохоровском поле – Третьем ратном поле России, скульптурные композиции “Танковое сражение под Прохоровкой. Таран”, “Танковый десант” и многое другое. Ежегодно проходит чествование участников тех боёв. Попечительский совет мемориального комплекса в своей работе всегда чувствует поддержку Александра Ивановича.

Мы и сегодня продолжаем развивать наш мемориал. Комплекс пользуется огромным авторитетом. В прошлом году его посетило 250 тысяч человек. Два года назад там побывал Владимир Владимирович Путин, и к нему обратились ветераны с просьбой построить музей бронетанковой техники. В ноябре-декабре месяце сего года мы его откроем. Все эти усилия направлены на героико-патриотическое воспитание молодежи, чтобы она знала и уважала свою Историю.

Сердечно, от всей души желаю любимому журналу дальнейшего процветания, успехов в творческом труде на благо нашего Отечества, авторам и сотрудникам оставаться путеводителями в жизни для своих читателей сегодняшних и будущих поколений русского народа.

СОКРОВЕННАЯ РОССИЯ

Дорогой Станислав Юрьевич, писатели Кузбасса поздравляют Вас и в Вашем лице всю редакцию выдающегося русского журнала “Наш современник” с шестидесятилетним юбилеем!

Со времени начала капиталистической перестройки в России выросло целое поколение русских людей, и уцелело оно, не сбилось с основного русла нашей истории во многом, а порой и всецело благодаря журналу, возглавляемому Вами.

В оккупированной чужеземными мыслями, музыкой, песнями, книгами, учебниками, ценностями, историками стране мы, провинциальные писатели, всегда знали, что у нас есть журнал “Наш современник”, как “Русский огонек” Николая Рубцова, как музыка Георгия Свиридова и песни Татьяны Петровой, как “Привычное дело” Василия Белова, как “Уроки французского” Валентина Распутина, как “Святой праведный Фёдор Ушаков” Валерия Ганичева.

За то, что всё это и многое другое в нашей жизни есть, как сокровенная и современная Россия, спасибо нашему журналу “Наш современник”!

С 60-летием, побратимы!

**СЕРГЕЙ ДОНБАЙ, БОРИС БУРМИСТРОВ,
ДМИТРИЙ МУРЗИН, АЛЕКСАНДР ИБРАГИМОВ**
Кемерово

ТАК ДЕРЗАТЬ!

Дорогой Станислав Юрьевич!

Разрешите и мне горячо и сердечно поздравить Вас, Ваших боевых редакционных соратников, а заодно и всех читателей и почитателей, авторов, друзей и единомышленников богохранимого “Нашего современника”, воистину лучшего литературного журнала нынешней России, с его юбилеем. Со славным юбилеем, ибо 60-летие воспринимается как пора зрелости и мудрости, осознания богатого опыта и ещё нерастроченных сил.

В эти юбилейные дни также исподволь приходит мысль, что, быть может, соседство месяцев рождения журнала и его нынешнего главного редактора не случайно. В этом видится нечто символическое. Не в обиду уважаемому предшественнику на капитанском мостике Сергею Викулову, изрядно послужившему возвышению журнала, собиранию авторских сил, прямо скажем, что на Вашу долю, Станислав Юрьевич, выпали тяжелейшие испытания. Кажется промыслительным, что именно Вам, большому русскому поэту, отважному публицисту, приверженцу “добра с кулаками”, довелось принять журнал в лихие годы новой смуты, всеобщего падения и одичания как в области экономической, социально-бытовой, так и в сфере культурной и духовно-нравственной. Печальники России встретили Ваше назначение с надеждами. И Вы их вполне оправдали. Вместе с дружиной в составе таких “штыков”, как Александр Казинцев, Юрий Кузнецов, Александр Сегень, Андрей Воронцов, Сергей Куняев, Евгений Шишкин и другие, Вам удалось не просто сохранить издание на завещанном идейно-художественном уровне, но превратить его в опору, в трибуну и средоточие народно-патриотических сил страны. Вы устояли в отеческой вере, устояли в борьбе за торжество правды, справедливости, чести, достоинства и помогли устоять нам, вашим единоверцам во всех уголках пока ещё великой Державы. И помогаете ныне.

Низкий всем вам поклон за это, искренние, душевные поздравления с общим праздником Русского Слова на нашей улице и добрые пожелания – “так держать!” и “так дерзать!”.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

усердный читатель журнала почти со дня его основания,
полувековой подписчик и уже “почтенный” автор,
если считать с первой (“самотёчной!”) публикации в 1982 году.

Красноярск

СЛУЖИТЬ СТРАНЕ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

От всей души поздравляем Вас лично – главного редактора ведущего литературного журнала России – и коллектив редакции с юбилеем “Нашего современника”.

60 лет Ваш журнал несет свой благотворный свет своим читателям, оставаясь правдивым и искренним собеседником для многих душ, жаждущих добра, совести и чести. Страницы Вашего славного издания наполнены великой страстью самозабвенно служить своей стране, родной российской литературе, продолжая её славные традиции.

Низкий поклон и огромное спасибо Вам и нашему славному юбиляру за бескорыстный подвижнический труд, за верность принципам и идеалам российской словесности.

ТАМАРА ЗАХАРОВНА КУПРИНА
и коллектив Елатомской библиотеки.
Рязанская область

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ

ОСЕННИЕ ПЕСНИ

В деревушке, в родимом краю
Я осенние песни пою,
Я с веками веду разговор.
Сладок мой добровольный затвор.

Свет лампадки пред Ликом Христа.
Сердце — настезь, и совесть чиста.
Как отрадно, как радостно мне
Помолиться в ночной тишине.

За любимую матушку Русь
Перво-наперво я помолюсь,
А потом — за народ, за семью
Я продолжу молитву свою.

И за мир помолюсь, и за лад,
Чтоб на брата не щерился брат.
А потом — за себя, молодца:
“Дай мне, Боже, любви до конца!..”

ПОШЕХОНОВ Александр Алексеевич — член Союза писателей России. Автор более двадцати книг стихов и афористической прозы. Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в номинации “За верность поэтическому образу России”.

* * *

Мы живём в неестественном мире,
Где и запаха нет естества,
Где мечтает толпа о кумире,
Возлюбив вместо Слова слова́.

Сколько слов...
К ним бы толику смысла,
Чтоб прочистить слепые мозги.
Но слова превращаются в числа,
И за числами теми — ни зги.

А ведь вот она, рядом — Россия,
За тяжёлым гардинным окном!
Там и небо наполнено синью,
Там и песни поют об ином.

Там и люди светлы, простоваты,
В мониторы не смотрят с утра,
От зарплаты живут до зарплаты
И не ищут добра от добра.

Не привьются никак к ним пороки,
Златом-серебром с толку не сбить.
Упауют на Божии сроки,
Завещают беречь и любить.

Потому-то и я с каждым годом
Всё сильнее вырастаю в платы
Милой родины с добрым народом,
Отвергающим мир пустоты.

Потому-то и я на дорогу
С потаённой надеждой гляжу
И молюсь, и шепчу: “Слава Богу,
Не поддалась душа грабежу!..”

* * *

Много ль надо старику:
Тёплый дом, подружка-печка...
Повалявшись на боку,
Выйду утром на крылечко.

Покормлю пичуг-синиц,
Дам поесть бездомной кошке.
И от шелеста страниц
Отстранюсь блаженно трошки.

Деревенский грустный рай,
Невесёлая картина.
Помирай не помирай,
А для рая — всё едино...

Рановато помирать,
Рвать судьбы тугую леску.
Буду мысли собирать,
Как грибы, по перелескам.

На дворе октябрь давно,
И грибов не видно боле.
Только мысли всё равно
Лезут в голову на воле.

О стране да о родне,
О деревне, о народе
Часто думается мне,
Чаще, чем хотел бы, вроде.

Рядом с мыслями и страх,
Рядом с мыслями и слёзы...
Отпылали на ветрах
И осины, и берёзы.

Отпылали, что с того,
Это — жизнь, а не досада.
Не изменишь ничего.
Ничего менять не надо!

* * *

Не успеет рассвет насладиться своим появлением,
А уж серые тени крадутся и входят в дома.
Не хранит ни загадки, ни тайны такое явление
По банальной причине, названье которой — зима!

В увядающем мире оснеженность — как аксиома,
В растревоженном небе осадкам не видно конца.
Как отратно скучать в тишине деревенского дома,
Уповая всецело на тайную волю Творца.

Как отратно глядеть в побелённое снегом оконце
На пугливых синиц, на пустынные наши леса.
Промелькнёт в вышине и за тучами спрячется солнце —
Вот, пожалуй, и все на сегодняшний день чудеса!..

* * *

Если пройдены пути
И развенчаны кумиры,
Надо вовремя уйти
От бессовестного мира.

Вспомнить родины привет,
Домик выстругать желанный,
Да и жить на склоне лет,
Как в стране обетованной.

Без греха, без суеты,
Без нужды спешить куда-то,
Стариковские мечты
Не скрывая виновато.

Утром встанешь — тишина,
Только лай собаки дальний.
И хмелит сильнее вина
Перелесков вид печальный.

Улыбнёшься снегирю,
Как обыденному чуду,
Поприветствуешь зарю,
Твёрдо зная — Бог повсюду.

Твёрдо зная: твой причал —
Не острог с глухим секретом,
А начало всех начал
Для тебя на свете этом!..

* * *

Для нас такая новость не нова:
Воскрес Иван, не помнящий родства.
Глядит на Русь, как истовый жираф:
Везде он выше всех, во всём он прав.

Пролез в газеты, на телеэкран:
Страна — агрессор, президент — тиран!
Да здравствует свобода “меньшинства”!..
Такие вот “высокие” слова.
Нет для него роднее этих тем...

А мы живём и тянем воз проблем.
А мы живём наветам вопреки,
Содружеством да верою крепки,
Сплочённостью души и естества,
Не слушая не помнящих родства.

И будем жить, и будем воз тянуть,
Чтоб под чужие песни не заснуть
Обманчивым, коварным “вечным сном”,
Беспамятной ордой в краю родном.

* * *

Ближе к вечеру снегом укроет равнину,
И как будто воздушнее станут дома.
Под дровами в печи с треском вспыхнет лучина
И огнём возвестит: “Наступила зима!..”

Наступила зима. Словно строчка на белом,
Мой единственный след — от колодца к жилью.
Мой единственный след... И душа оробело
Поглядит на него и на долю мою.

Неужели один я во всём околотке —
Постаревший рыбак на пустом берегу?..
Спят под снегом мои огородные сотки,
Только я почему-то уснуть не могу.

И опять, и опять вездесущие думы
Разъедают тоскливо меня изнутри,
И опять в потолочную балку угрюмо
Упирать безнадёжно глаза до зари.

Неужели один я в глубинке-отчизне,
И никто не услышит глухое “ау”,

И никто не поддержит на краешке жизни,
И никто не подаст мне руки наяву?

Жизнь... О, как ненадёжна её позолота,
Как потёрт от нужды оловянный бочок.
А начнёшь вспоминать — всё дела да заботы,
Да с мечтою-наживкой знакомый крючок.

Как тот старый карась из озёрной рутины,
Я когда-нибудь всё же его заглочу
И очнусь, и опомнюсь, и в донную тину
Эту странную жизнь на себе прокачу!..

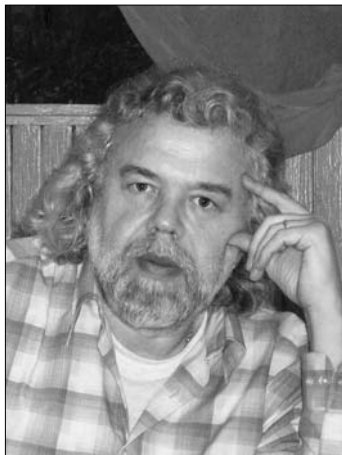
2016 год — юбилейный для Александра Пошехонова.

Поэт отметил 60-летие.

Поздравляем нашего давнего друга и автора!

Редакция

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

МИР ВСЕЛЕНСКОЙ КРАСОТЫ

МАМА

Выносит из прошлого Кама
Флотилии и имена...
Я вижу, стоит моя мама,
Красивая мама моя.

Стоит на носу парохода
И смотрит на наши края.
Я спрятал в стихи твоё фото,
Красивая мама моя.

Жизнь пахнет сырыми груздями,
Ржаною горбушкой — поля.
Моргает большими глазами
Красивая мама моя.

Моргает? А может быть, плачет?
Былую печаль не тая...
Плывёт мимо старенькой дачи
Красивая мама моя.

Мне вплавь до неё не добраться,
Руками излуку края.
Не сможем с тобой повидаться,
Красивая мама моя.

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 году в посёлке Ново-Ильинский Пермской области. В 1991 году с отличием закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг. Член Союза писателей России. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми.

Мы в разных мирах и столетях...
Из чаши февральского дня
Живого меня не заметишь,
Красивая мама моя.

НИКОЛАЮ КЛЮЕВУ

Сын великих озёр и лесов,
Града Китежа огненный ус,
Задыхаясь от варварских слов,
Окликал уходящую Русь.

Да не слушали люди тебя,
Непомерный тянули свой воз,
И стонала родная земля,
Как на дыбе, от скрипов колёс.

И пошёл ты к ним ради Христа
С перемётною нищей сумой,
И оставил родные места,
Путь закончил Нарымом-тюрьмой.

Пролетарские дети скорбят,
Прозевавши апостольский стих.
Но и нынче с креста ты не снят,
Неизвестен, непонят и тих.

Знай, что Русь не умолкла навек,
Видишь, дым с олонецких полей...
Просыпается человек —
Утро вечера мудреней!

Я В ЭТОТ ДЕНЬ

Холодно в поле, пустынно в душе.
Окна в домах заколочены.
Словно на фронт все сбежали уже —
Столько следов вдоль обочины!

Мне овощей уже не накопать...
Да потому, что не вырастил!
Любит осеннее сердце взмывать —
Я лишь на миг его выпустил.

Сразу умчалось в небесную гать —
Звёздами Бог её выложил.
Любит поэтово сердце страдать,
Любит, а значит, всё выдюжит.

АВГУСТ

Весна прошла. Минуло лето?
Нет, ещё август на дворе.
И изумрудная планета
Шумит, как брага в бунтаре.

Нам горевать с тобою рано.
Ещё не вырублен наш сад.

Пегас мой не порвал аркана
И служит мне, как Росинант.

Как при царе, мы безземельны,
Хоть нет тех мельниц ветряных...
Живём буржуям параллельно,
Как люди русские в пивных.

Как принято — живём, не тужим
Полвека на Святой Руси.
Садясь с молитвою за ужин.
Скворчат в сметане караси.

В буфете есть коньяк и водка.
Для женщин — лёгкое вино.
Есть в сундуке косоворотка —
Не надевал её давно...

Как на полотнах Васнецова,
В окне — родимая земля.
А за дверьми — шинель отцова,
Словно кольчуга, тяжела.

* * *

Не пропал покуда голос,
На душе не сиротливо.
И серебряный мой волос
Плещет золотом отлива.

Возраст осени от лета
Отличается листвою.
Жизнь моя — судьба поэта,
Я люблю её такую.

Небо — словно лист калёный
Побежалости высокой.
Отлепился лист кленовый,
От светила желтобокий.

Перевит снопами света
Мир вселенской красоты!
Это родина поэта —
Знаю я и знаешь ты.

Будь он умный или дурень,
Кем его назначил Бог,
Как Есенин или Бунин,
Защитит он русский слог!

* * *

Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой — классиков тома...

Ты гений? — Нет! Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен.
Скатилась родина с холма.

Хохочет, как хохочут дети,
Когда пускают вверх ракеты,
Не зная, что за солнцем — тьма...

Империи сейчас не сладко —
Ты это запиши в тетрадку,
Что демократия — чума!

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Церковь на боку лежит,
В ней отцы молились...
Не блудил здесь Вечный Жид,
Роты не рубились.

Русь уходит, говорят,
Да уйти не может.
Маковки в траве горят —
Подойди, прохожий,

Мимоходом наклонись,
Как за земляникой.
Русским в пояс поклонись.
Можешь четвертинкой

Помянуть былой народ...
Или рановато?
Посмотри, сюда идёт
В ватниках бригада.

Топоры да пилы есть —
Мужики найдутся.
Хватит по углам хмелеть!
(Бесы усмехнутся...)

Что ж нам, русским, горевать,
Воспевая дали?
На родной земле стоять!
Разных повидали.

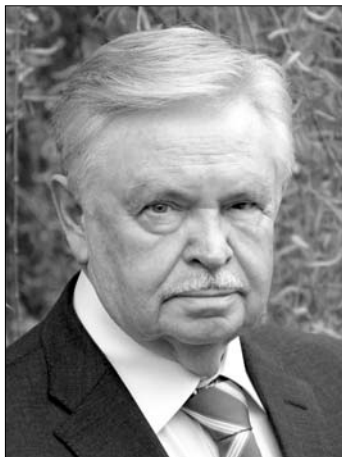
Либералов, немчуру.
Подленьких французов.
Ляха, шведа, чтоб ему
Было голопузо!

Снова нагло лезет мразь,
Мрази всё неймётся.
Рвётся с Родиною связь,
Да не надорвётся!

Мы прощаться погодим.
Потрясём банкиров.
Ложь в металлолом сдадим.
Выйдем из трактиров.

Скажем:
— Здравствуй, Белый Свет!
Здравствуй, Русь-сторонка!
Бесподобен твой портрет,
Как лицо ребёнка.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ,
ИЛИ
ХРОНИКА ЗАБЫТОГО ВРЕМЕНИ

РОМАН В ПОВЕСТЯХ

Повесть четвёртая

САРА ХРИСТОФОРОВНА И ДРУГИЕ

1

В конце первого курса, где-нибудь в середине мая, наверное, ещё до сессии мы с Джуркой и Минибаем оказались возле Дома печати. Шли куда-то не очень спешно, но и не слишком медленно. И тут из подъезда, смеясь и что-то договаривая, но в приподнятом настроении, выходят Толя Пудоль, наш патрон, вместе с главным что ни на есть редактором “Засменки”. С этой живой легендой, с поэтом, на слова которого про рябинушку пела песни не только столица Урала, мы были совершенно не знакомы. Но виноваты, что поделаешь! Память о славе и бесславии Джуркиного сочинительства витала и над этой легендой — ведь он получил за него какой-то и где-то выговор.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

Несколько метров, которые нас отделяли друг от друга, стали для всех нас, а особенно для Джурки, не коротким, а длиннющим, хоть и молчаливым замыканием.

Наконец, Михмих — сокращенно от Михаил Михайлович, и так его звал весь город, причастный к печатному слову, — широко улыбнулся и воскликнул, протягивая руку Джурке:

— А вот и злодей!

И сам же расхохотался. Скок силится что-то сказать в оправдание, но Михмих не позволил.

— Всё, всё, — сказал он, — что прошло, то проехало! Ну, и чего же больше не заходите?

Теперь он вопросительно глядел и на нас с Минибаем, будто мы какие-нибудь вместе с Джуркой Кукрыниксы, например, и друг от друга неотделимы. Пудоль вышел из-за спины шефа и, торжественно указывая на меня, объявил, что я систематически освещаю фотографическое творчество на страницах столичного журнала, а Минибай силён в экономических темах, на что Михмих восклицал:

— О! О!

Потом он весело заговорил как бы ни о чём, вот какое дарование у человека! Какая, мол, погода, оглянитесь, какое небо! Как оживают улицы весной!

— Поглядите, мальчишки, на девочек. Они же на глазах становятся наряднее! Зимой кутаются в платки, а сейчас и шеи, и плечи свободны, природа побеждает и жизнь хорошеет!

Вздыхнул как-то обречённо и устало проговорил:

— Уж вы-то, надеюсь, живёте полной жизнью!

Вот так или почти так он выразил своё настроение и заторопился:

— Приходите, приходите! Учитесь! Вы нам нужны!

Вот эта последняя фраза легендарного редактора нас крепко приглубила! Мы? Кто мы? Неужели именно мы — Джурка, Минибай и я — им — кому им? всей редакции, что ли? — нужны! Такого ещё никто нам не отвечивал. Будто мы журналисты с именами! Будто мы и в самом деле кто-то такие, а не сопливые первокурсники!

Мы уже не шли, а летели, едва касаясь ногами асфальта, вперёд, в затяжную горку, к скверу, где высился каменный председатель ВЦИК, а напротив зеленело здание чудесного театра оперы и балета! Бова зазывал нас поучаствовать там в мимансе! Нас! Людей, которых сам Михмих только что объявил нужными “Засменке”!

На скамейках в скверике у театра мы ещё долго охорашивались, как потрепанные воробы. Приводили в порядок свои растопыренные пёрышки, укладывали их в порядок.

— Выходит, — проговорил, улыбаясь, Джурка, — я реабилитирован!

— Бери тон пониже! — усмехнулся Минибай. — Прощён.

— А может, — предположил я, — тогда и ничего особенного-то не было? Ну, какая-нибудь неточность! Но за что же в морду-то!

2

Несмотря на нашу, а выходит, и мою нужность газете, я никак не мог туда явиться. Мои школьные слабости совершенно не желали отцепиться от меня, будто репейник. Речь идёт о французском, моей ахиллесовой пяте.

Ахиллесова пята, кто не знает, это такое слабое место у даже сильного человека. А у нашего брата, студента тех пор, этих ахиллесовых пяток наблюдалось великое множество. Лично у меня, к примеру, и старославянский язык, как помните, и вот этот французский, а потом неожиданно явится политэкономия социализма. Так что почти всякий из нас, кроме, разумеется, зубрил-отличников, походил на этакую сороконожку, хромящую на половину своих лапок, где на каждой своя ахиллесова пята.

И здесь я поведу речь о скрытом противоречии своей тогдашней судьбы.

Историко-филологическая принадлежность отделения журналистики на Урале не только угнетала. Но и возвышала! Кроме языков, нам читали историю! Курсы литературы, да какой! Античной! Русской классической! Советской многонациональной! И зарубежной! И в этой зарубежной меня лично заклинило на французской. Ромен Роллан, Стендаль, Бальзак! Мы глотали их романищи и не могли насытиться плодами трудов этих богов! А если уж наша щенячья стайка физически топталась на одних половицах, то и классику мы читали или одновременно, если в читалке было несколько экземпляров нужной романищи, или передавая книгу из рук в руки и впадая в восторг, если не одновременно, то с небольшим разрывом.

Мы и имена друг другу из классики присваивали. Сами себе. Или нарекали сомневающих. Я, например, был Люсьен Шардон де Рюампре, что, конечно, ничего не сообщит не читавшим Оноре де, так что вкратце замечу, что это был персонаж по-французски вспылчивый, конечно же, добродетельный, не лишенный риска, но в то же время и оглячивый, таким образом, разумный.

В те времена знаки гороскопа не пользовались никакой популярностью, более того, может, даже были запрещены как мистика и суеверие, совершенно не нужные строителям грядущего общества. Но когда времена сменились, и я прочитал, какими чертами обладает “дева”, то есть я сам, мне просто жарко стало. Да это же вылитый Люсьен де Рюампре!

Минибая почему-то назначили Жюльеном Сорелем из Стендаля, Джурку — Жаком из Романа Роллана, наверное, потому что он на аккордеоне играл. Ну, хотя бы! За отсутствием рояля!

Мы балдели от этой зарубежки! Учились изъясняться романическим стилем, строить фразы по обычаям этих чудесных героев, соединяя это, конечно, с окружающим миром.

— Месье Жюльен, — обращался я к Минibaю, например, возле тёти Дусиной кассы, — не желаете ли вы откусать жульен из дичи под названием холодец с хреном!

Не ахти какой юморок, но он проходил запросто, вызывая наш узкодружеский хохот. Не изучавшие зарубежную литературу, например, психологи, не ценили нашего немотивированного ржания и не знали, к какой области психологии отнести эти дурацкие выкрутасы. А оттого слегка завидовали и злились.

Но! Обожая Бальзака, Стендаля, Роллана и сотни иных бессмертных французской литературы, я совершенно не ладил с французским языком. И некому меня было надоумить, вот что! Нашёлся бы ещё один мудрый Зиновий Абрамович или тот же искусствовзнатец наш Бова, сказал бы, мол, парень, нравится тебе Бальзак, так прибавь к нему ещё знание языка, на котором он писал! Это тебе может пригодиться! А вдруг поедешь собкором “Правды” в Париж, будешь там шеголять по Елисейским полям и клеймить современную французскую буржуазию!

Однако напомним иным и сам попробую понять то наше время.

Одна тысяча девятьсот пятьдесят третий, потом четвёртый, затем пятый... Посоветовать студенту поскорей учить иностранный язык было не таким-то безгрешным делом. Могли не понять. Могли сказать, для этого есть институт иностранных языков, а не отделение журналистики, где вообще-то надо уделять повышенное внимание другим, вполне политическим дисциплинам. Мне самому не довелось испытать на себе, что такое оглядка, опаска, подозрительность, но в ком-то и, пожалуй, в наших преподавателях особенно она была зарыта. И не так уж глубоко.

Конечно, просто сказать, слегка подтолкнуть — этого маловато. Требовались и другие доверенные взрослые, чтобы, коли надобно, могли и внушить: учи язык! Но их не было! А собственная память совсем недавнего детства, совпавшего с войной, велела другое: да пошли к чёрту все эти немцы с их немецким языком. Да и французы. Англичанцы и прочие шведы! Мы сами — русские! Увы, не был модным в ту пору иностранный язык любого народа. В юридический так вообще принимали без экзаменов по языку.

Что-то и ещё останавливало нас. Но обожать Бальзака не мешало ничто.

А Сара Христофоровна меня просто-таки страшила. И вовсе не личностью своей. А если можно так выразиться, предметом, который преподавала и за незнание которого спрашивала.

Французский язык учило на всём-то курсе человек семь или восемь, причём с нашего отделения только двое: я да ещё Тамарка Горохова. Маленькая и рыжеватая, с носиком-кнопкой, она походила на пупсика, да ещё из местных. Местными мы называли тех, кто жил в городе капитально, с родителями и появлялся только на лекции, тотчас растворяясь потом в городских квартирах. Лезли в трамваи, в троллейбусы и исчезали, а наша-то, настоящая студенческая действительность только просыпалась.

Если же вернуться к французскому, остальные в нашей группе вообще все были девчонками: в деканате так сводили расписания, что на малопосещаемые предметы сходились студенты одного курса, но разных специальностей. И психологи тоже сидели на французском, и даже пара историков. Но все — девицы.

То ли этому полу проще даются языки, то ли я совсем уж отстал в сём изысканном предмете ещё со школы, но чувствовал я себя у Сары Христофоровны полным изгоем. Девицы свободно осваивали склонения и спряжения, я глупо мусолил словарь — тогда ещё не было коротких и ярких разговорников, которые бы хоть как-нибудь реабилитировали меня.

Сара Христофоровна, конечно, помнила меня по вступительным. И всю аргументацию в моё оправдание знала. Больше того, ведь я её должен был почитать как свою благодетельницу. Не поставь она мне хотя бы ту несчастную тройку, где бы я обрелся?

И ещё Сара Христофоровна как-то по-особенному смотрела на меня. Сначала я думал, что она присматривается ко мне, потому что я самый непросвещённый. Потом — потому, что я единственный парень, и во всём, что не касалось французского, человек как человек: довольно весёлый и вполне настырный. Пару раз я попробовал завести на её занятиях разговор о французской литературе, но пороха не хватило по двум причинам — большинство девчонок были чистые филологини, у них зарубежную литературу осваивали уж никак не слабей нас, и если бы я ещё повёл свою речь по-французски, а так...

И всё же Сара Христофоровна имела обо мне какое-то особенное мнение. Почти сразу после поступления настала пора сдавать так называемые “знаки”, внеаудиторное чтение. Приходить с книгой на французском языке, сначала вслух читать несколько страниц, а потом тут же и переводить. Обычно принимала нас лаборант иноязычной кафедры Лидия Петровна, но время от времени и сама Сара Христофоровна. Удивительное дело, она никогда не говорила со мной ни о чём, кроме французского. Я снова пожаловался ей, что в нашей школе, не самой дурной в городе, почему-то менялось за год по пять, самое малое, французов и француженок, хотя с немками и англичанками существовал полный порядок. И вот мне, выбравшему язык Бальзака и Стендаля, теперь приходится платить за свою любовь, ёлки-палки. Она никак не реагировала. Не кивала и не сочувствовала. Просто смотрела на меня.

Я даже не смогу объяснить, сколько ей лет тогда было? Слегка за сорок? Под пятьдесят? А может, гораздо больше? Её тяжелила полнота, и круглое лицо вполне могло бы выражать полное благодушие, если бы не какая-то незримая заслонка. Что-то не позволяло ей проявить ко мне интерес, выходящий за пределы обучения французскому. Как оказалось, бессмысленное.

Однажды, ещё на первом курсе, она назвала мне книгу “Мари Роз” — о французском сопротивлении. И подсказала, что по этой книге, напечатанной на родном наречии, можно, оказывается, сдавать внеаудиторку, а может та же книга, переведённая на русский и тоже присутствующая в нашей библиотеке. О Боже! Да это оказалось спасением. Я заглядывал после лекций к Лидии Петровне — лаборанту по французскому — или подходил

к Саре Христоворвне и вежливо спрашивал, могу ли, скажем, через тридцать минут зайти для сдачи знаков. Чаще всего они соглашались, а я бежал в читалку, хватал “Мари Роз” по-русски и по-французски, и наггел, бывало, до того, что не глядя в иноязычный текст — или глядя на него вкривь и вкось — фотографически запоминал русский перевод. Сейчас бы ни за что такое не получилось. А тогда — как по маслу!

Потом я заходил к Саре или, лучше, Лидии, раскрывал во французской книге нужные страницы, кое-как прочитывал их вслух, абзац-другой, а потом начинал шпарить русский перевод.

Но и преподавательница моя круглолицая, и её ассистентка не зря сами же выдумали сей приём. Особенно Сара Христоворвна бывала прекрасна! Она о чём-то глубоко задумывалась, иногда поправляляла, ничем не выдавая своих чувств, спрашивала, сколько там я начитал и напереводил и, сдержанно вздохнув, оставляла свою подпись в специальной тетрадошке. И вот таким же образом, и тоже вздохнув, в конце всякого семестра она ставила мне четвёрки по французскому. Девчонки вокруг меня всегда и все получали пятёрки, а я — свои проходные баллы для стипешки и всегда мысленно благодарил Сару Христоворвну, пытааясь заглянуть в её коричневые, как спелые вишни, глаза.

Она уворачивалась, лишних слов мне не позволяла. А проговорилась только два раза. Первый раз — в конце второго курса. Вписывая в зачётку третью четвёрку, она сказала мне:

— Хорошо, что любите Бальзака!

Я кивнул, не придав этому значения. Второй раз, в таком же положении, на зимней сессии, она подбодрила меня:

— Вы хорошо прошли практику! Вас хвалят!

Но я и тут ничто ещё толком не сообразил! Только потом, когда курса после третьего закончились языки, я сообразил, что Сара Христоворвна просто давала мне жить. Всего-то навсего! Увидела, что французский, если мне приспичит, я наживу. А потому не надо мне мешать. Жизнь велика, и она добавит. Если надо. Ну, и если не надо — тоже.

Увы, милая Сара Христоворвна, французский я так и не нажил. Сожалею.

4

Второй курс мы приняли по-взрослому. Даже следующей, третий, не казался ступенькой высокой, а вот второй — казался.

Из новинок — со второго курса начиналась артиллерия. Тогда в институтах и университетах существовали кафедры военной подготовки. Да ещё какие! Нашу, например, возглавлял генерал и настоящий фронтовик! Ну, а готовили всех нас, мальчишек, в артиллерию. И вот тут уж нашей кафедре, а за ней — всей армии и всей, конечно, стране — было наплевать, какую мы себе присмотрели грядущую штатскую профессию — математиков, геологов, биологов или — славате-навоте! — журналистов.

Почему я так выразился? Да потому что все мы, поступившие на свою специальность, и отроду-то не были склонны к точным наукам. В алгебре, геометрии и тригонометрии, — а эти науки проходили во всякой средней школе, — мы были слабаки! Только вздохнули, что от них избавились! И вдруг!

Первые же занятия — таблицы, расчёты, баллистика, дальность! И приборы, которыми надо овладеть! Я совсем духом пал — как это всё можно понять и выучить? Да ещё и командир нашего потока, рыжий, весёлый, явный хохол майор Слинько после вводной горячей речи, где артиллерия называлась богом войны и даже цитировалась песня “Артиллеристы, Сталин дал приказ!”, на второй половине военной пары вывел нас из-за столов, построил во дворе и повёл к дощатому сараю, серому от долгих своих годин и внешних ненастий.

Мы стояли, не зная к чему эти торжества, а майор ковырялся в заржавленном замке. Потом командир наш велел желающим распахнуть двери, передовики, которые всегда находятся в таких положениях, исполнили своё

дело, и мы увидели в сарайной мгле огромного размера орудие, мрачно взирющее на нас. А было нас человек сорок, которых соскребли со всех факельщиков и представили этой осмысленной груде металла.

— Ну вот, — обратился к нам неунывающий майор. — Штатная команда двадцатидвухмиллиметровой гаубицы образца тысяча девятьсот тридцать восьмого года — семь человек.

По строю прокатился нервный шумок.

— Есть? — спросил Слинько. — Семь будущих отважных офицеров? — Он ехидно усмехнулся. — Которые не в будущем, а сейчас! Выкачают это орудие из хранилища!

— Есть! — раздались бодрые вскрики.

— Нет! — состязаясь с ними, провизжало большинство.

— И есть, и нет! — ухмыльнулся майор. — Ничего! Это всегда так!

И не унывая, стал расстёгивать офицерский ремень на гимнастёрке:

— Тогда давайте всей деревней!

Он и впредь будет понимать, этот чудесный майор Слинько, с кем имеет дело. Предположим, знал он и самое главное: никаких артиллеристов из нас не получится. Так и вышло! Но тогда мы бодро поскидывали пиджачки и куртки, и все вместе облепили гаубицу образца тридцать восьмого года. Почти все до единого мы были чуточку постарше этого образца, потому, наверное, полагали, что выкатить-то эту железяку сможем без всяких-яких.

Майор расцепил замок, указал, как надо поднять станины одним, в то время как иные сдвинут колёса, а третьи выкатят чудовище, упираясь в замок, щит и во всё, во что только можно упереться.

О, эта была чудесная сцена! Славный наш командир уперся в огромное колесо, велел приготовиться и на счёт “три!” всем вместе двинуть гаубицу вперёд. Однако на счёт “три” ничего не произошло.

Да нет, произошло! Кто-то громко, от всей души пукнул. Да так, будто это, по крайней мере, охотничье ружьё жажнуло. Муравьи, вцепившиеся в железо, повалились наземь и побежали в стороны! Хорошо хоть ни одной девчачьей души рядом не оказалось: артиллерия — дело мужское.

Под хохот и матерки мы гаубицу всё же выкатили. И хотя майор был строг и пару раз повышал голос, показывая, как поднимается и опускается ствол, движется по горизонтали, как открывается затвор, и прочие чудеса действующего воинского образца, до которого мы, интеллигенты, так и не дорастём, всем становилось очевидно, что свидание с воинским долгом пока что не удалось.

Но могла ли эта милая и вовсе не старая гаубица ответить нам тем же? Это ещё предстояло узнать.

5

В один банальный день, по обычаю отсидев лекции, мы с радостной душой и пустыми желудками привычно кинулись в столовку.

Ещё на подходе столкнулись с Яшкой-моряком и Игорьком Коробкиным — вид у обоих был более чем удручённый.

— Там сидит какая-то новая, — невнятно растолковывал Игорёк.

— Тётю Дусю уволили, — развёл руками Яков.

— Ка-ак уволили? — выдохнул я.

— А денег нет, — продолжал описывать своё положение бывалый Игорь. — И жрать нечего!

Мы кинулись в столовку, а там к кассе, и действительно — вокруг желанного гнезда тёти Дуси вилась густая очередь и чужая женщина неумело тыкала в кнопки кассового аппарата, неумело принимала деньги и ещё неумелее отдавала сдачу. Вывернув все карманы, мы кое-что схавали, не забыв наших ветеранов, и решительно отправились к столовским властям узнавать, что случилось.

Но двери были закрыты, буфет пуст, а поварахи смутно пояснили, что вроде у тёти Дуси недостача, где-то её допрашивают, что-то считают, а дирекция столовки находится там же, где и она, а вот где — неизвестно.

— Может, в милиции?

И Яков с Игорем, перебивая друг друга, предлагали идти вверх.

— Это куда? — спрашивал Джурка.

— В райком, — твёрдо рубил ладонью Яков.

— В горком! — не соглашался с ним Игорь.

В обеденный зал испуганно заглядывал народ, питавшийся у тётки Дуси в долг, кто-то что-то перекусывал, и постепенно возле нашего стола собрался кружок, обсуждающий, чего делать. Хочу жестоко заметить, что в осадок выпали сущие единицы — человек семь-восемь: наш пятерик, потом присел Вовка Потников, ещё двое, может быть, и всё. Хотя сочувствовали и даже присаживались многие-многие. Тут же, однако, у всех находились важные дела и заботы, которые невозможно отложить. Даже из-за кормилицы тётки Дуси. Сперва я взирал на эти отступления совершенно равнодушно, потом что-то заколыхалось внутри. Фраза сформулировалась невзначай:

— Выходит, мы от неё отступимся?

— Пошли на кафедру, — поднял нас Джурка. — Хотя бы расскажем! Там могут и не знать!

— Там могут и не знать ни про какую тётку Дусю! — хмуро заметил морской волк.

И он оказался почти прав. На кафедре было человека четыре из взрослых, включая добрую к нам Алевтину Сергеевну, кафедральную лаборантку, была такая должность, но как только мы изложили вопрос, пара преподавателей предпочли заторопиться из кабинета, а Алевтина пояснила, что ведь столовая эта не имеет к кафедре ровно никакого отношения. Надо идти к проректору по АХЧ, что означало административно-хозяйственную часть, а его поймать нелегко.

Двое-то наших учителей вышли, подалее, может быть, от практики партийно-советской печати — так называлась эта кафедра, — но в кабинет вошёл всегда строгий и всегда бодрый заведующий кафедрой, хотя даже и не кандидат наук, Борис Самуилович. Он ещё на первом курсе читал целый курс о журналистике военных лет, и его любимой темой был разговор об очерке Петра Лидова “Таня”, напечатанный в газете “Правда”. А это, кто не знает, первая статья у Зое Космодемьянской, девушке-партизанке, повешенной немцами под Москвой. Да и сам Борис Самуилович был фронтовиком — капитаном, артиллеристом, — носил наградную колодку на груди, и вообще, партийно-советская печать в практике своих дел должна была говорить правду, отличаясь от буржуазной, днём и ночью добиваться справедливости, и на этот счёт существовало в лекциях и семинарах, окружавших нас, множество примеров.

Был Борис Самуилович всегда опрятно одет, при галстукке и свежей рубашке, и круглое его лицо, всегда открыто обращённое к нашему брату-студенту, было доброжелательным и светлым. Ни от каких вопросов он не уклонялся, говорил дружески, терпеливо объясняя самые разные вещи, а как офицер-фронтовик в лекциях о военной журналистике являл собой абсолютного советского патриота.

Он вступил в кабинет, увидел нас, улыбнулся, попросил пересказать тётки Дусино исчезновение, понял суть беспокойства, посерьёзnel и решительно пошёл к телефону.

Дозвонился он тотчас, разговаривал приглушённым голосом, но отвечали ему, похоже, строго и даже убедительно, и междометия, произносимые Борисом Самуиловичем, стали наполняться сперва нетвёрдостью, потом неуверенностью, наконец, он воскликнул: “Студенты просят! Студенты заступаются!” — но на том конце провода это, вероятно, не принималось как серьёзный аргумент, и заведующий кафедрой, наш любимец, телефонную трубку как-то так очень аккуратно положил на место.

Может, так и кладут свои шпаги рыцари, проигравшие поединок?

— Да! — сказал он, поднимаясь и по-офицерски честно глядя нам в глаза. — Столовую эту обвиняют в обвесах и обмерах, а кассиршу — в пособничестве этому!

Ни фига себе! Такое слово — пособничество — встречалось в газете “Правда”, когда обвинялись в неверности соратники югославского руководителя Иосипа Броз Тито или когда судили врачей, кого-то и как-то отравивших. Но тётю Дусю! Нашу тётю Дусю!

Дверь, между тем, открылась, и на кафедру вошла Люсетта, та самая, с которой я когда-то ходил в санпропускник. Я не поминал её с тех пор, но на самом деле, как только видел её, всегда улыбался. И даже был готов расхохотаться снова, вспомнив, как я ввалился в бабью баню.

Она вошла, как светоносный ангел, и произнесла всего две, но восхитительные фразы.

— Народ внизу собирает деньги, чтобы заплатить долг тёти Дуси! И ещё! Она — участница войны, фронтовичка и награждена орденом Красной Звезды!

Мы разом повернулись к Борису Самуиловичу. Может быть, мы вернулись к его офицерскому прошлому, совсем ведь ещё недавнему! Он понял без лишних слов.

— Вперёд! — сказал он, даже почти приказал. — Такой человек не мог красть у бедных студентов.

— Богатых студентов не бывает! — пошутил Минибай.

— Да мы за неё на плаху пойдём! — высокопарно воскликнул Скок.

— На плаху, пожалуй, излишне! — Борис Самуилович был снова на своём иронично-интеллигентном коне. — Но вот написать письмо в райком комсомола да сходить на приём к первому секретарю я вам очень советую. Тем более, что там этим секретарём наш аспирант-историк, — да вы его, наверняка, и видели, — Серафим Юрьевич Маментьев!

Он по-дружески улыбнулся нам и спросил:

— Почему бы студентам не защитить женщину-фронтовика! Которая, к тому же, кормит бедных студентов! В долг! За собственные же деньги, наверняка. А за какие ещё-то?

В райком мы припёрлись под закат, с письмом в руках и с уверенностью, что никого не застанем.

Не правда ли, есть в этом какое-то таинство, неведомо откуда идущее? Ты на что-то надеешься и не можешь этого добиться, несмотря на всю подлинность твоих аргументов. И наоборот. Ты ни на что не надеешься, а всё совершается идеальным образом.

Райкомовское здание оказалось невысоким, двухэтажным, вход со двора, уже темно, но все окна сияют, будто в праздник. Секретарша только спросила, откуда мы, и повторила слова наши по внутренней связи. А дальше всё совершилось, как в волшебном сне. Дверь распахнулась, и я увидел в проёме действительно знакомое лицо — русые волосы, зачёсанные назад, интеллигентские очки без оправы и широкое, открытое лицо. У людей с такими лицами не бывает задних мыслей!

Мы вошли, сели за длинный стол и, протянув письмо, стали наперебой рассказывать первому секретарю, что думаем о тёте Дусе.

Серафим Юрьевич молчал, слушал, а когда мы сказали, что кассир тётя Дуся фронтовичка, да ещё Люсетта вытащила из кармана почтовый конверт, в котором лежал студенческий выкуп, включающий мелочь, которая тут же и покатила по столу, “звеня и подпрыгивая” (дееспричастный оборот!), вскочил, молча отмерил несколько шагов. И повторил слова Бориса Самуиловича:

— Такой человек не может красть у студентов!

— Да она нас спасает! — воскликнула Люсетта.

Оказалось, последний аргумент, произнесённый женским голосом, очень часто играет решающую роль.

— Погодите минуту! — сказал Серафим, взял телефонную трубку и сказал: — Фёдор Тимофеевич, вот у меня студенты из университета! Принесли письмо в защиту фронтовички! Вы не раз говорили, что хотите с нынешним молодяком потолковать! Ага! Жду!

И через две минуты к нам спустился седой, очень взрослый, но и удивительно весёлый человек с широкой колодкой наград на пиджаке. Мы уже догадались — секретарь райкома партии, ведь этот райком был выше комсомольского только на этаж.

Письмо про тётю Дусю он тут же прочитал, деньги отодвинул Люсетте, сказал, что мы молодцы, не поленились придти в свой райком, а дальше стал говорить о чём-то постороннем, как нам тогда показалось.

Спрашивал про то, например, где наши отцы? Кто погиб, где, на каких фронтах? Как чувствуют себя живые? Где и кем работают? Сколько, если мы знаем, зарабатывают? Про матерей расспросил, даже про дедушек и бабушек.

Все мы, сидевшие в том кабинете, были интеллигентами начинающими, как скажут потом учёные люди, в первом поколении, и многое нам казалось настоящим открытием. Вовка Потников рассказал про погибшего в блокаду отца, а потом неожиданно восхитился уральскими музеями. Скок, как мне показалось, не к месту помянул первое полное исполнение “Реквиема” Моцарта, но тут секретарь партийного райкома толкнул локтем секретаря комсомольского и, убавив голос, спросил:

— А ты про это слыхал?

Тот пожал плечами, шутнул:

— Пока ещё не до “Реквиема”!

— Как знать! — рассмеялся Фёдор Тимофеевич.

И вдруг неожиданно стал серьёзным и спросил:

— А что вы думаете о Сталине?

Напомню, шёл пятьдесят пятый год. И о Сталине мы думали так, как чувствовали тогда почти все. Я, улыбаясь, сказал, что написал вступительное сочинение в университет именно о Сталине и знаю на память много стихов про него.

— Вот как? — не очень-то и удивился этот человек с орденскими колодками шириной в ладонь. И тяжело вздохнул.

— Вы ведь воевали? — спросил я неожиданно для себя.

— Ещё как! — ответил он.

— И шли в бой за Родину, за Сталина? — спросил я.

— В том-то и дело, что шёл. И других посылал.

Дядька этот, Фёдор Тимофеевич, не просто надолго запомнился мне, а как-то даже засел в моём подсознании. Я видел его ещё только раз, издали, и не знаю, как сложилась судьба этого фронтовика с широкой орденской колодкой на груди. И детали всякие осypались в памяти, как осypается штукатурка со старой, да ещё отсыревшей стены. Но вот внимательный взгляд, искреннее желание понять другое племя, совсем ещё сопляков, пришедших за маленькой, но правдой, какое-то малообъяснимое воссоединение твёрдости, доброты и растерянности в его лице и словах не покидало меня, как достоинство, пока ещё не постигнутое мной.

По правде-то, этот благородный силуэт сохранился в моей памяти, пожалуй, из-за краткости общения с ним. Поговори я с ним подольше, а пуще того — поработай под его началом, и всё могло бы рассеяться, возможно, и даже перемениться на свою противоположность. Но тем и хороши краткие разговоры со старшими, что у молодых остаётся в сознании именно светлое, а примером-то служи́т оно, сохраняя и укрепляя веру в старшинство, его мудрость, силу, да и личную славу.

Мы пёрли из райкома пёхом, хотя рядом пронеслись троллейбусы, и, поражённые своей первой серьёзной удачей, неустанно говорили и про Серафима, и про Фёдора Тимофеевича. И вообще — про всё.

Нет, не зря целая орава восемнадцатилетних мальчишек и одна девица восхищались этим человеком. Нам очень требовался взрослый символ власти, конечно, мужчина, который бы слушал и слышал нас, был доступен и находился поблизости.

Да нам, обыкновенным птенцам, просто требовалась защита большой птицы, настоящего орла, хотя, ясное дело, орёл будет кормить чьим-то мясом только своих собственных орлят, а что с остальной, слабо летающей, стаей?

Зато утро! То утро!

Едва тётя Дуся вошла в университет и уселась в своей кассе, молва о её возвращении мигом облетела аудитории.

Шла лекция, запомнювал, какая, — да разве это имело значение! — как дверь распахнулась, и нарушая все культурные обычаи, в проёме нарисовалась скособоченная фигурка нашей вечной вахтёрши по кличке Старуха Изергиль — никак не меньше! — и старуха, бывшая партизанка, воскликнула:

— Дуся вернулась!

Лекция была повержена! Мы дружно зааплодировали, громче всех, конечно, наша произвольно сплочённая команда, и до перерыва лектору пришлось смириться с гомоном не утихавшей толпы. В перерыв мы покатались к столовке, первой шла Люсетта с почтовым конвертом, зажатым в кулаке.

Но тётя Дуся нас даже разочаровала. Нет, увидев нас, конечно, заулыбалась, однако от какого-то студента, пробывавшего чеки, не отвлеклась, просто помахала нам ладошкой, и уж после того повернулась к нам. Губки её были слегка подкрашены, как всегда, она улыбалась, кутаясь в кофточку, а я-то всё искал взглядом на кофточке орден Красной Звезды. Одеть его было самое время — ведь одержана такая победа!

Мы что-то квакали хором и врозь, Люсетта протягивала конверт, а тётя Дуся махала рукой и восклицала:

— Да вы что! Да ребята!

А потом тарахнула неожиданно:

— Я просто приболела на денёк, да и всё!

— И всё? — поразился Скок.

— Ну, если вы про ревизию, так я ведь каждый день всю выручку сдаю. Согласно кассе. И никаких недостатков у меня быть не может.

Мы стояли ошарашенные. А она вздохнула и добавила, чтобы до конца утешить.

— Ну да, я свои каждый раз добавляла. Ведь я одна, тратить не на кого. А вы потом возвращали!

И она засмеялась.

— Ни один из вас меня не подвёл! Ни один!

Труднее всего досталось Люсетте. Пришлось возвращать по принадлежности все эти рубли и трёшки, даже мелочь. Но собирая деньги для тёти Дуся, записей не вели, и эта раздача затянулась.

А в тот раз мы уселись за стол, меню всё то же: щи, котлета, чай, и минут пять, вопреки всем антирелигиозным учениям, повторяли наперебой с разным интонациями: “Слава Богу! Слава Богу!” Потом подумолкли. И тут Вовка Потников проговорил:

— Выходит, мы переусердствовали?

— Ты что-о-о! — округлила глаза Люсетта.

— Нет, нет, — опроверг сомнения Скок. — С какими людьми познакомились!

— Да ведь это ещё и партийно-советская печать в действии, — сострил Минибай.

— Печать-то тут при чём? — не согласился Потников.

— А может, просто, — подумал я вслух, — и надо было, чтобы всё это случилось! И травля, и несогласие, и шум, и разговоры все эти...

— Кому это надо? — удивилась Люсетта.

— А может, и нам самим? — задумался Вовка.

— Бросаться на помощь надо всегда, — сказал Минибай. — Вот нам придётся разбираться в разных склоках, а потом расписывать в газетах, а? Ну, и как это делать, если в жизни заступиться не умеешь!

— Будешь большим начальником! — хихикнул наша единственная дама. — Редактором, секретарём райкома, а то и обкома.

— С какого угару! — фыркнул Минибай. — Нам бы здесь-то разобраться!

Это был маленький такой трёп, наивная и юная болтовня после несложного испытания. И я всё думал о тётке Дусе. Кто же она на самом деле?

Ну, фронтовичка. Но почему всего-то-навсего кассирша в студенческой столовке? И почему кормит нас за свою ведь крохотную же зарплату? Что за службу она себе избрала?

Так и не нашёл я тогда на это ответа. И всё, что происходило в ту пору, находилось ещё очень далеко от благодных времён. Но совсем близко от времён испытаний — тяжёлой и горькой войны. От которой хотелось убежать как можно дальше. Да поскорей. Поскорей!

Но не всякие побеги совершаются скоро. Порой требуется время, да и немалое, чтобы понять, куда и зачем бежать, с какой целью, да если и бежать, то надо бы всем народом?

8

Рано ли, поздно ли, но я получил место в общаге на улице героя Октября Щорса. Это было двухэтажное сооружение, склёпанное, наверное, в 30-е годы неведомо под кого. Нам же достались сравнительно большие комнаты, вдоль стен которых стояли железные койки с ватными, образца тех же лет матрасами, а посередине — сравнительно длинный, простой стол, вокруг которого могли сесть сразу все жильцы, и кроватей было семь! Таких комнат, как помню, насчитывалось немало, да между ними ещё несколько — поменьше, а домов с холодными подъездами — штуки три. Топились общаги дровами, и печи имелись в каждой большой комнате, одним боком выходя в соседнее помещение — типовое решение обогрева старых лет. Полубарак, полухибара, вода — только холодная да скворечник во дворе. Девчонок сюда не селили.

Общага на Щорса считалось если не местом ссылки, то местом добровольного изгнания, Камчатка в большой стране, и ещё не каждый желал ехать на этот край города даже в целях, важнейших для студийцев, — экономии своих жалких средств, ведь филологи, как и всякие там историки и несчастные журналисты, все, кто назывался гуманитариями, получали стипендию самую малую даже в пределах одной альма-матер. Математикам, к примеру, рублей на тридцать давали больше — то ли за особые умственные возможности, на которые рассчитывало в последующем народное хозяйство, то ли понимая саму ценность их предстоящих познаний. Наши познания ценились дешевле.

И меня наша конура на Щорса угнетала, как только могла: то ли дело было в тепле у Анапы, где тесновато, но дружно и удобно, да и гораздо ближе. Но 200 рэ на жильё! Это было тяжело по сравнению с всего-то пятнадцатью рублями здесь.

Жизнь на университетской Камчатке была глухой, безрадостной, особенно холодной зимой и бесконечно грязной весной, да и летом, когда часть пути приходилось одолевать по жидкому месиву. Однако бытие требовало терпения, да и у экономии — свои законы: мама перестала посылать мне 200 рублей за койку у Анапы, но прибавила до 400 расходы на еду. Но ведь ещё и стипендия появилась. Всего 620! Однако и без стипендии я бы уже не пропал. Но моя французская контрреволюция продолжалась.

Однажды после звонка, когда группа французского языка неспешно собирала свои сумочки, а Сара Христофоровна отчего-то задержалась, я с тайным умыслом задал ей совершенно необязательный вопрос — как, мол, она относится к Жану Полю Сартру и его новомодному учению. Спросил очень мягко, голосом не всезнающего бойца, а вкрадливо, как мало чего понимающий и недообразованный интеллигент в первом поколении, разумеется, не владеющий французским языком, но желающий сам докопаться до истины.

Боже! Да Сара Христофоровна просто испугалась. Она сложила ярко накрашенные губки сердечком, широко распахнула вишнёвые глаза и слегка побледнела, впрочем, её лицо всегда было очень бледным, будто чрезмерно напудренным. Зато всегда добрым.

Настала неловкая пауза, и одна из историчек — то ли Марианна, то ли просто Марина, из местных, уходящих после занятий домой, большая, чер-

новолосая, с горбинкой на носу, — ловко оценив положение, спокойно и с достоинством разрядила его.

— Экзистенциализм, — заметила она, — одно из левых, во многом, буржуазных течений. Жан Поль Сартр по-разному оценивается нашим обществоведением.

Она произносила эти слова неторопливо и солидно, вовсе не как смущённая студентка, а хотя бы как младший ассистент исторической кафедры. И Сара Христоворвна ей согласно кивала.

Я же испытывал внятное ощущение, что меня хотят облапошить! И мне это нравилось, представляете! Я, конечно, не понимал толком, что такое экзистенциализм. Но, по крайней мере, читал “Только правду”, а они, похоже, нет. И мне не следовало лезть на рожон! Не требовалось признаваться, что читал Жана Поля Сартра, наверное, симпатичного мужика, проживающего где-то в Париже. Я явно выигрывал, скромно затеяв разговор на сложную тему, при этом прикидываясь простаком. Да так ведь и было. Требовалось сыграть роль в задуманных интересах.

Я выдохнул, будто хоть что-то понял, кивнув, Сара Христоворвна распрямила ярко-красные губки и довольно улыбнулась, Марианна-Марина заслонила своей китовой массой меня от французенки, а когда пространство освободилось, я вновь увидел лицо Сары Христоворвны, обращённое ко мне.

Она смотрела внимательно, сосредоточенно и, казалось, снова спрашивала себя обо мне! Кто он? Глупый студентиска, которому она не дала послабления на вступительном, или, может, не дай Бог, какой-нибудь, в лучшем случае, правдоискатель, лезущий в материи, которые не только этому недопёску, но и ей, простой преподавательнице, — но французского же, а, значит, иностранного языка, — не по чину?

Ожидавшее меня далее превзошло все возможные чудеса.

Когда началась сессия и подступил мой несчастный французский, Сара Христоворвна передала через общих соучениц, чтобы я не торопился, пришёл на экзамен последним, далеко не отходил, потому что все её ученицы, а мои соученицы по французскому, ей известны и долго спрашивать она никого не будет. А я — все это хорошо понимали — случай особый. Эти сикильявки, соседки по французскому, оглядывали меня сочувственно, а иные — снисходительно. Мне же не оставалось иного, как крепко сжимать зубы и молить судьбу об удаче — я ведь честно занимался, всюю подтягивал себя и старался изо всех моих нефранцузских сил.

Экзамен проскочил стремительно. Девчонки заскакивали и выскакивали, тряся зачётками. Вышла Лидия Павловна, лаборантка кафедры иностранных языков, которая иногда принимала внеаудиторное чтение, улыбнулась мне:

— Вы подождите, пока последняя выйдет. Сара Христоворвна хочет с вами побыть наедине.

Вот так да! У меня глаза на лоб полезли. И в то же время я должен был улыбаться. Дурацкий, пожалуй, получался образ.

И вот я зашёл. Сара Христоворвна торопливо поздоровалась, указала на стул перед собой, и я задрезжал: этот стул мог оказаться электрическим. Далее мне полагалось взять билет и, вроде, без подготовки отвечать по нему, как тогда, при вступлении, у историка.

Но Сара Христоворвна не предложила мне повысить балл, даже если я что-то намекаю ей. Она совершила подвиг. Как-то неторопливо, но твёрдо взяла мою зачётку, полистала, открыв её на нужном листке, и обратилась ко мне, взглядываясь своими огромными коричневыми вишнями в мой, явно слебднувший, лик:

— Вы сможете...

Она затормозила, подбирая слово, а подобрав, начала снова:

— Вы сумеете не проговориться товарищам? А то... А то будет плохо!

Она улыбалась, но при этом крепко волновалась. И только в следующий миг я понял, на что она решилась. Я кивнул, она взяла ручку и поставила мне “хор”.

Не думаю, что в моих глазах появились слёзы. Они появляются у меня сейчас, когда я об этом рассказываю. Многие десятилетия спустя.

Общига на Щорса оказалась местом общественно затхлым. Едва мы выключали свет, где-нибудь за полночь, как жизнь в нашей комнатенции ожидала. На стол, покрытый клеёнкой, — особенно зимой, в холода, видно, и им жилось несладко, — вспрыгивали через стул отвратные огромные, с хорошей кошкой, крысы. И если кто оставлял там корку, начинался визг и делёж, сопровождаемый поначалу и нашим визгом.

Многие жалобы комендантше ничего не меняли — она отнекивалась тем, что сильный крысиный яд опасен для человека, и один случай, правда, в другом общежитии иного института уже произошёл, когда вместо крысы отравился студент, едва откачали. Бороться, в общем, с крысами власть не желала, и мы эмпирически пришли к выводу, что следует относиться к ним если не как к друзьям, то, по крайней мере, снисходительно, как к неизбежности. Во-первых, требовалось предупредить их нападения и крошки, если таковые останутся, сбрасывать в жестяное ведро. Клеёнку на ночь протирать водой с нашатырным спиртом, и в подтверждение истины кто-то из нас этот спирт купил в аптеке — он стоил дёшево.

Однако запах от нашатыря давал о себе крепко знать, и самый нравный из нас, филолог Арнольд Якуповский, устроил поутру вселенскую истерику, что от запаха у него трещит голова, и он вынужден отказаться от посещения лекций по уважительной причине. Тогда придумали иное.

Я уже поминал добрым словом боты “прощай, молодость!”, которые носило большинство из нас. На ботинки натягивали эту суконную, с резиновой подошвой, обувь, и полный порядок. В университетской раздевалке сдаёшь её, как сдавал бы калоши. В общем, кроме этого Арнольда, все пользовались ботами, и, залезая в очередной раз под свои тонкие солдатские одеяльца, которые справедливо можно назвать и студенческими, мы выставили боты, как и ботинки, возле своих коек.

Был назначен вечер, обозванный экспериментальным, мы даже улеглись в одиннадцать, чтобы потом ещё разобрать результат операции, погасили свет, а на стол выложили пару кусков чёрного хлеба, при этом покروшив их для удобства потребителей.

Но не зря говорят, что крысы — самые умные из всех тварей и самые приспособленные к любым испытаниям, например, могут запросто перенести ядерную войну, потому что на них не действует даже радиация. Да ещё и живут до ста лет! А мы по молодости и слабости естественно-биологических знаний всего этого не ведали и избрали способ войны самый что ни на есть пехотный.

Сперва умные крысы объегорили нас тактически. Несмотря на то, что мы погасили свет раньше, взяли в руки по своему боту “прощай, молодость” и напряглись в предвкушении атаки, в комнате стояла тишина. Крысы затаились.

Один Арнольд Якуповский издевался над всеми остальными, осмеивая наши неумные расчёты. Не затихая, он выдавал свои шутки, порой вполне себе остроумные, но нас это лишь раздражало, и каждый из остальных уж по разу-то крикнул ему, чтоб остряк заткнулся. Наконец, он устал. А крысы не выходили. Стали расслабляться и невидимые во тьме бойцы. Слышались глубокие вздохи. Кто-то предложил плюнуть на всё и засыпать, а то завтра ранний подъём. Начались сдержанные и бестолковые дебаты. Я лежал напротив стола, может, в метре от него.

Тьма стояла полная, но я учуял шуршанье. Сжав бот, до того прижатый к груди, я размахнулся и кинул его, метя в поверхность стола. Послышались сразу — крысиный визг и человеческий вопль. Похоже, одним ботом я зацепил крысу, но оружие, срикошетив, достало и Арнольда, что ли?

Остальные боты бабахали в стол, по столу, по тумбочкам и кроватям. Чтобы узнать результат сражения, кому-то требовалось вскочить и босиком подбежать к общему выключателю. Это действие исполнил Минибай, но каким бы и кто бы ни был сверхрасторопным, эффект оказался нулевым.

Стол пуст, куски хлеба разлетелись, некоторые на пол, включенная братва восседала на койках, а Арнольд даже стоял, покачиваясь на пружинной сетке, как прыгающий на батуте акробат. Он закатывался в хохоте, мы, в общем, тоже не унывали. Хлебные остатки Минибай подмёл, ссыпал в железное ведро для мусора, мы угомонились. А часа в четыре проснулись от грохота. Умная крыса, видать, стремилась пожитьяся, да стенки ведра оказались высоки, и она прыгнула вовнутрь — бывает ли такое? И грохот был совершенно жестяной, а значит, громкий, барабанный, хотя и одноразовый, и мы, матюгаясь, признали, что борьба принесёт успех только следующей зимой при условии, что летом дезинфекционная служба города обработает все наши общаги! “Мечты, мечты, где ваша сладость?..”

А крысы победили нас. Даже когда не оставалось ни крошки на столе, они громко грызли по ночам нижние углы наших тумбочек, дерзко вспрыгивали на стулья и обнюхивали нашу одежку, чтобы отыскать в ней остатки хоть какого заваливающего куска. Но тщетно! Ведь на спинках стульев висели штаны студентов голодного времени!

И мы смирились с крысиной оккупацией. Когда же кто-то включал по необходимости общий свет, хвостатые коллеги без всякого шума и гама несильно исчезали, огорчаясь, похоже, звукам жестяного ведра, отзывающегося оптимистическим звуком на быстротекущую жизнь.

Это, похоже, звучало для них оскорблением.

10

В той комнате на Щорса носом к носу мы не то, чтобы столкнулись, а буквально спихнулись с новым веянием то ли моды, то ли культуры.

Где-то там, в западных столицах некой державы и на тёплых югах молодые люди вроде нас стали как-то вызывающе одеваться и обуваться, учить танец буги-вуги, жевать жевательную резинку и мечтать про кока-колу. Одним словом, отвязываться! Наш обаятельный завкафедрой партийно-советской журналистики, фронтовой офицер Борис Самуилович привлёк внимание к фельетону Семёна Нариньяни, то ли в “Правде”, то ли в “Известиях”, под названием “Стиляги”, и мы в перерывах образовали очередь к подшивке в читалке.

Из газетного сочинения, конечно, мало что поймёшь предметно, ведь мало узнать про чёрные, например, очки (это как у слепых, что ли?), про гавайские рубахи (что за гавайские?), узкие брючки-дудочки и дерзкую, громкую ненашенскую музыку. Однако всё это образовалось буквально под носом у нас в считанные дни, с наступлением весны и приближением новой сессии.

И исполнил сию неказистую роль Арнольд Якуповский, парень длинный, хотя не скажешь, что нескладный, с железной фиксой во рту, но без всякого хулиганского обаяния, грядущий историк, на год постарше нас, но очень-то замеченный в кропотливых трудах над историческими томами.

На укору в нетрудолюбии он как бы отшучивался, что историю надо творить собственными руками, а всё, что произойдёт, изучают пусть новые, последующие поколения. И ещё он высказывался в том духе, что новым людям подробное знание прошлого может идти во вред, потому что следовать старым примерам, — а это очень часто и происходит, — бывает вредоносно для будущих решительных перемен. Исторические примеры тормозят процесс развития, а не ускоряют.

Никто его речения всерьёз не воспринимал, почти все подхихикивали над творцом истории, отрицавшим её существование, но, что удивительно, экзамены он сдавал свободно и особо преуспевал в иностранном — английском языке. Он даже напевал, бывало, укладываясь, какие-то песенки по-английски, и мы, прислушиваясь к мелодии, находили ту или другую вполне симпатичной, просили Арнольда прибавить звука, и он демонстрировал недурные музыкальные способности, представляя нам неведомую культуру, в которой, конечно же, мы не знали ни бельмеса.

Порой по настроению Арнольд говорил, что обожает американский джаз, называл имена его основоположников — все негритянского происхождения,

а мы знавали из них одного Поля Робсона. И он однажды вынул, к всеобщему удивлению, из тумбочки целую коробку из-под пластинок. Но в коробке были не пластинки, а целый пласт рентгеновских снимков. Смеясь над нами-простофилями, да ещё с факультета журналистики, он показал на поверхности старых рентгенкартинок такие же, как на пластинках, круги. Но проиграть было не на чем, и на вопрос, откуда такие запасы, Арнольд, ничуть не смущаясь, пояснил, что прикупает это на Плотинке, по вечерам, когда менты теряют бдительность. Снимки продаются, обмениваются и даже дарятся, если клиент демонстрирует увлечённость, поучал Арнольд, а на вопрос, кто это делает, пожимал плечами:

— Кто-то! Очень весёлый!

Далее он совсем развязался, не устаивая хотя бы лёгкой опаской своих сокомнатников по общаге. Приносил и уносил целые пачки рентгеновских записей, всё это в чемоданчике, какие были и у нас, а потом в сумке, похожей на полевую, только побольше, почти что портфеле.

Мы присутствовали при сём и оставались лояльны к Якуповскому, который однажды сообщил, что имеет отношение к польской шляхте высоких кровей, отбывавшей ссылку на сибирских просторах ещё во времена восстания 1863 года.

— И вот эту, — он подчеркнул слово “эту”, — историю я знаю весьма хорошо. И на своей шкуре.

А далее, в течение недели, а то и поболее, мы могли наблюдать, как, приклеив в какой-то мастерской к старым лыжным ботинкам желтоватую каучуковую, сантиметра в три толщиной, подошву, добытыми где-то напильниками начал выпиливать рубцы по краям той толстенной светлой подошвы.

Когда мы вечером вернулись из универа в нашу конуру, Арнольд сидел на краю кровати и яростно пилил. Клубилась пыль, которую он как будто радостно глотал, некороткие чёрные волосы его с пробором посередине нависли надо лбом и глазами, а на носу висела потная капля.

Мы принялись комментировать увиденное в довольно шутиливом стиле, на что сосед воскликнул:

— Не мешайте жить! У каждого своя история! Мне нужна эта!

И показал нам подошву, уже частично выпиленную, как зубцы обычной ручной пилы. Ботинки получились стильные, хотя сверху чёрные, а снизу белые. Вроде как обувной бутерброд. В конце концов, Арнольд предстал перед нами в завершённом виде.

Таким же весенним и светлым вечером он ждал нас во дворе неприветного нашего барака — явно, чтобы погордиться, а может, и представить один из способов утверждения современной истории.

На нём висела цветастая рубаха с широкими рукавами, а брюки-дудочки, наоборот, обтягивали выпуклости не только сзади, но и спереди. На ногах же сияли ботинки с рифлёной подошвой, которая выпирала во все стороны. Ноги смахивали таким манером на лягушачьи лапы.

Мы ахали, обходя его кругами, как невиданную скульптуру в парке, и Минибай спросил:

— А не надо подошву-то покрасить? В чёрный цвет! Под ботинок!

— Ты что-о-о-о! — взвыл потомок древних шляхтичей. Потом застал: — Ну, я говорю, они не врубаются в новейшую историю!

— Куда собрался-то, стилига? — не унимался Минибай.

— Куда-куда! На Плотинку! — и он подошёл к поленнице, которая создавалась для новой зимы, и поднял свой портфель, прислонённый к вовсе не исторической реальности.

— Хелло, френды! — проговорил он напыщенно и скрылся по улице Щорса.

Что бы сказал ему, подумалось мне, красный командир? Но Щорс так ничего и не сказал. Ведь история — хоть и красноречивая, но молчаливая вещь. Совершенно притом не предсказуемая.

Арнольд вернулся за полночь, когда все остальные в комнате улеглись, но ещё не спали, травили сто раз слышанные анекдоты, лениво, в полудрёме похихатывая. Дверь распахнулась, вспыхнул свет, и мы увидели Арнольда

трясущимся, в рваной рубаше на голом теле и с пустыми руками. Что случилось — об этом не стоило спрашивать. Он и так без конца повторял:

— Проклятые комсомольцы! Проклятые комсомолыцы!

— А ты чо, не комсомолец? — насмешливо спросил Минибай.

Арнольд ответил убито:

— А куда денешься?

И как был, в рваной своей одежде рухнул в кровать, успев лишь сбросить свои драгоценные стилижки лапти.

II

И ещё одна картинка тех времён — начала июня пятьдесят пятого года.

Французский позади, готовились по зарубежке, предстояло много и быстро начитать, я взял в общежитие Томаса Манна, кого-то ещё, не упомяну, и “Седьмой крест” Анны Зегерс. Этот роман стоял в билетах отдельным вопросом.

Ребята засобирались в университет, а я заявил, что хочу почитать здесь, но в комнате было влажно, неприветливо, и я залез на поленницу дров во дворе, благо, что она сложена была широко, и, расстелив одеяло под спину, раскрыл книгу.

Сияло солнце, я скинул майку и штаны, никто меня не стеснял, никто не заглядывал наверх поленницы, и вдруг мне стало так хорошо, так сладостно жить!

Сара Христофоровна сняла с меня камень, и я задумался о себе. Мне подумалось, что хочу скорее закончить учёбу, уехать на работу, писать, дежурить в газете, печататься, хоть многого ещё не хватало, да и не бросишь же учёные, едва отбарабанив два курса. Я положил “Седьмой крест” на лицо, чтобы не слепило солнце. Спать не хотелось, но и не хотелось ни о чём думать. А у меня всё-таки мелькнуло: что бы я отдал за то, чтобы всё это разом, вот сию минуту кончилось? И сразу началось бы моё взрослое продолжение?

Каким оно будет? Чего мне хочется? Я этого ничегошеньки не знал. Но очень, очень, очень хотел перебежать это поле поскорей! Чему-то бы выучиться! К кому-то придти! Очень по-взрослому я понимал, что в этом будущем, которое в конце поля, меня не ждут радости и сладости. Но там ждали меня опыты с самим собой и над самим собой.

И ещё лёжа под книжкой по имени “Седьмой крест”, крышечкой на лице, я представлял: вот придёт ко мне в этом грядущем времени полная и совершенная свобода! Должна придти! Мне не нужно будет беспокоиться об экзаменах, о деньгах на еду, об обязанностях перед другими! И вот в один такой миг абсолютной свободы я лягу точно так же, как сейчас, на поленницу, и на мне не будет лежать “Седьмой крест” или иная какая нужная книга, а я просто стану глядеть в глубокое, бездонное, счастливое небо и постараюсь продлить это бесконечное счастье до немыслимого беспредела!

Мне так хотелось свободно жить!

“Седьмой крест” был про немцев, приход фашизма и предательство немцами друг друга, когда любовь и родство даже превратились в прах. Роман потряс меня отчаянной безысходностью, о чём я поведал строгому профессору по фамилии Канторович едва ли не со слезами. Он растроганно вгляделся в моё лицо, отыскивая на нём что-то мне неясное, вздохнув, поставил пятерик, и безмятежный, счастливый, обнадёженный, я засобирался к родителям, чтобы, почитав власть, повалявшись на стёганом одеяле под вишнями, позагорав со здешними дружками на неказистом пляже, вернуться назад в великий град, по-прежнему тяжело дышащий, гулко ухающий, громко звенящий.

Наступала вторая половина пятьдесят пятого и надвигался пятьдесят шестой год.

Повесть пятая
МЫ СРЕДИ ДРУГИХ

1

Сдал я на стипендку и следующую сессию, снова уехал домой на зимнюю побывку, в каникулы, ясное дело, щеголял по морозцу и в день возвращения вспыхнул, как огонь. Мама, прибежавшая с работы, поставила градусник, вызвала врача, а та — “скорую помощь” с носилками. И вот два амбала тащат меня по дворику на носилках, а я и смеюсь, и сержусь, и говорю маме с недоумением:

— Ну, неужели я сам не дойду?

В городской больничке меня с носилок переставили под душ, не очень, к тому же, горячий, а когда я запротивился, две тётки громким криком разъяснили, это не душ, а дезобработка, и по стране ещё гуляет тиф!

Вот тут мне стало плоховато, но уже не на носилках, а пёхом меня провели в палату, полную народу, положили под тоненькое одеяльце, и я выпал в осадок. Потерял сознание. Вернула меня к нему врачиха с ваткой, намоченной нашатырным спиртом, а послушав стетоскопом грудь и спину, надолго исчезла.

Где-то во врачебном закулисье она утвердила мой диагноз — двустороннее крупозное воспаление лёгких, меня опять уложили на носилки и отнесли на рентген, где я стоял, прижатый холодными пластинами, едва удерживаясь от странной морской качки.

Дело было молодое, но в тяжёлом варианте, мама прибежала подкормить меня чем-нибудь домашним, захватывая свой госпитальный халат как медработник соседнего учреждения. Она подключила каких-то медицинских начальников. В общем, меня кололи и в задницу, и в руку, а температура всё не падала, и я время от времени оказывался в неестественном сне, лучше сказать, в забытии.

Несложно понять, что всё происходящее меня не трогало, было до фени, вроде как и вовсе уже не существовало. Я и себя-то представлял с трудом... Да и был ли я на этом свете?

Похоже, пенициллин, излечивающий пневмонию, пребывал тогда в состоянии ещё редкостном, и в коридорах, озвученные громкими голосами глуховатых, что ли, медсестёр, я слышал более чем откровенные оценки своего состояния.

— А где я тебе возьму! — кричала одна.

— Распоряжение главврача! — убеждала её другая.

— Ну, и носи сама! На складе-то нет!

И всё-таки эти медсёстры, похожие на белые тени, вступая в палату, торжественно, как какой-то приз, несли прямо перед собой шприцы на вытянутых руках, иглой вверх, и спасительно втыкали их в меня при молчаливом моём непротивлении. Вот когда я научился терпеть! Из таких болезней в те времена выбирались не просто долго. А мама, как выяснилось позже, выпросила у начмеда своего госпиталя несколько упаковок ценного препарата.

Я провёл в больнице два полных месяца и совершенно отстал от действительности. Зато приехал сразу в другое общежитие, на Чапаева, опять героя революции, как третьекурник, то есть студюоз, переваливший через экватор.

Но встречен был сдержанным малословием.

2

Что такое? Мои братишки-болтуны Минибай, Вовка Потников с пачкой открыток, где было собрано всё великое искусство мира, Яшка, Игорёк Коробкин, Генка Шидрин — все говорили со мной вяло, сначала задумываясь про что-то, хотя историю моего отсутствия приняли сочувственно, но недо-

верчиво, с трудом принимая на веру, что можно провести в койке целых два месяца.

Я даже малость притих, удивляясь: что за недоверие? Может, я на курорте каком расслаблялся? Я ведь и больничный привёз!

В тот же вечер Минибай позвал меня посетить титанную — комнату, где вечно грелся огромный электрический бак и всегда можно было нацедить чайник кипятка для любого из жильцов четырёхэтажного, вполне пристойного, общежития. И поведал мне про события, которые пролетели надо мной.

В титанной было сумеречно — горела лишь лампочка в коридоре, — влажно и тепло, и Минибай как комсорг рассказал, что в начале марта в самом большом зале собрали по спискам всех партийных и комсомольцев. При входе стояли непонятные мужики и впускали по комсомольским билетам.

Потом вышел ректор и объявил, что будет зачитано закрытое письмо партии, но обсуждения не предполагается. Просто надо выслушать и принять к сведению.

— Читали, — повествовал он, — почти два часа в полной тишине, ни один стул не скрипнул. Потом все встали и молча вышли. Когда выходили, — отметил он, — все прятали глаза. Никто ни на кого не смотрел.

И дальше он стал сумбурно — не путаться было невозможно! — рассказывать, что говорилось в этом письме про Сталина, которое читает сейчас в закрытом порядке вся страна.

— А где же все они, суки, были? — негромко спросил я, подразумевая тех, кто послание сочинял. — Не верю я им!

Минибай откликнулся, подумав:

— Только не бражни это где-нибудь! В том-то и дело, что продолжение следует. Слушай дальше.

Наутро комсоргов курсов и факультетов собрали на отдельное собрание и велели всякую студенческую болтовню и дурь гасить на корню. И тогда комсорги двух-трёх старших курсов, да чуть ли не хором, заявили, что хотят снять с себя полномочия, потому как народ бурлит, недоумевают и требуют сходки. Там был почти весь партком, и тогда решили провести большое собрание, выпустить пар, но, как сказал какой-то взрослый умник, “в управляемом режиме”.

И вот произошло это собрание. Комсомольский комитет попробовал о чём-то там отчитываться, но выскочил Черкинов с четвёртого курса и взбаламутил всё море. А потом его дружок Карпевич. Наконец, наш Джурка.

Всё во мне начинало раскачиваться: тоже хотелось вскочить и крикнуть что-то несогласное, но я, во-первых, опоздал, а во-вторых, пока ещё и не знал, что крикнуть-то.

Минибай будто чуял мою внутреннюю температуру.

— Они примерно то и кричали, что ты думаешь! Не верим! Почему нас тогда обманывали остальные? Кто управляет нашей страной? Почему Молотов, Ворошилов и кое-кто ещё, известные соратники Сталина, молчат? Где они? Почему их не слышно?!

— А Джурка? — спросил я.

— А он кричал, что не хочет жить по-старому, хочет по-новому! Что надо больше свободы молодым! Что в комсомоле царствуют тихони, и он не похож на комсомол, который делал революцию. Начальники оторвались от молодёжи, не дают ей развернуться, проявить инициативу.

— Во даёт! — пожимал я плечами. — И как это всё понять? Чего вдруг сорвался?

— Да в том-то и дело, — негромко увещевал Минибай, — наоравшись, он ушёл с собрания. Говорят, напился у себя на квартире, и Виннер — он же с ним! — говорит, что ждёт, когда арестуют.

— Ну да! — восхитился я. — А за что?

— За болтовню! — ответил Минибай и, взяв с меня слово не проболтаться, проговорил: — Меня уже вызывали кое-куда и сказали, что речь идёт об исключении.

— Откуда?

— Из комсомола. А значит, и из университета.

В титанную заскакивал народ, девчонки с чайниками ойкали, завидев в полутьме две наши полусогбенные тяготами фигуры.

— Что касается комсомола, то я с ним согласен! — произнёс я.

— И я тоже, — ответил Минибай. — Но что надо делать-то? Ты знаешь?

— Нет! Но где-то люди восстанавливают Сталинград, Белоруссию, Украину, — ответил я, — надо набраться терпения, закончить, тогда, глядишь, и нас куда-нибудь отправят.

Минибай кивнул:

— Я думаю, — ответил он, — Джурке так и надо объяснять своё поведение, когда начнётся разборка. И ещё. Ему придётся извиниться. Публично. На собрании.

— Он не станет! — почти уверенно сказал я.

— Тогда и его тут не станет.

3

Учение казалось мученьем. Спокойных лекций не осталось. То кто-то, подняв руку, просился выйти. То, наоборот, зайти. Минибая вызывали, Джурка рисовал в тетрадке чёртиков и чертовок, которые владели им, жил притаившись, будто успокаивался. А может, наоборот, раздувая в себе жар.

Увидев меня после болезни, не обрадовался мне, только констатировал:

— Пропустил, счастливец!

Выходило, я умышленно выскочил то ли из-под троллейбусной шины, то ли из-под колеса истории.

— И чо ты раньше всё помалкивал, — спросил я в ответ. — А тут взбеленился?

Пошутил вдобавок:

— Может, у тебя есть план реорганизации рабкрина?

Это, кто не ведаёт, рабоче-крестьянская инспекция, на такие темы спорили при Ленине, и мы конспектировали те давние споры для экзаменов.

Он смотрел сквозь меня и кивал головой, будто что-то кому-то возражал. Ясное дело, не мне.

Ну, а уже исключённых из комсомола Олега Черкинова и Славку Карпевича публика жалела по-другому. Они не ходили на лекции, хотя никто их пока из университета не исключал, толкались в коридоре и почти никогда не были одиноки. Тут всегда вертелись жалостливые девчонки, тётя Дуся, как скоро стало известно, кормила их по кредитному листу, время от времени возле них стояли Борис Самуилович, как всегда с орденом на лацкане, или Зиновий Абрамович — они, в основном, убеждали протестантов идти в аудиторию и продолжать учёбу.

Но нет! Протестанты упирались спинами в стены, или сидели на широких подоконниках в торцах коридоров, или дымили сигаретами в туалетном аванзале, где люди могут мыть руки ледяной водой сразу из десяти кранов.

Водили они хороводы и в общежитии, случалось, на лестничных площадках, и тогда являлась комендантша, шептавшая:

— Ребята! Совесть имейте! Ступайте в комнаты и там трепитесь!

Чего-то она опасалась. А в комнатах и без всяких указаний шёл трёп. Кому это понадобилось, говорила одна сторона диспутантов. Ленина он продолжил, троцкизм разрушил, индустриализацию завершил, войну выиграл с небывалым успехом, поразив мир, даже восстановление почти что завершил!

Другая сторона вскипала, что хоть Ленина он славословил, зато Крупскую, оказывается, отшивал, всю Красную армию обезглавил перед самой войной, с Гитлером пакт заключил, ленинские кадры рассовал по разным лагерям, культ свой вознёс до небес, что же касаясь троцкизма, то здесь ещё не всё понятно — шла борьба за власть, вот и всё!

Черкинов рассказывал, что его отца, секретаря райкома с Алтая, уехали в Магадан по 58-й статье, и он, его сын, до сих пор не знает, жив ли батя. Да и студентом он стал потому, что мать разошлась с отцом ещё до

войны, и Черкинову дали её фамилию, к тому же они уехали в Казахстан, отцовские знакомства вроде оборвались, а в Казахстане он заслужил золотую медаль к аттестату. Ничего не попробовав лично, Черкинов откуда-то знал тучу историй про НКВД, ночные аресты, расправы судейских троек, рвы с расстрелянными, которые не могли быть врагами народа, потому что это и был сам народ.

Карпевич жил на частной квартире, и тот же Черкинов без конца цитировал его рассказы, слышанные по какому-то иностранному радио. Вслед за Карпевичем он вопрошал: почему всё это не говорят у нас? А раз не говорят, значит, скрывают!

Мы сживали, как какие-то, может быть, цапли, на кроватях, по трое-четыре, даже жались друг к другу, зато хозяин койки мог возлежать, вещая, и, грубо говоря, хлопала ушами, хотя цапли не имеют видимых ушей.

Черкинов порой блистал, выдавал почти афоризмы. И хотя потом они оказывались общеизвестными прописями, произнесёнными для многих сразу, отзывались в наших сердцах чистым, хотя и не во всём признаваемым сочувствием.

Например, он не говорил, а возжигался такими посылками:

— Правда не может быть неправдой. Она может быть неудобной, но от этого она не становится неправдой!

Или что-то вроде такого:

— Завтра — что это такое? Будущее или будет, или его не будет!

Ещё излагал идею отсутствующего тут Карпевича:

— Москва не знает, что происходит на Урале! Нас исключили из комсомола! За что? За то, что мы поддерживаем закрытое письмо? Концы с концами не сходятся!

Из девчачьих комнат с нами почти всегда — или очень часто! — сидела Нинка Тимохина. Была она опрятная, чистенькая, круглолицая, не улыбочивая и оттого, похоже, носила на себе ношу, для девчонки вроде непосильную. Тимохина была секретарём комсомольской организации всего отделения журналистики. Не то, чтобы мы её побаивались, но её плакатный положительный образ требовал почтения, что ли, уважения неизвестно за что, частичной робости и почти полного нежелания с ней долгого общения.

Говорили так: “Привет! — Привет!”, “Здравствуй! — До свиданья!” Да и всё! Это бедняге Минибаю приходилось с ней собеседовать, сдавая ведомости и членские взносы за весь курс, а остальным такое сближение не требовалось.

Но вот, сидя на чьей-то мальчишечьей койке и, помнится, отдельно, а не плечом к плечу с нашим братом, она вдруг явила неожиданную отвагу.

— Парни! — проговорила она. — Мы все запутались! И в спорах про Сталина можем потерять наших товарищей. А пусть Черкинов и Карпевич поедут в Москву. И расскажут всю правду о сложившейся обстановке.

Потом конкретизировала дело:

— Давайте скинемся им на дорогу!

Не то, чтобы стон, но глубокий выдох прокатился по комнате. Не такие уж были мы недоумки, плохо оценивающие окружающую действительность. И несложно было сообразить, что это — форма протеста. Против чего или кого, пока непонятно, но уже возникало общее дело. Про общее дело толковали декабристы, Чернышевский. Ну, они противились царизму, а мы кому?

Однако времена переменились! И теперь предлагает собрать деньги не кто-нибудь, а комсомольский секретарь. С плаката сошедшая, умная и отважная девчонка! Как тут увильнёшь?

Сборщиком вызвался стать Борис Рябиков, с которым мы прорывались в учёные. Что ж, это была толковая идея! Тимохина загоралась всё более и более.

— Если чего, — сказала, поднимаясь, — валите на меня! Семь бед — один ответ! И так всех кошек на меня вешают!

Собирали, и собирали быстро. Розовощёкий козлик Рябиков набрал на этом невиданный авторитет: он уже не сучил ножками, не лыбился робкой

улыбочкой, даруемой всем подряд, а стягивал, хмуря их, свои белесые бровки, слегка вниз оттопыривал подбородок и каким-то неясным образом сжимал губки почти в одну плоскость, лишь через раз отвечая на многообразные вопросы.

Естественно, и не раз, и не два Джурке задавался вопрос: а ты с ними не желаешь? Ты же третий! И для нас оставалось великой тайной, что он не просто отмахивался при почти всяких вопросах, но и молчал, как партизан.

Часто удалялся с лекций, и его никто не требовал к ответу. Обедать у тёти Дуси в нашей тёплой компании почти перестал. Некоторые знатоки окружающей среды не раз фиксировали, что он идёт куда-то по улице с Алёнкой Грачёвой — была такая розовощёкая второкурсница-филологичка с русыми косичками, по совместительству дочка профессора Алексея Ивановича Грачёва, профессора кафедры русской литературы. Боба Виннер, наш третий по комнатухе Анапы, мельком сообщил мне, что Джурка стал не всегда ночевать, хотя за жильё платит исправно, но я не обратил на то никакого внимания: мало ли кто и где ночует?

4

Между прочим, на отделении — именно так! — появилось и автономно существовало местечко, к образованию которого моя персона, как постепенно выяснилось, имела прямое отношение. Сначала объявился факультатив под названием “Фоторепортаж”, но главное-то — сделали учебную фотолaborаторию, которую возглавил хитрован по имени Иван Иванович. Он всегда ходил в синем халате; достаточно вместительное помещение, отданное ему, имело четыре отдельные лаборатории, одинаково оснащённые фотоувеличителями для узкой плёнки, красными фонарями, ванночками для печати и проявочными бачками.

Иван Иванович откуда-то знал про моё письмо и обзоры в “Советском фото”, впускал меня для моих фотографических надобностей любовно и безотказно, и я, бывало, часами сидел в этих темницах, то проявляя, то печатая, а потом представляя общественности мои скромные рукоделия.

Такая прелестная предпосылка для последующего тайного события как бы явилась сама собой, когда я, побыв свидетелем и даже соучастником неуспокаивающегося беспокойства, однажды не спросил Минибая, окружающее сообщество и самого себя: “А ведь один я из всех тутошних не слышал закрытого письма!” Можно с ним ознакомиться?

Осторожный Минибай сперва перепугался, потом, поразмыслив, передал мой запрос завкафедрой партийной и советской печати Борису Самуиловичу, и в следующую же перемену тот подошёл ко мне, похвалил мой ответственный интерес к жизни страны и сообщил, что до шести вечера я могу прийти в общий отдел райкома комсомола. Надо только не забыть комсомольский билет.

Робел ли я, отправляясь в райком? И на какого рожна мне это спёрлось? Сказать по совести, я и сам не знал. Но бывают в жизни отдельных людей, в частности, у меня, такие мгновения, когда идея, которую сначала лучше бы обдумать, мысль, а то и простое слово, вдруг бесконтрольно вырываются помимо всякой осторожности, и далее они вовлекают тебя в какой-то круговорот, требуя продолжения и даже исполнения сказанного. Даже иногда зывают к совести или, простите за высокопарное выражение, к чести.

Однако кто я был такой — уральский студентиска, из себя ничего не представляющий? Начитался стихов, восхваляющих вождя? Но разве поэты не восхваляют каждого правителя, чтобы добиться расположения и, несомненно, преимуществ — с самых древних эпох, а мы уже прошли курс античной литературы!

Ну, и вообще! Если всё, хоть и шатко-валко, но куда-то всё же движется — вперёд, к будущему! — не надо обо всей стране и о народе!

Раз вы не в силах ничего переменить, так плывите по этой широкой и глубокой реке, называемой жизнью! И гребите! Но не к берегу, а вперёд!

Так я осаживал, уговаривал, примирял себя с действительностью, а сам, в совершенном одиночестве, шёл к известному зданию райкома, где мы однажды отбивали от кого-то неведомого нашу верную тётю Дусю.

И всё возвращался почему-то мыслями к тому пожилому дядьке, Фёдорову Тимофеевичу, который нас спросил:

— А что вы думаете о Сталине?

Почему он тогда спросил об этом нас? Да что мы думали? Великий вождь и учитель — так полагалось откликаться на такие вопросы два года назад. А теперь? Что бы сказал нам о Сталине этот симпатичный человек? Впрочем, он ведь и тогда, спрашивая, не возражал, но и не говорил.

Да и что там, в этом отчего-то закрытом от всех, кроме коммунистов и комсомольцев, письме?

Я отворил дверь в общий отдел райкома, показал комсомольский билет, тётенька неопределённого возраста, но уж далеко не комсомолка, вписала мои данные в бухгалтерскую книгу, велела расписаться, а потом открыла сейф и дала мне тоненькую книжицу в красной корочке, с устрашающим грифом “Секретно”. Предупредила:

— Записи делать нельзя, читать только здесь. — И указала место за ничейным, видать, столиком у окна.

Пришлось читать вскоростную, не то пришлось бы конспектировать, а это запрещалось, но многие имена и факты я узнавал впервые, и это приходилось закладывать в закрома хоть и молодой, но не безграничной памяти, на потом, дальше, спотыкаясь о них в газетах, журналах или простых разговорах, приближать их к себе, вспоминать, где узнал об этом впервые. И не знать, что с этим делать!

Тётенька, управляющая “общим” отделом, не проявляла излишней бдительности, верила мне, рядовому комсомольцу, правда, с именем и номером билета, вписанным в журнал, а потому всё куда-то выходила. Правда, быстро возвращаясь, отрывисто отвечала на телефонные звонки, а я, спотыкаясь, брёл по историческому документу, по лесу, заросшему густым кустарником, приходилось продирается сквозь собственное незнание. Когда дошёл до последней странички, дверь растворилась и в её проёме я увидел того самого Серафима Юрьевича. Имя и отчество, надо заметить, вернула в мою голову здешняя тётенька: по телефону она то и дело поминала его.

Он поглядел на меня, приспустив очки, рассеялся незлобиво:

— Редко, редко забредаете, товарищи студенты!

А разглядев, чем я занят, прибавил:

— Да и по случаям-то всё чрезвычайным!

Я встал, не зная, что ответить, и вообще, что я должен делать, кроме как улыбаться. Он ещё глянул на стол, увидел, что передо мною последняя страничка, и проговорил:

— О! Ты уже на финише. Ну, загляни, как закончишь! На минуту! Дело есть.

И исчез. Мне бы тут и сдать секретную брошюру, а я, наоборот, впились глазами в последнюю страницу. И глазам своим не поверил.

На столе, за которым сидел, лежало несколько листов бумаги и стоял пластмассовый стаканчик с карандашами. Тётка вышла, и я, подсунув лист под брошюру, принялся лихорадочно списывать самый что ни на есть конец этого секретного сообщения.

Но ведь он как будто бы всё отрицал, этот самый финиш, — вот что я понимал! Всё тут оказывалось наоборот. Я лихорадочно соображал: как это понимать? Почему такое завершение такого тяжкого обвинения? Ведь оно почти всё извиняет.

Я перечитал два длинных, вполне официальных, может быть, даже торжественных абзаца, а тётки всё не было. Что-то случилось, какое-то произошло послабление в системе, может, только моих личных координат. Ученые утверждают, что такое случается.

И я переписал, не ленись и не страшась, огромную и, как мне показалось, несовпадающую ни с чем цитату:

“Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением. Вопрос осложняется тем, что всё то, о чём говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия. Причём он был убеждён, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападков империалистического лагеря. Всё это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. В этом — истинная трагедия”.

Полная амнистия!

5

Не дрогнув ни одним мускулом, я переписал эту длинную цитату, даже, кажется, неторопливо сложил листок вчетверо и положил его в карман пиджачишки.

Судьба обращалась со мной крайне деликатно: тётенька вернулась точно тогда, когда я перевернул обложку красной книжицы. Посмотрел на неё. Смотреть следовало спокойно, и если не улыбаясь, то крайне доброжелательно. Так учил нас фильм “Подвиг разведчика” и замечательный красавец Кадочников.

— Спасибо, — сказал я, пряча все свои возможные чувства.

— Пожалуйста, Николай Кузнецов! — ответила она, принимая брошюру и совершенно не улыбаясь. И спросила: — А вы не родственник нашего славного уральского разведчика Николая Кузнецова? Смотрели фильм “Это было под Ровно”?

— Кто же не знает Николая Кузнецова? — непритворно вздохнул я. — Но Кузнецовых у нас — каждый десятый. А Николаев — и того больше.

Теперь она приветливо улыбалась мне, отыскивая, вероятно, в моём тощеватом, но молодом образе положительные черты. Потом напомнила:

— Не забудь к Серафиму Юрьевичу. Вы, оказывается, знакомы.

Я пришёл в прихожую, — трудно назвать приёмной узкий коридорчик с узеньким оконцем вдали, — и меня пустили к нему почти сразу. Он сидел в начале длинного стола заседаний, а перед ним лежали две огромные стопы исписанных бумаг.

— Кузнецов, — обратился он ко мне вроде как официально, но тотчас смягчил: — Коля! Вот какое к тебе предложение.

И помолчав, двумя-тремя фразами обрисовал суть разговора.

После смерти Сталина прошла амнистия. Справедливая в большинстве случаев, она выпустила из лагерей множество уголовников. Прошло три года, а положение не улучшается. Банды, хулиганье, в том числе новое, молодое, милиция не успевает их отлавливать. Родилась идея: создать комсомольские оперативные отряды. Выпустить на улицы сотни тысяч студентов, рабочих, всех, кто старше семнадцати лет. Каждый район очищается от бандитов. Оружие одно — красная повязка: “Комсомольский оперотряд”. Каждый отряд включает в себя вооружённого работника милиции. У всех остальных — кулаки!

Хэ-хэ! Мы и сами видели эту шпану, до цепок не доходило, но слухи о драках и поножовщине витали над городом.

— Но что могу я? — возник справедливый вопрос.

— Не один ты, скоро всех вас позовут. Надо, чтобы ребята захотели, понимаешь? Тут есть риск, кто спорит. Но это дело, действие, а не болтовня. Хватит трепаться о свободе! Её надо защищать.

Он снял очки, протёр галстуком; широкий, лобастый, представительный, настоящий мужик, только глаза без очков смотрели как-то по-детски.

— Знаю, Кузнецов Коля, что тебя не было на собрании, болел. Но надо ведь как-то успокаивать народ! К делу надо прибавляться, чтоб бы с нами ни происходило! Родину надо...

Он помолчал, выбирая слово, и прибавил:

— ...сохранять!

Но цитата из красной книжицы жгла мне сердце. Оно ещё и от переписывания-то не угомонилось: билось часто, как заводской молот.

Мне хотелось достать ту бумажку, развернуть её и дать перечитать этому человеку. Но он же, подумал я, и так всё знал, слышал, читал, да и не один раз, наверное. Скажет строго: “А переписывать нельзя!” Может, даже возмутится? Ну, и чего я вообще добыюсь своим удивлением, непониманием даже? Обвинит в наивности?

Я выдохнул воздух, сказал, что лично в оперотряд готов. И что ребятам про этот разговор сообщу. Он кивнул.

А вернувшись в университет, позвал в фотолабораторию небольшую кучку друзей. Что-то подсказывало мне — бóльшую нельзя. После краткого совета с Минибаем было решено пригласить на абсолютно закрытую встречу Зиновия Абрамовича. Хотели Бориса Самуиловича, заведующего кафедрой партийной и советской печати с орденом на груди, но пришли к выводу, что тот при должности и наши вопросы поставят его в неловкое положение.

Всё случилось весьма складно: хитрован Иван Иванович, заведующий, уходил по каким-то делам, а мне оставил ключ от всего своего фотографического пространства. Однако, чтобы посильнее законопатиться от всего и вся, мы с Минибаем, Яшка-моряк, Игорёк Коробкин да Генка Шидрин, ну и, ясное дело, Джурка Скок собрали все стулья в одном из тёмных отсеков для печати и проявки.

На почётном кресле сидел опытный доброжелатель в очках, блистающих красным отсветом лабораторного фонаря, и кто-то из нас, помнится, Минибай, спросил выразительно:

— Объясните нам, пожалуйста! Что случилось в стране? Почему он вдруг стал во всём виноват?

— Вот мясник Микоян, — хрипло вскричал Яков, — на съезде доболтался до того, что ему “Краткий курс истории ВКП(б)” не нравится! Чего же ты раньше молчал, соратник, сказал бы автору, пока он был жив, вы же часто встречались!

— Да это они, — задумчиво сформулировал Коробкин, — всё на одного валят, чтобы с них не спросили: “А вы? Где были вы? Кого сажали? Помните? На ком шапка-то горит?”

— И что делать? Ведь ни партии, ни власти, — опустошённо проговорил Скок, — никакой веры.

Зиновий Абрамович поломал свои ладони, потрещав косточками, и проговорил:

— А я и сам, ребята, не знаю!

Помолчал и продолжил:

— Конечно, что-то доносилось до меня — всякие разговоры, сплетни, слухи. По счастью, меня обошли и клевета, и доносы, и обыски, и лагеря. А потом, когда кого-то называли врагом народа, вопросов задавать не полагалось. Да и сейчас не полагается.

Он покрутил головой, и его очки с красными линзами зловеще заблестели.

— А вот про веру, Джурий, это неправильно. Страна большая, людей много. Разве мы случайно выиграли войну? А индустриализация? Хотя бы вот здесь, в этом городе? Ошибки бывают у всех, но не верить всем подряд — и матери, и отцу, и тем, кто во главе, — нельзя! Просто невозможно.

Я достал из кармана заповедную бумажку, списанный хвостик закрытого письма. И вслух прочитал его.

— Откуда это? — удивился наш советчик. Я объяснил.

Он будто проснулся, даже помотал головой.

— Возможно! Да, может быть! Я не очень помню, разве всё осознаешь, но вы сейчас прочитали... Подчеркнули... И это что-то проясняет! Ответственность за страну не может принадлежать лишь одному!

Он опять поломал пальцы.

— Вы уже взрослые люди. Научиться отличать добро от зла, предательство от верности, веру от неверия — нелёгкое умение. Особенно, когда они намертво сплетаются, а то и сливаются в одно целое. Такое умение — раз-

личить одно от другого — целая наука. Многие её до смерти своей освоить не могут. Но надо стараться.

Он поворочался, покряхтел по-старчески.

— Так что неверие в партию — это глупость. Вашему племени предстоит её очистить, это другое дело! Но не верить — значит, предать.

В кабине стало душно, я распахнул дверь, воздух обновился, в большом зале царствовала прохлада, свежесть, да и говорить за общей закрытой дверью вполне безопасно. Только вот кричать нельзя. Но мы даже такой, совсем малой массой перебивали друг друга, шумели, наконец, наш наставник изрёк:

— А теперь я нарушу партийную дисциплину. Вы, конечно, можете сослаться на меня, но знайте, что на другой день я вылечу отсюда, и это навсегда! Так что вы готовы проявить порядочность?

Мы почти взвыли от такого сомнения, и наш старший доброжелатель сообщил следующее.

Черкинов и Карпевич добрались до приёмной ЦК, сюда едет комиссия и журналист одной из центральной газеты, чтобы подробно во всём разобраться. Решение комитета комсомола, исключившего их, судя по всему, отменять не будут. Но из университета не выгонят. Только переведут на любое другое отделение истфилфака с журналистики. Тимохину из секретарей снимут. За организацию поездки и сбор денег. А Бориса Самуиловича уже освободили от заведования кафедрой партийной и советской печати. С формулировкой: “За низкий уровень воспитательной работы”.

Мы сидели, онемев. А про Джурку, видно, наставник приберегал на сладкое.

— Вам, Джура, надо не горячиться, как вы делаете даже сейчас, в кругу друзей. В корне изменить своё состояние. Выпрямить дух. Решение о вашем исключении из комсомола только обсуждается. Оно может не состояться, если вы признаете ошибки. А может и состояться, если будете валить на власть в целом. И, значит, дискредитировать систему.

Он вздохнул.

— Выбирайте! Но я советую, придите в себя. От вас не убудет. Вам жить да жить!

6

Похоже, отсутствие на бунтарском собрании по причине двухстороннего крупного воспаления лёгких одарило меня странной привилегией: незамаранного, но близкого к событиям соглядатаая.

Вроде какое тут преимущество? Но меня как-то неясно выделяли. И чуть ли не индивидуально — скорее, штучно — позвали на очень немногочисленное, но важное ристалище. Уже не в райком, а в комсомольский обком. Робея, я проследовал по ковровым дорожкам, в небольшой зальчик, куда скоро, можно сказать, привели Джурку. Слово “привели” здесь выходит не очень справедливым, потому что главной провожающей нашего бунтаря оказалась та самая румяная филологиня с косичками по фамилии Грачёва. Дочка профессора. Но тут же был и Серафим Юрьевич, опять знакомое лицо. Ничему не удивляясь, он молча пожал мне руку, негромко сказав:

— Смотри!

Я поначалу подумал, что тут какое-то предупреждение. Или как? Только по ходу дела сообразил, что это просто пояснение: мол, гляди, и всё. Без подтекстов.

Заседание оказалось недолгим, во мне мелькнуло, что всё тут продумано заранее. В комнате появилось человек семь каких-то персон, но одну я знал. Это оказался тот самый дядька, который спрашивал, как мы относимся к Сталину, Фёдор Тимофеевич. Теперь он был уже в пиджаке с галстуком и без орденской планки, оглядывался вокруг приветливо, как тогда, весьма доброжелательно посмотрел и на меня. Но сел сбоку, хотя оказался намного старше всех, а делом управлял совсем юный парень, немного старше нас, к которому, тем не менее, все обращались по имени-отчеству.

Этот молодой сдержанно, без лишних чувств, сообщил, что студенты университета, комсомольцы, прежде всего, проявили свою политическую малограмотность, поставили под сомнение систему в целом, ударились в демагогию. Двое — он назвал их имена — из комсомола исключены. И вскинул голову:

— Но в университете они учатся!

И подчеркнул, повысив голос:

— Мы не оставим неразумных в одиночке!

Хотел, наверное, сказать “в одиночестве”, но услышалось-то по-другому. По крайней мере, мне. Я поёжился.

— А теперь, — сказал этот молодой начальник, — мы слушаем ещё одного, — усмехнулся. — Энтузиаста! Стоит вопрос о его исключении.

И к столу Джурку подтолкнула, отчего-то улыбаясь, Грачёва.

Тот глядел вокруг горячими, искренними глазами, полными слёз, но до них всё-таки не дошёл. Ругал себя. Анализировал. Признавался, что виновен, и клал голову на плаху, обещал, что подобное не повторится. Мне искренне хотелось, чтобы поскорее всё это кончилось. Ругал себя, что побежал сюда по первому свистку, ну, а как же было не пойти, если зовут?

— Обсудить будем? — спросил молодой и поглядел на Фёдора Тимофеевича в пиджаке. Тот повёл головой, как будто подал команду.

— Всё ясно! Характеристики, которые собраны, — он пошуршал бумагами, — положительные. А теперь слово секретарю райкома, — он назвал фамилию Серафима Юрьевича. — Он же ведь аспирант университета!

Джурка хотел, видать, задаться как будто, но Серафим ему не дал.

Он сказал резко и решительно, что студентам не хватает знания жизни; им нужно идти в гущу народа; самое положительное и доступное — создать оперативный комсомольский отряд. И навести порядок! Решение на эту тему есть, комсомол готов работу возглавить. И вдруг обратился к Джурке:

— Скок, пойдёшь в комсомольский отряд?

Тот, конечно, обрадованно кивнул. Серафим отыскал глазами меня, но не тронул, а тряхнул головой и твёрдо заверил:

— Многие студенты уже подтвердили своё участие!

7

Потом мы почти надрались. Между прочим, снова в компании с Пудолем и в том же “Савое”. Джурку качало-таки от радости. И то — какой валун свалился с плеч! Веселился и Минибай, признавшись, что его пороли как курсового секретаря вдоль и поперёк!

— А ты? — уточнял я.

— Молчал и кивал. Как выяснилось, самое лучшее, что можно сделать! Начнёшь говорить, да ещё крякнешь лишнее!

Пудоль смеялся, восхищённо почему-то мотал головой, удивлялся Джурке, называл правдолюбцев чудаками и при этом не раз повторил:

— Их час ещё не пришёл! Погодите малость!

При этом сообщил, что приезжал серьёзный мужик из большой газеты, второй, а не первой по значимости. И надо следить — скоро появится разбор.

— Наверняка нас всех заставят это перепечатать, — сказал Пудоль, — но есть твёрдое указание. Самим никуда не лезть!

Он гоготнул:

— А то ещё нафантазируем ерунды! Подольём керосину в огонь! Но! Урал! Будет соблюдать! Спокойствие!

Пудоль снова читал свои стихи, мы восхищались ими и чокались казённым хрусталём. И тут он то ли в шутку, то ли спьяну спросил Джурку:

— А может, тебе жениться!

Мы хохотнули, Скок вместе с нами. Но ответил, мне показалось, повзрослому:

— Надо встретить! Надо привязаться! Надо, в конце концов, научиться зарабатывать...

Но на этой разумной ноте подведение политических итогов не завершилось. Пудоль стал склонять голову то вправо, то влево, затем вскидывал её, и каждый раз как будто заново встречался с нами.

— О-о! — поднял палец наш признанный гений. — О-о!

А потом произнёс две истины, запавшие на всю жизнь. Думаю, не одному мне.

— Запомните, — с трудом, каменеющим языком проговорил он и указал пальцем на Джурку. — Судьба превратна! Набздишь и нюхаешь обратно!

Мы даже толком не поняли, что это говорит нам признанный талант — такая это была неинтеллигентная для Пудоля выходка. А он собрался с силами и сказал ещё кое-что.

— Оглянись вокруг себя, не е...ёт ли кто тебя?

И мы, дурачки, оглянулись вокруг себя.

8

По весне все мы попали в комсомольский оперативный отряд. Для этого требовалось прийти в райком, лучше кучкой человек в пять, прицепить к рукаву красную повязку, где белыми буквами пояснялась наша принадлежность, и ходить по маршруту, указанному на бумажке. Всякий раз группе присваивался номер этого маршрута.

Больше всего подмывает нарисовать здесь какую-то героическую операцию, где победили порядок и справедливость. Но ничего героического с нами не произошло. Серафим Юрьевич, инструктируя первый раз, повторял одно и то же: “Злоупотреблять не смейте, но у вас есть кулак! А если что-то особое, бегите в опорный пункт, где дежурит милиция. Повязка заменяет документы”.

Успех этого предприятия заключался в том, что райкомы вывели на городские улицы тучи человеческого молодняка. Мы будто водили какие-то хороводы. Вроде маршрут наш, а навстречу целая толпа ребят, совсем незнакомых, спрашиваем: откуда? Из политеха. Или вот девчонки! Медички ходили толпами человек по пятнадцать. Кухахтали и хихикали — от такой полуроты любой бандюк сбежит. Шутка ли, столько девок сразу!

Словом, мы утюжили асфальт, булыжные мостовые, деревянные тротуарчики, и столько, видать, было нас, готовых как ласково усостыть, так и пустить в ход кулаки, что хулиганье то ли эмигрировало в иные веси, то ли — что тоже не исключалось, — помылось, побрилось, причесалось и присоединилось к молодым дежурным по городу! И умно поступило!

Раза два Серафим сказал нам, что где-то в районе Центромаша, — знаменитый такой заводина — состоялась попытка драки, но инициаторы схлопотали своё, а их подручные смылись. Вот в таком роде. И ещё он кипел энтузиазмом, сам отказываясь понимать, как это произошло:

— Милицейские сводки сводят хулиганство почти к нулю! И это ваша заслуга! Ребята, вы дежурите не зря!

9

Впрочем, все эти события не имели серьёзного значения — они походили на фон, где судьба требовала от нас начертать что-то посерьёзнее. Как-то однажды нам раздали перечень городов и газет, куда нас направляли на летнюю практику. Ехать требовалось за свой счёт, жить, как кому придётся, а сама практика, формально рассчитанная на месяц, могла продолжаться всё лето, до начала занятий.

Старшие курсы допускались и до столицы, ну, а нам предлагалась вся страна за Уралом. Выбор места действия как бы становился репетицией выбора судьбы.

Три полных университетских курса, мои скромные испытания, вроде милости Сары Христововны, общежития на Щорса, которым владели крысы, непростой болезни длиной в два месяца, насмешливых — издаликато! — воспоминаний о Старославянце, в шестьдесят лет родившего младенца

и защитившего кандидатскую — всё это и составляло мою биографию. Более чем скромную, но тогда легко вспоминаемую, ещё тёплую и нетерпеливо ждущую продолжения.

Многие ехали на практику поближе к родному дому и родителям, — и мне, уверен, были бы рады! — но я отверг этот вариант начисто. И правильно сделал! А думал я тогда совсем как человек взрослый и разумный: домой ещё успею, а пока надо побывать в местах дальних, куда не так-то легко и добраться. И, воспитанный на светлых идеалах недавнего прошлого, выбрал Комсомольск-на-Амуре.

Вообще-то дальневосточников оказалось с гулькин нос. Яростно стремился туда Яшка Сенгур — он отыскал военно-морскую газету во Владивостоке. Минибай намылился в Хабаровск и звал меня с собой. Но мне хотелось непременно в Комсомольск — там каждый день выходила большеформатная газета вроде “Правды” с названием “Сталинский Комсомольск”! А завлекал меня туда пятикурсник Костя Немухин, потому что бывал там на практике, и теперь редакция вызывала его на постоянную работу. Он всё повторял мне: дел там невпроворот, людей не хватает. Мне этого и желалось!

Однако путь до цели занимал шесть суток: пять до Хабаровска, да плюс ночь в город юности. Увидев, что я не отступаю от цели, матрос Яшка озабоченно стал внушать нам с Минибаем, будто дорога окажется чрезвычайно трудной и к ней надо готовиться.

— Как? — удивился я.

— Сушить сухари!

И на мои сомнения, даже слегка издевательский смех, мол, не в ссылку же собираемся, словно клевал меня и Минибай своим большим носом — неразумных цыплят:

— Голод! Не тётка! Из поезда! Не выскочишь! Магазины — за окном! Один вагон-ресторан!

— Ну, и будем там перекусывать! — говорил Минибай.

— Эх, пацаны! Сколько ж вам капиталу-то надобно? А мне никто не подаёт!

В общем, не то, чтобы мы над старослужащим издевались, всё-таки друзья, но посмеивались и подхихикивали — вполне определённо. А он, как рассказывали соседи в его комнате, приносил из столовок бесплатный хрущёвский хлеб, разрезал его и выставлял на подоконник, под которым теплилась батарея. Потом ссыпал сухари в чистую наволочку, которую выпросил у комендантши. Она уважила почтенного студента за его такую понятную цель — доехать на сухарях аж до самого Владика!

Потом пришлось всей гоп-компанией поехать на вокзал, основательно потолкаться возле деревянного павильончика с билетными кассами на восточное направление, открыть для себя, что в тамошней толпе существует постоянная группа, в тетрадку которой следовало продиктовать свой ФИО и номер паспорта. Попутно мы обнаружили, что из великой уральской столицы поезда на Восток не формируются, места продают на проходящие из Москвы, и число этих мест появляется в кассе только тогда, когда зелёная железная гусеница проходит предыдущую станцию. Так что лучше всего багаж сдать заранее в камеру хранения, а отмечаться в очереди не реже двух раз каждый день.

Ничего не переменялось с тех пор, как родители, с помощью Героя, отправляли меня учиться. Только героями предлагалось стать нам самим.

Первое же подтверждение места в очереди свергло в трепет. На другой после записи день ею управлял совсем иной человек, который ярился, не желал нас слушать и уступил с большой неохотой, конечно, отыскав нас в списке, но ничем не обрадовав: ждать, по расчётам, предполагалось ещё пару суток, и одни уже миновали.

На Урале стояла несусветная, без ветерка, жара, похожая по суровости на здешние морозы, только с другим знаком: как зависнет тут континентальный мороз зимой или такая жара летом — хоть кричи. А бежать некуда!

Мы приходили втроём, барахлишко наше оставалось в камере хранения, где, кроме жары, стояла вонь, видать, от чых-то протухших продтоваров,

люди с тетрадкой менялись, но всё-таки теперь были довольно честны. Ведь честность можно и потерять от такого жаркого морока.

Ровно на третий день наших мук стало известно, что в поезде, который появится через полтора часа, окажется столько-то общих мест. Наверное, их было десять, а то и пятнадцать, но главное, мы все попадали в этот заезд. У самых дверей в павильончик клубилась людская каша, и совсем не пятнадцать претендентов крепили тут оборону локоть к локтю. Но мы решили силком отстаивать свои права. За три дня вообще-то уже пришли к выводу, что ударной силой станет старшина первой статьи Яков, и в общаге оглядывали его впечатляющий облик: чёрные флотские клёши, тельняшка, чёрный китель с двумя медалями “За победу над Германией” и “За победу над Японией”. Это впечатляло.

Однако толпу ничто не впечатляет в её корыстной борьбе, а жара сделала китель совсем мокрым. Потому Яков сдал его нам на хранение, деньги зажал в кулаке, а три паспорта взял в зубы. Впрочем, ненадолго.

Дверь открыли, мы защищали моряка своими телами, что частично удалось, но ворваться в павильон вместе с ним не удалось! Первая порция залетела, и дверь заперла собой железнодорожные менты — были раньше и такие. Но Яшка-то оказался внутри!

И вот он вышел! Сияющий, с паспортами в руке и с картонными билетами в паспортах. Вся эта атака длилась некоротко, ведь даже для того, чтобы выйти из павильончика, требовались сила и напор. Мы заторопились в камеру хранения.

А когда поезд вполз на первый путь, мы побежали параллельно ему, чтобы первыми заскочить в вагон. Не тут-то было! В него стремились не только обилеченные, но и всякие проходимцы, кричавшие, что у них кто-то умер и кто-то рождает. На вагонных поручнях висела человеческая гирлянда. Слегка озверев, Яшка кинул нам свой пухлый вещмешок и заорал, что было мочи: “Расступись, матросы!” — и стал скидывать с лестницы одного, другого, третьего, толкнул локтями тётку, влез по ступенькам и исчез в чёрном вагонном нутре! Что-то кричала проводница, людская гирлянда утроилась, и меня уже начал бить страх: ведь поезд уйдёт без нас!

Но тут спасительно грохнуло окно в вагоне. Первое к выходу. Яшка высунулся с ликующим видом и крикнул:

— Кидай барахло!

Мы с Минибаем передали Яшкин мешок, мой фанерный чемодан, выдавший фронтные виды, Минибаеву сумку.

— Давай ты! — крикнул мне Яшка.

— Я!

Вот это был фокус!

Я протянул ему руки, он, вывалившись наполовину, больно ухватил меня, Минибай подсадил. Р-раз — и я оказался в вагонном туалете. Яшка, оказывается, стоял ботинками на толчке, а окно открывалось на две трети. Теперь, уже вдвоём, втащили Минибая. Он был выше меня, тяжелее и снизу его никто не подсаживал. Но всё обошлось. Хотя и с царапинами. Но полной победы мы не одержали. Общий вагон был забит под завязочку, вроде консервной банки. Как и три года назад тот Герой Советского Союза, Яшка перетолкал чьи-то мешки и освободил одну третью полку. Но лишь одну. На троих. Уже и пот не вытирая, — платки хоть выжимай! — истекая солёной и горькой влагой, мы выслушали окончательный приговор старшины:

— Спать придётся по очереди.

Что и происходило в течение примерно суток. Потом, по мере выхода пассажиров, но ещё до появления новых, мы захватили нужное для жизни пространство и чувствовали себя первоклассно.

Ах, как было хорошо ехать в неведомое! Мы часами стояли в тамбуре; сидели, тесно прижавшись друг к другу на нижней полке, подвинув соседей; мы лежали, глядя в потолок, и без конца болтали друг с другом.

О чём говорили тогда — восстановить невозможно.

Но ясно помню, что мы были дурашливы и светлы. Нам всё нравилось. И некрасивая женщина, кормившая младенца, который и затыкался-то только

затем, чтобы вцепиться ненасытным ртом в материнскую титьку. И сам этот младенец, несмотря на бесконечный его ор. И какие-то уркаганистые мужики, зоркие, но смиренные, похоже отсидевшие свои сроки. И крикливая проводница в неснимаемой фуражке с красным околышем, которая кричать-то кричала, но умным глазом выявляла, кто окрика её не достоин. И испуганные старухи, растолканные чужой волей по разным вагонным сусекам, но похожие своим неуверенным, угодливым, всего страшась видом.

Меня коснулась и тут же отлетела — по причине моей ещё, видать, неспелости, — взрослая мысль, что вот мы трое — часть этого мира. И нам отчего-то уютно в этом несвежем воздухе, среди ничем не связанных, может быть, даже, враждебных друг другу людей.

Но ведь людей!

Живых, страдающих, куда-то в этой тесноте передвигающихся — исключительно по необходимости, а не для развлечения или ради суетных желаний.

Выходило, что мы вместе с этими мужиками, старухами, женщинами и младенцами! Такие же, как они! И мы — составляющая их часть, молодая, конечно, но никакого в том преимущества у нас нет. Да, мы моложе, но они старше, значит, больше страдали, больше знают и труднее им придется жить.

Может, когда-то и мы достигнем их лет. Как всё сложится, разве отсюда увидишь?

А сейчас мы только часть этого вагона, этого поезда, этой страны, шелевающейся, едущей, бегущей!

Слово и понятие “народ” было бы слишком высокопарным для тогдашнего образа нашего обитания. И мы просто ехали, просто болтали, просто смеялись и неслись навстречу чему-то неведомому. Но такому жданному!

10

А Яшка оказался прав!

После первых двух суток пути, когда мы по три раза в день посетили вагон-ресторан с солянкой, бифштексом и салатцем с рюмочкой, ресурсы наши обмелели.

Мы перешли на режим путевой экономии, с одним урезанным ресторанным обедом, но с завтраком, полдником и ужином из Яшкиных сухарей.

Мы опять же посмеивались, но теперь — над собой, а Яшка с шутливой отместкой корил нас неопытностью, самоуверенностью, нерасчётливостью.

И мы дружно глядели за окно, миллион раз удивившись безграничности и красоте заоконных промельков.

— Какая же огромная наша страна! — не уставая, охал я.

— Какое же бесконечное государство! — мудро приговаривал Яков.

— А если бы вы поглядели на это с воздуха! — соглашался Минибай. Он ведь один раз перелетел с Крайнего Севера в столицу Урала. Единственный из троих он летал пассажирским самолётом.

Может, даже единственный во всём вагоне!

Повесть шестая

МЕЧТЫ О НЕЗНАЕМОМ

1

Мы обнялись прямо у вагона в Хабаровске: наш старшой ехал тем же вагоном дальше, к Владуку, Минибай достиг цели, а я перешёл на другую платформу, чтобы сесть в поезд до места моих надежд.

Но прежде чем рассказывать про мечты о неизвестном, самое время поклониться Косте Немухину: ведь это именно он сказал, что в Комсомольске есть газета, где мало народа и работы — бескрайняя прорва.

— А сам город? — спрашивал он себя и тут же отвечал. — Легенда! А народ живёт? Героический! А река Амур! — И голос понижал: — Да там прямо в реку — тс-с! — уходят подводные лодки. И дальше в океан уплывают!

Был Костя старше меня на пару лет, сам здесь практику проходил, да так достойно, что его же не только на работу вызвали и подьёмные выслали, разумеется, дорога за счёт редакции, да ещё и переезд кого угодно оплачивали, если женат — то жены, и детей, и тётчи. Но Костя был не женат, детей не имел, поэтому, чтобы не упустить возможность, приехал с деревенской тётей своей из-под нашей уральской столицы по имени тётя Глаша. Глафира Ивановна — таким было уважительное к ней обращение.

Однако всё это — чуть погодя, а пока мне было точно известно, что Костя на работе, прибыл сюда неделю назад, да ещё и сразу получил жильё — до того здесь не хватало образованных газетчиков! И с тётей Глашей уже всюю обживаетея, о чём он, добрая душа, не ленился сообщать мне аж телеграфом. Штуки три прислал, затаскивая меня к себе, да так, что я с самого начала знал, что ночевать стану сразу у него с тётей.

На вид Костя был совершенно неказист. Лицо сероватое, будто несвежее, глазки невыразительные, голова с ранними проплешинами и спереди, и с макушки. Одевался по эпохе — непритязательно: про штаны не говорю, старые в гармошку у паха, на коленках они пузырились, но тогда ходили так почти все, и только пиджачок чёрного цвета могла освежать рубашонка с воротничком навывпуск.

Но душа! Как-то этак даже слегка прижмуриваясь, но при этом произнося слова поостроже, Костя чуть улыбался и выспрашивал про твои дела. Если ты, например, был не в настроении, он тотчас усваивал это, и принимался не то чтобы утешать, но отвлекать человека в другую и непременно ясную сторону. Если понимал, что дело в деньгах, он тут же начинал шарить по своим карманам и, если сам-то у себя ничего не находил, то удалялся, а через некоторое — и очень короткое! — время возвращался и протягивал денежки. Все знали: перезаял! Но не для себя, а для тебя.

Кроме того, Костя обожал сводить людей: представлял друг другу незнакомых, начинал рассказывать тебе про кого-то другого, и тут же оказывалось, что этот другой, стоит прямо перед тобой, и, таким образом, знакомство совершалось и почти всегда продолжалось.

Костя ещё мастерски умел мирить людей. Всякий спор, особенно околонучный, — ведь наши споры между собой, были, конечно, почти всегда толковищем не до конца образованных людей, самых настоящих недоучек, — так вот, когда они достигали точки кипения, даже готовности к рукопашной, Костя одной-двумя фразами, произносимыми примирительно и мягко, всё самое твёрдое и слишком уж уверенное как бы умягчал, сглаживал, и спор иссякал.

Костя любил хорошо говорить про людей и всему в них восхищаться. Ещё в университетских коридорах он удивлялся другим ребятам: какой хороший характер! Какие глубокие задатки! Этот далеко пойдёт! Но он же и горевал:

— Как нам всем не хватает глубины! Усидчивости! Упорства!

Себя не обижал:

— Особенно мне самому!

Увы, всякие качества человека — благие или не очень — использует окружение и даже власть. А потому Костя был записным выступающим на каждом официальном собрании. При этом, как я узнал, он никогда не записывался, а его непременно вызывали. Знали, что он ничего плохого не делает. Только откроет рот, сразу всех заговорит, загибриотирует. И ведь он не тараторил! Даже спотыкался. А когда спотыкался, задумывался, выбирая слова, мемекал, получалось, что он думает, печалится, страдает, и ему всегда верили. Именно про Костю и говорили: далеко пойдёт.

Ну, так и вышло, что пошёл он очень далеко — аж на самый Дальний Восток. С тётей Глашей на руках. А меня он не сманивал, мне самому хотелось, да ещё как! Однако Костя всё же что-то своё думал, когда звал кого-то третьекурника в газету, где самому предстояло только начинать.

В общем, на вокзале поутру Костя встречал меня с каким-то мужичком постарше, который оказался шофёром, а дальше мы сели в “Победу”, возившую аж самого редактора, и минут за десять достигли искомого.

Описывать редакцию не следует по причине её простоты и бесхитростности: верхний этаж двухэтажного сооружения, под которым, как потом я узнал, очень удобно располагалась типография. И привёл меня Костя прямо к редактору. Фамилия его была Хлебников, и он знал тут всё, как растолковывал мне Костя, потому что строил город с самого начала. Подтянутый, седой, худой, Хлебников без лишних слов и одарил меня хлебом-солью. Сперва сообщил, что ставит меня на оклад, направляет в главный отдел, называемый промышленно-экономическим, а если я ещё и фотографирую, — что вспомнил попутно Костя, — то лирические заметки с хорошими фотографиями здесь желанны и жданны.

Мне не могло не льстить, что меня приняли за взрослого человека, готового специалиста, и всё лето до сентября я с радостью вкалывал тут, легкомысленно пообещав на прощанье вернуться.

Газетная жизнь, вообще-то, — дело горячее, часто суетное, позволявшее роздых только в дни больших съездов, пленумов и речей, размножаемых через телетайп из Москвы. С этим тут не спорили, а радовались и переводили дыхание. Но в остальные дни! Я готовил чужие заметки, написанные чаще всего совершенно неграмотно, но они назывались авторскими и ценились на вес золота. Такого золота требовалось выдавать в каждом номере не меньше 60 процентов, только 40 отдавалось штатникам. Речь шла как о месте в газете, так и о гонорах. Но меня здешняя усталая и добрая редакция пропускала вперёд. Чуть не в каждом номере стоял мой материал. А иногда сразу два. И однажды — даже три!

Всё шло в дело: интервью со строителями, учителями, начальниками; записи чужих — но нужных! — высказываний; рецензии на фильмы и книги — да и какие это были книги! Например, сочинение кукольника Сергея Образцова, знаменитого уже в ту пору, о поездке театра в Англию и его замечательные соображения! И я накатал восторженную заметку, которую тут же тиснули, ещё и похвалив, хотя где Образцов с его куклами, где Англия, а где этот дальневосточный город и кто такой я!

Но всё это было впереди. А пока Костя взял меня за плечо и направил в сторону главной улицы. Мы вышли на асфальтированную дорогу и куда-то двинулись. Я порывался выяснить маршрут, но Костя говорил, чтобы я потерпел. Тут мы завернули за угол, и я будто споткнулся.

2

Прямо передо мной стояла река. Я такого ещё не видал: вода тянулась километра на два в ширину, может быть. Ну, на километр-то точно! И она, сияя отражённым в ней солнцем и небом, казалась беспредельной, особенно если глядеть направо и налево, вверх и вниз по течению. Да если и прямо смотреть, на противоположный берег, высокие сопки казались чем-то громадным, но не главным, а прилагательным по отношению к этому существительному — воде, её гигантской массе, уверенно, тяжело, с каким-то неясным и грозным назначением неспешно движущейся в неведомую даль.

Могущество воды меня поразило своим непокорством, неподчинённостью, совершенной независимостью ни от чего, кроме каких-то, может быть, верхних, нам неведомых сил. Мы же, маленькие точки по берегам, были для неё до такой степени незначительны и слабы, что она нас и в расчёт, наверное, не принимала, милостиво соглашаясь лишь с нашим удивлением.

— Ну, вот тебе Амур! — сказал Костя, прищуривши глаза от обилия света. — Поражаюсь ему, как живому! Невиданный характер!

— Далеко пойдёт! — пошутил я.

— Ещё как! — не обиделся Костя. — До самого Тихого океана!

Теперь он уже оборотился ко мне:

— Понимаешь, да просто существовать рядом с ним — и то великая удача!

Ну, а дальше произошло нечто невероятное. Никогда больше со мной такого не случалось. Всё та же “Победа” привезла нас к хорошенькому двухэтажному дому, мы поднялись наверх, в Костину квартиру, оказавшуюся ещё и двухкомнатной, но пустой, с одной раскладушкой, где, судя по приметам, помещалась Глафира Ивановна, которая, обо всём давно извещённая, приняла меня, как родственника, Костиного брата, например, только помоложе.

Мы ополоснулись в ванне — тётя Глаша торопила перекусить, а когда уселись за небольшой столик на кухне — и Костя, и я вытаращили глаза.

Глафира Ивановна удивилась:

— А чё! Я вам какой-то кашки красненькой на рынке взяла.

Эта кашка щедрой рукой была разложена по глубоким тарелкам. Да ещё и на краешки их опирались большие, хоть и дюралевые ложки — чтоб сподручней кушать получалось. Ну, хлеба нарезано рядышком не очень, чтобы много, разве каши-то хлебом заедают?

Но самая поразительная подробность: в трёх тарелках под видом каши лежала красная икра.

Тётя Глаша была крайне смущена нашим смехом. Сперва недоверчиво глядела на нас, потом вконец смутилась. И в неспешном разговоре, да потом с продолженьем, обрисовалось не что-нибудь, а вся её судьба.

Нигуда за свою жизнь Глафира Ивановна не выезжала из своей деревушки, которая и запряталась-то довольно недоступно от уральской столицы, так что она даже и там-то не бывала. Родилась, выросла, начальную закончила, крестьянствовала, братья-сёстры уехали — одна из них была Костиной матерью, — а своих детей у Глафиры не получилось по причине её некрасивости — никто замуж не взял. Вот почему она с Костей-то прямо из деревни, родины своей, и двинулась, куда глаза глядят.

Про икру никакую она и не знала, никогда её не ёдывала, но гречневую-то кашу варила, ясное дело, и когда Костя направил её на здешний рынок, да ещё в первый раз за неделю нового житья, она и взяла эту красную еду, приняв за какую-нибудь тутошнюю кашу. Да и разложила к нашему угощению!

Тем, кто усомнился в подлинности события, напомино: телевизора тогда не существовало, дороги и посейчас не до всех углов добрались, люди из деревень разбежались, не всегда возвращаясь, а забытые старухи... Их слишком много и посейчас, но дело в том, что они уже другие.

А как мы хвалили Глафиру Ивановну за эту солёную кашу! Правда, больше трёх столовых ложек одолеть не удалось! Да и то пили воду до поздней ночи.

3

Похоже, любое появление новичка в любой, а особенно небольшой редакции во все времена происходит совершенно мимолётно, в одно касание. Я поздоровался в первый же день почти со всеми. Трудность состоялась в том, чтобы запомнить с одного раза имя-отчество грядущего наставника — прямого или косвенного — и не запутаться в фамилиях-именах-отчествах.

Среди самых тихих и вежливых оказался художник-ретушёрь Игорь Николаевич, с которым я столкнулся по делу буквально через день, отнеся и напечатав свою первую катушку. На плёнке не было ничего существенного, кроме городских уголков, которые я выбирал неумело, но всем сердцем.

Одну такую картинку я и принёс Игорю Николаевичу, сперва подтвердив её необходимость газете у ответственного секретаря Тёмкина. А он когда-то закончил наш университет, так что тут выстраивалась целая уральская команда, и он встретил меня оживлённо, всё расспрашивал про наших преподавателей: кто да как!

Я ему послушно излагал, что знал, понимая радость воспоминаний. Ответсек и к Косте, разумеется, относился дружески, без всяких при этом выборов сразу возглавив уральскую компанию. Может, благодаря этому доброжелательству картинку он сразу одобрил, и я познакомился с ретушёром.

Здесь было тихо, негромко играла классическая музыка, стены были оклеены репродукциями из “Огонька”, и работа мастера с моей фотографией

заняла минут пять, не больше. Но я удобно пристроился в мягком и крепко потёртом креслице для гостей, будто в уютном гнезде птенец, и мне не хотелось двигаться.

Молчаливый ретушёр убаюкивал своим не газетным спокойствием, тихо подкрашивал белилами картинку и спрашивал меня о жизни удивительными словами:

— Ну, как там на материке?

— А разве здесь — остров? — удивлялся я.

Он посмеивался, повторял по-другому:

— Тогда как там, в России?

Мне бы поудивляться дальше, но и следовало же соображать, что это не выдуманные им определения:

— А вы, Игорь Николаевич, — спрашивал я, — где-то учились вот этому... ретушёрству?

— Да нет, — ответил он, — но я кончил художественную академию имени Репина. Есть такая в Ленинграде.

— Так вы художник?

— Занимался мозаикой. Пятнадцать лет назад.

Под влиянием нашего великого искусствознатца Бовы и коллекции открыток Вовки Потникова, мозаика светилась нам из далёких времён и несметных богатств, когда по полам, украшенным изображениями, вдоль стен, блистающих цветными камнями, в древних тогах шествовали не наши пращурь. Мои скромные познания ретушёр переводил в реальность:

— Ну, в метро полно мозаики, например.

— Значит, вы же другое умеете, — я кивал на его планшет, — а не только это.

— Умел, умел, дорогой мальчик. Но пятнадцать лет — это пятнадцать лет.

— И чем же вы занимались? — всё не в силах был допереть я.

— Скажем так, работал на золотых приисках. Далёко в тайге.

— Ничего себе! — ухал я. — Да вам книгу писать надо. Клондайк! Джек Лондон!

— Похоже, — усмехнулся он, — но не совсем. Сидел я, милый мой. То же Север. Почти Клондайк, называется Кольма. А те, кто сидят, на самом деле вовсе не сидят. Работают. Валят лес. Или золото моют.

Газетная труба звала в бой, я выскочил, условившись о продолжении разговора и, как оказалось, многих разговоров. А этот человек, пониже даже меня, и вовсе не очень старый, но белый до кончика последнего волоска, в общих чертах, никого не вина, рассказал потом, что вышел, полностью отсидев пятнадцать лет.

Незлобно усмехаясь, Игорь Николаевич сказал, что сидел за дурацкий анекдот про вождя, и за это его обвинили в подрывной деятельности, да ещё и коллективной. Что ценилось дороже.

— Вы знаете, — спросил я его, — про доклад Хрущёва? Про закрытое письмо?

— Знаю в общих чертах. Читать не мог.

— А я читал, — признался я.

Он с вниманием посмотрел на меня, потом кивнул:

— Сейчас вообще-то потихоньку отпускают. Но ко мне досрочная свобода опоздала. Я всё до конца отбарабанил.

— Наверное, — спросил я наивно, — вы ненавидите Сталина?

— Лично его — нет. И знаешь, — он выразительно, но без всяких чувств, посмотрел на меня, — я не хочу вспоминать это... А без Сталина мы бы не победили.

4

Однажды меня вызвал сам Хлебников и дал задание. Выглядело оно просто: написать статью и сфотографировать учительницу, которой присвоили звание заслуженной. Я уже напряжился, чтобы скакать, но шеф притормозил меня.

— Будь, пожалуйста, поделкатнее, — как-то странно попросил он.

Попытлел своим мундштуком и прибавил:

— Эта женщина многое пережила, но дело даже не в ней.

Я был чрезвычайно внимателен, но ничего не понимал.

— Дело в том, что её муж был в заключении, — он опять глубоко затянулся. — Ещё месяц назад, понимаешь. А сейчас представлен — только не проговорись никому, слышишь? — к званию Героя Соцтруда. Дальше его выдвинут в Верховный Совет. Жалко, если уедут.

Хлебников внимательно смотрел на меня, будто проверял самого же себя: а этот парень хоть что-то понимает? Парень не понимал, и редактор понял это.

Вздохнув, пояснил:

— Её муж — генеральный конструктор. Гениальный конструктор! То, что он изобрёл и произвёл, с трудом представляю даже я. При этом был заключённым. Просто семья жила на объекте, за колючей проволокой, и он работал, а жену отпускали на уроки в школу. Даже на машине возили. Почти двадцать лет! И вот теперь всё переменялось. Они в новой квартире, свободны.

— Как птицы? — глупо улыбнулся я.

— А вот это подтвердить не могу! Они же казённые люди! Собственность государства!

При этом Хлебников чертыхнулся, выбил окурочек из мундштука, даже разозлился:

— Я это тебе, чтобы ты не лез ей в душу! Понял! В биографию! Сделай картинку и напиши ласковый текст!

За мной даже пришла машина! Отвезли довольно далеко, на окраину, к школе, хотя на дворе стояли каникулы. Всё равно меня ждали, и я быстро предстал перед Надеждой Павловной.

Внешне она выглядела очень элегантно, была ухожена, завита, хорошо одета, стояла на каблучках, как моя мама по праздникам, но при этом и туфли эти, и платье не были отличны от одежды обычных учительниц. Просто всё аккуратное, будто новое.

Я объяснил ей поручение, назвал имя Хлебникова, попросил выйти со мной на улицу и несколько раз щёлкнул своим ФЭДом. Редакторское предупреждение как-то окорачивало меня, остерегало, может быть, и я всё не решался, что же мне такое спросить, ни о чём не спрашивая. Наверное, заметив мою неуверенность, Надежда Павловна предложила:

— Мы живём неподалёку, может, вы проводите меня? А потом вернётесь к школе. Машина будет ждать.

Я пошёл рядом с ней и вместо того, чтобы расспрашивать, за что ей присвоили звание, для себя неожиданно стал рассказывать, как в войну наши уроки начинались при свечах и копилках. Получилось интервью наоборот, и Надежда Павловна с любопытством взглядывала на меня, а когда подошли к двухэтажному новому дому, вдруг пригласила:

— Вы пьёте кофе?

Ну да, я пил кофе с молоком в университетской столовке, да и дома мама изредка, может, в день рожденья, готовила мне, да и себе с отцом что-то, что называлось кофе. Я даже кивнул как-то обыкновенно, неудивлённо, и совершенно ошибся.

Надежда Павловна позвонила, нам открыла молодая, быстрая и чёткая женщина, и я сразу уловил, что это не родственница, а ещё кто-то, да и без кого-то такая квартира была бы, наверное, неупотребима для жилья. Мы прошли через зал, где стоял громадный рояль, мимо приоткрытых дверей, наверное, кабинета — в прорезь виднелись шкафы до потолка, забитые книгами. Путь лежал на кухню, и, сполоснув руки, Надежда Павловна взяла какой-то медный, слегка похожий на кувшин, сосуд с деревянной ручкой. Что-то она насыпала туда, нагревала на плите, мной до сих пор невиданной, потом принесла мне и себе две крохотные, изящные чашечки.

— Кофе по-турецки, — пояснила хозяйка и присела напротив.

— Я вам посоветую, — сказала она мне неожиданно, — когда окрепнете в своей профессии, когда придёт к вам желание и умение, напишите

про эти свои военные уроки! Про школу, про учительницу! Про всю вашу жизнь!

— Но это было в детстве! — возразил я.

— Вот именно! — кивнула она. — Это было в вашем детстве. Ни одно детство никогда не одинаково с другим! Похоже — да! Но не одинаково!

Встреча обретала односторонний характер. И я, простофиля, ещё не услышал ни слова от моей героини. А она это понимала.

— Ну! — сказала, будто услышав мою тревогу. — Напишите своими словами. В школе работаю четверть века. Двадцать последних — здесь. Преподаю математику в старших классах: алгебра, геометрия, тригонометрия. Полубить математику — непростое дело! — И я в этом месте закивал. — Но многие выбирают её, потому что инженером стать — почётное дело! И ребята, отучившись в институтах, возвращаются на наш объект. — Попривалась. — На наш завод.

Она улыбнулась.

— На остальное, наверное, вам намекнул ваш редактор, так что пока забудем это. — И отвернулась к окну. — Всё хорошо, что хорошо кончается! — проговорила невесело.

И тут громко хлопнула дверь. А на кухне возник огромный дядька, сияющий и громкоголосый.

— Надя! — гаркнул он, смеясь и не обращая на меня ровно никакого внимания. — Собирайся! Вылет — по готовности! Звонили из Кремля! Вызывают на встречу! Самолёт прогревает моторы!

— А это, — указала на меня Надежда Павловна, — юноша из газеты! Пришёл написать про школу.

— Написать? — удивился он поначалу, потом встряхнул головой. — Ну да, написать! Срочно написать! Конечно, написать!

И убежал куда-то.

— Ну, в общем, так! — завершила встречу Надежда Павловна. — Он находился в заключении почти двадцать лет! Но он оказался нужен! И создал целый мир! Сейчас об этом нельзя, молодой человек! Но скоро будет можно! — И вдруг продекламировала красивым, как у артистки, голосом:

— *Товарищ, верь, взойдёт она, звезда пленительного счастья!*.. — А потом спросила:

— Вы Пушкина, конечно, помните?

И, не дожидаясь моего ответа, завершила:

— Пора! Пушкин зовёт!

Машина, которая должна ждать меня во дворе школы, бесследно исчезла, я добирался автобусом и едва не опоздал в редакцию.

Хлебников лично выбирал снимок в номер, пока я шкрябал банальный текст из общих слов, но с требуемой лаской, подтверждал милый образ заслуженной учительницы.

5

Между тем, я состоял при отделе, называемом промышленно-экономическим, и Тёмкин то и дело возникал в проёме нашей двери, умоляя:

— Ребята! Нет ничего ни промышленного, ни экономического!

Мой заведующий Пётр Сергеевич начинал перебирать разные пачки писем, мы складывали их в подборку, придумывали общие заголовки, которые и занимали вторую страницу, а мой Петя горячился в ответ на тёмкинские требования:

— Почти все заводы — закрытые! Какая экономика? Какие материалы? — И отпросился у Хлебникова в отпуск.

Я оказался в одиночестве. Самоходом отправился в строительномонтажное управление, под волшебным обаянием газетных корочек, добрался до самого начальника и попросил рекомендовать самого лучшего рабочего, да поразговорчивей, чтобы можно было записать его рассказ, почему он лучше других.

Начальник дал мне провожатого, через двадцать минут с башенного крана, вытирая руки о бока куртки, ко мне слез не очень-то и молодой, но энергичный мужчина, который тут же и нарасказал мне про свой опыт, да так, будто он делает это через день — да каждый день. Конечно, я сфотографировал его на фоне крана. Строил он, кстати, жилой дом, может, тогда самый высокий в городе.

Уже через день большой рассказ этого крановщика стоял в номере, Тёмкин расхвалил его на летучке, а Хлебников подтвердил, что звонили откуда-то сверху — он ткнул мундштуком в небо — и тоже хвалили строителя. Какой он, мол, толковый работяга.

Мне Хлебников подмигнул при этом, Тёмников показал гонорарную разметку, где рукой главного, его синим карандашом цифра в мою пользу увеличилась вдвое.

Но следующий мой выбор оказался печальным.

Полистав телефонный справочник, я отправился на протезный завод, предварительно позвонив директору. Им оказался рыхлый и какой-то безвольный человек, который, будто заранее оправдываясь, раза три повторил мне, что он тут недавно, понимает, что жалоб много, но пока не во всём разобрался, поэтому готов помогать мне, как только может.

Я догадался попросить книгу жалоб или даже отдельные письма, и директор вынул из глубин стола пухлую папку. Я пришёл в ужас. Невидимые мне люди — безногие, безрукие, все подряд больные — ругали завод, его протезы, низкое их качество и, конечно, директора. Правда, не этого. Его предшественников. Назывались три или четыре фамилии.

Дальше мне дали сводки выполнения плана, я его штудировал в силу своего понимания, и несколько фамилий, дававших низкий процент, записал.

Рыхлый вызвался проводить меня в цех, который оказался простым баком, уставленным примитивным оборудованием. Какие-то тиски, какие-то печи, какие-то формы.

К директору бросились чуть ли не все сразу, так что мне пришлось отойти в сторонку и слушать жалобы сбоку. Рабочие ходили на рыночную толпу. Все говорили сразу — им не хватало того и сего, заказы не исполнены потому и посему, на зарплату прожить невозможно, и много ещё такого же, разбираться в чём было немисливо человеку, зашедшему хотя бы и на полдня.

Директор вылетел со мной, совершено потный и ещё, кажется, рыхлее, похожий на студень, и повторяя себе под нос:

— Надо бежать! Бежать!

Вечером я вымучил из себя заметку про народные жалобы, плохое оборудование, никудышные зарплаты, смену директоров, ну, и назвал несколько зlostных невыполнителей плана.

Через день заметку тиснули, а после обеда кто-то громко заговорил на лестнице, в редакцию ворвался старик и крикнул:

— Кто такой Кузнецов! Дайте мне Кузнецова!

Я встал, ничего не понимая, вышел навстречу, но меня опередил опытный Тёмкин.

— Вы кто будете? — спрашивал он твёрдым голосом. — По какому вопросу? Проходите ко мне!

Подмышкой лысый этот и худой старик держал что-то вытянутое, обтянутое холщовой тряпичей, может, даже похожее на оружие или какую-то трубу.

Дверь в кабинет ответсека была всегда отворена, и там стоял большой стол, где чертились макеты полос. На этот стол, не переставая напористо выкрикивать несвязные фразы, старик тяжело бухнул свою ношу и развернул тряпицу.

К тому времени у Тёмкина собрались любопытные, старшие мои товарищи роптали по адресу шумного посетителя, но когда он снял тряпку, все ошенили.

Это была нога. Самая настоящая человеческая нога, только гипсовая.

— Это только слепок! — кричал старик. — Его надо превратить в протез! Сделать пластмассовой! Снабдить подвижной системой! Смонтировать

коленный сустав из дефицитного металла! А у нас ничего нет! И я не выполняю план, потому что это невозможно! Всё липа! А ваш Кузнецов! Где он! Пусть попробует сделать ногу! Руку! Пусть хотя бы чего-то поймаёт!

Откуда-то из-за моей спины в комнату зашёл Хлебников, представился старику, пожал ему руку, вежливо попросил пройти к нему в кабинет. Старик согласился, а гипсовую ногу оставил на столе секретариата. Она так и пролежит тут до конца дня.

Тёмкин махнул, чтобы все расходились. Ушёл в отдел и я. Тошнѳхонько мне стало. Я взялся руками за виски, повторяя себе: “Дурак! Дурак! Дурак!”

Мельком подумал, что, может, оказался под влиянием директора. Он ведь не может справиться, и я это только описал, не сильно вдаваясь в смысл. Я сгорал со стыда. А в редакции стояла тишина, никто не заглядывал ко мне, не выходил и я. Только Костя зашёл раз пять, но теперь не утешая, а высказывая предположения.

— Может, надо было не спешить, походить туда дня три!

— Наверное, надо выяснить, кому они подчиняются, и потолковать с начальством?..

— А парторганизация там есть? Комсомол? Но профсоюз-то есть!..

Я пожимал плечами, и выходило, что Костя на сей раз не утешает, а напротив, разбирает мои ошибки.

Текущий номер подписали в печать, Тёмкин закрыл кабинет, так и оставив на столе гипсовую ногу, Костя отправился к тѳте Глаше, а я, сославшись на работу, остался у себя.

Зашѳл наш Репин — так мы с Костей уже обозвали про себя ретушѳра. Он, конечно, выскочил на крик, стоял в толпе и всё прекрасно ведал. А сейчас сел на стул, закинул ногу на ногу.

— У меня там, — мотнул головой на окно, — сколько раз так было! Моешь, моешь, охрана пьянствует, а у тебя — пусто. Бывало, и жратву сокращали, дескать, вкальвай усерднее. А потом — раз! — и крупный камешек. Раз! Небольшой самородок! Сразу план за три месяца. Ещѳ лучше — план всей бригады! Это нас и держало. Все гребли для всех!

Приоткрытая дверь кабинета скрипнула, и вошѳл Хлебников. Когда входит в комнату высокий человек, он толкает перед собой воздух, и этот воздух приносит свежесть. Так что сначала в комнату втокнулся воздух, потом вошѳл самый здесь главный и устало бухнулся на диван.

— В общем, этот дедуля обиделся за его упоминание. И правильно, потому что он там лучший из всех. Я заехал в горком, по заметке состоится их постановление. Задницу намьлят всем подряд — очередь ампутантов этих огромная, а материала для работы нет.

Он поглядел на ретушѳра и ткнул пальцем в меня:

— Если бы он не наврал, так бы там всё и догнивало. Так что...

— Враньѳ — движущая сила? — усмехнулся наш тихий Репин.

— Не враньѳ, а печатное слово! — мотнул головой Хлебников. — Это вроде ключа зажигания в машине!

Потом обернулся ко мне:

— А тебе это... Зарубка на память. Запомни этого старика!

Помню, шеф, помню.

Помню ещѳ, что на мою практику пришлась одна непростая перемена. Газета “Сталинский Комсомольск” стала называться “Дальневосточный Комсомольск”. Во время посиделок у молчаливого ретушѳра я спросил, как он отнёсся к перемене.

Наученный думать, прежде чем говорить, он ответил, взяв вначале долгую паузу:

— Не он называл. Не он и переименовывает.

6

Однажды, и как-то между прочим, Костя сказал, что у него тут живѳт ещѳ один родственник, двоюродный племянник тѳти Глаши по имени Клим.

Больших по размерам людей Дальний Восток, наверное, притягивал особенно, и Клим явился совершенно громадным, вроде того конструктора,

однако моложе летами — этакая детина, опять же моряцкого происхождения. Он перебрался с Камчатки, где отслужил на флоте, потом порыбачил на траулере, заработал денег, и вот приехал на тот самый незримый заводиче, откуда по ночам что-то таинственно выплывало в Амур.

Клим, вступив в Костину квартиру, как-то сразу заполнил её своей массой, своим голосом, смехом, вольными жестами, да и был-то он к тому же не один, а с девушкой Елизаветой.

В ту пору не было принято, чтобы влюблённые при всех обнимались или, не дай Бог, целовались, поэтому они просто сидели, тесно прижавшись друг к другу, а маленькая и хрупкая Лиза никак не могла положить Климу голову на плечо. Поэтому просто прижималась к нему, а он поднимал, смеялся, руку, и она под этим огромным крылом удобно умежалась, ответно попискивая, как птенчик.

Тётя Глаша хлопотала на кухне, а Клим уже раза три предупредил, что они с Елизаветой пришли сюда неспроста, а чтобы сообщить важное известие. Костя похохатывал, всюду улыбалась и наша знаменитая кашеварка, над знаменитым угощением которой ржала вся редакция, вплоть до машинисток, — словом, Климово сообщение носилось в воздухе, подразумевая самую главную тайну: когда?

За столом всё это и выяснилось, само собой, вызвав разностороннее удовольствие, только Костя сделал рабочее уточнение: “Накануне приходит эшелон с добровольцами, для них очищают целый квартал общежитий, а Климова комнатка как раз на краю этого поселения”.

Никто этому замечанию не придавал никакого значения, свадьба есть свадьба, но вся беда, что мы с Костей, точнее — именно Костя! — уже являли собой некое общественно-политическое явление. Странно подумать, что мы что-то такое собой представляли! Были сотрудниками газеты! А газета — что? Коллективный пропагандист, агитатор и организатор! В общем, кого-то мы изображали. Ошибочно, конечно.

Я был на вокзале и оказался пристяжным в команде опытных работников, которую возглавлял Хлебников, ясное дело, из молодых — Костя и я с фотоаппаратом.

Моё дело — щёлкать направо и налево, всем остальным — спрашивать, брать интервью, в общем, вечером в день прихода эшелона “с материка”, как сказал бы Репин, мы, как на большой кухне, готовили блюдо завтрашнего дня — с картинками на первой и второй страницах, с текстами разного рода, и до того дошло, что Хлебников пошёл диктовать своё предисловие к номеру прямо на линотип.

По винтовой железной лестнице я спустился в типографию, чтобы полюбопытствовать, как это делается, и уже увидел процесс, где автор не перед машинисткой выхаживает, а перед огромным, щёлкающим агрегатом, где сразу каждое слово и отливается в металл.

Хлебников говорил громко, чтобы перекричать шум, почти кричал, а увидев меня, сделал большие глаза и замахал мне руками, чтобы я сматывался.

На том и закончилось. Утром вышел номер, можно сказать, праздничный, потому что описывал торжественную встречу новосёлов и радость старожилов.

7

Таким образом, утро не предвещало ничего худого, мы с Костей обсуждали, что купить Климу и Елизавете, потом оказалось, лучше дать деньгами, и я передал Константино свою долю.

Ясное дело, утром и вечером нас кормила Костина тётюшка, днём мы бегали в столовку, и я, может, впервые в студенческую эпоху, не считал — надо же! — денег. Два раза в месяц получал зарплату, а к ней прилагался гонорарий, часто в несколько крат зарплату превосходивший. Костя меня наставлял: открой сберкнижку, клади лишнее, зимой пригодится! Я соглашался, но это совершенно не было важным теперь! Несколько раз мои заметки

перепечатывали в краевом центре и слали переводы. Одну фотографию — портрет красивого паренька-фэзэушника — я послал на конкурс аж в самую “Комсомолку”, её напечатали, дали награду и послали гонорар, удививший всех моих коллег. Не знаю, что привело к удаче: то ли красивый мальчик в фэзэушной форме и несколько строк про него, то ли далёкий наш адрес, но радовался картинке в центральной газете не столько я — я-то как-то затревожился, хорошо ли? — а вся редакция. Даже поглядывать на меня стали почтительнее некоторые. Особенно машинистки и уборщицы.

Про строителей-добровольцев я тоже сколотил заметку в край, продиктовал её даже по телефону, и мы с Костей отправились на свадебное торжество.

Топали мы пёхом, расстояние нас не пугало, день стоял жаркий, а вечер обещал тепло, тишину и благодать, к тому же с Амура лёгкими волнами нас достигала нежная прохлада.

Мы приблизились к кварталу двухэтажных бараков, — и Костя, и Хлебников говорили, что с них когда-то и начинался город, — но тихое это место сегодня предлагало что-то неожиданное.

Пробежали мимо нас немолодые люди, промчались, повизгивая, девчонки, сразу штук пятнадцать, что ли. Навстречу хромала пожилая женщина.

— Ой, скорее, милые, скорее! — проговорила она. — Что там дёется! Мамаево побоище!

Мы прибавили шаг, даже перешли на перебежки.

И тут открылось довольно большое пространство между двух рядов серых бараков. Расстояние между домами составляло метров семьдесят, но сами-то эти бараки тянулись далеко.

И вот между ними дрались люди. Некоторые постарше нас, но и наших ровесников хватало. Бились, как в историческом кино, — стенка на стенку, и понять, кто на кого, было невысказано. Одни парни лупили других, а женщины их же возраста прижимались к баракам и болели за своих:

— Лупи их, лупи!

И вот тут в Косте, да и во мне, хотя и в меньшей степени, проснулись представители прогрессивной общественности.

— Да что же такое творится! — воскликнул негромко Костя. — Их надо остановить! Они перебьют друг друга!

Он повернулся ко мне не то, чтобы всем лицом, всей фигурой, а всей душой:

— Надо позвонить в милицию! А телефон — там, — он указал на подъезд, у которого крутилась самая что ни на есть мясорубка.

— Прорвёмся? — спросил он.

— Прорвёмся! — ответил я, вспоминая скромный опыт комсомольского оперотряда.

Не вступаая в бой и не схватив ни одного случайного удара, мы ворвались в подъезд общаги. По бокам там стояли два дивана, а на столике в углу чернел телефон.

Костя махнул редакционным удостоверением, подскочил к телефону, набрал милицию. Крикнул:

— Это Немухин из газеты! Массовая драка у общежития добровольцев! Высылайте наряды!

Я запомнил это, а потом ещё думал про эту оговорку: Костя сказал не “наряд” — одному наряду милиции делать здесь было нечего, что и произошло, — а “наряды”. А это логично принять за одежду. “Высылайте наряды!”

Но такое могло лишь мелькнуть, как осколок уходящего света! Меня ударили сади, и я оказался на диване. Костю швырнули на другой. И молча — молча! — стали нас лупить. Хорошо, что только руками.

Но и этого доставало!

В глазах, да и во всей голове сверкали отчего-то синие молнии, надо было укрывать лицо, но тогда удары приходились в живот, в плечи, в бока. Можно было бы наклониться, закрыть руками лицо, тогда открывались уши, а это тоже слабое место человека.

Меня били, а я даже не мог приподняться, не мог вскочить, чтобы побежать, например, чтобы как-то воспротивиться. Нас били беспощадно, безответно, и за что? За звонок в милицию?

Наконец, кто-то отчаянно заорал, и я узнал Костин голос. Костя кричал так, как кричат, когда убивают. И молотобойцы на секунду остановились.

Она оказалась спасительной. Мы разом вскочили и кинулись к дверям. Окровавленные лица наши, похоже, что-то собой означали, и драка перед подъездом вдруг приостановилась, а толпа чуточку расступилась. В этот человеческий коридор кинулись мы, добежали до выхода из него и ринулись к дальнему бараку, где нас ждал Клим.

Мы ворвались в комнату, где за столом уже сидели жених в пиджаке с галстуком и невеста с чем-то беленьким на голове. И вся свадьба вскочила. Маленькая Лиза подпрыгнула и повисла на Климе, удерживая его. Но он ласково освободился от объятий, скинул пиджак и возглавил ударный батальон. Ребята, с которыми мы крепко сойдёмся в течение следующего часа, собрались на Климову свадьбу всё заводские, отслужившие армию, и никто из них не усомнился в праведности атаки.

Я её не видел. Но Елизавета и весь женский состав в один голос подтвердили, что Клим во главе своей бригады начисто уложили всех, кто был на дорожке у общаги, ворвались в подъезд, перевернули диваны, оставив в целости лишь невинный телефон. А когда выскочили обратно и увидели побитых мильтонов в порванных кителях — стали биться дальше, пока не подоспело государственное подкрепление.

Наряды. Во множественном числе.

8

Пока совершался акт мщения, мы с Костей, сменяя друг друга, держали под краном то лицо, то всю голову, то руки, которым тоже досталось. Топтались мы на кухоньке полуголые, а разные гости женского рода, которых я и видел-то первый раз, заходили по очереди, чтобы осмотреть наши голые торсы и установить, что в целом мы ещё пока живы, а больница не требуется.

Но голова трещала! Зубы шатались, а у Кости один зуб шатался даже очень основательно, угрожая выпасть. Кое-как нас переодели в рубахи Климова размера, они висели на нас вроде халатов, а потом вернулся и разгорячённый жених со свитой друзей.

Они кричали, возбуждённо перебивали друг друга, но, едва Клим умылся и повязал галстук, все радостно уеселись за стол.

— Добровольцы добровольцами, — подвёл он итог схватки, — но и наши хороши! Устроили, видишь ли, гостеприимную встречу!

Стол, раскинувшийся перед нами, был народным от начала до конца, и жратвы обнаруживалось в избытке. Но нам есть не хотелось, да и не могло — зубы-то шатались. Какая-то добрая тётянка налила гранёный стаканчик чего-то мутноватого прямо из эмалированного чайника, и когда я устало спросил, что это, она ответила, мол, вино. Мы с Костей залили это в себя. Заметно полегчало. Пришлось добавить.

— Ну что, — спросила дружески всё та же тётянка, — понравилось наше вино? Так это спирт, чаем подкрашенный!

Первые полустаканчики прокатились как по маслу. И надо же — действительно стало легче. Напиток доброжелательно успокаивал, утишал боль, заглаживал драку, и мы стали отходить, оттаивать, полегоньку закусывать.

А Клим, успевая отвечать на яростное “Горько!”, попевал ещё и хвалить нас с Костей, удивлялся, как это мы вошли прямо в глотку зверя, нашли слабое место в этой глотке и позвонили в милицию.

— А те, что били их, — варвары! Причём, скорей всего, наши братья! Охраняли ведь телефон-то, охраняли! Выходит, битва была запланированная! Решили сразу прочулить! Ну, гады!

Под эти восторги, когда на нас посматривали, о нас не только говорили, но и шептались, жизнь быстро улучшалась, боль пряталась, а дурацкое

в общем-то наше поведение начинало окукливаться в миф, в легенду, пусть даже для узкого круга, обеща превратиться из куколки в прекрасную бабочку странной известности.

Мы с Костей пересели рядышком, чтобы было сподручней обниматься, — два героя! — о чём-то болтали со всеми подряд, говорили Климу с Лизаветой длинные и несвязные задравные речи с пожеланиями и, ясное дело, благодарностями. Подходили — и не раз — к зеркалам, впадали в ужас от синяков и ссадин, но со всех сторон встречали только сочувственные, благодарные, даже почтительные взгляды.

Особенно восхищённо глядела именно на меня младшая сестрёнка Елизаветы. Всё застолье как-то небрежно, даже почти неуважительно поглядывало на неё, и когда я попробовал выяснить её данные, всё та же добрая тётка ответила, махнув рукой:

— А-а, Маринка! Ласковая дурочка! Маляром-штукатуром работает, из фэзэушниц!

В скором времени я оказался пьян. Меня отвели в квартиру напротив, где на разные рулады уже храпел Костя. Чьи-то тела громоздились на полу, на ковриках и кинутых пальтецах. Битва, переходящая в праздник, закончилась грудой храпящих тел.

Где-то уже под утро я вышел в трусах на общественную лестницу, заскокил кое-куда и облегчил своё существование. Поднявшись, увидел, что дверь в соседнюю комнату приотворена. Я расширил щель и увидел, что на раскладушке лежит, распахнувшись, Маринка. Сама комнатка походила на коридорчик, да потом и оказалось, что это кухонька, а не жильё.

Вот когда вспыхивают малозначимые слова! “Ласковая дурочка”, вспомнил я, вошёл в комнатку и притворил дверь. Я прилёг к Маринке, и она воскликнула перепуганно:

— Кто это?

— Я, — только и удалось мне произнести.

Удивительно, но она вздохнула и больше не проговорила ни слова.

Нет, не мыслящий, не стремящийся к чему-то значительному, не знающий высокие стихи, не ведающий, хотя бы приблизительно, что такое экзистенциализм, а мокрый, жалкий, отчаянный, но радостно добравшийся до запретного плода щенок обретался сейчас в чужой комнатёнке, на чужой раскладушке, наслаждаясь чем-то, ему не принадлежащим. “Ласковая дурочка” не явила никакой ласки, да и почему она дурочка, я не понимал.

Потом я вышел на улицу всё в тех же трусах и майке. Чьи-то огромного размера тапки шлёпали на ногах. Я тупо двинулся к месту вчерашнего побоища. Ничто не напоминало о нём. Правда, в рассвете, наступающем всё настойчивей, промелькнула фигура, другая. Скребла метла о сухой асфальт.

Я постоял, не чувствуя, не понимая себя, не зная, что со мной произошло в последнюю половину суток.

Потом повернул, добрался до места, где по-прежнему стояли духота и храп, свалился в своё логово и проспал до обеда следующего дня. Хорошо, что это было воскресенье.

Повесть седьмая

СТАРШЕКУРСНИКИ

1

Прощаясь со мной, Хлебников сказал то, о чём я не думал.

— Нет, ты к нам не вернёшься!

Костя Немухин, бывший рядом, вскинулся, готовый возражать, но подумав, вопросительно оборотился ко мне.

— Мне очень нравится, — пробормотал я, сбитый таким ходом разговора, — но я ещё ничего не знаю.

— Это правильно, — заметил суровый первостроитель, — что не знаешь. Тебе ещё рано что-то знать про себя...

Ни обниматься, ни многословить в ту пору не было принято, вечером я сел в поезд, а наутро мы встретились с Минибаем в Хабаровске, откуда, тоже к вечеру, двинулись в сторону альма-матер. Теперь мы ехали почти как буржуи — в плацкартном вагоне, две нижние полки, на которые, хоть и присаживались за пять-то дней пути верхние пассажиры, но всякий раз спросясь и оказывая нам ярко выраженное почтение.

Мы оба досыта напечатались в своих газетах, и первое время взаимно изучали творчество друг друга, обсуждая, прибавляя подробности и досказывая недописанное. И он, и я стояли на окладах, кроме гонораров-то, и это подчёркивало отношение к нам редакций, куда мы явились на практику, — вполне доброжелательное, даже симпатическое, — и карманы наши, мой — пришитый ещё бабушкой, с пуговкой для пущей сохранности кровно нажитого, — слегка топорщились, с одной стороны, намекая на пробную трудоспособность, с другой, — гарантируя слегка уверенное будущее.

Впереди лежали два курса, на которых было бы глупо сорваться на каком-нибудь истмате. Или вообще сломаться на иной ерунде. Наше будущее уже вырисовывалось, волнующая и обнадеживающая.

Ясное дело, друг мой со всем вниманием выслушал историю всеобщей драки новосёлов и старожилов или наоборот, все подробности в самых мелких деталях, участь, постигшую Костю и меня как представителей общественного мнения, на которых драчуны обернули особую ярость.

Наш Хлебников раскрутил после драки целую бучу, поднял на расследование власти, милицию, провёл даже “круглый стол” в редакции — что, мол, случилось, какая такая причина для массового побоища и возможно ли повторение такого или продолжение? Ведь лагеря для эжков разного свойства продолжают освобождать.

Я сидел в уголке при этом “круглом столе”, разумеется, помалкивал, но видел, что люди из власти и милиции искренне недоумевают, хотя среди новосёлов и старожилов милиция обнаружила людей, отсидевших сроки.

Вывод был не для печати: участников массовой драки столько, что всех не посадишь. К тому же серьёзных жертв не обнаружено — только синяки да ссадины, как у нас с Костей. Ясное дело, за побоищем стоял ещё и политический фон: комсомольцы-добровольцы, едущие помогать, вдрут передрались со старожилами, строившими Комсомольск годами. Какое-то несовпадение!

Любопытно, что в уголке за редакторской спиной притулился наш ретушёр Игорь Николаевич. Я ещё, грешным делом, подумал: на него это не похоже, в его узкой комнате смиренно играла классическая музыка, утешая душу, а тут самая что ни на есть современная разборка. Но ретушёр и вынес главный приговор всему произошедшему. Как-то негромко и вроде самому себе под нос он вдрут проговорил в тишине, наставшей после долгих дебатов:

— Просто отпустило!

Все эти серьёзные люди молчали, теперь, похоже, раздумывая о глубинных, может быть, течениях вод, и Хлебников спросил:

— Ты, Игорь, подразумеваешь пушкинское? Про русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

Ретушёр шелохнулся и ответил:

— Скорее, это похоже на медведя, который укладывается на лёжку... Ворочается, ворочается! Может и придавить!

Костя после обсуждения пожимал плечами, помыкивал, ну, и я, признать, не достиг даже близко философической мудрости Игоря Николаевича. Да и ведь обоим нам досталось в том побоище, а это не очень располагает к стратегическим рассуждениям.

Но вот мы ехали с Дальнего Востока, и я физически отодвигался от жестокой драки, которая уже допускала и её мифологизацию, и терпеливое возвращение к бессмысленности и бесцельности драки стенка на стенку, вообще-то исторической по своей форме — так дрались молодые мужики даже с двух краёв одной деревни, о чём мы почему-то хорошо знали, и я, неторопливо обсуждая с Минибаем одну из страничек собственной биографии,

всё больше и больше соглашался с ретушёром, который ведь и за политику пострадал, и золото мыл, и в драках, поди-ка, по молодости участвовал. А может, этот многострадальный ретушёр, нахлебавшись вдосталь, просто ретушировал целую эпоху?

Получалось, что беспричинность мордобоя, ненависти, даже, лютой у русских проходит и отлетает так же бессознательно и легко, как приступы доброты и самопожертвования, думал я своим незрелым умом, что и поспешил выразить словами.

Минибай не согласился:

— Это отрывка! От какого-то страшного обжорства! Это отместка за великую обиду! И, может, отместка самим себе!

2

Трижды в день — поутру, в обед и вечером, — как вполне состоятельные граждане, мы ходили в вагон-ресторан, официантки которого дружелюбно нам улыбались, назубок выучили наш обеденный спрос — оливье, солёнка и бифштекс с яйцом, — что ещё долгие и долгие годы будет нашей незабвенной триадой, даже во взрослые лета, и к ним — в обед-то! — добавлялись славные сто граммов белокурой да бутылочка “Жигулевского”.

Всё это позволяло обедать долго, неспешно, обсуждая окружающую действительность и рассуждая на темы, нам неподвластные, как это часто случается с русским подростом.

Впрочем, политику мы обходили, да и что нам за дело было до Молотова, Маленкова и “примкнувшего к ним” бывшего комсомольского секретаря Шипилова. Там, в высотах, совершенно недоступных, что-то шуршало, разоблачалось и отваливалось, и в этих событиях ближе иного казались предметы, о которых прежде судить нам не приходилось.

Например, вдруг оказалось, что в державных облаках царствует разврат. Вдруг выяснилось, что создатель “Биографии И. В. Сталина” по фамилии Александров, академик и министр культуры целой страны, устроил бардачок с самыми чудесными красотками театра и кино, в которых мы были влюблены. Грязь пролилась, министра сняли и отправили из столицы с глаз долой. А к нам, в столицу Урала, для перевоспитания, наверное, отправили его соратника по разврату, члена-корреспондента Академии всех наук Кружкова. И в качестве — кто бы мог такое выдумать? — главного редактора славной уральской газеты, а по совместительству профессора марксизма-ленинизма. И где? На нашем собственном факультете.

Подвыпив и влюбленно глядяваясь в пейзажи чудесной страны, крутящиеся за окном, точно гигантская граммофонная пластинка, мы с Минибаем на все лады спрягали научные достоинства сосланца из московских далей, вышучивая и его членство, а также корреспондентство, раз уж он стал редактором и обучал марксизму газетчиков.

В этом лёгком полуподпитии я болтнул милой официантке на её вопрос, кто мы такие и куда отправляемся, что перед ней ни кто иные, а золотоискатели! История ретушёра не оставляла меня в покое. Минибай тут же меня оборвал, чуточку приобидев:

— Да он шутит! Мы — бедные студенты! С практики едем!

Официантка поморгала, отошла, а я заметил:

— Разве вредно — малость приврать?

— Дорога дальняя, — ответил друг, — я тут интервью брал! С начальником железнодорожных милиционеров! Хоть за детектив садись, что на дорогах творится! А ты! Золотоискатель! Задницу прочистят!

— Как это? — не понял я.

— Знаешь, как золото с северов вывозят? Правда, бабы. У мужиков хуже получается.

Я не знал.

— В презервативах! Которые, сам знаешь, куда засовывают!

Я ахнул. Что-то ретушёр мне про такое не рассказывал. А Минибай знал и не врал, похоже, да и зачем ему врать, если ещё и знает всякие подробности.

— Этим заняты воры в законе, — пояснил он. — И какие-то банды с юга! Мы, братец, и представить не можем, что происходит в той, подпольной жизни!

Но это всё были мысленные, так сказать, утверждения. Лишние знания, которых, в общем, оказывалось чересчур много — так много, что они складывались в другую, параллельную жизнь. Вот мы сидим в ресторане, а наши чемоданы запросто могут обшмонать расторопные ребята, да так, что никто ничего и не заметит. Даже из вполне доброжелательных соседей. Поэтому девиз “Всё своё ношу с собой”, внушённый мне ещё моей бабушкой, пришитый внутренний карман, был разумной народной мудростью. У Минибай имелся похожий. А про золотоискательство и шутить оказывалось опасным в те времена, только начинавшие освобождаться от страхов.

Ещё с вокзала в Хабаровске мы, узнав, когда проезжаем Красноярск, дали телеграмму Джурке. А и вспомнили о денеше-то только при подъезде.

Но на вокзале у проходящего поезда толкалось человек пять-шесть, и Джурки не было. Мы вышли на перрон.

И тут — о, Боже! — я увидел Джуркину мать! Я же видел её, когда она приезжала, а Минибай — нет. И вот она шла ко мне, не очень молодая, обыкновенная, круглолицая и доброжелательно улыбающаяся. Он неожиданно я растерялся. Минибай толкался рядом, совершенно не понимая, что происходит. А я начисто забыл, как её зовут. Но она пришла на выручку.

— Здравствуйтесь, ребятки! Я вас узнала! Джурик улетел самолётом, и я, получив телеграмму, решила вас встретить.

И протянула нам две тряпичные сумочки.

— Там еда, ничего особенного! Покушайте в дороге!

Больше говорить было не о чем. Джурка ведь сначала остался на старой частной квартире, когда я съехал в общежитие, и наши отношения, естественно, изменились. Теперь на троллейбусном буфере мы висели вместе с Минибаем. После Джуркиного покаяния вроде всё утихло, его окучивала профессорская дочка Алёна Грачёва, а он и вовсе переехал на другую квартиру и жил в комнате с Толей Пудолем. Поближе, видать, к газетным делам. Все эти передвижения создавали новую географию его жизни, несколько отличную от нашей, и мы не то, чтобы отдалились, но...

После лекций мы сбивались в привычных аудиториях, ели у тётки Дуся и снова оставались с книгами на угретьх местах, а местные, здешние, городские удалялись восвояси. И как-то незаметно к ним примкнул Джурка.

Такая вот складывалась рекогносцировка перед прощальной фразой Джуркиной матери. Поезд тихо тронулся, мы стояли в тамбуре, и она сказала нам совсем негромко:

— А Джурик с Алёной решили расписаться! Скоро увидимся!

Вот это был удар по нашим наивным ушам!

Ведь даже и переспросить-то нельзя: поезд набирает ход, а женщина, сообщившая новость, остаётся за пределами дверного проёма.

Последнее, что, наверное, увидела она, были наши округлившиеся глаза.

3

Та осень была благоуханна и светла!

Время от времени, изменяя тетё Дуся, мы ходили полатать в Дом крестьянина, где действовала столовая же, но чуть попримичнее, чем студенческое спасалище. Там, например, подавали “чай парами”, — оказалось, не стаканами, а целыми чайничками, по-купечески. После обеда мы переходили трамвайные пути прямо напротив столовой и забредали в аллеи знаменитого дендрария.

Вот там, на широченных скамейках, похожих на вокзальные, нас тихо, без всякого предупреждения, постигала хоть и краткая, но благодать. Мы съездили в неизвестные прежде края, приспособились там и даже оказались чуточку нужны; вернувшись, защитили практику на пятёрки, и про нас покатила хлипенькая, но положительная молва: эти парни не пропадут.

В дендрарии мы ни слова, пожалуй, не проговорили о будущем, но, похоже, оно развиднелось, будто тропка освободилась от тумана, и стало ясней, куда ступить дальше.

Минибай свой путь видел очевидней, чем я, и ни о чём другом, кроме Хабаровска, не желал слышать. Он благоразумно не утратил связь с газетой, где практиковался, съездил туда ещё раз, а потом уехал навсегда. Я же обладал страховкой от самого Леонида Демидовича, которого у меня дома из молодёжки перевели в главную газету.

Чуть позже, на октябрьские, я стонял к родителям, отдал заработанные деньги, и за пять дней мне сшили первый в жизни костюм — тогда же костюмы в магазинах не продавались! Был этот мой первенец хорош, до полного восторга окружающих и моего собственного: коричневый, в тонкую светловатую полоску, да ещё и раскроил его мой собственный дедушка, который хоть и слыл скорняком, шил меховые шубы для армии, работал на шубно-овчинном комбинате, но оказался и опытным закройщиком широких умений: самолично измерил меня сантиметром, раскроил материю, а потом примеривал и строжил, осаживая хоть и немолодых, но всё же, видать, не таких опытных, как он сам, женщин из швейной мастерской.

Этот-то костюмчик я и обновил, явившись к Леониду Демидовичу, который тут же потребовал отчёта, а услышав, что я прошёл практику в промышленном отделе, да ещё и в Комсомольске-на-Амуре, прямо-таки заволновался:

— Ну, ты помнишь наш уговор?

Я, конечно, помнил.

— Смотри! — ходил он передо мной. — Пришлём вызов!

— Шаг вправо, шаг влево! — пошутил я.

Он остановился, погрозил пальцем:

— Ты же у нас вырос, молодой человек!

Странное дело, я не чувствовал себя молодым человеком. Пацан, конечно! Студяга — в самый раз! Даже молокосос — приемлемо, если употребить это слово дружески. Но “молодой человек”?

Одним словом, редактор молодёжной газеты, благословлявший меня учиться, теперь разговаривал со мной, как со взрослым во взрослой редакции, а я, получалось, оказывался застрахованным, и мне не требовалось искать работу в иных краях. Хотя что-то свербило в душе. Хотелось попробовать неведанного.

Тем временем Джурка сыграл свадьбу с Алёной Грачёвой. Русоволосая, с чуть припухшими губами и сияющими глазами, Алёна в образе невесты была хороша и радостна, а Скок чего-то стеснялся, оказался угловат и немногословен. Свадьбу играли в профессорской квартире, так что студентов позвали немного, самых близких, в число коих вошли и мы с Минибаем.

— Ну, всё! — сказал он при подходе к дому, где теперь должен был обитать Джурка. — Вот он и распределился!

На свадьбе мы, конечно, увидели Джуркину мать и его отца-геолога, теперь уже в полной близости и удовольствии. С их стороны, конечно. Про нашу сторону говорить пока не приходилось. Мы просто плыли по течению, и вот одного из нас выгнали багром за шиворот и поставили на берег: живи, как взрослый. Но это ведь ещё вопрос, что лучше: плыть по течению, если, конечно, не тонешь, или стоять на берегу, не зная, куда идти.

В общем, мы гуляли, выразили пожелания, поплыли дальше, и тут началось. То на старших курсах, — а старшим был только пятый, и это хотя бы понятно, — то на младших стали фейерверками взрываться свадьбы.

Ещё один взрыв послышался совсем поблизости. На этаж ниже в нашем общежитии проживала Муза Воробьёва с нашего курса. Была она не фигуриста, тощевата, блондиниста, светлоглаза и длинноноса. Правда, ещё говорлива, активна, настойчива до настырности. Ничего не пропускала, чтобы громко не обсудить. Ну, бывают такие активные натуры. Сочинительством и публикациями Муза не блистала, зато не пропускала ни одного высказывания, чтобы не выразить замечания. Потом из неё выйдет замечательный редактор. Хотя, как известно, всякая замечательность относительна.

Особенно часто Муза повторяла гуманистическую мысль, что каждый человек — хозяин своей судьбы. При этом взглядом она обладала беспокойным. Быстро, но внимательно оглядывала людей, будто кого-то отыскивая, отбирая, сортируя. На всех близких ей сокурсников она взглядывала мимо-лётно, без всякого интереса, и даже без расспросов было ясно, что она не может иметь к нам никакого интереса. Как, впрочем, и мы к ней.

И вдруг кто-то сообщает, что Муза выходит замуж, присмотрев парня с физмата, свадьба будет прямо в общежитской комнате, где она проживает вместе с ещё пятью девчонками, и теперь все они, сбросившись, строгают та-зик винегрета — по причине бедности как невесты, так и жениха.

Комната, хоть и рассчитанная на шесть железных коек, вроде нашей, вместить много гостей не могла, поэтому Муза поставила дело так: группа из трёх-четырёх человек заходила, чокалась гранёными стаканами, в которых продукт чуть взблескивал на самом дне, желала счастья и тотчас выходила, закусив винегретом. Жених наивно, но радостно взирал на входящих, глаза его невинно кругтели, и он потихоньку поднавливался. Но Муза управляла всем, и процесс шёл ходко.

Подруги по комнате распределились на первую ночь, кто как мог, предоставив пространство для радости молодожёнов, но после второй ночи об-щага наполнилась слухом, распространившимся самым стремительным обра-зом. Муза и её суженый к односпальной железной койке приторочили нечто вроде полога из сдвоенной простыни, купленной на рынке и сшитой воеди-но. Большой размером муж Музы приходил с учёбы и весь вечер проводил в беседах с Музой в женской комнате, при знакомых, но ведь посторон-них же девицах, а к ночи залезал под полог, снимал там рубаху, штаны, и Муза вешала всё это в общий шкаф вместе с платьями своих подруг.

Далее они укладывались в своё гнёздышко, укрытое от нескромных взо-ров, и утихали.

В первую коллективную ночь девчонки, не посмеявшие возразить, кое-как задремали, уговорив, наверное, себя, что ничего страшного не случится, ездят же люди, раздеваясь, в купейных вагонах, но к утру очнулись от ди-кого скрежета и стона. Муза стенала, как гиена, впрочем, голосов гиен мы в ту пору ещё не слыхивали, а сетка кровати скрежетала, испытывая самое тяжёлое давление на всю свою железную жизнь.

Ходили слухи, что все девчонки выскочили из комнаты в ночных руба-хах, потом где-то прикорнули, а утром пошли в атаку на Музу. Не тут-то было! На все претензии она укоряла подруг в безнравственности и эгоизме: у них бедная, истинно студенческая семья, и денег, чтобы снять где-то ком-нату, даже быть не может. А потом покрыла все сомнения последним аргу-ментом: и у Музы, и у её мужа погибли на войне отцы, так что общежитие им полагается по закону! Против такого аргумента переть было невозможно. И выхода из положения никто не знал.

Дело кончилось умиротворением, довольно, кстати, простецким. Сперва девчонки договорились с Музой, что они с мужем будут делать свои дела до восьми вечера, пока не закрывалась читалка. А ночью станут вести себя спокойно. Молодой муж укротил свою плоть, но возвращаться по старому месту жительства не желал. Очень скоро Муза забеременела. Похоже, она достигла искомого и тут же отлучила муженька от бранных подвигов. Ему пришлось возвратиться на своё место, пока она не родила. А из родама их устроили в какой-то комнате по линии профсоюз. Собственным разумом Муза, считающая, что судьба человека в его собственных руках, вытащила себя, дитя и мужа из реки, по течению которой мы продолжали плыть.

Как и Джурка, выбралась на берег, во взрослую жизнь.

4

Той же осенью нам довелось взглядеться в лицо развратной власти, но так ничего и не разглядеть.

Какую-то обзорную лекцию по развитию марксистской мысли нам соби-рался прочитать тот самый Кружков, друг автора биографии Сталина, а в те

времена профессор отделения журналистики и главный редактор, повторюсь, самой важной уральской газеты. Своей потаённой славой он, похоже, был овеян со всех сторон, если даже малознакомые исторички и филологички ужали нас в аудитории, назначенной для его речи. И глаза у них горели. Слухи о лекции недонаказанного распутника разошлись широкими кругами, как будто кто-то бросал в воду не камушки, а булыжники.

В конце концов, на кафедру взошёл человек с лицом, похожим на каменную маску — грубоотёсанным и мясистым. Пока он говорил, ничто не дрогнуло в нём, разве что взгляд изредка отрывался от бумаг, спрятанных бордюром кафедры, устремлялся вперёд, но не останавливался при этом ни на одном слушателе. Будь пустой эта аудитория, он и тогда исполнил бы это всё тем же безразличным к словам и их содержанию баритоном. Ровное, равнодушное, безразличное произношение обезличенного текста, может, даже и написанного кем-то другим.

И при этом он же был редактором огромной газеты! Мне пришло в голову идиотское сравнение: а Хлебников, например, смог бы оказаться на этой кафедре и ворочать языком камни официальных слов? Да пусть даже и самые размарксистские, но вот так равномерно, пустоголо, неэмоционально? Ведь такое не позволила бы ему просто его судьба! Там и жар, и пыл, и ругань! Да всё, кроме пустынной геометрической плоскости.

Прозвенел звонок, и лектор торопливо исчез, едва ли не сбежал, но ему предстоял ещё один академический час, и аудитория слабо загудела. Джурка с Алёной сидели впереди и, оборачиваясь к нам, улыбались, пожимали плечами. Но громче всех вела себя Муза Воробьёва. Она зачем-то волновалась шумней всех: крутилась, качала головой, что-то почти неслышно шептала.

Лектор вернулся и вынужден был пару раз прокашляться, таким образом призывая зал к вниманию. Через полчаса, резко оборвав свою речь, как оказалось, закончив её, он сухо спросил:

— Вопросы?

Вскинулась Алёна, Джуркина жена и дочка профессора. Зачем только это?

— А вы лично имели отношение к биографии товарища Сталина?

Аудитория притихла.

— К биографии товарища Сталина имел и имеет отношение Александров Георгий Фёдорович, — всё тем же равнодушным тоном произнёс лектор. И добавил: — Это действующий и признанный труд, он имеется во всех библиотеках.

— А с Александровым у вас были отношения? — выкрикнул чей-то резкий мальчишечий голос, и я узнал Вовку Потникова.

Все снова притихли, сразу уразумев, какой запретный смысл вопрошающий вложил в слово “отношения”. Но каменная маска оказалась непробиваемой.

— Александров, — ответил он равнодушно, — действительный член Академии наук, а я член-корреспондент. Таким образом, мы работаем в одной академии.

Он подчеркнул это слово — *работаем*, — и Алёна потом ещё долго разъясняла нам, что все эти академики избираются пожизненно, и что бы с ними ни случилось, откуда бы их ни выгоняли, даже из министров, их академические звания неприкасаемы.

Но тогда взорвалась Муза Воробьёва. Она вскочила и громогласно воскликнула:

— А как марксизм-ленинизм относится к экзистенциализму? Не есть ли это дружественная марксизму идея? Ведь Жан Поль Сартр утверждает, что человек есть лишь то, что он сам из себя делает. Человек есть не что иное, как осуществление самого себя. И существует лишь настолько, насколько сам себя осуществляет! Разве это не согласуется с марксизмом?

Аудитория наша словно подавилась. Мухи билась в окне — ведь стояла ещё осень, и их жужжание подчёркивало тишину. Чего мы ждали? Ведь мы набились тут для зрелища, для того, чтобы воочию увидеть чей-то срам — как хоть он выглядит-то? Тайно ждали провала, но какой-токой провал?

Разве забубённая лекция может оказаться провалом? У профессора есть текст, с которым легко ознакомиться, и всякий спец по политическим наукам подтвердит его праведность. Исполнение? Но здесь не эстрада, а студенческая аудитория.

И тут занудный грешник, будто учуяв витающие под потолком недоумения, словно перевернулся.

— Сартр, милая девушка, — проговорил членкор неожиданно подобревшим голосом, — утверждает также, что человек ответственен не только за себя, он отвечает за всех людей.

Наконец-то он поглядел на нас с интересом. Даже крикнул.

— Но это, — сказал он Музе, — уже глубины философской теории. Если интересно, заходите ко мне в редакцию, поговорим. Но только организованно, через кафедру.

Вот те и на! Мы пришли на спектакль, да он и произошёл, но в конце услышали человеческие слова. А это всегда сбивает с толку. Когда народ стал велед за лектором выходить из аудитории, Муза улыбалась и повторяла:

— А что? Я пойду. Значит, он не такой ретроград, раз про Сартра знает!

— Теперь всем ясно, кто ты такая, — заметил Музе Минибай. — Экзистенциалистка! А не просто...

— Конечно, не просто! — смеялась она. — Марксистка-экзистенциалистка.

И Музка действительно оказалась хозяйкой своей судьбы. Как потом узналось, в какой-то миг, не афишируя этого, она заявила к грешному марксисту — он же главный редактор. Её приняли, и постепенно она заняла своё твёрдое и надёжное место в жизни: стала штатным корректором, о котором не забыли. И со временем перевели в газетный штаб — заместительницей ответственного секретаря.

5

Однажды поутру, дело было в воскресенье, потому что мы ещё не жили на своих железных койках под суконными общежитскими одеялами, в соседней комнате раздался странный грохот. И громкое пенье с надрывом:

*О, дайте, дайте мне свободу,
Я свой позор сумею искупить.
Снесу я честь свою и славу,
Я Русь от недруга спасу!*

Вовка Потников поставил диагноз:

— Бородин, “Князь Игорь”!

Снова за стеной что-то непонятное грохнуло, хоть ведь не было там никаких тяжёлых вещей, наотмашь хлопнула дверь и кто-то благим матом заорал в коридоре.

В чём были — в трусах и майках — мы выскочили наружу, но крикуна не застали — он уже скатывался по лестнице, тоже только в исподнем, и кричал непрерывно:

— Скорую! Скорую!

Когда мы целой толпой — шесть-то человек! — втиснулись к соседям, там, похоже, настало короткое равноденствие. Но пейзаж выглядел неприглядно: двое наших соседей стояли на койках, двое жались к стенам, ещё один сидел, опустив голову, а кровать посередине была перевернута с ног на голову.

Тот, кто сидел, опустив голову, встряхнулся, и мы увидели, что это Венька Северов. Был такой у нас такой пацан из Омска родом. Он всегда держался в сторонке, никогда никуда не лез, не болтал, только смеялся случайно услышанным островам, которыми полна студенческая житуха, но сам острить не решался. Ходил всегда с виноватой отчего-то улыбкой, обращённой ко всем и каждому. А тут я не узнал его. Да и все мы были поражены. Лицо будто заледенело, и взгляд устремлялся мимо нас и даже сквозь стены

на что-то, пугающее Веньку. Тогда слово “мистика” в обороте отсутствовало, но было легко представить, что Венька видит иное, нежели мы, и это иное его страшит, но он готов от него обороняться.

Совсем неожиданно, неподходяще, он запел жалостным голосом, почему-то обращаясь к вбежавшим:

*Ни сна, ни отдыха измученной душе,
Мне ночь не шлёт отрады и забвенья.
Всё прошлое я вновь переживаю
Один в тиши ночей...*

Голоса у него не было, он скорее декламировал, а не пел, да и слова как-то отрывал друг от друга, расставлял между ними восклицательные знаки. И весь его речитатив звучал беспомощно, безнадежно.

Без всякого перехода от жалкой интонации, Венька вдруг взрычал, вскочил на ноги, ухватился за кровать, уже перевернутую, легко, даже играючи, вскинул её ввысь и снова с грохотом обрушил на пол. Мы прижались — кто к стене, кто к шкафу, а кто-то выпрыгнул в коридор. Лицо Веньки побледнело, даже слегка поглубело, а по краям губ выступила пена.

— Веня! — уговаривал его комсорг Минибай, робко пытаясь приблизиться. — Что с тобой! Успокойся! Не волнуйся! Сейчас всё пройдёт!

Уговаривающий говорил искренне, трогал, хоть и опасливо, Веньку за плечо, за майку и стоял прямо перед ним на площадке, возникшей на месте кровати.

И тут разыгралась ещё одна, не к месту смешная сцена. В коридоре слышался топот, дверь распахнулась и в неё колом вкатился доктор Айболит! Прямо из книжки Чуковского! Невысокий, плотненький, пожилой, в белом халате и шапочке, — правда, без красного креста на ней, — розовый и с пушистыми белыми усами, торчащими в стороны.

Он слишком быстро огляделся, и в этой мизансцене, замершей почти по “Ревизору”, неправильно обнаружил нарушителя спокойствия. Им он признал Минибая. Тот же был, ну, конечно, в трусах, во-вторых, уговаривая Веньку, приблизился к нему и стоял на пустой части комнаты, где лежала кинутая на попа кровать. В-третьих, он и так-то всегда таращил нерусские глаза в мгновения беспокойства, а в тот момент стоял с глазами просто выпученными. Вот Айболит и двинулся к нему, спросив сначала, как зовут больного.

— Веня, Веня, — приговаривал доктор, приближаясь к Минибаю.

— Да это не я, — филологически не очень удачно отмахнулся тот.

— Не ты, не ты! — уговаривал доктор и даже взял его за руку.

— Я не Веня, доктор, — на сей раз отчётливо проговорил Минибай, и мы дружно подтвердили ошибку Айболита. Он повернулся к Веньке, который опять сидел на своей кровати.

— Веня, Веня! — будто готовясь посыпать зёрнышек этому птенцу, позвал его Айболит.

И тут Венька захохотал. И тут Венька вскочил. И здесь Венька схватил обеими руками Айболита за его прекрасные и сказочные усы своими невымытыми руками. Доктор закричал отчего-то тоненьким голоском.

Но старичок Айболит явился, конечно же, не один. За спиной у него топтались два гориллообразных бугая с длинными, кажется, даже ниже колен ручищами. Они, не издав ни звука, кинулись на защиту доктора, но оторвать руки Веньки от серебристых усов было не так-то просто. А князь Игорь опять запел, выкрикивая слова:

*О дайте! Дайте! Мне свободу!
Я свой! Позор! Сумею! Испытать!..*

Мы увидели, как одна горилла укусила Веньку за руку и только так спасла один докторов ус. Второй амбал выкручивал другую руку Веньки, а тот хохотал, закатывая глаза под лоб, и держал доктора железной хваткой, докрикивая свою арию:

Наконец, горилла пхнула Веньку в живот коленом, тот сложился вдвое, и кулак всё-таки разжал. Мы оттащили доктора в угол.

Однако Айболит был опытный врачеватель. Какими-то отрывистыми фразами он подал приказы, в результате которых с трудом и, увы, с нашей многорукой помощью амбалы натянули на Веньку хламиду с длиннющими рукавами, переходящими, оказалось, в ремни, обернули этими ремнями его тело в несколько оборотов, связав таким способом и руки, и ноги. Нам же, — как были, в трусах, — пришлось скатиться с четвёртого этажа, едва удерживая беснующееся тело, и загрузить его в небольшой медицинский автобус, кажется, ещё довоенного образца. Венька дрыгался, орал бессвязно, даже бессловно, — ни одной фразы я не уловил больше в этом вопле, — пока доктор не открыл блестящую железную коробочку и не вкатил Веньку укол прямо куда-то за ухо. Тот стих. Нет, он не уснул, он глядел на нас расширенными зрачками, пена текла с подбородка, но он замолчал, заледенел.

Доктор потребовал сопровождения больного, сказал, что ему нужен хотя бы его паспорт, да и вообще не грех проводить человека не куда-нибудь, а на “Белую дачу”. Это название изредка витало вокруг нас и означало сумасшедший дом, но, употреблённое доктором, ошарашило всех.

— Доктор! — спросил я. — Он сошёл с ума?

— Ну, не совсем! — невесело ответил Айболит, поглаживая усы, которм, конечно же, досталось. — Приступ шизофрении, судя по всему. Специалисты скажут. Поторопитесь!

У Веньки в городе никого не было, кроме нас, однокурсников, а из них, получалось, отвечал за всё комсорг — кто же ещё? Минибай. Ну, по дружбе и я вызвался участвовать в этой малооптимистичной поездке. В автобусе отчего-то оказалась и молчаливый Генка Шидрин.

Сплёнутый Веня лежал неподвижно, как бревно, автобусик трясло на колдобинах, потом дорога стала ровнее, и, глянув в окно, мы увидели лес — значит, оказались за городом.

В больнице, состоявшей из множества одноэтажных барачков, окружённых необычно высоким забором, ничего особенно не произошло. Веньку переложили на носилки и унесли, нас завели в приёмный покой и поначалу приняли за родственников. Однако, когда выяснили, что мы товарищи по общежитию, смягчились. Доктор Айболит сразу уехал, а нас расспрашивали две очень ласковые пожилые женщины, похожие на наших матушек, и, быстро записав Венькины паспортные данные, телефон общежития и адрес, они принялись выспрашивать подробности.

Вот как можно укорить людей! Начни подробно и непременно по-доброму выспрашивать, что ты знаешь о другом человеке, даже однокурснике, даже из соседней комнаты в общежитии — и всё! Ну, студент, ну, улыбка какой-то искательной улыбкой. Стеснялся сесть за один стол на обеде у тёти Дуси, и неизвестно даже, пользовался ли её кредитом... И о родителях его ничего не ясно, и как он практику прошёл, куда ездил... А чем увлекался? Что читал?

Мы с Минибаем сидели, опустив голову, и в приёмном покое уже начинала висеть неловкая тишина, как вдруг горло прочистил сдержанный Генка Шидрин.

— Мы вчера с ним, — будто грохот раздался, — были в театре.

И я, и Минибай воззрились на Генку, ещё ничего не понимая.

— Что смотрели? — ласково подтолкнула одна из женщин.

— “Князя Игоря”! — кивнул он и вдруг сообщил невероятное: — Но мы не смотрели. Мы играли...

У всех глаза на лоб полезли, даже у этих милых женщин в белых халатах.

— Понимаете, — покраснел Генка, — в каждом спектакле есть миманс. Артисты тут не требуются. Просто разных людей одевают в костюмы, и они стоят, толпой, например! Кричат, когда скажут! Ходят, куда укажут. Всякие студенты, домохозяйки! А после спектакля этой толпе выдают деньги. Вот мы вчера с Веней были в войске князя Игоря. Получили по четвертной.

Мы слушали его, обалдевая. Ведь это же всё из рекомендаций Бовы!

— Может, он так перевоплотился, что никак обратно выбраться не может? — спросил я не то Генку, не то врачей.

— Да нет, — ответила одна, поправляя свои очки. — Такое может произойти по самым разным причинам.

— И он, — попробовал пояснить Генка, — на обратном пути пел арию князя Игоря. Хотя мы были только воинами. И деньги он порвал! В мелкие-мелкие кусочки!

Вот эта деталь нас добила. Так оно и есть, думал я. Войдя в оперу, человек не смог из неё выбраться.

— Ведь он бедно жил! — воскликнул Минибай.

— Ну да, — подтвердил Шидрин. — И этот четвертак был нужен ему до зарезу.

С тётеньками, смотревшими на Венину болезнь другими глазами, мы расстались, отправились на электричке в сторону родного города. По пути без конца поминали лекцию искусствоведа Помяновского про сто способов заработать деньги. Это ведь он расхаживал павлином перед рядами недоедавших студентов, — если бы не тётя Дуся! — и поучал, что можно читать лекции от общества “Знание” в рабочих аудиториях по пятнадцать рублей штука и что можно работать по вечерам в этом самом театральном мимансе, когда одетые в чужие костюмы граждане ходят, кивают, улыбаются, изображая толпу, служанок, лакеев, а иногда и воинов, как в “Князе Игоре”, и вот — один воин попался. Зашёл и не вышел!

Я настаивал на этой мистической версии, где человек не зависит сам от себя, но Минибай, прагматик по общественной должности, и Генка, похоже, просто отпетый реалист, со мной не соглашались. И так мы проспорили до самой общаги, потом зашли в комнату, где утром сошёл с ума Венка, и молча, словно на кладбище, постояли перед его железной кроватью, заправленной досрочно свежим бельём и ожидающей — то ли возвращения прежнего, то ли прихода нового жильца.

Вечером наша комната долго не могла уснуть. Вовка Потников показывал всем открытки Иеронима Босха и утверждал, что на них изображено наше будущее и прошлое, увиденное сумасшедшим гением. Вообще, гениальность — это сумасшествие, утверждал он.

— Так что наш Веня — кто ещё знает! — говорил Минибай. Но мы тут же ржали, вспоминая, как Айболит принял за сумасшедшего именно его с вытаращенными глазами и в одних трусах, даже без майки. Минибай спал всегда без неё.

Но, может, это молодость так устроена? Фыркать сразу после бедствия, не сочувствовать доктору, похожему на Айболита, а смеяться над его оплошностью? Мы хохотали до позднего часа — то ли над собой, то ли над миром, дверь в который мы только ещё приоткрывали.

А в результате ещё один сподвижник выбрался на берег реки, по которой нас несло.

6

И тут врывается любовь! Или это только казалось, что любовь? В те поры такими словами не баловались попусту, не трепали их языком, не судили на лавочках и в трамваях, не спекулировали при народе. Любовь к Родине — это пожалуйста! Любовь ещё к родному городу, любимому университету и почтенному предмету, да и вообще ко всему неодушевлённому — сколько угодно и в любом количестве. Но если это чувство коснулось тебя, приснилось тебе, подошло поближе и с надеждой улыбнулось — не торопись даже шёпотом произносить это драгоценное слово, обойдись чем-нибудь простеньким: проводить, прогуляться, сходить в кино, посидеть на лавочке и снова, снова проводить до подъезда, чтобы потом догонять последний трамвай и вскакивать на его подножку, глядеть невидящим взглядом в темноту, глупо улыбаться неизвестно чему, а потом опрокидываться в сон, как тёплую, давно ждущую тебя речку...

Ухаживать? Это словечко для взрослых и бывалых. Гулять? Слишком легкомысленно. Дружить? Слишком формально.

Встречаться? Может, и не очень полноценный, но всё же допустимый оборот. Ведь он полегоньку означает и то, и другое, и третье, сливаясь в бесконечный разговор, в бесцельные прогулки, в узнавание другого существа, которое может, при разных обстоятельствах, стать частью твоего мира или даже твоим миром до самого конца.

Но ведь встречи могут развернуться в повторение, в усталость, наконец, в необязательность, отступление, в нежелание продолжения.

Сформулирую то, что, скорей всего, не окажется понятным. Тогда к близости шли через неловкость и стену преодоления, через совесть и отторжение. Боюсь, мы были последними осколками чистого ледника, где любовь требовала взаимности, долготерпения и чести. Уже сразу за нами следующие курсы крошились и таяли, упиваясь студенческой вольницей. И ломая самих себя.

Свобода близости сперва прекрасна, и сразу — обманчива. Поверхностная вседозволенность почти обязательно отольётся болью. Чаще всего — пожизненной.

Но к этому надо прийти. А чтобы прийти, следует двигаться.

Нужно ли ещё заметить, что нас что-то сдерживало? И довольно крепко. И вовсе не родительская, допустим, строгость, не власть, способная не понять, а помешать.

Остановливая, я полагаю, собственная опаска или предосторожность, включающая в себя самое трудное — незнание себя. Недоверие к себе и своим решениям. Негарантированность собственных чувств.

Об этом не говорилось. Об этом думалось.

7

Мы с Минибаем двигались к тёте Дусе после лекций, широкая университетская лестница сияла приподальным осенним сиянием, наверное, солнышко и оказалось во всём виноватым.

Итак, мы шли из тени к свету, спускались с верхнего этажа вниз, и на площадке между лестниц, точнее, на первой ступеньке, идущей с площадки, вдруг возникли две девушки. Они были в приподале лёгких летних платьях отчего-то, и солнце их предательски, а может, с любовью, осветило со спины, и всё их тайное высветило, как рентген, представив нашим бесстыдным взорам, явив их образцовую стройность и юность. Мы, конечно, не споткнулись, не остановились, но вонзились взорами в эти идеальные силуэты, потом, по мере сближения, перевели глаза на лица, и оба восхитились — интеллигентными, доброжелательными, просветлёнными ликами двух никогда прежде не виданных существ: одна была блондинкой, как принято в классической литературе, другая — брюнеткой.

В те времена не было принято раскланиваться с незнакомыми людьми, да и сейчас такое доброжелательство выдает лишь человеческую нездешность, так что мы целомудренно разошлись тогда на лестнице. Девушки улыбались нам, а мы, разумеется, им, и что касается нас, то мы еще и разглядывали эту красоту во все шары, но молча! Нет, чтоб поздороваться! Поклониться! Спросить не самое уж глупое — откуда, мол, вы возникли, не из волшебной ли лампы Алладина, да и куда движетесь в здании, где мы обретаемся аж четвёртый год?

Но робко отулыбавшись, мы миновали друг друга и только в столовке, пробив чеки и поставив перед собой привычную еду, взаимно удивились:

— Вот это да!

Расспрашивать, кто это и откуда, было не у кого — свидетелей случайного пересечения улыбок не существовало, и мы были вынуждены просто законсервировать свои впечатления до будущего.

Как оказалось, скорого.

Наехал какой-то праздник, в спортзал нашего здания танцевать не пускали, поэтому площадкой стал конец широченного коридора, на подоконни-

ке которого установили драгоценный проигрыватель, и ответственный, чаще всего, ответственная, просто меняла пластинки, обеспечивая определённый ритм начинающихся и продолжающихся знакомств и обольщений.

Там мы снова увидели этих блистательниц, только вот всерьёз занятых другими. Блондинку старался прижать к себе длинный баскетболист по фамилии Вайншток, естественно, черногривый и непонятно отчего прославленный, но она, как я заметил, упиралась, сопротивляясь. Брюнетку же водил коротко стриженный волейболист неизвестного мне имени, и невооружённым глазом было件нятно, что и он клонит партнёршу к наглому физическому приближению. Парни относились к разряду пятикурсников, почти взрослых мужиков, и наш интерес горестно опал. Да ещё я спустился в туалет на другом этаже, и у такого же подоконника, как наверху, где шли танцы, увидел длинного Вайнштока, склонившегося над блондинкой в позе коршуна: спиной он отгораживал коридор, и опущенной головой с крючковатым носом будто поклёвывал свою жертву, а та, что любопытно, не вырывалась, не стремилась сбежать, а что-то быстро говорила и по сторонам, а значит, на меня, не глядела. Я прошёл по своим делам, а когда почти тут же возвратился, ни коршуна с его клювом, ни жертвы его не было.

Что-то во мне опустилось. Или, напротив, поднялось. Какая-то обида, чувство поражения, непоправимая досада. Я поднялся к танцующим, но не нашёл у стенки скучающего Минибая. Чертыхнулся было: мол, куда его нелёгкая носит. И тут же обомлел: мой друг танцевал сладострастное танго с другой, со второй, улыбаясь до ушей, а когда повернул партнёршу ко мне спиной, одним глазом ехидно подмигнул мне. Впрочем, может, там и не предполагалось никакого ехидства, а одно лишь дружественное успокоение?

Всё развивалось стремительно, как вспышка молнии, может быть.

Минибай ещё отводил свою пессию к противоположной стенке после танго, как объявили белый вальс, и что касалось друга, тут сомнений не возникало, что напарница его немедленно и пригласит, ясное дело. Но вот возле моего уха, откуда-то сбоку, вдруг раздалось осторожное и ласковое:

— Разрешите!

Как она подобралась ко мне, тонущему в волнах противоречий, я не понял. Но передо мной стояла девушка моей мечты, та самая, которую, как мне казалось, уже невозможно было вырвать из когтей коршуна с опасным клювом.

Она стояла передо мной, улыбалась мне, приглашала меня потанцевать, а я глупо глядел на неё, не веря в правдоподобие происходящего. Потом протянул к ней руки. Но первая фраза, которую я выдохнул почти тут же, не раздумывая, была к месту, ко времени и ко всему другому.

— Кто вы? — пробормотал я. А может, тихо пропел. Или, вот именно, почти неслышно выдохнул.

— Меня зовут Варя, — ответила она лёгким и ясным голосом. — Учусь на химфаке, а общежитие у нас здесь. Наверху.

Представился и я, удивившись, что только недавно впервые увидел её с подругой.

— Ничего удивительного, я с химфака, а он ведь в другом корпусе.

И она добродушно рассказала, что добираться туда приходится с пересадкой, уезжать надо рано. А после занятий весь день в лабораториях. Словом, сюда приезжают только ночевать. Так что тут, на последнем этаже в огромных аудиториях — женское общежитие. В основном, для химичек.

С ней было легко говорить, выдумывать темы для разговоров не требовалось, а я не отводил от неё глаз. Всё вокруг как-то затушеввалось, расплылось, только изредка я отыскивал в толпе Минибая с его напарницей. Наконец, мы остановились четвером, пошли, разговаривая, к другому концу коридора, куда музыка доносилась приглушённо.

Я узнал, что вторую зовут Валя и сразу сказал, будто вижу некое слияние, потаённую рифму в двух именах — Ва-ря и Ва-ля! Они ещё удивились такому выражению, дескать, мы — молодцы, начитанные люди, а им и книги-то в руки взять некогда, кроме учебников, где одни формулы.

Зато среди формул они плавали, как рыбы в тёплом море. И вообще, мир их знаний сильно отличался от наших своей, правда, лишь им понятной, конкретностью. А нам, выходит, своей неконкретностью, часто и самым непонятной. Тут мы расходились своими тропками и, как потом станет очевидным, довольно всерьёз. Их ценности были незыблемы, доказаны и очевидны. Наши — расплывчаты и изменяемы.

8

В тот вечер, возвращаясь в общагу, мы были влюблены и неоглядчивы. Нас даже не смутило, что Варя и Валя — пятикурсницы, старше нас, и пройдёт несколько месяцев, как они уедут на работу, исчезнут из нашего мира. А мы в сравнении с ними ещё не дозрели. Особенно если принять во внимание, что девушки созревают раньше парней.

Наше знакомство со старшекурсницами, да ещё и с другого факультета что ни на есть естественных наук не осталось незамеченным. Кроме возгласов одобрения в нашей родной комнате и демонстрации открыток о любви, представленных Вовкой Потниковым, отыгрывалась именно эта идея: девушки-то наши — с факультета естественных дисциплин, а мы — с самых что ни на есть неестественных. Ну, что естественного может быть на кафедре партийно-советской печати? А ведь получалось, это главная наша наука. О том, что такое передовая статья, корреспонденция, очерк, информация: что — где — когда? Да разве же это наука?

Ладно, ладно... У всякого времени свои порядки, может, это и есть самая естественная из дисциплин, о которую хорошо бы не споткнуться!

Ещё до зимней сессии мы с Минибаем решили сверкнуть нашим неестественным опытом и пригласили наших девушек в “Савой”. Они специально пораньше сбежали со своего химфака, но когда мы приблизились к месту предстоящей радости, оказалось, что не только “Савой”, но и вся площадь перед ним окружена солдатами. Они говорили, чтобы проходили поскорее, а “Савой” сегодня закрыт на спецобслуживание. Перед подъездом блистал невиданный доселе чёрный ЗИС, и кто-то из взрослых прохожих нам разъяснил:

— Это маршал Жуков принимает каких-то иностранцев.

Мы переместились в ресторан по имени “Урал”, считавшийся познамените “Савоя”, но неудобнее, и хотя меню совпадало — салат оливье — солянка — бифштекс с яйцом, ну, и бутылочка шампанского, плейбоев из нас не вышло. Сухо и громковато стучало подобие джаза из кинотеатра “Совкино”, официанты были небрежны, принимая во внимание наш возраст, да и вообще... Так что разговор зашёл о маршале Жукове, которого Сталин сослал командовать военным округом в Одессу, а Хрущёв, которому Жуков помог арестовать Берию, отправил его сюда, командовать Уральским военным округом. Что это была за наука? Естественная или неестественная?

Мы уже не стеснялись, хоть и негромко, но подхихикивать над происходящим наверху. Не в небесах, конечно, а где-то на среднем этаже, ещё на земле. Там всюду гудела какая-то земная канцелярия. И не молнии, а тягучие сплетни, вроде склизких отходов правды, сползали к нам сюда, за тысячи вёрст от столицы. Не напечатанные естественным образом на бумаге, а проговорённые именно что вскользь, мимоходом, где-то и кем-то, похожие и на правду, и на ложь одновременно, но зачем-то усердно пускаемые в оборот. В общем, для нас тогдашних они мало что значили, но оказались значащими для всех.

Кажется, я поведал нашим подругам всем известное, что ведь Сталин дал Жукову четыре звезды Героя, два ордена “Победы”, доверял ему, как себе, поставил на самые тяжёлые направления, вплоть до взятия Берлина и подписание капитуляции Германии, а он возьми да и притащи два эшелона трофейного барахла! За что и отправлен в Одессу. Было ли справедливым такое наказание? Мы с Минибаем считали, что, пожалуй, а Варя и Валя предлагали раздать имущество по музеям и детдомам. Но теперь-то Сталина оплевали. И Хрущ снова ссылает Жукова! Два раза за барахло не накажут. Значит, за что? Бойтся?

Мы горячились, но в меру, от бутылки шампанского далеко не забредёшь, так что снова и снова выходили на паркетную площадку перед неумелым оркестром, возвращаясь в нашу естественную, сиюсогдняшнюю жизнь, где было молодо и наивно и ничто пока не угрожало счастливому замку из льда, который уже строился на главной площади города.

9

Забавно, но гуляние со старшекурсницами повышало нашу цену в глазах ровесников. Не только девчонки, но даже самые близкие корешки по общаге глядели на нас с каким-то сдержанным почтением. Из девического стана, который мы, впрочем, рассматривали с неким небрежением, не раздавалось ни словечка. Только настороженные, даже встревоженные взгляды. Будто чуяли — мы вроде куда-то уходим, собрались на поступки серьёзные, и к нам лучше не соваться со своей мелочью. Братва глядела на нас, как глядят на альпинистов, взбирающихся на неприступную скалу. Если альпинистов можно вообще разглядеть на таком расстоянии.

Но — мы? О чём думали мы?

Да ни о чём. Сначала выходили все вчетвером из здания, где мы учились, а подруги ночевали, шли пару кварталов, будто просто хорошо знакомые люди, мало ли что. Но потом расходились в разные стороны, чтобы ходить, говорить. И целоваться!

На городину снова пала зима, как всегда по-уральски беспощадная, и нам бы где-нибудь в киношке сидеть, а мы с Варей неторопливо ступали, обутые в не очень-то надёжную обувь, забредали в полутёмные скверы или нехоженые проулки и целовались!

Бог ты мой, какое это было молодое наслаждение — целоваться в мороз за тридцать градусов, когда губы размораживаются не сразу, а постепенно, после трёх-четырёх долгих прикосновений, а потом становятся мягче, и дыхания сливаются в одно, так что между лицами двух влюблённых образуется светлое облако общего дыхания.

Какой ясный мир сиял над нами, ещё не знающими страсти развратных поцелуев, когда языком залезают в другой рот, кусают до крови губы, валяются в снег и врвут одежды. Впрочем, даже вообразить такое в голову не приходило. Упасть в сугроб! Завалить! И что? Это и есть любовь?

Замёрзнув, ходили в кино, чтобы отогреться, не пропускали почти ничего из немецких трофеев, где были отчего-то и американские волшебные феерии — все благородной, не скотской, как позже, пробы, но зрителям целоваться в кино не позволялось приличиями, и мы с Варей сидели, взяв друг друга за руки и с возвышенной нежностью сжимали пальцы.

С Минибаем мы пересекались часто за полночь, когда комната уже дрыхла, мирно похрапывала, и приходилось двигаться на цыпочках. Потом шли в титанную, чтобы налить в кружки кипятка, бросив туда по щепотке чая.

— Ну что? — спрашивали друг друга то я, то он.

— Ничего!

— Умная, — говорил Минибай про свою. — О химии знает всё!

Потом он изучал статью про Менделеева в энциклопедии, великого человека, который, кроме своей великой таблицы элементов, оказывается, опередил ещё, что у водки должно быть сорок градусов — не больше и не меньше! Такая забавная новость, пришедшая к нему от Вали, мысленно взбадривала наши ночные чаепития.

Варя была улыбчива и ровна. Она, конечно, могла воскликнуть что-то или расплакаться в кино, тут же, впрочем, улыбаясь. А я терялся. Мне всё казалось, что она недоговаривает. И смотрит на меня будто со стороны и какой-то таинственной мерой измеряет меня: каков я, на что способен, на что — нет.

Мы провозжали своих пассий в корпус, где днём учились сами, Частенько там дежурила наша любимая и беззубая старуха Изергиль, вахтёрша с медалью партизана Отечественной войны на телогрейке. В двенадцать она накидывала на дверь длиннющий крюк, и тогда приходилось долго и упорно

стучать, пока она добредёт от своего столика с настольной пластмассовой и скрюченной, как сама вахтёрша, лампой, до двери.

Затем мы входили. Целоваться при вахтёрше уже считалось дурным тоном, и я смотрел, как Варя поднимается по лестнице, оборачиваясь через каждую пару ступенек и поднимая руку в прощании.

Потом я стоял некоторое время возле вахтёрши. Она всегда улыбалась. Внимательно вглядывалась в меня. Однажды сказала мне:

— Ох, берегись, паренёк!

В другой раз ласково спросила:

— А по Сеньке шапка-то?

Я не знал этого. Да и знать не мог.

— Вы стучите, стучите, я открою, — говорила старуха с партизанской медалью. — И хватала меня за рукав. — Люблю, когда молодые провожают! Гуляют! Сама такая была!

Она вела меня к своему суровому крючку и в эти недлинные мгновения много чего умела вставить.

— Ты слышал? — спрашивала она. — У Дуси-то жених на войне погиб?

— У какой Дуси? — удивлялся я.

— Да у кассирши из столовой!

Господи, мы это давно знали. Старуха Изергиль путала времена жизни и всё, что было когда-то, а часто и с ней самой, казалось ей случившимся только что. Потом всезнающие психологи, которые тоже отчего-то учились на историко-филологическом факультете, как-то мельком поставили диагноз старухе Изергиль: вялотекущая потеря памяти. Я обиделся за неё, но не забывал этого обвинения.

И только много лет спустя исправил для себя этот диагноз на другой: вялотекущая утрата времени.

Увы, это ждёт каждого из нас.

10

Бог ты мой, и всё это поместилось только в один пятьдесят шестой год! И зима моя горячка, когда я терял сознание, и бунт на корабле, прошедший, к счастью, мимо меня, и закрытое письмо Хрущёва, и практика в далёкой дали, и подарок судьбы — две красивые и умные женщины для двух друзей, как какой-то странный подарок осени...

Не всякий зрелый человек, приняв всё это одно за одним в свою судьбу, выстоит и не пошатнётся. А нам как будто всё было мало. И по любому поводу несло в неведомую даль всё ускоряющимся потоком. Поток этот обретал в разные недели и даже в разные дни разные скорости. В первом семестре четвёртого курса из столицы до Урала долетел снаряд и рванул во всех, наверное, головах сразу. Назывался он романом по имени “Не хлебом единым” писателя Дудинцева, и журнал “Новый мир”, в обложке которого долетел он до нас, рвали на части.

Единственный экземпляр, поступавший в читалку, не оставался без употребления и по ночам. Желавшие вписывали своё имя в открытый список очередников на ночное чтение, прикнутив его к дверям библиотеки. И не приведи Бог утром такому очереднику не принести журнал и не сдать “дневник”, которых вообще числилась тьма. Поступали предложения “Новый мир” разорвать на странички, читателям усаживаться в одной большой аудитории и, передавая листки, осваивать сочинение сразу большой группой. Тут же и обсуждать. Но наши милые библиотекарьские старушки вместо этого насилия раздобыли где-то ещё один экземпляр, а потом и ещё, поэтому чтение шло в рваном, но всё-таки энергичном темпе, сопровождаясь множеством рассуждений — опытных и наивных, устных и печатных, потому как газеты, даже уральские, наперегонки старались выразить свои разнообразные суждения.

Роман посвящался изобретателю, который придумал машину, делающую трубы, а ему не дают ходу люди, тоже чего-то изобретающие, но ещё и имеющие власть. Они, коли при власти, конечно, подлецы, усаживают героя в тюрьму, да вот неувязка — в несчастного бедолагу влюбляется норовистая

жёнушка властного персонажа, которая помогает невинному гению. А потом перебегает от нечестного мужа к страдальцу-гению, да ещё и машина симпатичного неудачника пробивает все препоны. Победа одержана. Любовь и талант воссоединились. Но заноза остаётся — кинутый муж поднимается по министерской лестнице. Мол, погодите, ещё не всё кончено...

События, да и сама среда, которую разбирал писатель, была не рядом с нами. Но персонажи, совершенно не похожие на нас, странным образом заставляли настрожиться, требовали и сейчас-то, хотя мы студенты, оглядываться вокруг, присматриваться ко всему, не верить на слово. И думать, без конца думать, хотя думать-то нас по-настоящему ещё никто не научил. Да и учат ли этому?

Надо утонить: мы не были бездумными, но, так сказать, в быту, в студенческих передрягах. А требовалось, оказывается, ещё какое-то особенное умение постигать жизнь. Очень высокое, совершенно неясное. А потом и вычерчивать свои поступки по чертежам таких дум. Да ещё и не всегда твоих, а чьих-то... Увы, такого никто не знал и не умел.

Так что роман “Не хлебом единым” глотали, вдыхали полной грудью его, несомненно, свежий воздух. Действительно, он против многого настораживал. Только против чего именно, сформулировать мы могли в ту пору лишь общими, да и расплывчатыми фразами.

Снова мы сходились в одной обыкновенной, но чем-то полюбившейся нам аудитории, — может, там было потеплее? Яшка-матрос, бывший поэт и вечный старослужащий Игорь Коробкин, искусствознавец Вовка Потников, всегда уравновешенный Генка Шидрин, какие-то девчонки, даже рьяный филолог Боба Виннер заглядывал к нам по старой памяти. Не было только Джурки Скока.

Нет, вообще-то он заглядывал со своей жёнушкой Алёной Грачёвой, теперь, конечно, принявшей его фамилию, но едва заходила речь о романе из “Нового мира”, она, вежливо улыбаясь, поднималась, и Джурка послушно следовал за ней. Что и обсуждалось не менее романа.

— Он всё ещё боится? — спрашивал Шидрин.

— Бояться надо всегда, — поучал Коробкин, и эту философию поддерживал Яков, наш бывалый тихоокеанец. Он нас как-то умело ссаживал с небес на свои стулья.

— А вы хоть чувствуете, про что это? Легче всего сказать: “Да, я всё постиг и понимаю!” Но вот я не понимаю. Чую, что во власть метят. Система, мол, не та. А какая та? Но чего они хотят? Всё порушить? — толковал Яков.

Я пытался спросить без всякой подковырки:

— Яша, а кто — они?

Он опускал плечи, отвечал:

— Не знаю.

— Да и я, — улыбался Коробкин, — просто солдат. Чего понимаю? Но какая-то каша варится, это факт!

Дело дошло до того, что мы с Минибаем, порознь, конечно, а не дружным коллективом, обсуждали со своими прелестницами сенсационное сочинение. Между прочим, оно оказалось им ближе, потому что романские дела и споры творятся и в научном институте.

Варя рассказала, что подобный институт они посещают раз-другой каждую неделю. Их дело — тихо научиться химическим премудростям, но только сотрудники садятся хотя бы перекусить, начинаются свары, споры идут про институтские дела, а не про науку. И — кто? Молодые мужики и парни кричат громче всех и всё чего-то требуют, а фронтовики, доктора наук, те, что постарше, только кряхтят да междометиями отделяваются. Ругнулись бы, но неудобно — вокруг много женщин.

— А как будешь ты? — спросил я тогда. — Вы же с Валею отличницы, в какой институт пошлют?

— Нас пошлют в деревню, — улыбнулась деликатно она, — учительницами химии, их не хватает. А если выдержим обязательные три года, то кто-то должен вытащить нас. Но кому нужны будут постаревшие сельские учительницы?

В голосе её я услышал тоску, но думать поглубже ещё не очень получалось, особенно о препятствиях, считавшихся непреодолимыми.

Нет, нам явно не хватало пороха, и более или менее серьёзный обмен любезностями произошёл под управлением Бориса Самуиловича, нашего бывшего заведующего кафедрой печати, участника войны с орденом на груди.

Он однажды случайно заглянул в нашу аудиторию, его заметили, поднялся гвалт, и он смущённо вошёл, остановился у порога. Всегда подтянутый, стройный, в отутюженном костюме и при галстукке, он был предметом поклонения не только девочек — все мы смотрели на него, как на достойный, не болтливый, сдержанный образец мужчины высокой пробы.

— Готовитесь? — спросил он почти растерянно, что не было на него похоже. — К зачёту? К семинару?

— Да вот, обсуждали Дудинцева, — решительно проговорил тогда Минибай. — Пытаемся понять.

— Понять, — проговорил наш учитель и отошёл от двери, сел на стул, откинулся на его неудобную спинку.

— Да и я вот тоже, — сказал неожиданно, — пытаюсь понять...

Потом заговорил, задумываясь, спотыкаясь, не всегда уверенно, и именно это влекло нас к нему.

— Я далёк от науки, от техники, — говорил он.

— А у конструкторов, к примеру, всё по-другому. Там оперируют не убеждениями, а фактами. Некоторые из фактов противоречат убеждениям. И получается, что спор должны решать факты. А убеждения, по этой причине, должны меняться. Но часто такие перемены неудобны! Их можно назначить вредными. То есть отвергнуть знание, отправить его в ложную сторону. Истина, таким образом, останется на прежней, исходной, точке или пойдёт по неверной дороге.

— Ну да, — встрял умный Боба Виннер, — это суть романа. А как жить нам?

Борис Самуилович улыбнулся:

— Вот и я думаю, как жить. Но ведь никакой роман, даже самый революционный, не может быть рецептом.

Стало ли нам что-нибудь яснее, сомневаюсь, но спустя недолгое время, я, грешным делом, подумал, что заглянул нам Борис Самуилович неспроста.

Дудинцев взбаламутил, конечно, общество и наших наставников заставил озаботиться. Они-то всё ещё отвечали за неумный ребячий бунт после хрущёвского письма и взялись не за самое приятное: спешно изучать состояние наших умов, выявлять слабые места, чтобы предупредить нежелательные эксцессы. Может, и Борис Самуилович исполнял нам неведомое предписание. Но он же был всё-таки офицер, прошёл войну, и в тяготу ему оказывались такие собеседования.

Впрочем, я мог ошибаться совершеннейшим образом. Скорей всего — начисто ошибался, потому как через неделю стало известно, что наш серьёзный Борис Самуилович вновь назначен командовать кафедрой партийно-советской печати.

А может, кто-то ещё, кроме нас, например, в ректорате, прочитал “Не хлебом единым”? Название-то, кажется, из Библии?

А может, ректорат преувеличивал политическую возбудимость маловато ещё образованных студентшек? К тому же, ему помогла наставшая весна, сессия, маячившая впереди, а у нас ещё и военные сборы, которые предпологались в начале лета. К тому же распределялись пятикурсники, стояла горячая пора, хоть и незаметная неозабоченному взору.

II

А скоро у пятикурсников совершилось распределение, которое, пока по касательной, коснулось и нас. Мы с Минибаем даже заявили к химфаку, условившись с Варей и Валей, что они сразу выйдут к нам, а мы подождём в скверике рядом. И вот, проёзжав все штаны, мы увидели их, медленно шагающих в нашу сторону. С двумя мужчинами. Один, довольно пожилой, был

неизвестен вовсе, а вторым оказался Серафим Юрьевич, секретарь райкома, — почему он-то?

Девушки держались неуверенно, Варю даже, кажется, шатнуло, и пожилой схватил её под руку, которую она тут же вежливо, но решительно отвела. Конечно, Варя и Валя видели нас, но почему-то отворачивались, беседуя со своими сопровождающими. Однако разговор этот, даже на расстоянии было заметно, как-то не клеился, был если и не нервным, то неровным.

Мы всё-таки встали с садовой лавки, и настал миг, когда не замечать нас стало бессмысленно. Все четверо повернулись к нам, девушки взбодрились и заулыбались, а Серафим Юрьевич сам сделал навстречу нам пару шагов, обернулся на наших подруг, что-то смекнул и весело сказал, обращаясь ко всем сразу:

— Ну, понятно! Теперь удаляюсь спокойно!

Повернулся к красавицам:

— Они вели себя отменно! Едут туда, куда распределили! Без всяких слёз! Поздравляю!

И удалился по аллее, бодро вскинув русую голову. Но зато второй не уходил, и Варя посмотрела на него:

— Ну вот, профессор, познакомьтесь, — сказала она и представила меня.

Тот пожал мне руку, потоптался, холодно всем кивнул и развернулся.

— Итак! — сказала Валя, улыбаясь какой-то вымученной улыбкой. — Нас распределили в сельские школы по призыву комсомола. Меня — в Челябинскую область, Варю — в Пермскую. Но у Вари есть вариант! — И она надрывно, неестественно, рассмеялась. Варя хлопнула её по плечу.

— Какой вариант? — спросил я. — Остаться здесь?

— Ну да, — ответила Варя, — остаться здесь, если приму предложение профессора Никольского.

— Остаться на кафедре? — обрадовался я. И тут был опрокинут.

— Выйти за него замуж!

Я встряхнулся, приходя в себя, как после нокдауна. Минибай даже обнял меня за спину, чтобы я, видать, навзничь не опрокинулся. Даже вопрос задал вместо меня.

— И что решила?

— Конечно, в деревню! Ведь нас призвал комсомол!

Воскликнула всё это Варя не просто бодро, а весело, освобождённо, а слёзы лились у неё из глаз в три ручья. Но она продолжала смеяться, потом кинулась к Вале, уткнулась в неё, и что-то они друг другу будто бы передали, какую-то, может быть, решимость или, напротив, слабость, но уже через минуту стояли перед нами, своими юными хахалями, как ни в чём не бывало.

— Ну, пойдёмте, мальчики!

И мы прошли по скверу все вчетвером сколько-то там метров, потом, по обычаю, разошлись парами в разные стороны, и Варя, взяв меня под руку, принялась успокаивать, чтобы я не подумал ничего дурного.

Этот профессор окучивает её, оказывается, с первого курса, знает, что у Вари есть какой-то ухаждёр с журналистики, этакий, по его мнению, щегол, а он — надёжная опора, горячо влюблённая в Варвару. К тому же он недавно защитил докторскую и шёл вперёд на всех научных и карьерных парусах. И всё было хорошо, да только он не нравился Вале. Целых пять лет она посмеивалась над его глупыми ухаживаниями, и сейчас очень хорошо, что он увидел меня, по мнению Вари. Может, отстанет. А она поедет в деревню, что тут страшного!

Я должен был верить каждому её слову, но с каждым словом тягота наваливалась на мои плечи. Выходило, я становился мотивом, какой-то причиной её судьбы? И при чём тут секретарь райкома, к которому я относился с почтением? Что это за фигура, вдруг выглянувшая из-за кулис?

Обсуждать такие тонкости мне казалось неловким. Что я-то могу ей обещать? Речь у Вари о серьёзном выборе, а кто такой я? Студентик беспшанный? Да я даже подола её платья ни разу не приподнял!

Невидимая тревога подошла вдруг к нам и следовала за спиной. Вдруг появилось что-то, неловкое для обсуждения. Будто отмахиваясь от неясностей, мы проходили до темноты и долго-долго целовались в каком-то тупике — спасибо людям, собакам и кошкам, что ни разу не потревожили нас. Словно уговаривая, утешая меня, Варя повторяла, что любит только меня, любит бесконечно, и что всё будет хорошо, но ведь мне надо ещё закончить университет!

Когда мы пришли в её общежитие уже ночью, опять вахтёрка старуха Изергиль. Она сразу определила, что мы чем-то расстроены, сообщила, что Валя уже вернулась, и погладила Варю по руке:

— Ничего, девочка, держись!

То ли она знала ей одной ведомое, то ли по-своему, по-изергильски, предчувствовала, но в мою сторону она едва глянула, окатив чем-то вроде презрения. Но разве я заслужил такой взгляд?

Ещё перед дверью, которую с той стороны держал длиннющий крючок старухи Изергиль, Варя сказала, что они с Валей уезжают через три дня. А в честь отъезда устраивают вечеринку для нас четверых.

— Где? — спросил я, подумав, что четвером всё-таки удобно расположиться в “Савое”.

Но Варя объявила нечто невероятное: большинство девочек из их комнаты, где тридцать коек, разъезжаются раньше, а те, кто ещё в городе, уже согласились провести вечер в других местах. А поезд, в котором Варя и Валя поедут сначала к себе домой, идёт в одиннадцать тридцать вечера. Почти ночью.

Да и денег на ресторан нет.

12

Даже в тот вечер мы оказались олухами.

В нынешние времена люди, особенные молодые, посмеются над нами. Но в ту пору, когда мы были молодыми, они бы не удивились произошедшему, а приняли бы его, как должное, как, может быть, благоразумие, о котором не принято было исповедоваться. Особенно тогда.

Мы с Минибаем впервые вошли в эту огромную комнату, уставленную железными кроватями. Застланы они были по-разному — одни по-женски, с множеством подушечек, и это вызывало удивление — в общежитии-то! — другие — в общепринятом студенческом стиле — чистенько и скромно. На многих матрацы оказались свёрнуты в рулоны. Кроватей — многие стояли вприщип — было множество, и первой темой нашей прощальной встречи стало удивление — как враз могут спать в одной комнате три десятка женских душ? Это не пятеро, не семеро — сразу тридцать!

Стол был накрыт чистой скатёрочкой, которой служила, как позже выяснилось, простыня с Вариной кровати, свежая, естественно, а на блюдечках лежала еда, довольно щедрая и разнообразная для такого странного застолья.

Валя закрыла дверь на ключ, и мы расселись парами по обе стороны стола: Минибай со своей пассией и я.

Вино оказалось красным и сладким, выбранное явно неискушёнными женщинами и для них же предназначенное, в полном противоречии с закусками — селедкой, салом, колбасой и прочими подводочными яствами.

Мы перестали стесняться друг друга — две влюблённые пары, а просто целовались, не очень-то ещё и умея говорить выпренные и прощальные речи.

В той громадной общежитской аудитории, уставленной кроватями девушек, неведомых нам с Минибаем, да и после сладенького винца, всё казалось радужным, обещающим надежду и ясное будущее, которое обязательно состоится! Это мы знали наверняка, не зная решительно ничего про то, как это произойдёт!

Но думают ли о чём-то будущем люди, когда с ними уже что-то происходит? Мы сидели и час, и два, стало смеркаться, а потом стемнело. Ничего не объясняя друг другу, мы разошлись в разные стороны огромного помещения и уселись на койках. Варя потушила свет.

Мы сели на кровати, поцелуи были освоены нами до совершенства, и я, учитывая тепло и темноту, стал впервые расстёгивать её кофточку. А она не противилась.

Мы легли, я расстегнул лифчик и целовал теперь Варю уже не в губы, а гораздо ниже. То и дело она брала мою голову и целовала мои глаза, нос, даже уши. Я опустил руку вниз, поднял платье, приспустил то, что там оставалось. Она прошептала:

— Подожди!

Я принялся вновь за свои школярские ласки, и всякий раз, когда добирался до заветного, она опять шептала:

— Подожди!

Это звучало неубедительно, нетвёрдо, и я проявил настойчивость, одолев последнюю препону. Я гладил нежную, шелковистую кожу самых заповедных территорий, и мы были уже готовы ко всему, как вдруг вспыхнул свет. Валя, не глядя на нас, сказала противным твёрдым голосом, застёгивая свою кофточку:

— Уже пора! Иначе опоздаем на поезд!

Минибай приближался к нам с вытаращенными глазами, как тогда! Не зря его принял за сумасшедшего доктор Айболит с длинными усами. Я вскочил, за моей спиной Варя приводила себя в порядок.

— Ну, вот и всё, мальчики! — тихо улыбнулась брюнетка Валя и щёлкнула ключом в двери.

Переступая порог, я обернулся на эту комнату, уставленную кроватями, на неказистую люстру, сияющую под потолком, на стол посредине, где осталось несъеденная еда. Свет погас, дверь закрылась, мы спустились вниз, где старуха Изергиль приняла ключ, а мы с Минибаем взяли в руки два чемодана, к которым были неловко приторочены подушки наших подруг. Что делать — они уезжали навсегда.

Старуха Изергиль, нарушив свой обычай, не сказала ничего. Махнула рукой. Неизвестно кому — им или нам?

Прощаясь или прощая.

Повесть восьмая

РОМБИК

1

И вот в один прекрасный день нам велели собрать вещмешки, а не чемоданы, прибыть на вокзал и отбыть общим вагоном — переполненным и прокуренным — в воинскую часть под Челябинском. При этом подстричься наголо — нас брали в солдаты, чтобы очень быстро сделать офицерами.

Любовь со 122-миллиметровой гаубицей образца 1938 года, которая, без нашего согласия, началась на втором курсе, оказалась затяжной и не взаимной. Эпизод, когда сразу два курса с трудом выкатили тяжеловесную красавицу из сарая в университетском дворе, издав притом непотребное восхищение её мощью, так и оставался пока что эпитафией к закону, согласно которому каждый небольшой студент должен получить офицерское звание с артиллерийской специальностью.

Почему — артиллерийской, ведали только мудрецы с каких-то облаков, даже не уральских, бери выше. Может, надеялись на наш физмат? Так в нём две трети было девах да какие-то хромые умники в очках. Никогда физмат не числился среди армейских надежд. Ну, а что возьмёшь со всяких там историков, филологов, даже газетчиков? Ведь многие и бежали-то сюда от математик разных да физик. А тут — на тебе: баллистика, таблицы стрельб, координаты целей... Довольно ясное обнаруживалось несоответствие, чья-то там командная нерасчетливость.

И вот мы потряхивались в каких-то полувоенных вагонах, совершенно штатские переростки, наполненные вздором абсолютно не военного образца,

что никак не смущало артиллерийского майора Слинько, возглавлявшего соединение балбесов.

Его сопровождал, ясное дело, старослужащий Яков Сенгур, а следом Игорь Коробкин, солдаты не из такого уж и далёкого прошлого. Эти наши опытные однокурсники двигались, принимая к сведению замечания майора, а некоторые и записывая в случайную тетрабочку.

Майор был наш рождён комбатом! Причём именно что гаубичной артиллерии: ведь она бьёт издали, по рассчитанным целям, имеет своё отделение разведки, которое выдвигается вперёд, чтобы координировать стрельбу. Так что если в артразведку требовался народ малорослый, то на самой позиции мог командовать любой гигант, вот как этот майор, например. Войну он прошёл, демобилизовался, но его вызвали куда надо и уговорили учить штатских болванчиков в государственном университете с правом ношения формы. Это он не раз сообщал нам. Впервые, когда мы с позором выкатили гаубицу во двор, да на том и иссякли. Потом — на всевозможных занятиях в специальных классах военной кафедры, расположенных на первом этаже нашего корпуса, по соседству с вахтёрским столиком старухи Изергиль. Ну, и сейчас, конечно, в шатком вагоне.

— Ведь всем было приказано! — весело воскликнул майор. — Самостоятельно! По-нимае? Самостоятельно! Подстричься наголо! Как солдатам! А вы, курсант Виннер? Почему проигнорировали? Где и чем теперь я вас подстригу?

Боба Виннер был из самых убеждённых филологов и знатоков древнерусских наречий, стоял он перед майором навтыяжку и шатался вместе с вагоном, едва не падая, и двоим доброхотам приходилось его придерживать, взяв с разных сторон за брючный ремень.

— Не успел! — оборонялся Боба. — Товарищ майор! Физически не успел!

— Физически! — возмущался майор, не переставая улыбаться. — Физически будет вам теперь персональная санобработка! Иначе лагерь не пустит!

— Да мы его здесь! — помог замечательный наш матрос Яков. — Вот у меня и ножнички есть!

Он раскрыл какой-то небывалый для тех лет, явно трофейный немецкий складной ножичек — и шевелил микроскопическими ножничками, торчавшими из него.

Майор хохотал, но заметил, что такого именного приказа он отдать не может. Вот если курсант Виннер согласится, то это его дело. Но Боба брыкался, пытался вырваться даже из рук друзей, поддерживавших его за штаны, и ни на что не соглашался, чем вызвал народный ропот:

— Все подстриглись добровольно! А этот чего вышендривается?

Похоже, наш железнодорожный состав оказался неожиданным для этой, недлинной, в общем-то, дороги. Он то подолгу отстаивался, то пробегал короткую дистанцию, то опять замирал, а перед его носом летели не только поезда дальнего следования или товарняк, но даже обшарпанные вагоны пригородного сообщения.

— Чёрт! — всё улыбаясь, говорил наш майор. — Никому-то не нужны мои будущие офицеры!

Эх, понять бы ещё тогда, в какую честную подзорную трубу, обращённую в грядущее, глядит наш весёлый, белокурый, огромный майор Слинько!

Рано или поздно, но мы добрались до огромных армейских палаток, коек по пятнадцать каждая, с поднятыми, невиданно для нас, штатских молкососов, стенками: будто это какие-то дамы приподняли свои подолы. Мы кинули свои мешки строго под топчаны, один Боба Виннер уложил свой аккуратный рюкзачок поверх одеяла, за что получил уже и не майорский, а общественный втык.

Из-за него построение задерживалось: человек триста топтались в строю, а Коробкин с Яшкой бегом, подталкивая и матеря Бобу, шарили между топчанов, дабы навести порядок.

Пока что мы были в гражданском. Однако вытянулись и присмирели, получив команду на равенние и смиренность. Мимо нас стремительно прошли два полковника и наш майор, которые будто споткнулись возле Бобы Виннера, хотя и стоял он во втором ряду.

— Почему не подстрижен? — спросил полковник, шедший первым, ни к кому не обращаясь.

— Упирается! — ответил майор.

— Жаль, что присяга ещё впереди, — хищно проговорил другой полковник. — А то бы не разговаривали.

— Пока разъясняем! — ответил майор Слинько.

Потом главный полковник, образ которого во мне смылся за давностью лет, командным голосом пояснил, что мы прибыли на армейскую территорию, где действуют главные военные правила: приказ и его исполнение. Передвижения по лагерю только строем, занятия по расписанию, отбой и отдых — по команде.

Строем нас отправили в баню, часа три переодевали в солдатскую форму, потом построили снова.

В том же составе командиры прошли перед нами, опять споткнулись взором на Бобе, постояли мгновение, но теперь — молча. И ушли вдоль палаток с поднятыми подолами.

А ночью, точнее — под утро состоялось исполнение общественного приговора. Боба был определён в нашу палатку, спал возле стенки, и сперва группа назначенных подол палатки опять подняла. Он не проснулся. Матрос Яша вынул из кармана ножницы, а не трофейный ножик с маникюрными приспособлениями, и пощёлкал ими, проверяя эффективность. Двое сели Бобе на ноги, ещё двое взяли его за руки, один ласково обхватил шею.

Наш соратник даже не испугался, хотя проснулся как-то запоздало. Яша посоветовал не подавать голос, а потом стал стричь не такую уж и примечательную филологическую причёску. Боба покорно сник. Не знаю, что предполагал Яков, но долго он не возился. Срезал сверху несколько плетей, образовалось очевидное уродство, и этого оказалось достаточно. Бобу разом отпустили. Старший посоветовал: после завтрака зайдёшь в баню, там достригут машинкой.

Мне как давнему знакомому Бобы выпала незавидная роль адвоката: если он пожалуется, все в палатке будут свидетельствовать против него.

— Ты вообще зря устроил этот конфликт, — вздохнув, посоветовал я. И похлопал Бобу по плечу. — Против лома нет приёма.

Он дрожал и жалко улыбался. Часто-часто кивал мне.

Надругались ли мы над ним? Это обсуждение не раз возникало потом в палатке, когда Бобы не было, или в курилке — ею служили четыре лавочки с бочкой, наполненной водой и поставленной посередине.

Все до одного оценивали историю с Бобой другими словами: если правилам подчиняются все, то почему один должен иметь привилегию?

Ведь это армия!

2

Кто бы и подумать мог, что совсем скоро это правило повернётся против нас всех сразу. И объяснение — ведь это армия! — мы примем в штыки. Как доказательство, что один против всех — никто.

Оказалось — кто! Да ещё и какой кто! Способный сломать всех! Сразу! И явился этот один, будто злой дух из волшебной лампы Алладина. Полковник, за плечом которого негнибаемым, казалось, монументом возвышался наш могучий майор, довольно буднично произнёс, когда нас уже переодевали в форму и опять построили у палаток:

— Вашей роте придан старшина Цыбулько! Все ваши сборы, кроме занятий и стрельб, он будет при вас. Командуйте, старшина!

И они подозрительно быстро исчезли — и полковник, и многопудовый Слинько.

Теперь мы разглядывали Цыбульку. Он прохаживался перед нами неспешно, вначале дав команду “вольно”, чему-то усмехался, поглядывая на нас, потом вернулся в центр, командовал — “равняйся!”, “смирно!” — что мы исполнили без ожидаемой им ретивости, и произнёс довольно нагло:

— Моя задача — из интеллигентов сделать солдат. Вижу, что работы неviewport. Будем учиться! И подчиняться! Понимаете? Подчиняться.

Долго выяснял, кто умеет петь, знает строевые песни, и оказалось, что играть на аккордеоне умеет, конечно, Джурка Скок, а певцов, да ещё солдатских песен, нет, за исключением старослужащих Сенгура и Коробкина.

С трудом Цыбулька построил нас в каре, дал команду на марш, долго дирижировал нашей походкой: “Левой!”, “Левой!” А как только стало хоть что-то получаться из этого марша и наш топот стал мерным, крикнул:

— Запевай!

— А чего запевать-то? — совершенно по-штатски крикнул Джурка.

Я ему подсobil:

— Марш артиллеристов!

Скок обрадованно возопил:

*— Артиллеристы, Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовёт отчизна нас,
Из сотни тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину — огонь, огонь!*

Боже, да кто из нашего племени не слышал или не знал эту песню, которую я во вступительном сочинении привёл, схавав бессловесное благословение той спасительной литераторши! И вся эта начинающая рота знала могучий марш, да ведь — вот когда мы и осознали-то свою военную специальность — марширует тут не пехота, а сам Бог войны, артиллерия! Наш это гимн! И даже славно стала получаться эта, к тому же, строевая песня, но Цыбулька вдруг остановил нас. И произнёс нечто, ввергнувшее в обалдение. Он сказал примерно так:

— Сталина из песни уберите!

— Ты что, мужик! — спросил его довольно громко Джурка Скок. — Это же песня!

А тот солдафон, приказчик от военной службы, никто перед нами, послезавтрашними офицерами, вдруг изрёк:

— Я не мужик! Я член нашей партии! Изучал материалы съезда! И песня эта! — и будто в нокаут всех отправил: — Отменяется!

Все молчали. Я оглянулся по сторонам. Наши старослужащие Яков и Игорёк, люди из народа, стояли, опустив пилотки к земле! Минибай переступал с ноги на ногу. А Скок — он же был на подозрении, ему и нужно молчать. Но над ротой плавал лёгкий ропот, этакое гуденье несогласия, удивления, но никакой не протеста.

— Вы же образованные люди! — атаковал нас Цыбулька. — Вы же всё знаете! Ну, что вам стоит! Замените “Сталин” на “Жуков” и пошли дальше!

Отдал команды, мы застучали сапогами на месте, потом двинулись, дружно тоная, и Джурка затянул после команды:

*Артиллеристы, Жуков дал приказ!
Артиллеристы, зовёт отчизна нас...*

Мы попробовали вторить ему, но после третьей строчки всё угасло, половина умолкла. А то и больше! Строевой песни не получалось. Старшина остановил роту. Заорал:

— Сейчас полковник придёт, послушает вас, а мне достанется!

— Плохо думаешь о своём полковнике, — крикнул кто-то анонимный.

— Я! Плохо! Да я вас! Да вы у меня!

И он погнал нас вперёд. Мстительно выдержал паузу. Она-то его и подвела. Джурка сказал, чуть обернувшись:

— Пусть запеваает кто-то другой!

И когда команда поступила, кто-то из глубины нашего строевого квадрата заорал, не умея, видно, петь:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт отчизна нас!*

Старшина приказал остановиться. Стоял перед нами злобный, посинелый от чужой неподчиняемости, играл желваками, выбирая слова. Но поступил, в своём положении, неглупо:

— Запевать буду я! Кто знает, подпевайте! Выучим! И не одну!

Приказал двигаться, пошёл впереди, запел:

*Путь далёк у нас с тобою,
Веселей, солдат, гляди!
Вьётся, вьётся знамя полковое,
Командиры впереди.*

*Солдаты — в путь, в путь, в путь!
А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай, труба зовёт!
Солдаты — в поход!*

*Каждый воин — парень бравый,
Смотрит соколом в строю.
Породни-роднились мы со славой,
Славу добыли в бою.*

Песня была из простых слов, запоминалась со второго раза, но вредный Цыбулька прогнал нас раза четыре под этот марш.

И тут пошёл дождь. А старшина печатал шаг и пел, казалось, ещё громче. Но теперь строй подпевать не желал. Штатская вольница, переодетая в солдатскую форму, ещё не означала воинское подразделение. Это бесило старшину. Мы замолчали совсем. Повернувшись к нам и как бы отступая перед ротой, вразнобой, но всё-таки движущейся, он перевёл нас в ходьбу на месте и нагло крикнул:

— Пока не запоёте, будем ходить!

И снова завёл:

*Прощай, труба зовёт!
Солдаты — в поход!*

Человек пять громко возмутилось:

— Ведь дождь!

— Где сохнуть будем!

— Хватит издеваться!

Но Цыбулька шёл впереди, печатал шаг по лужам и, как сломанный граммофон, пел один и тот же текст. Рота разбрызгивала воду методично, но молча. И вот кто-то сдался: запел. Не успел я шевельнуть ушами, как запела добрая половина. А ещё через минуту сдалась. Лица у всех были мрачные, даже злые, но один старшина сломал сразу всех — мы промокли до нитки, зато пели то, что он велел.

Перед сном в палатках висел густой мат. Наш покоритель Цыбулька выполнил свой партийный долг и смылся, а мы растянули какую-то верёвку под нашей холодной крышей и вывесили свои гимнастёрки, брюки, нижние рубахи плюс кальсоны. Самыми сухими оказались портянки — вот ведь какой парадокс, они же в сапогах всё-таки.

Переиграл солдатское сообщество Боба Виннер. Ведь всем приказали мешки сдать на склад, и мы послушно их отнесли, не думая о чёрном дне. А Боба подумал. Под простыней у него был заначен комплект: майка, трусы и носки. Никакого секрета в том не существовало, мы лишь надменно усмехались над нашим непослушным Бобой, укладываясь спать в кальсонах и рубашках, но вот настал миг — и он победил. Теперь мы укладывались под колючие суконные одеяла голышом — дрожа от холода и матюгая без разбора и старшину, и предусмотрительного Бобу.

3

А про полевую почту этот Цыбулька нам всё-таки накаркал. И карканье это обернулось праздником. К концу следующего дня Боря Рябиков, назначенный почтальоном, куда-то сходил, а принёс казённые газеты и по два письма нам с Минибаем. Варя и Валя исправно выполнили своё обещание, потому как про наши сборы говорилось давно, да и с указанием номера полевой почты. И хоть наши подруги клялись писать каждый день, всех превзошёл Джурка Скок, получивший конверты как от горячо любящей жены, и так и от родителей. Пять штук!

Настроение поползло вверх, а старшина вроде как отошёл вбок. Но ненадолго. Он обладал каким-то тайным чудом проваливаться сквозь землю. Вот старшина есть, и — раз! — его нет. Как только мы заходили в палатку для занятий, к примеру, по тактике, он перед самой палаткой ещё поторапливал отстававших и вдруг — исчезал. Вполне возможно, это объяснялось нашим частичным переходом из состояния рядовых во что-то будущее, с намёками на погоны со звёздочками? А может, просто его рота не имела значения для последующего образования, и она ненужно растворялась?

Нами занимались молодые офицеры, старлеи и даже капитаны, но майорская звёздочка как бы разделяла военные сословия. В чине майора мог быть лишь посланец полковника, с самостоятельными полномочиями, уже настоящий командир, а все эти старлеи недалеко ушли от нас по своей военной тропе. И совершенно не выпендривались перед нами, изо всех сил помогая скорее научиться стрелять из орудий.

Пока мы парились в потёмках теории, часто ощущая себя полными тушицами, эти ребята — все с открытыми, приятными лицами, — не отчаиваясь, повторяли и повторяли, учили и учили, как пользоваться таблицами, дрессировали нас на маленьких сорокапятках или даже семидесятишестимиллиметровках щёлкать затворами, забрасывать в ствол муляжи снарядов, исполнять прицельные команды. Потом нас повезли на первую стрельбу.

По искорёженному полю ползли на железных санях железные же стойки с натянутыми на них брезентовыми полотнищами, а выходило вроде парусов, и по ним требовалось хлопнуть из сорокапятки — самого лёгкого, придаваемого пехоте орудия.

Особенно волновался наш многопудовый майор. Казалось, он вообще только для того сюда и прибыл с нами, чтобы повторять каждому наводчику перед стрельбой.

— Стреляешь, не забудь — откинься! Голову береги! Глаза!

Сорокапятка сильно отдавала, подпрыгивала, как лягушка, хотя станины и были закреплены надёжнейшим образом, прицел с резиновой прокладкой бил в наводчика, если он не отклонялся, и рассекал бровь!

Джурка Скок первым получил ранение. Тут же Генка Шидрин. Ещё человека два — с исторического, кажется, отделения и психолог. Я голову отдёнул. И Минибай, и моряк Яков, наш старшой, и Коробкин. Раненых перевязали, и дней по пять они ходили, будто фронтовики, вызывая двойное ощущение — сочувствия и издёвки.

Через неделю нас подняли до рассвета и рассадили по грузовикам. Это были мощные “Студебеккеры”, и каждый тащил за собой большое орудие. Нет, это не были 122-миллиметровые гаубицы образца 1938 года, но и не семидесятишестимиллиметровки. Потом мы очутились на площадке перед маленьким холмиком, грузовик орудие отцепил. На том объявлялся завтрак.

Как из-под земли, как ему и полагалось, явился Цыбулька, раздавший котелки и ложки. По уставу полагалось всё это иметь при себе, в вещмешке или даже на поясе, но, учитывая наше интеллигентское происхождение, студентам средства для питания вручили из рук в руки.

Мы поели, старшина выдал лопаты и пропал. Один из старлеев ласково пояснил, что поступила команда орудия вкопать в землю для длительной обороны. А далее снял свою гимнастёрку. Оказалось, что требовалось отрыть орудийный окоп под самое дуло. С одной стороны, дело казалось ясным, с другой, трудным: уральская почва состояла из камней с мелкими почвенными вкраплениями. Мы взмокли, тут же набили мозоли и торопились, потому что торопил старлей.

Раз пять подходил наш майор, даже малость помахал лопатой, но тут же двинулся далее, потому как справа и слева от нас слышались нетихие матерки таких же, как мы, артиллеристов. Короче, совсем как в старом солдатском анекдоте, мы рыли “от забора до обеда”, от орудия до, казалось нам, дна земли, и, где-то уже отобедав, наш старлей стал получать команды по полевому телефону. Опять возник майор и снял ремень, которым подпоясывал гимнастёрку, приказал мне стать наводчиком, Миннибаю — заряжающим, остальные — по порядку номеров, и все мы, после выстрела, должны были меняться, как пояснил он, приказав старлею помогать ему.

Однако целиться в полном смысле этого слова не пришлось. Старлей передавал мне цифры, я вводил их в прицел, а потом приводил ствол в соответствие с ними. Дело шло непросто. Команду несколько раз переправляли. Наконец, майор, приложивший трубку телефона к уху, ясное дело, поднял руку. И крикнул:

— Пли!

Я должен был, нажав спуск, отскочить как можно резвее! Майор прожужжал уши всем нам:

— Нажимай и отскакивай! Это не сорокапятка! Восьмидесятипятка!

Я исполнил наставление. И довольно шустро, как думал. Но меня швырнуло назад этаким невидимым толчком, станины подскочили, ствол отдернулся назад смертельным отскоком, а я валялся на куче откопанной земли. И ничего не слышал!

Могучий майор поднял меня, и я видел, что он что-то говорит. А услышал голос только чуть погодя.

— Открой рот! — кричал он. — Глотай воздух! Воздух глотай!

Парни из нашей команды испуганно тарасились на меня, на майора, старлея, на себя, крутили головами, глотали, как я, воздух, пока вдруг майор Слинько, получив по телефону известие, не закричал, радуясь:

— Попали, черти! Поразили цель!

И стал обнимать старлея.

Мы выстрелили ещё раз пять. Но я уступил место другим, стоял подальше от прицела, от затвора, заводил с кем-то на паях тяжеленный снаряд в ствол, потом вообще торчал у станины, заколоченной в землю. На обратном пути, когда ушные перепонки пришли в привычное состояние, и нас качивало на лавках “Студебеккера”, спросил у приятелей:

— А как же на войне-то?

Так что стодвадцатидвухмиллиметровая гаубица так и осталась где-то в голубой дымке, пощадив, пожалуй, нас. Кто-то верхний решил, что с нас хватит и 85 миллиметров.

Как же, всё думал я, ахает тогда она? И как же попасть из неё-то в цель? Да ещё с закрытых позиций?

Мы так и не увидели результатов нашей стрельбы, поверив майору, что попали. Ещё не раз я вспомню этого весёлого дядьку, его науку тщательно оканпываться, прежде чем сделать выстрел, а потом ещё и шустро отскакивать, ведь чем крупнее орудие и мощнее выстрел, тем опаснее отдача. И очень даже просто может пострадать не тот, в кого стреляют — глядишь, пронесёт! — а тот, кто стреляет. Полезный, между тем, вывод. На все случаи жизни.

А с Цыбулькой мы простились, не прощаясь. Когда сдали зачёты, ведомые старлеями, и был назначен час отбытия, он, обладающий волшебным

свойством исчезать, сгинул. Набить ему морду обещалось превеликое множество нашего брата: кому наряд вне очереди, кому маршировка дополнительно к строевой — издевался ещё и таким манером, — но пропал он бесследно. Полагаю, его даже поощряло к этому евонное начальство — от греха подальше. Мавр сделал своё дело — мавр может и вовремя слинять.

Но как же летел наш обратный поезд! Как сказочно слетали с нас лягушачьи шкуры! Сдав гимнастёрки и галифе, натянув кровные штаны да куртки, мы зримо возвращались в штатский мир, неожиданно оказавшийся приветливым, доброжелательным, на худой конец, равнодушным!

Офицерами, да ещё артиллеристами нам не бывать, и это ясно со всей очевидностью даже для нашего прекрасновеликого майора! И эта шкура задоженности перед кем-то или перед чем-то, похоже, сползала и с него.

На сборах мы приняли присягу. Оставалось последнее: госэкзамен по вонке и получение звания — младший лейтенант, прости Господи!

4

И вот экзамен! Вроде нас поднатаскали эти доброжелательные старлеи под зорким оком майора, вроде что-то и кое-как мы представляли, могли понять, о чём речь. Но в одном билете пять вопросов — от математики, чуждой нам, тактики, которая не ясна без войны, до уставов — чистое сумасшествие! Как справиться с таким без пяти минут гуманитариям?

Настала неделя перед военкой. Гуляло лето, университет опустел, оставались только парни, а потому аудитории, где в прежнее время после занятий собирались кучи народу разных специальностей, позакрывали. Оставшиеся располагались кучно, мешали друг другу и не давали спать.

Ведь известна жизнь студенческая: читаешь-читаешь, потом головка качается на тонкой шейке, укладываешь её на учебник, и — брык! — цветные сны про неведомые пуцци то ли прошлого, то ли предстоящего. Поэтому, мечтая обрести тихое пристанище и, видно, демонстрируя ликом своим унылую невозможность исполнить такое желание, я столкнулся взглядом со старухой Изергиль. Она сидела за своим столиком с крючковой настольной лампой, за спиной у неё посверкивал шкафчик с ключами, и вот тут, оказывается, я молча посмотрел на неё.

— Что с тобой, милый мальчик? — спросила она, имея, наверное, в виду мою влюблённость, протекавшую у неё на глазах. — Тебе нехорошо?

Я слабо улыбнулся ей, вызвав, видать, ещё большее сочувствие. А когда взгляделся в её лицо, такое знакомое, состоявшее из одних морщин да двух сочувственных горячих глаз светло-серого, почти выцветшего, цвета, она, поняв это как крайнюю степень моей душевной истощённости, сломалась и, наконец, протянула мне целую связку ключей и указала в сторону военной кафедры.

— Иди тихонько, сосни. Закройся изнутри! Туда пускать-то нельзя!

Похоже, я и правда был истощён безнадежностью, а потому и начал, как советовали. Чемоданчик с конспектами и прочей ерундой поставил на стол, а буйну головушку уронил прямо рядом.

Рано или поздно живые люди просыпаются. Проснулся и я, поначалу не признав обстановки. Было сумрачно, прохладно, хотя на улице крепчала уральская жара, и я один среди столов и стульев. Только тут и включил свет.

Лампы под потолком, школьная доска с мелками, на стенах — чертежи с деталями орудий в разрезе. Справа — двери; дальняя, я знал, — класс для занятий, а две, что поближе, — преподавательская да кабинет начальника, им у нас был настоящий генерал-майор.

Вяло я оглядел унылое пространство, потом по странному позыву подошёл к закрытым дверям и подёргал ручки. Понятно, они не поддавались. Тупо я таращился по сторонам, тупо открыл чемодан, раскрыл тетрадь с конспектами со сборов и тупо же уставился в стол. На столе лежала связка ключей. Я смотрел на неё, как смотрят на чуждый предмет, не имеющий отношения к делу, и тут... Тут кто-то протянул мою руку к связке, поставил на ноги и отправил к двери, где в дни занятий передыхали наши офицеры.

Перебрав ключи, я стихийно выбрал внешне подходящий, вставил в замок, он послушно щёлкнул, я вошёл и осмотрелся. Кондовое, обычное конторское помещение со столами вдоль стен. Я отчего-то уверенно, будто кто-то вёл меня, двинулся к ближайшему, потянул на себя верхний ящик. Он легко поддался — и я увидел пачку плотных карточек. На них стояли номера билетов и ужатые до предела ответы. Цифры, слова правил, выдержки из уставов.

Я захлопнул ящик, выскочил в пространство, где сидел, закрыв, конечно, дверь. Потом, забрав шмотьё, вообще вышел из этого военного подразделения.

По чёрной лестнице поднялся к друзьям. Они уныло бродили, переговаривались, спрашивали о чём-то друг друга. Уверенных в победе я не заметил. Потом поманил Минибая в коридор и, взяв клятву в вечном молчании, изложил ситуацию и предложил действия. Они состояли в том, что ответы временно изымаются из ящика стола, беспечно оставленного незакрытым, мы перемещаемся в изолированную аудиторию — такая была на противоположной стороне площадки того же этажа и тоже принадлежала военной кафедре, а значит, в связке ключей висел доступ и к ней. И мы — кто мы, неизвестно! — быстро переписываем ответы. Каждому, самое большее, — пять шаргалок с ответами. Операция преступна, объяснять не надо. Но спасительна. Значит, надо, чтобы в ней участвовали самые что ни на есть надёги!

Кроме нас двоих, мы, конечно, избрали старослужащих, у них с артиллерией выходило туто! Конечно, Джурка Скок, Вовка Потников и Генка Шидрин. Опасность гуляла рядышком — ведь чем больше народу, тем выше опасность предательства. Предательства? А если застукают? Начнут допрашивать с пристрастием — откуда ответы, да ещё так мастерски записанные? И вся наша подпольная группа полетит не только из университета. Поэтому, к примеру, несчастного сироту Борю Рябикова мы отмели без обсуждения по трём причинам: слишком слаб и прямодушен, за товарищей голову не положит, а раз сирота — государство его не кинет.

Мы завели себя в какой-то тёмный угол — всех нас, избранных к преступному действию неприступной верой в стойкость.

Формулировал я:

— Сдать желаете?

— Странный вопрос.

— Сдать с гарантией?

Согласные кивнули.

— Требуется клятва: никогда, никому, до конца, быть может, жизни.

Компания стала напрягаться:

— Я не шучу, дело уголовное, может, даже, политическое, правда, без политики.

Все глядели на меня набычась.

— Ну что? — тихо завершил я. — Каждый может отказаться. И сейчас отойти. Дальше только для согласных.

Сенгур и Коробкин подтвердили разом, и их решимость мне была по сердцу. Через мгновение операция началась. И, честно говоря, не все даже поняли, что же произошло.

Всё тем же чёрным ходом я завёл команду в аудиторию, противоположную месту, где лежали билеты. Это было, повторю, на той же площадке. Вся трудность состояла в том, чтобы я тихо открыл эту дверь, и тени соратников скрылись за нею. Скрытность перехода заключалась в том, чтобы не спугнуть старуху Изергиль, которая подрёмывала возле своей лампы. Там, в тишине и закрытости, спрятанные ключом с военной связки, будущие преступники приготовили умело нарезанные листки для шаргалок. Их готовность была предельной. Остальное приходилось на меня.

Я пересёк площадку, вошёл в аудиторию, решительно подошёл к двери, где таились ответы, открыл замок, подскочил к столу, приоткрыл его и одним хапком забрал тонкие картонки с ответами.

Как тень, я метнулся назад, закрыл одну дверь, вторую, открыл третью.

На меня зырнулись поделники, но только тут я понял, что единственный дельник-то — это я. Они могут ответить, будто ничего не знали, просто переписали ответы, но откуда они и как, известно лишь одному.

Запоздалая арифметика окончательного расчёта не вдохновляла, но требовала решительных действий. Они состояли в скорописи, с которой мы списывали ответы. В отчаянной сосредоточенности сделать дело как можно быстрее и аккуратней.

Думаю, операция была исполнена максимум за двадцать минут. На этот срок я затаил даже дыхание. Будто нырнул на глубину, и пока не вынырну, жизни нет.

Страх оказался мощным и сильным двигателем. Вспышкой оказался конец: я снова держал в руках карточки с ответами, аккуратно сложенные одна к одной. Друзья выметнулись из аудитории, я закрыл за ними дверь, открыл другую, третью, приоткрыл стол и водрузил ответы на место. Закрывающая дверь, увидел палача, и сердце моё рухнуло. Прямо напротив окна, ведь дело происходило на первом этаже, спиной к нему стоял на улице наш гигант-майор и с кем-то громко разговаривал, жестикулируя.

Верхние силы притормозили его!

Я метнулся, закрыл двери, подскочил к старухе Изергиль, и она что-то стала расспрашивать меня, с кем-то, к тому же, путая, я кивнул ей, отдал связку ключей, и она успела повесить их в застеклённый шкафчик.

Надо ли объяснять, что в другую секунду меня там уже не было, но из сумеречной тени, которая скрыла меня надёжно, я разглядел, как майор, освещённый солнцем, подошёл к столику Изергиль, даже честь ей отдал, хохотнув, и взял в свою камбалью ладонь связку ключей, навсегда запечатлевшихся в моих глазах.

Конечно, страх за содеянное не отпускал до самого конца. Ведь кого-нибудь могли застукать со шпаргалками — искусство пользоваться ими было у каждого своё, а ведь даются-то шпаргалки не по одной штуке, но всей пачкой сразу. И каждый заход, пока человек не вышел, это был риск для остальных. Может, ещё и поэтому я пошёл первым, получил билет, вытаскил из брюк искомый ответ, спокойно переписал на листок грамотные слова и цифры, и похолодел, когда, не задавая никаких вопросов, даже, кажется, способствуя мне, меня поддерживая, майор Слинько аккуратно поставил мне пятёрку. И молча, но внимательно посмотрел мне в глаза.

Потом я не раз возвращался к этому мгновению. Но поначалу страх, а потом щенячья радость удачи задвинули куда-то этот взгляд. То, что он удивился, сомнения не вызывало. То, что не хотел копаться в таких безупречных ответах, тоже казалось очевидным. А может, думаю сейчас, это были скрытая помощь нам? Стоило закрыть тот стол на ключик, и — всё. Но разве, опять же, можно было предположить почти военную операцию? От каких-то там мальчишек, которых сносит с ног свой собственный выстрел?

Последовали мучительные часы. Шпаргалки переходили из кармана в карман при моём участии. С каждой передачей они теряли своё качество, некоторые цифры расплывались от пота — ведь стояла жара, ну, и страх помогал.

Явился и риск: против всякого здравого смысла мы дали их Боре Рябикову.

Когда вышел последний, Игорёк Коробкин, выбрались во двор, совершенно по-дурачки озираясь, приблизились к сараю, где ночевала славная двадцатидвухмиллиметровая гаубица образца 1938 года и нашли пустую и большую консервную банку из-под американской говяжьей тушёнки.

Какая-то таинственная власть даже эту большую банку подкинула весьма кстати. Я вынул из обоих карманов брюк шпаргалки, сложенные пачками, и тщательно сложив, снова их пересчитал. Цифра — ровно сорок! — странным образом тупо рифмовалась с другой цифрой, и тоже — сорок. Нас было восемь, преступивших закон, и все странным образом получили по пятёрке. А пятью восемь — сорок. И билетов сорок. Ведь кто-то и где-то, хотя по иному поводу, обозначил же: сорок сороков! Но мы не могли это вспомнить. Может, из древнерусской литературы?

Я поджигал бумажки, и они сгорали в жерле банки из-под тушёнки. Друзья подсобляли. Шпаргалки были невелики, а сгорали удивительно радостно! Пых — и листочка нету! Пых — и только золотые останки на дне мрачного короба. Экзекуция совершилась стремительно, без всяких эмоций. Я похлопал по горячему доньшку банки, из неё выпал тепловатый прах... Кремация преступления совершилась.

Мы разогнулись. Кто-то подпрыгнул. Кто-то пробежался. Но все это — сосредоточенно, без радости, без слов. Будто веселилась стайка глухонемых. И тут из-за сарая с грозным орудием выдвинулся огромный майор. Как будто тень отца Гамлета.

На губе у него висела сигарета, они тогда ещё только входили в моду, — вспомните, речь про 1957-й год! — и свидетельствовала не столько о богатстве курящего, сколько о его связях и высоких предпочтениях. Мой-то папа по-прежнему курил дешёвую “Звёздочку”. А майор подошёл, улыбаясь, и сказал в двух интонациях сразу — весёло и недоверчиво:

— Ну что! С удачей вас, товарищи офицеры!

И отвернулся к сараю со своим орудием. Он шпарил своей горячей, яростной струёй на серые доски, за которыми таилось орудие, и нам вдруг показалось, что в этом заключен какой-то смутный символ.

— Да какие мы офицеры, товарищ майор, — выбрал я верную интонацию.

А помолчав, на глазах у согласных дружков подпил елею:

— Это вам за всё спасибо!

Подельники подтверждающе загудели, майор слабо улыбнулся и будто что-то выдохнул, свалил с плеч своих нашу тяготу.

— Пусть вам это никогда не пригодится! — ответил он.

А мы, опустив плечи, двинулись со двора.

5

По всем правилам-то требовалось вздрогнуть. То есть принять облегчающего. Но грех висел на нас так, видать, тяжко, что хотелось одного — разойтись в разные стороны, забыться и уснуть. Что и случилось. Даже группа неразлучников с коек, стоявших впритык в общаге, разбелась по разным, выдуманым, конечно же, делам. Только мы с Минибаем не могли оттолкнуться друг от друга. Припрятав свои чемоданишки за стулом старухи Изергиль, молча двинулись к Плотинке. Ну, нет, какие-то междометия и пустословные фразы мы производили, но больше молчали, тоскливо озираясь. Будто досрочно освобождённые ээки.

Плотинка ещё не наполнилась жизнью, сумрак пока не опустился на деревья и кусты, вода ещё не зазолотилась медью угасающего светила, и пока не упал вечерний покров, перед нами предстала обычная набережная. Однако в сумерки её мир оживал. Собиралась публика, говорила, совсем, впрочем, негромко, гитары и, тем более, переносные приёмники ещё не вошли в моду, молодняк, впрочем, как и люди чуть постарше, двигался в разнонаправленных течениях, образуя что-то вроде гулянья, главным образом, вполне цивилизованного. Нет, вообще-то на Плотинке случалось разное — и крики, и драки, — но мы были непричастны к этим сварам и разумно удалялись в сторону Главпочтамта, оперного театра, Дома печати и далее — к штабу военного округа. Всё это составляло чудный пешеходный путь со скверами посередине, брэнчащими трамваями, немногими тогда машинами и превеликим множеством людей мужского и женского рода, прежде всего, удивительно незнакомых, но и каких-то похожих, не чужих, вполне родственных.

А на Плотинке лавочек не хватало, да и занимали их целыми компаниями. Кроме сидящих, их окружали стоящие, и чаще всего стоял хохот, но не дерзкий, не громогласный, отрицающий право других на покой, а вполне сдержанный и оттого дружелюбный. Так было тогда! И лишь позже грохот гитар, а потом ручных приёмников оскорбит эту публичную благодать!

Нас потихоньку отпускало. Спадала жара, уходил в прошлое преступный экзамен, завершался предпоследний курс, и через денёк-другой всем предсто-

яло развезаться по разным местам: мне надо было топтать домой, Минибаю — остаться здесь, до Хабаровска слишком далеко, и практику нам выдали облегчённую: сдай несколько публикаций и готовься к диплому. Впереди финал!

Конечно, Плотинка не выглядела никаким перекрестком, но в душах наших сидело вот такое осязание разнонаправленных, пересекающихся и сходящихся страстей.

Нам с Минибаем следовало бы рассуждать о Варе и Вале, возлюбленных, но далёких от нас планах, но мы молчали, словно стыдились признаться если не в отступничестве, то в сомнении, в чём-то похожем на сегодняшние шпаргалки, может быть. Всем кажется, что у нас полный атас и экзамен выдержан, но нам ли не знать, какое мы дерьмо!

И вдруг свалился Герман. Тот самый безрукий узколобий знаток иностранных языков и первый ангел, принявший меня на здешней земле. Может, и сейчас его кто-то послал? Он подошёл, и школьники, сидевшие рядом с нами, увидев безрукого человека, сразу освободили лавку.

— Давно я тебя не видел! — сказал он мне, кивнув и Минибаю. — С самого “Реквиема!”

Я запоздало, но с упоением поведал ему, как мы выдавили заднее окно в троллейбусе, возвращаясь с великого урока музыки, и он совершенно не удивился, будто обо всём знал.

— То ли ещё будет! — рассмеялся он, но сделал это как-то формально, словно смеяться ему было неинтересно, и не за этим он тут возник.

Он ведь непрерывно улыбался, этот оптимистичный Герман, улыбался он и сейчас, но как будто по чьему-то заказу. Сказал неожиданно, обращаясь не ко мне, а к Минибаю:

— Вам придётся ехать далеко, — потом перевёл взгляд на меня: — А ты вернёшься домой.

— Герман, ты цыган? — спросил я смешливо, но он не обратил внимания на мой сарказм.

— И всё у вас получится, как вы захотите. Только надо захотеть.

— А сейчас? — спросил Минибай, смеясь.

— Сейчас вы ещё не хотите как следует, — ответил Герман. — Хотение у вас пока поверхностное. Не конкретное, понимаете?

Мы не понимали и поспешили втроём. Он спросил:

— А вы помните Бову Помяновского? Он же преподавал вам! Искусствовед! Произнёс на Моцарте вступительное слово!

Конечно, мы помнили его, но давно не встречали, откровенно говоря.

— Его избрали в Академию художеств! Он издал монографию про каслинское литъё! Вы знаете? — Мы знали. — Так вот, он болен. А какой блестящий человек!

И прибавил:

— Никто не становится исключением из правил.

— Каких? — удивился я, но Герман махнул рукой:

— Пока не для вас!

И рассказал, наконец, о себе. Он уже дважды женился. Разумеется, на выпускниках иняза, как и он сам. Оба раза развёлся. И, слава Богу, дело обошлось без детей.

— У меня не получают дети! — погрузился он, но тут же засиял своей непреходящей улыбкой. — Понимаете! Вот рук нет — это инвалидность! Всем заметная. А вот детей нет — за что? Вы можете объяснить?

Он удивлённо засмеялся. Будто зарыдал. На него стали глядеть прохожие. Тогда он захохотал. Не простясь, вскочил с лавки и, не обернувшись, ни сказав больше ни слова, побежал по асфальту куда-то в сторону театра.

Больше я не видел этого несчастного Германа с вечной улыбкой. Зачем тогда она была нужна ему?

6

Не то, чтобы расстроенные, но удивлённые странным явлением Германа, мы поднялись и медленно, гуляя в этой неспешной колонне, двинулись к центру, мимо “Совкино” и оперетты, потом перешли в сквер и сразу

наткнулись на Толика Пудоля. Он был пьян. И тоже одинок, как Герман. Тихий, улыбочивый, скромнейший из скромных, автор книг, изданных ещё в студенчестве, Пудоль не походил на себя.

— Ребята! — вскричал он нам. — Ребята! Куда вы пропали? Где вы? Почему?

Но он не ждал ответа, и нам не пришлось объяснять, что жили месяц в военных лагерях. Вопрос Толи носил безответный характер, ему было всё равно, где мы были, потому что ему требовалось что-то другое:

— Ребята! — говорил он, заплетаясь речью. — Мне надо выпить! Я угощаю! Пойдёмте!

Он с трудом держался на ногах, да и по той, первой выпивке мы знали, что Толик слаб по этой части. Мы взяли его под руки с двух сторон — он жил в паре кварталов от городского бродвея. И я, и Минибай несли всякую чушь, но гений журналистики и литературы, наш несомненный эталон, хоть и пьяным голосом, но стал излагать вполне трезвую печаль.

— Мне плохо, ребята! Михмих! Я не могу без него! Погубили фронтовика! Поэта! Патриота! “Эх, рябина кудрявая!” Народ тащится! Ну, полюбил человек женщину. За что партбилет! Позор! Освобождение! И он не выдержал! А я! А мы!

Пудоль сообщил то, от чего мы оказались вдали, но что на все лады обсуждал город. Милейший Михаил Михайлович, редактор молодёжки, покончил с собой оттого, что влюбился, будучи женат. И его стали драить!

Да, да, тот самый Михмих, легенда газеты, которая нас приветила, излучая доброжелательство, получив за Джурку выговор — сколько шума было по этому случаю. И даже синяки на Джуркиной физии! И вот Михмиха нет! Даже, говорят, некролог напечатать не дали! Ну да, мы знали это, говорили в аудиториях после занятий, но смерть человека, которого почитали, скользнула вдали, как лёгкий шум поезда, пробежавшего вдалеке. Шум этот нас известил, но ничего не объяснил.

Каким-то странным способом образ пьяного Толи Пудоля поместился в один ряд с украденными пятёрками по артиллерии, безруким Германом, который явился, смеясь, в вечернем полумраке и в нём же исчез, рыдая.

Нашего гения мы не только довели до дома — он снимал крохотную комнатку в деревянной избушке, правда, с отдельным входом, — но и раздели его, и уложили на узенькую солдатскую кровать: спи, дорогой страдалец. Он сразу захрапел. А мы продолжили путь, оказавшийся долгим, полным странных знаков.

Возле магазина, где продавали велосипеды, иногда — мотоциклы, а больше всего — какие-то железки, в круге света, созданного небольшим прожектором, светящим со второго этажа, сиял легковой автомобиль и толпился народ.

Когда мы приблизились и поинтересовались, нам, как непросвещённым, перебивая друг друга, возбуждённые мужики разного возраста стали объяснять, что в круге света стоит “Победа”, а в магазине можно записаться в очередь на покушку.

— Почём же штучка? — сострил Минибай. И нас просветили, что цена штучки шестнадцать тысяч, а народ толпится здесь, чтобы разглядеть авто подетальнее — в конторах-то всяких, у начальства, она имеется, но гражданам до сих пор не полагалась. Вот и хочется увидеть первого покупателя.

— Увидели?

— Нет, но это народный артист из оперы! Заслуженный человек.

— А очередь-то есть? — пытали мы.

— Какая очередь, парень! У кого такие деньжищи? У солистов! У академиков! Их же сразу заплатить надо! В кассу — и всё!

Мы пофыркали, обошли толпу, и ничто нас не задело, не царапнуло — одно разве уважение к большим артистам и учёным. Они-то заслужили! Да и заработали! А нам? Мы быстро посчитали: если по 200 рэ в месяц всю нашу стипендию собирать, понадобится восемьдесят месяцев, почти семь лет, ха-ха! Да ведь и народ-то у магазина, хоть и разные там люди торчали, ни на

что не посягал. Даже не мечтал. Только любопытствовал. А уж студентам-то — куда? Какие там машины!

Перед самой общагой, на углу, под уличным фонарём со ржавой шляпкой, возле деревянного домика с садиком за забором нас ждал ещё один сюрприз. Да и какой! Под фонарём стояли два солидных человека и, кажется, слегка покачивались. Мы изготовились их обогнуть, как один из них воскликнул, и не просто знакомым, но очень уважаемым голосом:

— О! А вот и наши мальчики!

Это оказался голос Бориса Самуиловича, с которым бодро и тоже знакомо перекликнулся Бова, о котором только что говорил нам Герман на Плотинке:

— Пока — мальчики! Скоро — мужи!

Мы остановились, здороваясь, а наш завкафедрой пояснил необходимое:

— Вот были в музее Бажова. У дочери покойного Павла Петровича. Она нас приняла.

— Бывали тут? — уверенный, что ответим положительно, спросил наш искусствовед.

Проще всего было соврать, мол, естественно, тем более до общезнания — сто метров, но я рискнул изложить свой довод.

— Боюсь, — ответил я, — потерять хозяйку Медной горы. Ей ведь место не в музее, а в голове, а лучше — в душе.

Минибай согласно кивнул.

— Вот те на! — воскликнул искусствовед. — Смотрите-ка, наши мальчики-то — взрослые мыслители.

— В музее, мы уверены, интересно, — поддержал меня Минибай, не напрасно избранный комсоргом, — но писатель и его герои... — он чуть задумался, — бывают так непохожи!

— Вы правы и неправы, — доброжелательно проговорил Борис Самуилович. — В музее — знание, в сердце — чувства. Они не противоречат друг другу.

— А что, — спросил я его, указывая на скромную памятную доску, висевшую на доме, — будет теперь?

Так расплывчато я высказался специально, не договаривая и подразумевая надпись, но оба поняли без слов.

— Про Сталинскую премию? — ответил Бова. — А вы не знаете? Её переименовали в Государственную. Теперь меняют наградные знаки.

Мы с Минибаем как-то враз поперхнулись.

— И меняют? — нарывался я.

— Меняют! — во всё том же атакующем стиле ответил Бова. — Ещё как!

— А Бажов? — подъялдыкнул я. — Ведь он уже не сможет.

— Ему без него поменяют, — ответил искусствовед. — А ты бы, Борис, поменял? — оборотился он к сотоварищу.

Тот хмыкнул, довольно строго помолчал, а потом ответил очень даже всерьёз:

— Задним числом время и события изменить ещё никому не удавалось.

Такое высказывание не было легко усвояемым материалом. Но нам ведь его и не требовалось усваивать. Мы сами были этим материалом.

А он, между тем, сказал вещи слова. Кто и как может развернуть время вспять? Если даже включить все радиостанции и все печатные машины? А Бажов за свои сказы, а не сказки, получил Сталинскую-то премию прямо во время войны. Она была выше всех наград! Значит, кто-то понимал и принимал его работу!

Как же всё это выясненное в конце дня, под уличным фонарём, не совпадало с нашим утренним шудерством! И до чего же совместны могут быть человеческие низины и высоты...

Окончательно повзрослев, немало повидав, попив и поедав, я мысленно сравниваю тот долгий день с восточным шампуром, на который нанизаны и кусочек сердца, и горький перец, и плотская мякоть бесстрастного филе, и умолкнувший, но шершавый язык.

Прожаренное на угольях житейских событий, пережёванное острыми молодыми зубами, проглоченное в жадное чрево предстоящего, эта шашлычная разнородность одну лишь истину утверждала: всё съедобно, всё перевариваемо и всё впоследствии извергаемо вовне ради того, чтобы снова кому-то страдать, лукавить и биться за правду. Судить и быть судиму.

Не это ли смешение и есть содержание духовного сосуда, на котором изречено: “Нет правды на земле, но нет её и выше?”

Но такие обобщения приходят позже, годы спустя, сквозь испытания и опыт. А тогда, пару раз обернувшись на двух мужчин, по-прежнему стоявших под фонарём, мы похмыкали, поохали, повздыхали, добрались до комнаты, где свет уже был потушен, и бухнулись в сонные глубины.

7

Кто-то из них, точно не помню, но по логике — Бова, наш знатный Помяновский, как нескрываемый прагматик, — сказал тогда у фонаря:

— Ну, вот вы и вышли на финишную прямую. Пятикурсники! Пора выбирать место действия! Время вам выбрано и без вас!

Да уж, место действия... Кто, куда и зачем двинет после этих стен — это не давало покоя никому, только говорить о таком принято не было, словно мы боялись сглаза. К тому же существовало распределение. Мы считались кадрами партии, ведь все газеты принадлежали ей, до самой последней районки. Даже заводские многотиражки не составляли исключения. Так что некоторый припуг имел место, а шёл он всё от того же доброжелательного завкафедрой Бориса Самуиловича.

Не раз и не два он говаривал на лекциях своих, в коридорах, на собраниях: позаботьтесь, мол, сами о своём распределении. Если вас могут взять редакции, где вы прошли практику, пусть посылают официальные запросы. Опытные вели себя опытнее. Яша-моряк давно показывал вызов от газеты Тихоокеанского флота и первым сдал на кафедру сию почтенную бумагу. В первые дни осени получит такую же гарантию Минибай из Хабаровска. Скок, как женатый, оставался при жене по месту её учёбы, но и его пригласило на работу наше первое гнёздышко при содействии Толи Пудоля. Цельный окоп вырыла себе Муза Воробьёва, хотя член-корреспондент и умный развратник съехал из места ссылки в первопрестольную. В общем, шевеленье происходило самое энергичное, а я не торопился. Впрочем, этому же предшествовала моя каникулярная поездка домой, новая встреча с милейшим Леонидом Демидовичем, его толстый палец, моё покорство и просьба не столько послать бумажку в университет, сколько дать поработать.

И мне дали! Отдел информации, состоявший из двух человек, резко возрадовался, что появился практикант, да ещё пятикурсник! Заведующий рванул в отпуск, а его единственная подчинённая отправилась на длительный больничный, хотя её голос то и дело слышался в буфете.

А я был рад! От меня требовалось раз в неделю сварганить информационную страницу и каждый день сдавать в секретариат разнообразные заметки соборов, присланные из районов, и прочие любопытинки, что я и делал, загружая машбюро информационной мелочью.

Меня все уже знали, особенно в машбюро, были уверены, что я приеду именно сюда, — приветливый мальчик с настоящим высшим образованием. Таких здесь водилось негусто, зато все образования заменял многолетний опыт. Впрочем, эти познания газетного бытия, уже не новые, но всё-таки лишь только слагались в нечто важное, и я жил половинчатой жизнью: ещё студент, но уже на казённом коште — мне положили на месяц полноценную зарплату. Те недели слились в странное сочетание: я радовался дому, маме и отцу, от которых уехал в неведомое столько лет назад и был уже слегка самостоятельным. Свои заработки я небрежно выкладывал на мамин комод, вызывая этим искреннее восхищение.

Родители читали газеты, выписывая их, но ничего не знали про газетное дело, и я по вечерам, — иногда, но всё же, — по порядку рассказывал им, как на самом-то деле делается этот шуршащий газетный лист, какие следу-

ют перед ним труды, а главное, какие могут быть последствия. Мне казалось, они поглядывали на меня недоверчиво, волновались, как получится моя самостоятельная жизнь, но беспокойство отступило перед бесконечной шаловливостью моего младшего брата, с которым меня разделяло целых четырнадцать лет! Я с какой-то неясной радостью ощущал себя отрезанным ломтем. Почти отрезанным. Вот захоти я сей же момент написать письмо Хлебникову и Косте Немухину, как мне вышлют вызов, подъёмные, и я окажусь на краю света, может, даже, на всю жизнь, и уж там-то меня не оставят без присмотра. Но порядочность звала вернуться домой. И что?

Выползали вопросы, лишённые самой элементарной уверенности: где мне жить? У родителей? А дальше? Кто я вообще-то таков? Ну, сейчас лёгкий на подъём студентшко с приготовленной работой. А дальше? Всю жизнь с родителями, при них, возле них — всё ли это, что требуется молодому парню любых качеств? Я отмахивался от взрослости, лето кончилось, мы вернулись к учению, и вот тут я как-то неосознанно взгляделся в Джурку Скока.

Он сидел рядом со своей жёнущкой Алёной Грачёвой, женатый, прописанный у неё дома, которым правили очень солидные и взрослые люди с твёрдыми укладами, главный среди которых — наш почтенный профессор.

Алёна была не то, чтобы избалованной, но освобождённой, что ли. Она не думала о еде, об одежде, о деньгах — за ней ходили, её холили, кормили, хвалили, да так, что она кинулась на шею Джурке, и оба они повисли на шеях Алёнкиных родителей. Конечно, нас мало занимали такие мысли, к тому же я знал, Скок получает от родителей солидные переводы и обладает, таким макаром, независимостью.

Похоже, это был если не другой вагон, то другая вагонная полка. Она не вызвала интереса, но имела место. Я просто глядел, как они воркуют, как Грачёва, сменившая фамилию, стала самоуверенной, энергичней, даже слегка нахальной. Чего-то она добилась. А Джурка? Тот тоже сиял своим крупным масляным ликом, был дружелюбен, но — внешне. Нас теперь не касалась его частная жизнь, да кто бы об этом и спорил? Но не могли не рождаться соображения и о собственной жизни.

Девицы разных пород и курсов, бывало, и причаливали к нам у подоконников и в свободных аудиториях, но никто из них не мог сравниться с нашими полусчезнувшими подругами. Да и непросвещённое отродье женского рода тут же откуда-то узнавало, что мы с Минибаем вообще-то люди занятые. Можно сказать, полуженатые. Но, как всякий домysel или сплетня, сведения эти сильно хромали.

Сначала мы просто жили частой перепиской. На военных сборах конверты приходили каждый день, остальные каникулы, как ни удивительно, притормозили частоту, к осени, с возвращением к учёбе дело возродилось, но стало страдать повторяемостью фраз и выражений. То друг мой, то я бывали вовремя ответить на послание и ужасались.

Странное свойство человека: чем громче он ужасается, тем меньше верит в свой ужас.

8

В октябрьские судьба потребовала решения.

Лекций, да и прочих занятий не было, но университетские двери, как и часть аудиторий, оставались беспечно распахнуты под ответственность неиссякаемой старухи Изергиль. Она сидела на своём стуле у изогнутой лампы и только смотрела на входящих. Ресурс её памяти был беспределен, она сходно определяла, свой или чужой. Но что могло завести чужаков сюда в праздники? Так что она просто смотрела, одних равнодушно про себя отмечая, другим улыбаясь вежливо или с чувством.

В общем, мы сидели в самых непринуждённых позах — всё та же компания, сведённая странной прихотью неведомых нам обстоятельств, рассуждали о темах дипломов, за которые следовало бы уже и браться, о двух госэкзаменах, которые грядут по весне будущего года, и всякой прочей совершенно

необязательной ерунде. Словом, наслаждались привилегиями пятикурсников — ведь лекции наши завершались, артиллерия миновала, оставив потные воспоминания и военные билеты с вписанным туда воинским званием: младший лейтенант, и мы позволяли себе всю возможную необязательность, порой называемую “факультатив”.

Братия делилась на три части. Едва ли не впервые отделению журналистики позволили, чтобы выпускники защищали творческие дипломы. Например, цикл очерков, объединённых одной темой и обязательно напечатанных. Группа интервью, статей, бесед. Впрочем, даже кафедра во главе со славным Борисом Самуиловичем трудно представляла, каким манером произойдёт защита такого рода трудов, и склонялась к традиции: такая-то тема в такой-то газете или журнале, желательна старых лет. Самую значительную часть составляли колеблющиеся.

Сбить людей с толку, как выяснял я всю дальнейшую жизнь, сподручнее для управляющих. Когда что делать не знает большинство, проще всего впарить ничем не испытанную лжеидею, от которой потом все будут плевать. Но это — потом.

В консерваторы же я подался, ещё не разумея таких серьёзных истин. Выбрал историю журналистики своего родного края, да ещё в XIX веке, что кроме тревоги за незнания свои, пока ничего не сулило, разве что долгую поездку домой.

Джурка Скок, к примеру, был переполнен творческими надеждами. Очерки, за которые он получил по морде, всё-таки были напечатаны, хотя и с выговорёшником редактору, и их можно было доработать с учётом критики. Всякие новые большие стройки на Урале и в Сибири объявлялись одна за другой, хоть и не так буйно, как это будет пару лет спустя. И мы все признали его путь самым полезным для него, да и для кафедры, которую всё поклёвывали где-то в верхах за творческое отставание от быстротекущей жизни.

Однажды в ту пору, вполне бездельную, не просто забрёл, а бодрым шагом зашёл Зиновий Абрамович, наш газетный маэстро. Ну, тот самый Зиновий Абрамович! Которого мы, закрывшись в фотолаборатории, пытали, как нам осознать закрытое письмо XX съезду. Он так и оставался у нас личностью доверенной, ни разу никого не обидел, кажется, даже сам опасался, кто бы не обидел его.

Похрустывая пальцами рук, он спросил, в курсе ли мы, что величайший в мире шагающий экскаватор, цепляющий груз для целого вагона за раз, делается на нашем Уралзаводе. Разумеется, не все об этом были осведомлены.

— А знаете ли вы, — воскликнул он, — что завод намерен выпустить этот экскаватор с двумя ковшами? Такое произойдёт впервые в мире!

Из тех времён, когда я это пишу, самым ласковым и сверхинтеллигентным ответом на такую горячую новость можно полагать что-то вроде классического: “Что он Гекубе, что ему Гекуба”? Или же: а какая мне-то польза от этого? Или же — на информашку потянет, только кому она нужна? Угольщикам?

Однако мы жили в иное время и, хотя были столь же далеки от экскаваторов, как и нынешнее племя, выращиваемое для чего-то похожего, было внутри нас ещё что-то! Мы ещё почти не знали, что такое выгодность, наплевизм, равнодушие! Нам хотелось всего, но новые штаны и красивые платья не исполняли в этих мечтах главных ролей! Мы не были причастны к экскаваторам, но не остались безучастны к замечательному сообщению.

И что это являло собой в общем и в целом? Отвечу одним словом: жажду.

Мы не выражались лозунгами и призывами, это делали другие. Таких мы повстречаем не раз, да и сами нет-нет, да и сорвёмся в словесный искус. Но мы тогдашние, только ещё опережающиеся птенцы, хотели новизны и ждали применения нас самих в делах, которые принадлежат не нам лично, а всем!

Из-за спины, может, даже из тьмы выступало наше такое недавнее собственное прошлое, хотя о каком прошлом можно толковать в двадцать лет?

Однако оно было! И у меня — было! И отец, прицепляющий мне значок ГТО на мою рубашонку, уже на пороге, с мешком на плече, уходящий в войну, и мама с зелёным лицом, после того как сдавала кровь и вела меня в донорский магазинчик, чтобы положить сладкий кусочек топлёного масла в клюв своего цыплёнка, и угарные обмороки, и шакалы из восьмой столовки, которые просят, кивая на похлёбку: “Мальчик, оставь!”, и концерты в госпитале — их спёртый воздух и чьи-то взрослые стоны, приглушённые дверью палаты, за которой раненые. И книги наши волшебные, и спорт, и Сталин, тоже глядящий из тьмы, — он смотрит без всякого недоумения, будто всё знает наперёд, что станет после него, но мы-то — кто?

Те, кому всё равно?

Это кинулось ко мне в совсем не подходящий момент, без всяких оснований. Но в ответ же, в ответ! В ответ на слова старого еврея, о котором вот именно так мы и думать себе не позволяли, но зато восторгались в согласии с ним, радовались этому невиданному экскаватору, как родному, и хотели — очень хотели! — чтобы всё у всех получилось!

— Почему бы, — сказал наш учитель, — вам, без пяти минут выпускникам, не позвонить конструктору, который всё это придумал, и не пригласить его в университет? Позвать, чтобы он рассказал об этом чуде?

Именно такой поворот вызывает удивление. Как добраться до него? А если откажет?

— Нам — откажет! — вскипел умный старец. — Вам — никогда!

То ли у меня глаза горели ярче, то ли я сидел поближе, но он воззрился на меня и сказал вызывающе:

— Вот вы! Слабó позвонить и пригласить? А мы поможем!

И я пошёл. Меня конвоировала целая толпа во главе, конечно, с инициатором. Кафедра, куда заскакивали на минуту, обернулась домом родным, и мне тут же подсунули и номер, и трубку. И имя-отчество, с кем говорить. Это был Химич Георгий Лукич, самый что ни на есть главный конструктор.

По ту сторону провода оказалась, естественно, строгая, но терпеливая дама. Она выслушала меня, записала телефон кафедры и обещала скоро перезвонить. Мы хором вздохнули, полагая, что на ожидание уйдёт пара дней, но не успели выйти из помещения, затрещал звонок. Кафедре сообщили, что главконструктор ждёт студентов завтра в такой-то час. Желательно с письмом. Спросили мою фамилию, а я прошипел, чтобы прибавили Минибая и Скока. Но они не поехали, а в трамвае до Уралзавода я выслушал воспоминания Зиновия Абрамовича, который порассказал за долгий путь, у каких великих индустриалов он брал интервью в молодые годы. Фамилии и имена сыпались на мою голову, почти ничего мне не объясняя, но по сверкающим очам собеседника я понимал, что эти люди — настоящий золотой венец. Не раз он упомянул “Вагонзавод”, делавший Т-34 на войну, а во мне, наивном, совершалось малоопытное раздвоение: ведь вагоны и танки так не подходили друг на друга.

В проходной завода наши личности долго сверяли с паспортами хмурые охранники, потом нас повели по лестницам и переходам, наконец, мы вошли в огромную приёмную, а затем и в небольшой кабинетик. Далее возник перед нами седой и утомлённый человек. Увидев моего учителя, он облегчённо заулыбался, а ведь я и не знал, что они знакомы, потом, изредка взглядывая на меня, в целом пояснил идею, указывая на кульман, где висел чертёж с общим видом двухковшового экскаватора.

Учитель, приобняв меня, поощрил к изложению просьбы: университет и его студенчество просили бы выступить в актовом зале с рассказом, доступном для неинженерного вуза, о новом проекте.

Я передал письмо, Химич поводит пальцем по календарю, назначил день и час, а мы пообещали, что будет человек пятьсот и типографская афиша. Мой старший спутник спросил, как бы показать залу чертёж, но тот помотал головой:

— Проект пока закрытый, приготовьте простую доску и мел — я начерчу силуэт. Подробнее — нельзя.

Эти слова запомнились мне больше, чем наш визит, да и последующее ли-

кование: главный зал был набит под завязку, легендарного конструктора приветствовал лично ректор, член-корреспондент Академии наук по химии, и оба они после лекции возбуждённо жали мне руку, забыв зачем-то про Зиновия Абрамовича, что казалось мне совершенно несправедливым и неэтичным.

9

В день торжественной лекции об экскаваторе с двумя ковшами как небывалом достижении развитой индустрии я заранее оповестил дружок: наш корпус обойду вообще и буду находиться поближе к залу, где ещё могут возникнуть вопросы, за которые отвечаю я. Да! Ведь именно я — раз он знал меня в лицо — и должен был встречать великого конструктора, лауреата Сталинской премии и вообще знатного человека. Вместе с ректором. К этому мероприятию следовало не только морально подготовиться, но и физически отдохнуть.

Поутру, побрякав ложками в своих железных кружках, потоптавшись, поболтав, может, чуть и сдержаннее, чем обычно, мои дружки притворили дверь.

Я продолжил утреннюю негу.

Ах, как прекрасны молодые сны! Вроде бы зачем спать, если ты переполнен силой, интересом к жизни, исканием истин, и уже знаешь, что существование слишком коротко, надобно не валяться, а торопиться, гнать из всех сил, чтобы успеть сделать что-то самое важное, что самому-то неведомо, незримо, потаённо, но лишь пока!

Ещё немного — и всё откроется, смысл, как сезам в сказке, отворится, и ты обретёшь богатство своё — каким оно будет? Хорошо бы ясным, добрым, счастливым!.. Но оно может оказаться и в ином обличье — тягостным испытанием, назначаемым тебе, чтобы другим стало легче, но кому и почему — ты не скоро узнаешь!

Может явиться чередой твоих и чужих грехов, а чтобы одолеть их, придётся много сил и разума собрать в душе своей, обучиться терпению, освоить глубину явленного тебе, обрести кротость и прощение...

Но сон молодой прекрасен своей отстранённостью от бренности бытия — вот что!

Тело твоё распластано и беззащитно, а ум бродит в неведомых страстях, которые никогда не понять и которым можно только дивиться... А всё вместе — это собирание сил для чего-то необычайного, жданного и желанного.

Я проснулся от хлопка двери, и меня кинуло в ужас.

Передо мной стоял на моих глазах сошедший с ума Венька Северов и улыбался.

Я снова был в майке и трусах, то есть совершенно беззащитен, и сел на кровать свою, а он стоял в демисезонном пальто, ботах “прощай, молодость”, снимал шапку-ушанку и всё улыбался.

Но ведь Венька в сумасшедшем доме! А я был среди тех, кто увозил его. И я спасал от него усы доктора Айболита, а Венькино сумасшествие состоялось в соседней комнате. Почему же он зашёл в нашу? Да и что вообще с ним? Сбежал из больницы? Тогда что же будет? Ведь я видел его буйство и участвовал в его укрощении!

Закоченелый от неожиданности, я поднялся перед Венькой, босой, раздетый, перепуганный, еле разлепил губы:

— Тебя выписали?

Он кивнул головой:

— Теперь вот поеду домой. Купил билеты. Зашёл попрощаться.

Он говорил самым обычным голосом, но вот лицо его было узнаваемым с трудом: опухшее, одутловатое, набрякшее чем-то тяжёлым.

Я натянул одежду, предложил, чтобы он разделся и сел на соседнюю кровать. Он не разделся, но сел, а на меня глядел какими-то виноватыми, собачьими глазами. Я пришёл в себя, признался:

— Ты меня напугал!

— Ну да, — ответил он, — ты ведь ещё и спал.

— Прошёл почти год? — спросил я.

— Да больше. Это врождённое. Оно будет повторяться, так что надо до- мой и там как-то устроиваться.

Говорил он совершенно здраво, но смотрел на меня по-прежнему ви- новато.

— Вень! — сказал я. — Ты извини, что мы редко тебя навещали.

— Да ты что? — ответил он. — Там — знаешь... — Он помотал голо- вой. — Полно народу, про которых все забыли. Так и помирают!

Я эти слова встречал без всякого понимания. Слышал — и всё. Понять было трудно, точнее — невозможно. Мы жили в обыкновенном мире, а Венька вышел из мира неведомого. И требовалось время, чтобы привык- нуть, понять, как нам разговаривать-то друг с другом.

— Ты уезжаешь сегодня? — спросил я.

— Через пару часов, — ответил он.

— Оставь адресок хотя бы, — предложил я.

— Зачем? Кому надо, знают. А вам жить дальше. Передай всем привет.

И ещё передай мои извинения.

— Это же болезнь, — сказал я, — за что извиняться?

— Напугал вас! Хотя ничего и не помню.

— Может, — спросил я, — виновата опера? Сцена, костюмы, князь Игорь?

— Это вроде спускового крючка, — сказал Венька. — так мне врачи объяснили. Копится, копится в человеке болезнь, потом — раз! И выстрел!

— А мы сегодня, — сказал я, чтобы хоть что-то сказать, — встречаем- ся с главконструктором Уралзавода. Они придумали шагающий экскаватор с двумя ковшами.

И Венька легонько так толкнул меня в тупик:

— Зачем — два? Он и один-то с трудом поднимает!

Я поражённо посмотрел на Веньку. Спросил:

— Да ты понимаешь?

— Да я-то понимаю. Мой отец экскаваторщик. Правда, он на простом, конечно, работал. Но большим.

Мне было не по себе. После обеда предстояла торжественная лекция, главный конструктор, гигантский завод, а Венька, несчастный, конечно, че- ловек, но он же из больницы и разве можно серьёзно говорить с ним о ве- щях, ему недоступных! У меня оставался один путь — одеться и уйти из об- щества.

— Пора! — сказал я, и он кивнул — опухший человек с собачьими глазами.

— Простите меня, передай, пожалуйста, всем! Не забудь!

Мы пошли к выходу, и по дороге я обмолвился, что иду в главное зда- ние, где ректор и актёрский зал.

— И ещё большая библиотека, — сказал Венька мечтательно. — Мне уж там не бывать!

Я рассеянно кивнул.

— Ты знаешь, — спросил он все так же доброжелательно, — что в на- шей библиотеке хранятся книги из Царскосельского лицея? Их эвакуирова- ли, когда немцы подходили! Они здесь! На Урале! Их наш университет спас! Ты понимаешь?

Я, конечно же, понимал. И как почти все, бывал в главной библиотеке. И нас водили в задние комнаты, показывали старинные переплёты, позволя- ли взять книги в руки, полистать.

А Венька всё восхищался:

— Их ведь мог читать Пушкин!

— Да! Да! — покивал я.

— А ты нюхал их? — спросил он неожиданно. — А ты их целовал?

Я споткнулся и посмотрел на Веньку внимательнее, чем следовало:

— Нет, — виновато улыбнулся он, — я не сумасшедший. Но я нюхал их. И целовал! Как можно не целовать следы Пушкина!

— Даже такие? — спросил я размягчённо.

— Даже такие.

На остановке я сел в троллейбус до главного здания, Венька пересёк улицу, чтобы двигаться к трамваю, шедшему на вокзал.

Перед этим мы обнялись. Как-то это получилось неожиданно. Вдруг я почувствовал себя виноватым перед этим Венькой. Никогда я не обнимался с этим парнем, да и знал-то его кое-как, пока не вбежал тогда в комнату, где он пел арию князя Игоря, кидал кровати и куда пришёл Айболит. Но тут мы обнялись. У Веньки в глазах стояли слёзы. Он не со мной, конечно, прощался. А со всем, что было у него тут раньше. И это им прожитое было мне совсем не известно.

В сумрном состоянии я приехал к главному университетскому корпусу, зашёл в столовку, перекусил, но времени до лекции было ещё полнѐхонько.

Я куда-то пошёл, а оказалось, приобрёл в библиотеку. Это была та самая библиотека. И вёл меня туда, конечно же, сумасшедший Венька.

Пришлось постучаться в кабинет директорши и похитрить, во-первых, торжественно представившись, а во-вторых, пригласив на актовую лекцию главного конструктора Уралзавода.

Тѐтенька, толстая, как квашня, с васильками в глазах, — а известно, что толстые люди бывают добрыми, — расплылась улыбкой, и я утонул в уточняющих вопросах, хотя внизу висела афиша, напечатанная университетской типографией. Потом попросил допустить меня к Лицейским книгам. Доброжелательство ко мне ещё более окрепло, мне вызвали сопроводительницу, и вот...

И вот я хожу между застеклёнными шкафчиками, вольно открываю дверцы, трогаю краешками пальцев позлащённые корешки. Авторы классические, старинные до такой степени, что неизвестны мной, пятикурсником историко-филологического факультета-то!

Ну, и пусть! Не знай, но вдыхай запахи аж XVIII века, прикасайся, как сказал сумасшедший Венька, к томам, которых только мог — но мог же! — касаться Пушкин.

Я нашёл Державина. Не такой уж и солидный том в сравнении с другими. Но ведь это перед ним кудрявый лицейст читал свои стихи! Я понюхал Державина.

И я его поцеловал, сперва обернувшись по сторонам.

А говорят, сумасшествие не заразно!

Поразительно, но факт! Шагающий экскаватор с двумя ковшами так никогда и не построили по неведомым причинам.

Неужто и это сумасшедшим было понятнее, чем разумным? Да ведь и каким разумным!

10

Вот в эту пору — ученья, почти законченного, дипломных работ, выбранных лекций, посещения необязательных открытых дверей в аудиториях, речей неостановимых — бурного потока всего, что можно назвать общим словом “вольница”, со мной произошло событие, можно сказать, решающее.

В распахнутой двери появилась Варя!

Болтовня умолкла, сообщество онемело, возрилось на меня, и я вышел в полутёмный коридор.

Она улыбалась, выражала приветливость и доброжелательство. Не давая мне тратить на удивлённые вопросы, помогла:

— Вот приехала! К тебе.

Мы спустились вниз и тормознули у столика старухи Изергиль. Та вскочила, сверкнув партизанской медалью, и забыв, как зовут Варю, всё-таки в две минуты допросила её — где теперь, да что — и только ахала, узнавая: эта красавица в деревне и учит ребят химии. Пока они любезничали, я оделся, вернулся к столику, и Изергиль опять оглядела нас вдвоём. Улыбалась, но головой-то качала. Не поймёшь, осуждая или ободривая.

Подошёл трамвай. Я уже знал, что едем к Вариной подружке, которая оставила ей ключи, а сама, понятное дело, исчезла.

Забавная особенность: этот громадный город, по ночам обжигающий тучи сиянием горячих струй металла из гигантских печей, город довоенного модерна в архитектуре, пришедшего издалека, издали слышимых буханий незримых молотов, был переполнен множеством деревянных домиков-малышей, занявших собой все щели между чем-то значимым. И в этих избушках обреталось большинство! Наверное, только избранные начальники знали комфорт и всяческие удобства. Остальной миллион — или сколько там? — жителей проживали в домишках, часто прикрытых деревянными крышами.

Мы вошли в такой домик, и я удивился, что стол уже накрыт, очень любовно, конечно же, на двоих, и мы, умывшись под деревенским рукомойником, уселись за него.

Собственно, всё, что я произносил по пути, было телячьим мычанием на самые примитивные темы: как доехала, как дела в школе и что за село, куда направили Варю аж на целых три года.

Она отвечала весело, смеялась, рассказывала какие-то подробности деревенского привыкания, но поцеловались мы только в этой комнатухе, едва сбросив пальто. Произошло это не горячо, как когда-то, а, скорее, в новинку, будто всё начиналось сначала, но сдержанно. Хотя и беспрепятственно.

Варя усадила меня за стол, налила винца, это оказалось что-то десертное и мной не любимое, я пригубил, но не выпил.

И она, и я будто знакомились снова, и тут она сообщила:

— А я поросёночка завела!

Я даже вздрогнул: какого поросёночка, зачем? Оказалось, самого обыкновенного, чтобы выкормить, а потом... Что потом — подразумевалось, но и объяснение нельзя было не услышать: школа, куда её послали, хорошая, а учителей не хватает, и она, кроме химии, принялась преподавать немецкий язык и даже физкультуру, как самая молодая и, значит, подвижная, ну, и зарплата набегаёт достаточная. Что же касается поросёночка, то их откармливают все учителя.

На меня дохнуло чем-то далёким, испытывающим, даже неодолимым, но мне не знакомым.

После ужина мы снова яростно целовались, а кроме стола и стульев, другой мебели в комнатке не было, так что мы уселись на высокую кровать. Я даже не знаю, какой уклад жизни эта кровать собой являла. Похоже, там было несколько матрацев один на другом, несколько одеял стёганных, а сверху ещё и несколько суконных. Её содержимое открылось, когда Варя, чтобы не смялось, сняла покрывало. Подушек тоже была уйма, в общем, я только позже сообразил, что, может, эти матрацы, одеяла и подушки предполагалось с кровати класть на пол, когда приезжало много гостей.

Да, да, мою голову занимала вот всякая такая ерунда, и между этими незначительными мыслями, их жалкими останками, мы улеглись на широкое ложе, и мы опять целовались, но всякая моя настойчивость решительно пресекалась. В паузе между поцелуями она сказала, что в полночь у неё поезд. Я не мог ей ответить, мол, давай тогда поторопимся. Что-то удерживало меня.

— Зачем же ты приезжала? — сумел я обозначить происходящее.

— Посмотреть на тебя, — ответила она.

А помолчав, я узнал главное:

— Приезжай ко мне в деревню. На каникулы. И тогда будет всё, что ты хочешь.

Дурак, я не удержался:

— И жареный поросёнок?

Она глубоко посмотрела в меня своими чудесными глазами и ласково ответила:

— Ну, если ты скажешь!

Что я должен был думать? Варя всегда была ласкова и добра, если она не соглашалась, то отводила разговор в сторону. Но кроме того, в тот вечер она дала мне понять, что я ей нужен, а мне надо выбирать. Ведь Варя старше меня. Может, и умней.

Мы опять ехали на трамвае к вокзалу, и я только тут увидел в её руке городскую сумочку, может, даже из прошлых времён: небольшую, изящную, в которую можно положить только паспорт, помаду, да немного денег. Я спросил:

— Тебе надо денег?

Она рассмеялась:

— По сравнению с тобой, я богата, как царица! Я ведь учительница!

И заплакала.

Вот так мы расстались, у ступенек тёмного вагона, под Варины слёзы сквозь её улыбку, так что проводница утешала:

— Ничего, девушка, всё образуется.

На меня, при этом, не посмотрев. Выходило, я был в чём-то виноват. Мы поцеловались. Как оказалось, в последний раз.

В общагу я катил в привычном ледяном трамвае, и меня встретил озаченный друг Минибай:

— Ну как?

— Да ничего, ничего, — петушился я.

А потом, когда остались одни, сказал неуверенно:

— По-моему, она попрощалась со мной!

Друг же мой попрощался со своей Валеё намного раньше.

Будто мы — и я, и он — выпустили из клеток не нам принадлежащих красивых птиц.

II

Оставшийся семестр помнится плоховато, как будто заштрихован тем моим забытым ретушёром.

Может, потому что наставала какая-то поспешность, преддверие взрослых хлопот. Защита дипломов, их публичность, радости и обмыгтия утаились от меня той причиной, что я писал свой труд дома, рылся в библиотечных подшивках древних лет, да и руководителем-то моим, по согласию вузов, стал местный профессор, милейший человек, который по какой-то причине отнёсся ко мне с пиететом, недостойным моей персоны. Тем не менее, я много переделывал по его наставлениям, рукопись диплома вышла довольно пухлой, с обширной библиографией, да ещё и любовно переплетённой под мудрым руководством моего грядущего патрона Леонида Демидовича. В результате я оказался последним, кого-то раздражал своей медлительностью, что не полагалось, и диплом мой передали на сторону здешнему знаменитому знатоку. Кафедра, то есть, конечно, Борис Самуилович и Зиновий Абрамович, поочередно то поругивали меня за неспешность, то сочувствовали. В конце концов, меня призвали в маленькую аудиторию, и мои опекуны торжественно открыли довольно большой, но незапечатанный конверт, в котором оценщик велел поторопить меня с превращением диплома в диссертацию, а пока рекомендовал поставить высший балл.

Эти щедрые очки уже давно отхватили и Джурка со своими очерками, и Минибай с анализом деяний крупной дальневосточной газеты, и множество иных моих однокашников, так что ликование осталось умеренным.

Госэкзамены тоже оказались удовольствием прилагательным, но не существительным. Кто станет ставить неуды людям, уходящим на сторону? Какой такой злыдень насолит на прощанье? Да и лето подпирало — всем хотелось в отпуск, преподавателям тоже, и выпуск оборачивался не шумным, не громким и даже не торжественным, но всё-таки подарком судьбы. Украшенным новинкой, по крайней мере, в здешних краях: нам выдали чудесные синие ромбики на пиджаки и платья, на синем фоне — золотой герб державы.

Мы тут же их привинтили, разумеется! А всякий человек с ромбиком был уже очевидным избранныком судьбы, потому что в технических, а значит, огромных институтах в тот год никаких ромбиков ещё не давали. Только университетцам!

А вот после ромбиков все заторопились. Ничто никого не держало. Наш курс отказался даже от выпускной выпивки. До сих не понимаю, почему.

Дня в три или в четыре все рассыпались.

Обнялись и мы, небольшая мальчишечья компания со старослужащими Яковым и Игорьком. Старуха Изергиль заболела, когда я зашёл проститься в наш корпус. А тётя Дуся, сказали в столовой, уехала в отпуск. Куда-то на юг. Так всё и закончилось — слишком обыкновенно.

Но мы с Минibaем решили засвидетельствовать свою взрослость. Ему предстояло двинуть в Хабаровск, мне — домой.

Перед тем мы поехали в Москву.

ВЗЯТИЕ МОСКВЫ

Вместо эпилога

1

Что я Гекубе и что мне Гекуба? А в переводе с непонятого, что мы Москве, да и что нам-то Москва? Родина устроила нас на работу, выдала синие дипломы и ромбики, которые, хошь не хошь, выделяли нас в толпе, подтверждая наше личное высшее образование. Однако отправились мы к Гекубе не себя показать, а людей посмотреть. Минибай там так и вовсе не был, а мои воспоминания остались в девятом классе. Тогда страну осенял Сталин, и въезд в столицу ограничивался приглашениями с милицейским штампом и паспортами.

Сейчас мы ехали в совершенно доступную столицу. Дней на пять, чтобы — что?..

Да мы и не думали толком. Просто решили съездить, поглазеть.

Но далее возник спор, так и не разрешённый. В уральской столице газеты печатали объявления про рейсы самолётов, да и цены на них были почти равны железнодорожным. И я завёлся: давай самолётом. Но друг внезапно упёрся: только поездом. В молодые годы люди не ссорятся, а остаются при своих мнениях. И я поехал в аэропорт.

2

Сколько ни пыжусь, не могу вспомнить, почём же тогда — летом 1958 года — был билет до Москвы! Вроде бы кому такая мелочь нужна? Да вот оказалось — нужна. Думаю, цена была более чем доступной, если я, ещё студентшишка, мог себе, не разоряясь, его купить.

В общем, я приехал в аэропорт на рейсовом автобусе с отцовским фанерным чемоданом, вошёл в неказистый зал и подрёб к кассе. Народу почти не было, самолётами тогда летать ещё не привыкли, ещё не обладал народ такой вредной привычкой, и я стал за дядькой в шляпе, который громко говорил кассирше:

— Но у вас же в руках документ!

— У него истёк срок! — решительно отвечала тётка, довольно-таки молодая.

— Но что же мне делать? — спрашивал он.

— Просто купить билет, товарищ Каганович!

Каганович! Я взглянул на него сбоку, но даже и сбоку было понятно, что это и правда Каганович, Лазарь Моисеевич, соратник Сталина, директор треста, кажется, по добыче асбеста — это такой негорящий материал, добываемый на Урале. Мы читали в газетах, что Кагановича назначили туда. Но вот он стоит перед кассиршей в аэропорту и унижается!

В кассу, довольно просторную комнату за стеклянным перекрытием и с полукруглой дырой для общения, вошёл мужчина, по возрасту схожий с кассиршей, взял у неё из рук мандат с блестящими буквами и, будто продолжая разговор, только вежливее, подтвердил:

— Мы не можем вам выдать депутатский билет, Лазарь Моисеевич. Вы должны понимать. Просто купите, это недорого!

— Но это неправильно! — горячился человек, явление которого здесь совсем недавно могли бы признать чудом. Но теперь он на чудо не походил. Галстук слегка сбился, шляпа мешала ему, и он снял её, обнаружив лысину, покрытую мелкими капельками пота. Принялся промокать голову мятым платком.

— Вы понимаете, — признался он вдруг этим двоим, за окном. — У меня и денег-то нет! Я не рассчитывал на такой поворот! Вы должны мне дать депутатский билет.

— А вы пройдите в депутатский зал, — придумал дядька за стеклом.

— Не пускают! — воскликнул Каганович. — Говорят, не обслуживаем!

Он не жаловался, нет! Он не говорил, кто он такой и как они смеют! Он искренне и как-то по-детски удивлялся. И я подумал, что всё это не похоже на справедливость. Выходит, его выкинули сверху, но лишили права на почтение к нему, запретили даже такое простое: грохнуть кулаком по кассовому прилавку и гаркнуть: “Да я Каганович! Забыли! Моё имя носило метро в Москве! До сих пор ходят пароходы моего имени! Я соратник вождя, в конце-то концов! И отдал стране свою жизнь!”

Ну, а дальше у меня в моих мысленных советах не получалось. И что ему ещё следовало бы гаркнуть? “Дайте бесплатный билет!” Или обернуться к пустому залу и обратиться: “Люди, подайте мне на билет. Я Каганович!”

— Где у вас почта? — спросил вдруг человек, чьё имя носило метро. Кассирша безмолвно протянула руку.

И тут он повернулся ко мне. Коричневого цвета мятый костюм, в руке какой-то бухгалтерский, потрёпанный портфель с двумя застёжками. В другой руке — шляпа. Лысый, круглолицый, с вытаращенными круглыми глазами пожилой человек, не вызывающий симпатий. Но мне его было жалко.

Он смотрел прямо на меня, но не видел, как мне показалось. Он глядел куда-то дальше, и то, что ему там мерещилось, было известно только ему.

Он сделал первый шаг, споткнулся на ровном месте и чуть не упал. Великий человек, которого ещё пять лет назад несли бы на руках по дороге, заваленной цветами, если бы он оказался в этом неказистом аэропорту, смотрел на меня с обидой, которую никто не желал испугать.

— Да это неправильно! Я сейчас позвоню в Москву! — проговорил он.

Я подошёл к окошку, протянул паспорт, назвал город, куда лечу. Кассирша выписала мне билет. И не произнесла ни звука. Дядька за её спиной, как и Каганович, отирал лоб от пота. На земле было жарко.

В самолёте стало прохладнее. Но Кагановича среди пассажиров я не увидел. И это оказалось не единственное приключение моего первого авиaperелёта.

3

Самолёт назывался Ил-14, двухмоторный, наполовину пустой и ничего общего, пожалуй, не имеющий с нынешней авиацией. Всё в нём дребезжало, даже кресло, где я расположился. Летел он надрывно, и я не раз обругал себя, что не поехал поездом. Потом в оконца ударил дождь, тут же превратившийся в ливень. Где-то поблизости прогромыхало пару раз, самолёт падал в ямы, потом, будто сталкиваясь с чем-то твёрдым, стучался днищем и снова взмывал вверх.

Вышла стюардесса и объявила, что в связи с непогодой мы сделаем промежуточную посадку. И назвала мой родной город.

“Ил” не сел, а плюхнулся на грунтовую полосу, во все стороны разлетались брызги, и под воздействием, видно, авиационных винтов земной грязью облепило самолётные окна, да так, что ничего за стёклами не было видно. Когда они слегка прочистились, я сообразил, что мы сели рядом с авиазаводом, почти в городской черте, а этот несерьёзный аэродромчик содержал на своём краю У-2 — четырёхкрылые самолётики для сельхозобработки полей с воздуха.

У меня созрел план: сбегая в павильончик регистрации — должен же быть там телефон! — и ошарашу маму, как ошарашил когда-то, выписываясь из больницы после воспаления лёгких. Только теперь просто сообщу, что остановился на минутку по дороге в Москву.

Но Господь видит даже наши грешные помыслы. И тут разглядел моё тщеславие. Ливень хлынул с новой силой, и лётчики, заглушив моторы, только по рации и могли сообщаться с аэродромной командой. Слегка приоткрыли дверь, снизу им крикнули, что трап подогнать не могут — непролазная грязь, — и нам советуют, раз не надо дозаправлять горючкой, просто лететь дальше. Ни выйти из самолёта, ни зайти в него оказалось невозможным.

Пассажиры слышали, как пилоты переговариваются с аэропортом, и не только здешним, как все советуют им взлетать, пока не стало хуже, или просто переждать ливень. Странная, однако, логика.

Мы посидели, даже вздремнули. Я очнулся от грохота винта и увидел, что дождь за окном перестал. Даже чуточку солнце выглянуло.

Наш четырнадцатый “Ил” гудел исправно, могущественно, самоуверенно. Но вот беда — не мог тронуться. Пилоты форсировали моторы — бесполезно. Колёса самолёта — хотя мы не видели их, — похоже, просели в грязь, и тяга двигателей не помогала. Снова моторы умолкли, опять приоткрыли дверь, снизу кто-то гаркнул, что попробуют пригнать гусеничный трактор. А пока разыскивают трос. Консультировались — за что можно трос этот закрепить к самолёту. В ответ называлось шасси.

Трактор появился нескоро и униженно для всей гражданской авиации выдёргивал из аэродромных ям самолёт, как какой-нибудь маломощный грузовик, а потому, когда двигатели всё же взвыли, и мы, трясясь по кочкам, пошли на разгон в сторону леса, где располагалось старое городское кладбище, я не на шутку струхнул и сжался, упрасывая все силы небесные подсобить снизу и приподнять наш громко шумящий, но трудно взлетающий самолёт.

И был услышан.

4

Ах, Москва! Ах, Кремль с рубиновыми звёздами! Ах, Большой театр с толстенными колоннами, между которыми назначают встречи люди, не знающие Москвы, но желающие иметь точный и совершенно понятный адрес.

Вот там, между колоннами Большого мы и повстречались с моим другом ещё через день. Он устроился в гостинице “Турист”, а я — у своей московской тётушки. Мы потоптались по площади трёх театров, а потом выбрали к имениной улице Горького, а вот здесь, в перекрестии гостиницы “Москва”, ресторана “Националь” и Госплана, родилось у нас осознание непреложного требования судьбы — наконец-то где-то сесть, пообедать вдвоём, за отсутствием остальных, да слегка обмыть окончание альма матер.

И здесь нельзя не заметить, чуточку отступив, что улица Горького, теперь Тверская, сильно, порой неузнаваемо, отличалась от сегодняшней. Трогуары, закатанные асфальтом, гораздо скромнее, зеркальные витрины отечественного происхождения и не такие сверкающие, ещё отсутствует памятник Юрию Долгорукому, а здание газеты “Труд” вышло на проезжую часть — это гораздо позже его задвинут, чтобы не мешало двигаться. Нет на Пушкинской площади кинотеатра “Россия”, но есть дом Фамусова, который снесут, нет гостиницы “Минск”, которую построят плохо, а потом и её снесут, построят нечто дорогостоящее. Нет ещё ресторана “София” и множества кафе, и торжественных дверей, как теперь... Да я и говорю-то здесь исключительно о правой стороне улицы, по которой мы и отправились в сторону Белорусского вокзала.

Улица Горького, осыпанная солнцем, благодушно, как казалось, взирала на нас, её ширина поражала щедростью, летнее тепло расслабляло, освобождая от настороженности. Да и не было нам ещё о чём-то тревожиться

и чего-нибудь опасаться: весь мир этот светлый — с нами, за нас, и мы шагали, никуда не торопясь, а только вдохновляясь своим новым качеством уже полновесных выпускников, хотя ещё и не начавшихся работников. Минует месяц, и нам придётся отвечать за своё дело, как равным и взрослым! Но эта узкая щель — между тем, что было, и тем, что будет, — дула нам в лица тёплым ветерком беспечности.

Так нам казалось.

В пространстве первого квартала нас ничего не остановило. Зато на взгорке в широко распахнутую стеклянную дверь вилась очередь, и мы стали крайними. Регулировал её какой-то добродушный и толстый увалень, похоже, уловивший наши намерения.

— Ждать придётся минут тридцать! — кивнул он нам. — И выпивки тут не дают!

Мы ошалело поглядели на провидца и послушались его. Даже кивнули ему в знак благодарности.

Перед гостиницей “Центральной” имелся ресторан, наверное, его часть, но он оказался закрыт, потому что открывался с двенадцати, а нас угораздило встретиться с ранья. Заглянув в “Елисейский”, мы торопливо прошлись вдоль округленных витрин, испытывая самое серьёзное отвращение, — это не предназначалось нашему, начинающему жизнь сословию. Разве пирамиды “Чатки” напомнили уральскую явь.

Пушкинскую площадь мы не стали обходить по кругу, предполагая, что вряд ли найдётся что-нибудь подходящее для наших поисков, и по простоте душевной двигались всё дальше и дальше, спотыкаясь о пороги редких тогда заведений общепита, переполненных людьми. В конце концов, не для жратвы же трудился Алексей Максимович, которого мы почитали всей душой и имя которого носил университет в столице Урала, который мы закончили.

Двери возникали перед нами. Мы останавливались, примерялись, откачивались, шли дальше.

И так повторялось, повторялось и повторялось до тех пор, пока, уже недалеко от Белорусского вокзала, — во всяком случае, Горький хоть издали, из-за угла, но уже поглядывал на нас, — мы не вошли в почти пустое кафе-мороженое, бухнулись на железные стулья, обитые дерматином, и заказали два мороженых.

Официантка принесла нам блестящие вазочки с разноцветными шариками, и я спросил:

— А выпить у вас что-нибудь есть?

Не отрывая взгляда от наших лиц, бабёнка громко крикнула:

— Рая, что выпить есть?

— Ты же знаешь! — ответила Рая из-за кулис. — У нас не бывает!

— Видите, — ехидно ответила официантка, — не я говорю! А заведующая!

И стала разворачиваться, но я её тормознул:

— А что вот там за бутылка?

И показал пальцем на зады прилавка, где даже издали привлекали своей непривычностью латинские буквы на этикетке.

— Ща узнаю, — ответила она лениво, а потом крикнула из-за тонкой переборки:

— Какой-то ликёр!

— Ну, и дайте его нам, — привязался я на грех нам с Минибаем.

Видно, это было донельзя захудалое заведение даже в системе равенства всенародного общепита. Я потом не раз, вспоминая его, не мог понять, зачем оно существовало на улице-то Горького. Так и не нашёл ответа.

В общем, мы взяли эту таинственную бутылку с непереводаемой этикеткой, — на каком же она была наречии-то? — затребовали по стаканчику и, разумеется, ничего, кроме гранёных, явно под водку, сосудов, в кафе-мороженом не нашлось. Ну, и хряпнули по полстаканка, понюхав, естественно, сначала и учуяв, казалось, неядовитый всё же и сладковатый аромат.

Закусывать пришлось мороженым, да это и получалось вполне естественным, и мы слегка повспоминали знаменитый зелёный ликёр “Шартрез”, попробовав который нам удавалось в столовой Горного института.

Конечно, конечно, все эти четыре слова — “Шартрез”, “столовая”, “горного”, да ещё и “института” — никак не сопрягаются в высоких размышлениях о смысле жизни. Но есть же размышления и пониже. Вот почему нас не испугал этот розовый ликёр с неясным именем, мороженое шариками, официантка, в одном лице и вежливая, и подлая, особенно если заметить, что она носит за кулисы продолговатые тарелочки с солёными огурцами и резко пахнувшей колбасой.

Ну, ещё мы проявили вольность и к Алексею Максимовичу. Сели к окну, а значит, к нему спиной и забыли о его правдивом реалистическом взоре. Такое не сходит с рук!

Болтая ни о чём — прошлое уже окончилось, новое не началось, — мы с другом допили сладкую и тягучую гадость, не демонстрируя при этом своего истинного отвращения, доели мороженое и рассчитались.

Официантка почему-то отворачивала взор, похоже, думала о чём-то куда более серьёзном, чем наши рублёвки, но на прощанье разомкнулась:

— Заходите, мальчики!

Мальчики выкатились.

И тут он снова посмотрел на нас, почтенный Алексей Максимович. Сбоку, из-за угла. Посмотрел точно так же, как смотрел, когда мы входили в эту кафешку — довольно испытующе. Будто знал про нас что-то, ведомое одному ему.

Надо заметить, что в кафешке мы не допросились никакой воды. Кроме как по стакану из-под крана. А ведь жили в стране равноправных “Боржоми”, “Арзни”, “Поллостровской” и прочих “Ессентуков”.

Странно, конечно, кафе-мороженое и без воды! И так быть не должно! Не имело права! Но было же...

Итак, мы вышли, и через десять шагов меня замутило. К горлу подступила какая-то гадость из живота. Скривилось и лицо Минибая.

Самое лучшее для нас — извините за прозу правды! — было бы вытошнить, освободить наши чрева. Но где это сделаешь в заасфальтированном со всех сторон сердце столицы? Да ещё на улице Горького! Издалека мы увидели тележку с газировкой и подбежали к ней.

— Без морса! — едва проговорил я.

Жадными глотками мы выпили шипучую воду. Вроде сразу отпустило.

Мы, тем не менее, загнанно оглядывались — ни свернуть, ни уединиться. Ещё недостижимее были туалеты — во все кафе стояли теперь уже длинные очереди, не прорвёшься, а объясняться — ниже не то чтобы достоинства, но и простого смысла.

Не оставалось ничего иного, как прибавить шаг и двигаться обратно. Почему мы так решили? А мы и не решали. Кто-то гнал нас, обратно, но кто-то и помогал, наверное, сам Горький.

На каждом углу данной ему улицы у него стояли тележки с приветливыми тётками — хотите верьте, хотите — нет.

Это были не жеманные девицы и не усталые старухи. Если примерить их к нам, тогдашним, они годились нам в сёстры, но очень старшие, замужние сёстры с детьми, разумеется. Мы подбегали к тележке на каждом очередном углу и просили по стакану газировки без морса. Она стояла десять копеек. Вся трудность состояла в сдаче. Газировщицы честно отсчитывали нам мелочь с рубля, а мы знали, что ресурс заправки водой невелик, и надо успеть добежать до следующего перекрёстка. Но старшие сёстры улыбались нам, старались не обесчиститься, были доброжелательны и заботливы лично к нам!

И всё-таки чистая газировка могла отсрочить тошнотворную мусть, всякий раз — на краткое время. К концу каждого квартала мерзость из смеси мороженого с чем-то, похожим на ликёр, снова просилась наружу. Мы едва успевали подбегать к тележке, заправлять водой, снизиться, видно, концентрации обмана. И широким шагом, переходящим в лёгкую рысь, двигались к следующему углу, где — о, чудо улицы Горького! — без обмана функционировала следующая тележка.

Весь мир вокруг нас оказался размазанным и нечётким, как в поезде, пролетающем станцию. Нас больше не интересовали исторические здания, встречные люди и окружающая обстановка. Наши взгляды, пока мы допивали стакан у одной тележки, отыскивали следующую. Всякий раз подсознание или ещё какой-то сложный механизм рассчитывал возможности организма, сопрягая с числом необходимых метров.

Первые десять-пятнадцать шагов после тележки мне, как и Минибаю, похоже, легчало, потом бурление являлось вновь, и движение продолжалось, но куда, до каких пор и к чему мы бежали? Чтобы пристроиться в укромном уголке?

На углу напротив Телеграфа, где теперь парикмахерская “Ив Роше”, мы выпили по предпоследнему стакану. В середине квартала, ведущего к гостинице “Москва”, — последний.

И тут кто-то щёлкнул выключателем. Сказал про себя, а может, и вслух, но неслышимо для нас: “С этих хватит!”

Мы выпили последний стакан, и всё в нас разом утихло. Мир, сорвавшийся с рельсов, вернулся в свою колею. Мы снова разглядели улицу, людей, даже каких-то девушек — надо же, с университетскими значками на платьях! И даже, кажется, улыбнулись им.

Но! Нам не позволялось никаких вольностей!

Организм без всяких переходов потребовал другого. Да и сколько он мог ещё выдерживать это издевательство над ним? Ведь по дороге, совершаемой впробежку, от Белорусской площади до “Москвы”, мы выпили стаканов восемь, а то и девять!

Теперь вода требовала воли! И я крикнул Минибаю, к счастью, обдуманное во время перебежек:

— В “Москву”!

Конечно, я имел в виду её в кавычках, подразумевая гостиницу, и правой рукой уже держал в руке десятку для гостиничного швейцара в ливрее. А вышло по Чехову: “В Москву! В Москву!”

Все завершилось, как по заранее написанному сценарию.

Мы с трудом дождались зелёного света на переходе — о кротовых подземных ходах тогда никто даже не фантазировал! — быстрым, но наглым шагом подошли к мордовороту в ливрее, который охотно принял бумажку, и на мой возглас: “Туалет!” — охотно ткнул пальцем в нужную сторону.

О, Москва! О, улица Горького! О, почтенный Алексей Максимович! Как же легкомысленны были мы, вступая — лишь мимолётно! — на священный асфальт столицы!

Однако и дерзко ответили что-то вроде того: да не очень-то и хотелось!

Правда, этот ответ явился уже после туалета. Или вовсе уж нахальное: держава наша велика!

“Вот-вот, — наверное, ответил бы Алексей Максимович, — не в столицах начинают, в них заканчивают!”

Но и такого не было во лбу — ни у меня, ни у Минибая. Да ни у кого, наверное, из нашего выпуска Уральского университета имени Горького, увы, не существующего более вообще.

И даже самый лёгкий намёк на близость к Москве отвергался кем-то, кто обретался над нами, владел юмором, поддельным ликёром, газировкой без сиропа, скрытой издёвкой, ну, и всей нашей сутью.

Да что там! Нам просто со смехом указали, что мы здесь чужаки.

Так казалось.

ВРЕМЯ ПРОШЕДШЕЕ (концовка)

Но зачем я всё это написал?

В подробностях, в деталях, которые разрушились, рассыпались, отошли?

Кому это надо — терпеливо узнавать свидетельства забытого времени?

Ведь его заслонили новые эпохи, когда иные люди требовали подчиниться другим правилам.

Но я складывал это повествование из светлых надежд, из засохших лепестков памяти, из непониманий и одолений людей, прикоснувшихся к войне своим детством. Ведь даже наши старослужащие не воевали на фронтах, хотя считались участниками войны. Просто такими участниками было всё наше племя, юные годы которого наполнены жаркой надеждой на свободное от беды будущее. Но вот пришло ли оно и обернулось ли исполнением этих надежд — вопрос без односложного ответа.

Жизнь идёт не по нашему сценарию. Хотя она сама-то никогда не согласится, что это не мы выбрали её.

Ушли, уходят, уйдут однокурсники — все мы, не люди, а время!

Без всяких восклицательных знаков, тихо, не привлекая внимания, уходит с нами наша память, а значит, тогдашняя страна!

Даже воспоминания становятся зыбкими, похожими на туман, и бьётся мысль: а было ли всё это?

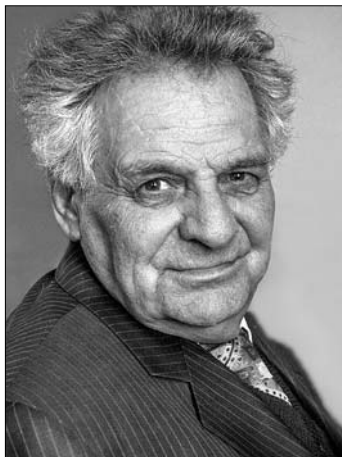
В этих рисунках по памяти, в свидетельствах забытых пространств, как легко увидеть, нет композиции, много действующих лиц, возникающих и исчезающих безвестно — именно так устроено всё наше существование.

Люди входят в жизнь и выходят из неё без предупреждения.

Мир тает, одни сменяют других, и хорошо, когда в доме хотя бы завляется альбом со старыми фотографиями. И если его кто-то листает, кто-то его хранит, это значит, что прошлое существует, оно только отошло из памяти до поры до времени.

И вовсе не грех, обернуться на повороте. И вспомнить, пока не поздно. Чтобы другие не забыли.

БОРИС ЛАПУЗИН

ЗДЕСЬ ТВОЙ ДОМ

* * *

Опять в чахоточный июль упал Владивосток,
Где и фундаментов бетон насквозь уже промок,
Где в ямах, в рытвинах, в буграх запутанность дорог,
Где никакой не Золотой, а просто грязный Рог,
Где мокрый воздух, серый свет, автомобильный смог...
Но здесь твой город,
здесь твой дом,
здесь Родина, милоч.

ХУДОЖНИК

*Заслуженному художнику России
Николаю Большакову*

Из мастерской за окнами открыт
Такой обзор, такая панорама,
Да что — картина живописи, прямо! —
Морской владивостокский колорит.

ЛАПУЗИН Борис Васильевич начал публиковать свои стихи с 1955 года, первая книжка “День сегодня солнцеликий” вышла во Владивостоке в 1962 году. Сейчас он член Союза писателей России, автор девяти стихотворных книг, лауреат четырёх литературных премий, в том числе премии В. К. Арсеньева за книгу “Владивостокские стихи”. Почётный гражданин города Владивостока.

Причалы, корабли, работа порта,
Над бухтой зрима графика моста...
А в мастерской — портреты, натюрморты,
Лирических пейзажей красота.

И храмы православные, и лики
Иконописцев праведных Руси,
Волнение народное на стыке
Раскольничества, Господи, спаси.

Божественное творчество! Столетия
Искусно проступают с полотна.
И кажется, пожаром многоцветья
Палитра перед ним раскалена.

Мольберта установленный треножник
На жертвенник похож, не на станок.
За окнами живёт Владивосток,
Пока священнодействует художник.

ВЛАДИВОСТОК

Это город — всерьёз и надолго,
Это город отваги и риска.
До Москвы нам отсюда далёко,
И до нас москвитам не близко.

Это город и солнца, и ветра —
Одинаково просто и сложно.
Это город любви беззаветной,
Без любви здесь прожить невозможно.

Это город надёжности, это
Город славных начал без отсрочки.
Это город, воспетый поэтом,
Всю любовь переплавившим в строчки.

Власть, конечно же, так не считает,
Олигарх ей поэта нужнее.
Губернатор стихов не читает,
У него есть дела поважнее.

Но поэзии звонкое чудо —
Как живая вода из колодца.
Губернаторы были и будут,
А поэт навсегда остаётся.

Жизнь бессмертна, лирична, поэтна,
Как повсюду в России и должно.
Это город любви беззаветной,
Без любви здесь прожить невозможно!

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Последняя книга стихов,
Моя исповедная книга.
Я отдал ей сил — будь здоров! —
Висела на мне, как верига.

Слагалось, как Спас-на-Крови,
По сути самой, не подложной,
О доблести, чести, любви,
О верности дружбы надёжной...

О жизни моих земляков,
Хлебнувших немало лиха...
Последняя книга стихов,
Моя исповедная книга.

Я всё в эту книгу, что смог,
Все чувства, все мысли, все темы:
Вписал и святой образок,
И храм, и красу хризантемы.

Я всё в эту книгу вместил:
Родные дубы и берёзы,
И мощь наших воинских сил,
И вдов безутешные слёзы.

И на сквозняках мировых
Не то чтоб я лучшим был, что ты!
Но был я не хуже других
Для родины и для работы,

Защитник её рядовой,
Глашатай её и посредник,
Ребёнок Второй мировой,
Великой Победы наследник.

В приморском своём далеке,
Надеюсь, слагал не напрасно
На русском живом языке,
Всё то, что слагалось прекрасно,

Чтоб книгу свою дописать,
Просил я у Смерти отсрочки.
Окончен мой труд — исполать, —
Исполнен от точки до точки.

Я всё написал, что хотел,
Испробовал все обороты,
Свершил в повседневности дел
Полёт стихотворной работы.

На лучшем из всех языков
Рождалась из вздоха и крика
Последняя книга стихов,
Моя повседневная книга.

Поздравляем тебя, дорогой Борис Васильевич, с 80-летием!
Лет до ста расти нам без старости!

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

ЗАСТОЛЬНЫЕ ПЕСНИ

ЗАСТОЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Всё та же копилка привычек и слов,
Но что-то уходит из наших домов.
И люди всё те же, и тот же уют,
Но песен застольных уже не поют.

Уже не поют и не ищут тропы
Одной, нераздельной и кровной, судьбы,
Когда всё от сердца, как радуги взмах,
И горькие слёзы, и счастье в глазах...

ЭХО ТОЙ ВОЙНЫ

Снегопад лохматой лапой
Прошуршал, весной гоним...
Я во сне кричала: "Папа!.." —
И бежала я за ним.

КОРОСТЕЛЁВА Валентина Абрамовна родилась в Кирове (Вятке). Окончила Литературный институт им. Горького. С 1982 года живёт в Подмоскowie. Член Союза писателей России. Автор 16 книг поэзии и прозы. Среди них "На тайном берегу", "Парнаса дорогие имена", "Хлеб и мёд", "Моя божественная Русь", "Звёзды на снегу", "Между небом и землёй". Лауреат премий им. А. П. Платонова, Антона Чехова, Алексея Толстого, "Добрая лира".

Как нарочно, всё преграды,
Нет силы даже звать.
Мне ему так много надо
Наконец-то рассказать!

Я бегу, а он не ближе,
Вот такая вот беда.
Я боюсь, что не увижу
Папу больше никогда!

...День прошёл, весной объятый,
Сочинил свою строку,
Но во сне опять за папой
Я бегу, бегу, бегу...

СТАРЫЙ ДРУГ

Старый друг, не по возрасту смелый,
Растревожил жилище моё,
Рассказал про инфаркт между делом,
И опять — про родное, своё:

Что культура сужает границы,
Что цинизм все рекорды побил,
Что пороком объята столица,
И дебила мордует дебил.

Старый друг по привычке воюет,
Только кто его слышит — пойми?!
Старый друг белым светом рискует,
Лишь бы мы оставались людьми.

СОЛДАТ

Было, помню, утро раннее
Устоявшейся весной,
Как вернулся он, израненный,
Искалеченный войной.

Он в бою не дрогнул, выстоял,
Славу добрую снискал.
Он в сених курил неистово —
К новой жизни привыкал.

.....
Как назло, лишь беды грезятся —
Ну, куда теперь без ног?
Никого к себе с полмесяца
Подпустить солдат не мог,

Даже друга, друга Якова
(Вместе вышло воевать), —
И жена тихонько плакала,
И вздыхала тяжело мать.

Но однажды... слышат жители:
У разохшихся ворот,
Запинаясь, нерешительно,
С хрипотцой гармонь поёт.

И чем больше было алости
В нарождавшейся заре,
Тем всё больше было радости
В разгоравшейся игре.

А гармонь, сияя планками,
Непростой вела рассказ,
И хотя порою плакала,
Но уже в последний раз!

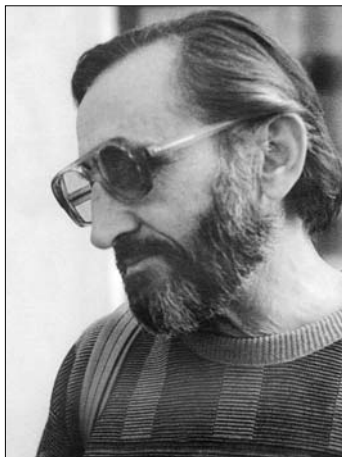
ДОРОЖЕ НАСУЩНОГО ХЛЕБА

Весенние грозы и ливни,
Святая борьба за тепло,
Всё меньше угрюмости зимней,
И в доме, и в сердце – светло.

И ставит на холоде точку
Щемящая нежность ночей...
Взрываются спелые почки
Под натиском ярких лучей.

Дороже насущного хлеба
И ранних заморских мимоз
На фоне чистейшего неба –
Зелёные брызги берёз...

ЮРИЙ УБОГИЙ

ВРЕМЯ ВОКЗАЛА

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ*

Всегда при случае смотрю, как солнце уходит: вот прикоснулось к горизонту, вот снизу смялось чуть, вот на треть уже ушло... И напрягаться начинаешь невольно, словно уход его личное к тебе отношение имеет. Да и имеет: с ходом — уходом жизни твоей это связано как-то, пусть даже и не подумаешь об этом. Смотришь неотрывно, и не двигается оно, чуть взгляд отвёл — а оно уже ушло по пояс... Но всё равно много ещё осталось, только неотрывно надо смотреть, взглядом как бы его придерживая. Вот до последней капли дело дошло, а вот и последней уже искры... Всё. Напряжение гаснет за солнцем влед, и сам ты на миг стал пустой и тёмный.

* * *

Слышал по ТВ отрывок из предсмертного письма Маркеса. Конкретно-му ли адресату оно было написано или “всем-всем-всем”, не сказали. Суть отрывка совершенно христианская: о том, что главное и лучшее в жизни — любовь. Кончается же всё фразой, трижды в письме повторенной: “Не за мысли будут меня помнить”. Очень странно. Как он мог даже предположить

УБОГИЙ Юрий Васильевич родился в 1940 году в селе Красная Поляна Курской области. Окончил Воронежский медицинский институт и Высшие литературные курсы. Более 20 лет работал психиатром и психотерапевтом. В “Нашем современнике” публикуется с 1978 г. Автор 12 книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Калуге.

* Продолжение. Начало в №10 за 2014 год, №9 за 2015 год.

такое? И возмутился ведь самому этому предположению, и отверг его решительно. Может, метафизичность, такая у него густая, стала его смущать к концу жизни, некая избыточность её?

А вот Толстой, проживший примерно столько же, к концу все большее значение именно мыслям своим придавал, в дневниках и трактатах ясно это видно. И не возражал бы, может быть, чтобы его помнили именно “за мысли”. Давались они ему трудней и мучительнее, чем всепокоряющая художественность, вот и ценил их больше.

* * *

Любил когда-то забрести на окраину самую неприглядную, замусоренную, уродливую: заборы, склады, трубы дымящие и парящие, древние какие-то пакаузы... Промзона. Что тут, казалось бы, любить? А вот эту самую неподдельную, натуральную наготу жизни и работы человеческой. И энергетика в таких местах какая-то особенная, до лёгких мурашек по коже, словно ты на некоем сквознячке бытия оказался вдруг. Знобка, зябка, но чем-то и приятно. Вот этой самой натуральностью нагой.

Удивительно, что место для чтения стихов и разговора о поэзии (увидел недавно по ТВ) выбрали очень похожее на любимые мною когда-то окраинные промзоны, только под крышей: голые кирпичные стены с неряшливой кладкой, подмошки, трапы дощатые... Решили, наверное, что высшему и нежнейшему творению души и духа человеческого, поэзии, здесь самое место для контраста и заземления. Есть тут некий резон, хоть выглядит всё это и диковато. Некоторые же стихи, там прозвучавшие, никакого контраста с обстановкой и не давали, всё тот же был в них нагой кирпич, железки, доски, словно тут именно они и родились.

* * *

Трудновато стало на лыжах ходить, азарта, жадности мышечной почти уже нет, заставляя-подгонять себя приходится. Но ведь и стаж лыжный какой — 70 лет! Первые мои лыжи с последней военной зимой совпали, и сделаны они были из досок от бочки. Ну, и хомутики из пеньковой веревки к ним были прибиты. Ехать на них было почти невозможно, а вот пошатать-попадать — сколько угодно! Даже и с восторгом — я на лыжах, как большой! И вторые лыжи, уже “фабричные”, прекрасно помню, и третьи... Третьи, подаренные дядюшкой перед его уходом в армию, были сказочно хороши — военные, финские, трофейные, с дырочками на круто изогнутых концах. Ни у кого в нашем посёлке таких не было, и я прямо-таки дрожал над ними от восторга и тревоги, что отнимут или украдут. И ведь украли из коридорчика недели через две-три. Чуть не умер от горя.

Ну, а потом вся жизнь в обнимку с лыжами прошла. Где бы ни жил, везде можно было прямо у порога дома на них стать и ехать. Помню, зрелым уже вполне человеком бежал на лыжах самозабвенно, блаженно и пушкинские строчки из “Моцарта и Сальери” вдруг на лыжный лад переделал: “Из наслаждений жизни // одна любовь прогулке лыжной уступает, // но и она мелодия...” И запомнил, и не раз потом повторял...

Эту зиму, надеюсь, отъезжу, а последующие? Если они вообще будут, конечно. Какая-то ведь случится первой без лыж, и это будет горько. Клади древним людям в могилы вещи, самые в обиходе нужные, вот я бы по этому примеру лыжи рядом хотел иметь. Как-то оно веселее будет.

* * *

Посмотрим на происходящее взглядом Шекспира: такой совет есть в письме Пушкина Деливигу, да и самому себе, конечно. С высоты высокой, спокойно, душу не надрывая. Хороший совет, только сам он вряд ли когда ему следовал, а как бы было хорошо для благополучия житейского. Всё могло

по-другому пойти, но ведь великого поэта и человека тогда бы не было. Особенно по последней дуэльной истории такое видно. Не мог он иначе поступить — только стреляться. Теперь же слово “честь” пишется в словарях с добавкой “устар.” — устаревшее...

Много бед постигало Россию на её историческом пути, и гибель Пушкина, а вслед и Лермонтова — такие беды. Не случись они, вся история громадной страны могла бы сложиться по-иному, поудачнее.

О похожем влиянии Гоголя на судьбу России, только с обратным знаком, писал Розанов. О том, что он отвинтил внутри российского корабля некий винт, после чего тот неизбежно стал тонуть, и даже русско-японская война не могла быть выиграна. А винт этот — самоуважение, сильно пострадавшее от гоголевского изображения России.

* * *

Старение похоже на хроническую болезнь, которая развивается хотя и медленно, но неостановимо. По ходу “болезни” душа вырабатывает, к счастью, и лекарство, которое и облегчает, скрашивает развитие её. Происходит рост ценности того куска, кусочка жизни, который тебе остался и который становится всё меньше. Всё дорожает прямо-таки на глазах: и природа, и погода, и люди, и книги, и мысли, и воспоминания, и время само. Вот этим-то и оплачиваются, покрываются потери, тяготы и горести старости, порой даже и с избытком. Прямо по пословице: нет худа без добра. Смысл пословицы утешительно-житейский, а существует ли худо-зло в виде чистом и непоправимом? Может, и нет. Ведь даже Люцифер, ангел падший, отец зла, может спастись, если покается, так богословы христианские считают.

* * *

“Любить и лелеять недуг бытия”, — из стихотворения Баратынского “Дельвигу”. Можно такое с недоумением и протестом прочитать, можно и с согласием полным. От характера читающего зависит и даже от настроения. А вообще глубоко, но и темновато... Томас Манн же определял жизнь, как тепловую краску стыда материи. Тут уж совсем темно, хотя, если вдумываться упорно, то что-то всё-таки брезжить начинает.

Темны и стихи Велимира Хлебникова: то ли бред, то ли набор слов случайный... Но вдруг мелькнёт, как драгоценность в мусоре: “Русь, ты вся поцелуй на морозе...”

Один из журналов по теоретической физике прошлого века принципиально не печатал понятные статьи, предпочитая им непонятные, дикие, тёмные. И, может быть, выживал изредка что-то драгоценное из этого потока.

* * *

“Мужайся, сердце, до конца. // И нет в творении Творца! // И смысла нет в мольбе!” — Тютчев. Ведь прямо и ясно, от себя лично, сказано, что автор безбожник, а всё равно в глубине души этому не веришь и правильно делаешь. Не может поэт писать боговдохновенные стихи и не быть при этом у Бога, в Боге, хотя бы во время их написания. Нечто подобное апостолом Павлом про любовь сказано, где она поставлена выше и важнее даже самой глубокой и горячей веры. Любящему уже и вера не нужна, потому что он в любви, а значит, в Боге пребывает. Вот пушкинское, всем известное, о любви самой земной, а всё равно Божественной: “И сердце бьётся в упоенье, // И для него воскресли вновь // И Божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слёзы, и любовь”. На первом месте “Божество” и тут стоит...

Случалось же читать стихи духовные, где про Бога сплошь говорится, но Он в них как-то и не живёт. А в некоторых стихах того же поэта (Вла-

димира Богатырёва), вполне светских, Бог и не упоминается, а чувствуется несомненно: всё в той же к миру и к людям любви...

* * *

“Чем ближе ночь, тем родина дороже”, — строчки из стихотворения Станислава Куняева. Как много за этой строчкой встает — и война, и девятилетние лихие годы века прошлого, и теперешняя пора... Это всё трудности, горести общенародные, но ведь и в отдельной человеческой судьбе точно так же: грянула беда, и жизнь, и родина вдруг подорожали. Прозаик Леонид Бородин написал в воспоминаниях, что ему, отбывавшему срок в лагере, куняевская строчка выживать помогала...

* * *

Бед настоящих набирается, кстати, не так и много. По-народному — война, тюрьма да сума...

Пришлось прочитать почти подряд рассказ Шукшина “Алёша Бесконвойный” и стихотворение Рубцова “Добрый Филя”. Удивительно, как они похожи, Алёша и Филя. Оба пастухи, оба молчуны, оба любят всё и всех. И чувствуется, что для авторов они не просто персонажи, но некие идеалы авторские.

Тот самый “золотой век”, который, по слову Достоевского, у нас в кармане, они из кармана уже достали и живут в нём. И из чего же он состоит, этот “век”, для всех вождельный? Только из любви.

*Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чём говорить?*

Так стихотворение Рубцова кончается. Можно себе представить и монаха, давшего обет молчания, для которого это не испытание, а радость. Если мир Божий любишь, то незачем эту любовь словами всякими-разными портить и мутить. Молчание золото, вот и помолчи.

* * *

Хорошо помню, как в школе русскую литературную классику изучали много-много, сочинения писали про Онегина, Печорина, Кабаниху... И музыку классическую, симфоническую приходилось поневоле слушать из чёрной воронки репродуктора — не переключишь. Такое было “принуждение к культуре”, употребляя современный речевой оборот. Из всех принуждений самое, может быть, простительное. Да что там — нужное, необходимое даже! Иначе с детективами, “дамскими” романами и эстрадно-музыкальными шоу будем мы дичать и дичать.

Когда широко отметили столетие после смерти Пушкина и ввели широкое изучение русской литературной классики в школе, философ — эмигрант Георгий Федотов написал: “Спасена Россия!” И был совершенно прав. Такой крутой культурный поворот был чудом, уберегавшим душу народа на многие десятилетия вперёд. Что-то даже провиденциальное в нём было — Пресвятая Богородица России помогла в очередной раз, быть может...

В последнее время поговаривают в СМИ, что учить детей писать от руки незачем, пусть печатать сразу начинают. В Финляндии, например, уже и стали делать так, вот и нам бы... Брежит тут и продолжение — разговаривать, в конце концов, окажется лишним, эсэмэски друг другу проще посылать...

* * *

Жизнь и судьба Николая Рубцова были тяжелы на редкость, но в стихах его это отразилось мало. Основное и глубинное в них — свет. Словно получил он от судьбы чёрный уголь и огромным, тайным душевным трудом пережёл его, превратив в свет любви. К родине, прежде всего. А Юрий Кузнецов, его сосед в ряду русско-советских поэтов-классиков, имел житейскую судьбу гораздо легче, но душевный, поэтический труд его был по тяжести близок Рубцовскому. Стоял одиноко, как воин-богатырь, на страже России, пока не рухнул на этом посту.

Посмертная же их судьба как поэтов сильно различается. Рубцова любят многие, а Кузнецова редко кто, потому что для этой любви героическую, как у него самого, натуру надо иметь, а таких людей много не бывает.

* * *

Есть у позднего Толстого дневниковая запись о том, что хорошо бы написать роман под названием “Жратва”. О том, что люди думают, что они занимаются то тем, то этим, а они заняты в основном жратвой. Теперь же такой роман был бы ещё злободневней: богатые страны вымирать скоро начнут от ожирения своих граждан. Да и мы в этом не совсем в стороне стоим. И на экранах, и в журналах глянцевого бесконечная еда завлекательная, а следом способы похудения...

Спросили однажды балерину Майю Плисецкую, как она держит себя в прекрасной физической форме, и она ответила совершенно по-толстовски: “Сижку не жрамши!”

* * *

Много раз приходилось бывать в мастерских художников, и всегда казалось, что они, мастерские, из лучших мест, которые вообще есть на свете. Тут и остаточный гул работы недавней, идущий годы уже и годы, тут и плоды её, картины и скульптуры вокруг, и вещи старинные вроде прялок и самоваров, в которых времени глубина, тут и беспорядок милый, и порядок, одному художнику-хозяину ведомый. И мастерская это, и жильё, и берлога...

Недавно в мастерской у художника А. хозяин показал свою картину, которой был недоволен, а чем конкретно, сам никак не мог понять. Хорошая картина, да ещё и большая, сколько труда и времени на неё было потрачено! Но какая-то “нескладёха” в ней действительно чувствовалась. Долго её рассматривали, пока один из присутствующих не сказал, что надо бы немецкие самолёты вдаль на горизонте убрать. И все согласились сразу: да, именно это! А художник обрадовался прямо-таки, словно увидел картину иной, лучшей гораздо. Словно “нескладёха” эта самая вдруг исчезла.

Тут мне и вспомнилось, как вычёркивал не раз какой-нибудь кусок, конец особенно, из рассказа, и тот из вялого, полуживого чудом каким-то становился живым. И до сих пор не могу твёрдо сказать, что полезнее для уже написанной вещи: удачная добавка или удачное сокращение. Второе, пожалуй...

Тут и вспомнился научно-популярный фильм, в котором было сказано, что пустоты в природе нет, мы же пока просто не знаем, что в ней, в пустоте, и как это на нас влияет.

* * *

Писать кратко или пространно — дар писательский определяет, и решения уместные, рациональные мало что в этом могут изменить. А дар и для самого носителя остаётся тайной. Ценность же краткости или объёмности —

лишь в конкретном проявлении видна. Нечего было бы и думать о сокращении шолоховского “Тихого Дона” или увеличении, “расписывании” Бунинского “Солнечного удара”.

Особняком тут стоит краткость Библейская, Богоданная. “Да любите друг друга”. Четыре всего слова, изменившие мир...

* * *

Друг со студенческих ещё лет недавно уехал в Канаду, в Ванкувер, и в первом же с ним телефонном разговоре я спросил, что из окон квартиры видно? Ответил: мост через залив. Что ж, очень даже неплохо.

А спросил хоть и спонтанно, но ведь и не случайно. Есть тут нечто существенное для жизни — что за окнами твоими изо дня в день. На душу это влияет.

В первое моё окно видел я поле и небо, а в последнее вижу сад и небо: хорошо так совпало, защёлкнулось, лучшего и желать нельзя. А между этим чего только не виделось, даже Останкинская башня на фоне неба, милая вполне...

Лучший же вид из окна встретился в селе Ахлебинино под Калугой, где пришлось пожить и поработать. Барский дом был там прямо-таки врезан в высокий берег Оки, и взгляду ничто не мешало видеть лишь крутой береговой склон, Оку на повороте, другой крутой берег и небо над ним. Ясно так представилось, помечталось, что хорошо бы всю жизнь смотреть на всё это и не делать больше ничего...

* * *

“Горизонт событий” — понятие, термин из современной космологии. В том смысле “горизонт”, что находящееся за ним нельзя увидеть, узнать в принципе. Никому и никогда.

Услышав о таком впервые, прямо-таки ужас мгновенный ощутил, словно в тюрьму вдруг попал навеки. А потом подумал утешительно, что жизнь человека, понимаемая лишь в материальном смысле, и есть безвыходная тюрьма, а дух живёт, где хочет...

* * *

Воспоминания путешествиям сродни, только скорость иная и причины воспоминаний непонятны чаще всего.

...Вокзальный буфет, пирамидка каких-то плодов красивых, на яблоки немного похожих, за стеклом. Цена удивительная — всего 3 рубля. Сбежал к матушке, вернулся с трёшкой в кулаке.

— Дайте вот этих... килограмм.

Большая, широкая тётка — буфетчица — улыбнулась по-доброму:

— Мальчик, они за штуку так стоят.

Растерялся, но ответ свой помню дословно:

— Тогда не надо.

А вот, вскоре, вокзальный ресторан, такой огромный и такой пустой, что даже двигаться в нём было неловко и страшновато.

Матушка попросила тётку, чем-то похожую на буфетчицу, принести одну порцию супа и хлеб.

— На две тарелки разлить? — спросила тётка заботливо.

— На две, на две! — обрадовалась матушка.

Суп оказался вкуснейшим, но с какими-то непонятными, горьковатыми маленькими сливками, совсем, казалось, лишними в нём...

Чудесное путешествие. И мальчик славный, и тётки, и суп с оливками. И время примерно угадывается, а я, путешественник, просто знаю — пятидесятый прошлого века год...

* * *

Анатомия на первом и втором курсе института. Труднейший для изучения и экзаменов предмет — знать устройство человеческого тела до мелких подробностей, да ещё и по латыни это называть. Самым сложным и важным считался череп, их пытались достать “на руки”, чтобы не торчать в анатомичке.

Вот и сидели в укромных уголках института или даже общежития парочки. Тесно, уютно даже так сидели, склонившись друг к другу, с книгой и черепом на коленях. Любовные парочки чаще всего, конечно. И как тут было не вспомнить, мимо проходя, шекспировского Гамлета с черепом любимого шута Йорика в руках и знаменитый монолог: “Бедный Йорик...”

Сам я так не сиживал, но понять пытался: чувствуют ли они, парочки эти, некую двусмысленность, трагикомичность даже такой ситуации? А теперь уверенно почти думаю: нет. Делом были заняты, грели друг друга коленями и плечами, вот и всё... Вдобавок и целоваться можно было, книгу и череп отложив...

* * *

Любовь есть самоотдача и самообретение одновременно. В реальности такое лишь мелькает туманно и разорванно, а если это в определённости конечно представить? Тогда совместный уход любящих на самой высоте, накале любви нужен, чтобы не портить её неизбежно снижением и ущербом. Уход до встречи в мире ином, которую представить невозможно. Можно лишь верить, что она произойдёт...

* * *

Когда попадаете по ТВ что-нибудь про Эфиопию, всегда это с особым интересом смотришь: один из генных корней Пушкина тут. И не такой уж дальний, если он сам о себе написал: “Потомок негров безобразный...”

Смотришь на эфиопов и начинает казаться, что некоторые лица и впрямь что-то пушкинское в себе имеют. Главная же площадь Аддис-Абебы стадион напоминает по количеству бегающих по ней крутами, тренирующихся людей. Оно и понятно: стайеры — мировая слава Эфиопии. И Пушкин этому был близок, проходя десятки километров от Петербурга до Царского села. Может, и бегал бы, да не принято тогда это было.

Удивительна и главная еда эфиопов, самая, может быть, простая в мире: листья пальм, испечённые на углях. И тут Пушкин вспоминается, больше всего любивший испечённый картофель: проще некуда для его социального положения.

В географическом атласе отмечено, что Эфиопия — беднейшая по доходам на душу населения страна мира. Даже огорчился на миг за Пушкина, прочитав такое, а потом подумал, что он и этому был не чужд. Вещи в конце жизни в ломбард закладывал, а это уж крайняя нужда...

* * *

Тайна человеческого взгляда велика есть. Вход в космос человеческий, и манит он, и страшит одновременно. Если даже в глаза любимого человека смотреть, то всё равно жутковато порой бывает от глубины и догадки, что она бездонна.

Поразительна смена выражения глаз и непонятно, отчего она зависит. Не от общего же выражения лица, потому что можно увидеть злые глаза на лице улыбающемся, и добрые — на злом. И чувствуешь, и веришь, что душа таинственной, Божественной силой создаёт напрямую и выражение глаз, и его перемену.

* * *

Есть в “Войне и мире” Толстого эпизод, когда Пьер стоит перед маршалом Даву и тот решает его судьбу. Их глаза встречаются, и служебный, армейский взгляд Даву делается вдруг просто человеческим. И эта перемена спасает Пьеру жизнь.

Да и вообще в служебных, армейских, чиновничьих делах “человеческий” взгляд не желателен, а то и просто нетерпим, потому что условность этих дел сбивает и запутывает. Описан не раз крик офицера на солдата в 19-м веке: “Как смотришь?!” Смысл в том, что глаза у солдата оказались не оловянно-служебные, а человеческие. Но ведь тогда и обращаться с ним надо по-человечески, что гораздо трудней и сложней.

* * *

Не перестаю удивляться обилию птиц на нашей окраине, ни в поле, ни в лесу никогда такого не видывал. А причина проста — граница между городом и вольной природой у нас тут проходит.

Самое это богатое во всех смыслах место — граница. Не только для птиц, но и для людей тоже. И живут они охотнее и гуще всего на границах суши и воды, леса и степи, гор и равнин. Даже в окрестностях вулканов действующих — на границе коры земной и лавы огненной. И в науке богатство зон пограничных заметно, чаще всего открытия совершаются именно в их пределах.

Пограничье между верой и неверием тоже большие возможности даёт. Проходя его, человек многое может сделать как бы попутно, в литературе и искусстве особенно.

* * *

К работе подталкивают, понуждают две причины, переплетённые тесно и прихотливо. Первая и вполне негативная — тоска, которая непременно наваливается без работы. Ни места себе не найдёшь, ни заняться чем-нибудь посторонним толком не можешь. Плохо и плохо. И опять плохо... И знаешь при этом, что хорошо станет, только если работать начнешь и она пойдёт, работа. А замысла, затравки живой у тебя нет, если же придумывать начнёшь, то придумки эти такой мертвячиной окажутся, что станет ещё хуже. Длится эта полоса тоскливая и длится, и кажется уже, что не будет ей конца. Но он приходит-таки в виде точки некоей живой и тёплой, невесть откуда взявшейся. То человек мелькнёт, то событие житейское, а то и просто бельё на верёвке под сильным ветром... Вот это и есть начало, выход из тоски. Дальше уже вторая причина для работы идёт, вполне позитивная: желание написать про только что мелькнувшее, острое до мурашек по коже. Потом картинки воображения пойдут, сбегаящиеся, как на магнит, а там и фраза первая, вторая... А дальше и совсем хорошо тебе станет, если “точка” оказалась истинно живой, не обманной. Временами текст, как под диктовку, пишется, а кто диктует, не знаешь, да и знать не надо...

Когда же начинает просматриваться конец работы, то первое, слабенькое пока совсем, беспокойство возникает: вот напишется эта вещь-вещица, а дальше что? Опять тоска зелёная? Нет уж, надо что-то заготовить наперёд, подстраховаться...

Вот и идут такие циклы, то короче, то длиннее, всю, в сущности, жизнь, и ты к ним прикован, как к галерному веслу. То плохо тебе, то хорошо, то опять плохо. И не бросить всё это никак...

* * *

На бельё под ветром долго смотрел, не мог оторваться. Особенно простыни зачаровывали: вытягивались параллельно земле, а потом и к небу разворачива-

лись круто. Этим, конечно, и зачаровывали, судьбу человека напоминая: потреплется, помается он на ветру времени, подержится в меру сил, да и улетит.

Известные многим строчки Ахматовой: “Когда б вы знали, из какого сора // растут стихи, не ведая стыда”, и к прозе отнести можно. И там из мелочей, из пустяков нечто важное вдруг вырастает. Ромедиос Прекрасная из “Ста лет одиночества” Маркеса, вознесшаяся на небо на перкалевых простынях; девочка, взбирающаяся на дерево в измазанных сзади землей штанишках и сыгравшая важную роль в замысле “Шума и ярости” Фолкнера; “породистые” завитки волос на затылке дочери Пушкина, увиденные Толстым и помогшие ему образ Анны Карениной представить.

Да и вообще, “сора” для художника, писателя, композитора, может быть, и нет, как нет для химика “нечистых” веществ. Есть лишь “детали” мира до самых мелких, и каждую можно в работе использовать.

Видел как-то небольшую картину: зелёная трава на фоне голубого неба, а в центре — окурок, написанный сильно и едко. Впечатляет картина, а что в ней? Окурок, сор? В бытовом смысле, конечно, а в художественном — герой главный, резко отрицательный...

* * *

Лет пять назад, в жестокий криз гипертонический, захватил с собой в больницу “Евгения Онегина”. Начал читать, когда в суть текста не был способен толком вникнуть, но хорошо помню наслаждение почти физическое: строфы взлетают, летят, и ты летишь вместе с ними.

А на днях перечитал “Онегина” в очередной раз и сразу вслед статью Валентина Непомнящего “Евгений Онегин” как “проблемный роман”. Про роман — что и говорить! Но ведь и статья совершенно чудесная в своей простоте и глубине! Дай Бог Валентину Семёновичу пожить и поработать подольше. Великий пушкинист, и будет ли ему на этом ответственнейшем национальном посту смена?

Пушкин создавал образ Татьяны как некий идеал девушки, женщины, да так в тексте и сказано: “Татьяны милый идеал”. А что было бы, если бы она сказала Онегину “да”? Крушение идеала и национальная катастрофа. Россия стала бы чуть другой, хуже. И великие стихи и песни о любви и верности во время войны не были бы, возможно, написаны, и не выиграна, быть может, была бы даже и сама война...

Есть ли в нашей литературе мужской идеальный образ? Разве что Григорий Мелехов из “Тихого Дона” к этому приближается, при всех его грехах.

* * *

Две фразы, каждая по-своему, изменившие мир: “Заповедь новую даю вам — да любите друг друга”. И “Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма”. В одну сторону обе направлены, к устроению счастья людей, только способы оказались разные. В первом случае свободный выбор, а во втором — принуждение, вплоть до уничтожения сопротивляющихся.

И как точно, глубоко, исчерпывающе прямо-таки сказано: “призрак”. В одном этом слове все последующее видится: попытки воплотить “призрак” упорнейшие, а в конечном счёте — бесплодные. И страшные неизбежно.

* * *

Попалась как-то запись в дневнике немецкого офицера-врача о том, что среди наших, угоняемых в Германию, девушек, подавляющее большинство — девственницы. Запись сделана с удивлением и даже с тревогой за исход войны. Странная, на первый взгляд, тревога, но потом вдруг и понятная. Ждут девушки возвращения своих парней-женихов, да глядишь, и дождутся с победой.

Вот тут и вспомнишь “нет” Татьяны Онегину и подумаешь, что женская верность силу народа укрепляет и в мирную пору, и в войну.

* * *

Путь христианина и, особенно, монаха — борьба с гордыней, со страстями, с суетностью житейской и многим, многим ещё. Если она успешна, то человек всё чаще и всё дольше осознаёт себя перед Богом и с Богом. Нечто похожее даёт человеку старость сама по себе: гаснут страсти, смиряется неизбежно гордыня, отодвигаются заботы мирские...

И оказывается старик, даже и невольно, перед Богом. Или, если он атеист, перед исчезновением полным. Говорят, что в окопах атеистов не бывает, но, может быть, их не бывает и в глубокой старости? Смертные ведь в обоих случаях рубежи. Вся жизнь человека — к Богу путь, а в старости путь этот всё определённое, всё прямее и короче, и потому приход к цели всё неизбежней. Какой ты ни будь атеист, а перед смертью Бога вспомнишь, попросишь помочь и поддержать...

* * *

Перед отправлением автобуса в Смоленск пошёл с внуком и его женой погулять — постоять на железнодорожном мосту. Было два таких у меня в Курске и Воронеже: особенное совершенно место. Высота, рельсы внизу блестят, как перепутанные струны, огоньки красные, зелёные, синие и вагоны, вагоны... И постройки станционные грубые, тяжёлые, старинные. Хорошее место, о путях-дорогах говорит и их показывает. Вот по этим рельсам блестящим полмира с пересадками объехать можно, всю Евразию, по крайней мере.

Взгляд обновляется высотой, и так приятно видеть среди станционного железа домик аккуратнейший, игрушечный прямо-таки и две зелёных высоких свечи можжевельных по его сторонам. Что-то южное в этом есть, курортное...

У начала пригородной платформы — памятник паровозу: серия О. В., “овечка” маневровая. И надпись на памятнике хорошая, запомнившаяся: “Труд твой тяжёл, путь твой славен”.

Много пришлось помяться на железнодорожных наших путях сообщения, но даже маята эта вспоминается тепло, нежно почти. Было в ней что-то нужное, необходимое для души, как витамины для тела. Эти пути, эти рельсы к земле нашей огромной словно бы пришивали нас накрепко...

А вон громадные окна ресторана вокзального светятся, с которым, уж конечно, многое связано. А перед ними перрон, с которого сын шесть лет в Смоленск ездил и хорошо об этом написал в книге “Дороги”.

Гуляем, стоим мы на мосту как-то странновато. Внук с женой Соней меня сторонятся, а я их. Но ведь и понятно: они больше вперёд смотрят, а я назад. У каждого своё.

На автобусной остановке большинство молодых, и одеты они, на мой взгляд, не по погоде: слишком легко. На одной девице уж совсем что-то непонятное, то ли пальто тонкое, то ли платье толстое. Холода они, похоже, меньше опасаются, чем мы когда-то...

* * *

Приходилось писать и на самой плохой, и на самой лучшей по качеству бумаге: плотной, блестящей, с синеватым отливом. И вот эта, лучшая, оказывалась самой неприятной, отгалкивающей, прямо-таки чуждой, вот именно. Нечто похожее и с жильём бывает. Если дом огромный, роскошный, то ведь и он воспринимается, как чуждый, и никак ему твоим, родным не стать. Будешь жить, как в гостях.

Кинорежиссёр Тарковский сказал в интервью по поводу недавно полученной квартиры, что она, конечно, прекрасная, но ему её никогда не полюбить. А любил он, судя по фильмам, бедность, скудность и затрапез. Из военного детства набор...

Случается подобное и в семье. Лежал как-то на коктебельском пляже рядом с пожилым поэтом, и к нам молодая, крупная красавица, жена его, подходила. Он и сказал с тоскливой неприязнью: “Ну, куда мне такой дворец...”

* * *

Разница между обычным, повседневно-житейским состоянием и состоянием рабочим, очень велика и трудно преодолима. Это как дверь тяжеленную, тугую, никак не поддающуюся, наконец-то открыть и шагнуть за порог. Куда? А вот туда, в рабочее состояние, вдохновением по-старинному именуемое. Пушкин в одном случае назвал его “дрянью”, а в другом — “священной жертвой”. Вот и присоединяйся, куда хочешь, к суждению гения или при своём “рабочем состоянии” останься.

Если удалось-таки в него, состояние это, войти сколько-то раз и написать что-то законченное и удачное, то потом, перечитывая, искренне удивляться начинаешь тому, что это именно ты написал: слишком получилось хорошо для такого остолопа...

* * *

Пушкин видел задачу поэзии в стремлении к идеалу и осуществлял это неуклонно. Сами пороки даны у него в некоем высоком, “идеальном” выражении и потому не вызывают у читателя обычного возмущения, протеста, брезгливости, но даже сочувствие рождают порой. Вот Скупой рыцарь, который наслаждается не богатством, а лишь идеей, потенцией его; вот завистник Сальери, который к небу, к Богу самому обращается с упреком в несправедливости; вот развратник Дон Гуан, вдруг оказавшийся способным на истинную, самоотверженную, любовь...

Все грешники большие, но ведь не хочется ни отвернуться, ни бросить камень. Это люди, но ведь и чума, бич Господень, возводится у Пушкина в “царицу грозную” и удостоивается гимна. А значит, гимна достойно всё творение Божье, всё, что ни есть в нём...

* * *

*Зачал старинушка побряхтывать,
Зачал старинушка покашливать,
Пора старинушке под холстинушку,
Под холстинушку да в могилушку.*

Толстой записал эти народные стихи в дневник и восхитился их картинностью, трогательностью и серьёзностью. Но ведь есть в них еще и что-то милое и даже, странно сказать, притягательное. Прочитаешь и захочется, хотя бы на миг, и под “холстинушку” и в “могилушку”.

А еще и на кладбище сельском, уютном в хорошую погоду тоже вдруг этого захочется: и не на миг, а гораздо дольше...

* * *

Умер Валентин Распутин... Большое горе: и личное, и общее. Редчайший был человек, начиная с внешнего облика, манеры держаться и говорить, глубоко народной и глубоко интеллигентной одновременно. Если кто-нибудь

его книг не читал, а видел и слышал впервые, то вполне мог подумать: вот этот скажет только правду. Он её и говорил.

А в прозе его беспримерное соединение коренного, земного с высшим, небесным. Как пальцы рук переплетённые — не разделить.

Когда живёт в одно с тобой время великий писатель, то чувствуешь, пусть и полусознательно, некую крышу над собой и над всеми. Уж он-то увидит в трудную минуту самое главное, самое нужное и подскажет, как быть. А если он уходит, то все сиротеют вдруг, независимо от возраста. Шолохов, Твардовский, Белов... Сострадалцы, печальники, защитники народные. А теперь вот и Распутин нас оставил, и надо жить одним, без него. Но ведь и остался он с нами: в книгах, где и боль его за народ, и дела, и мысли. И даже мы там вписаны и существуем с ним, автором, вместе.

На церемонии прощанья было видно, что люди чувствуют сердцем огромность потери, что Валентин Григорьевич многие годы был не только великим русским писателем, но и душой, и совестью России.

* * *

Неожиданно для себя стал приносить с утренней прогулки с собакой цветы попутные. Что-то старческое есть в этом, как предчувствие скорой с ними разлуки. Можно так, как принёс в кулаке, в вазу их поставить, и выглядит это приятно и естественно, словно самого поля кусочек. Но можно и перебрать цветы, сделать нечто вроде букета, и странно — некий отпечаток тебя самого в нём замечается. Тебя вообще и твоего настроения, состояния, в частности. То кривой, асимметричный букет выходит, то уравновешенный вполне. А самые лучшие, редкие букеты некую середину занимают между этими двумя крайностями: неустойчивого равновесия, готового нарушиться вот-вот. Саму жизнь, принцип её они этим напоминают: держись, но и исчезнуть будь готов.

* * *

Сорок восемь лет прожил Толстой с женой и всё это время понять стараясь, какая она и почему такая, как есть? А к концу совместной жизни записал в дневнике по-народному, с поразительной, признающей тщетность своих долгих усилий, простотой: такой уж её мать родила. Прочитаешь это, да и улыбнёшься невольно. Где уж нам, грешным, друг в друге разобраться, если сам Толстой не смог... Человек тайна есть, так сказано. И до конца не разгадать её никому и никогда.

Перед уходом из дома, когда отношения с женой стали совсем уж невыносимыми, Толстой ежедневно почти ездил верхом по сырым, скользким и опасным ноябрьским дорогам. Сопровождавший его постоянно Маковицкий отмечает какую-то особенную рискованность его езды: через буераки, овраги, ручьи, почти не снижая скорости. Почему так? Может, падения с лошади и последующей смерти искал подсознательно, чтобы хоть так разрубить семейный мучительный узел, если уж развязать его не получалось? Да и сам уход был, в сущности, в смерть, и он понимал это, скорей всего...

* * *

“Лишь бы не было войны” — семьдесят уже лет это главное пожелание народное. Но теперь, когда ею вновь запахло, никто за солью и спичками вроде бы не бежит. И потому, что людей, вполне испытавших на себе, что такое “большая война”, осталось уже немного, и потому, что все понимают, что по-настоящему долгой, до острой нехватки той же соли, современная война быть не может. Чудовищная сила оружия её резко укоротит...

* * *

“Но поражений от победы // ты сам не должен отличать”. Не раз в жизни вспоминалась в трудные минуты эта пастернаковская строка и помогала. А суть в том, что крайне трудно, а то и невозможно бывает порой понять, что это у тебя произошло: поражение или победа? Ошибиться можно, имея в виду дальнюю перспективу. Победа бывает чревата поражением, а в поражении хранится иногда зерно победы. Вот и не путайся в этих туманных оценках, и гни свою линию до конца. И суждения со стороны поменьше слушай.

* * *

Существовал в советской нашей жизни 60-70-х годов некий особенный уют. Где бы ты ни оказался, везде был, как дома. Народ — семья, так примерно.

Мы с приятелем, студенты-медики, проходили практику в городе Грязи, самым Петром Великим, по легенде, так названном. Проснулись в первое там утро, и ни одежонки своей, ни чемоданчиков-баульчиков не обнаружили. Остались, как спали, в майках и трусах. Приодели нас быстренько — кто что принёс. Мне достались грязно-белые штаны размера на три больше и синяя футболка-подергушка, куцая и тесная. Чарли-чаплинский такой получился прикид, даже мило показалось, когда это заметил.

Жили потом всю практику в недостроенной поликлинике, с кроватями, стоящими на голой щёбёнке. Кормились при кухне, вскрывали покойников (патаном был в отпуске), с оплатой сразу на руки, курили махорку, читали “Феноменологию духа” Гегеля, которую мой приятель притащил из городской библиотеки. Как сейчас вижу: идёт навстречу со здоровенной книгой под мышкой, словно Буратино с букварём. Да ещё две наших студентки припоздавшие к нам вскоре присоединились. Одну из них звали Евдокия, Евдоха, если по-свойски... Съездили и в Воронеж за стипендией на крыше вагонной, и это была самая, может, приятная поездка в жизни... И много ещё чего в этих Грязях было интересного, и вот именно что домашнего, уютного. Да и само ограбление было каким-то не вполне настоящим, вроде шутки дурацкой. Тоже уютное почти... И документы нам вернули, в больницу подкинули, как водилось в ту пору. Хорошо, если водится и теперь...

* * *

“Привычка свыше нам дана, // замена счастью она”. От одного прочтения пушкинских этих строк кажется, что жизнь уже чуть легче стала. Привычка так уж знакома и мила, что, кажется, готов на неё променять счастье это туманное и всё недостижимое. Она, привычка, усилие жизненное уж если не снимает, то уменьшает резко, и этим притягательна и приятна. Выбора, который всегда тяжёл, не надо делать: поступай по привычке, только и всего. Одно опасно: уйдёшь так глубоко в колею привычки, что можешь и не выбраться потом. Всё будет привычно настолько, что жизнь может стать почти незаметной. Да, но ведь именно этим счастьем и заменяется в конечном счёте: незаметностью жизни по привычке. Бремя жизни, выбор этот самый бесконечный если уж не снимается, то облегчается сильно. А мы и рады — так, что ли?

Не раз о близости и взаимозаменяемости счастья и привычки писали. Вот Шатобриан: “Если бы я имел безрассудство ещё верить в счастье, я искал бы его в привычке”. Какая близость к Пушкину, но ведь и разница какая! У Пушкина привычка замена счастьем, а у Шатобриана счастье в ней же, в привычке и есть.

А ещё и возраст играет тут большую роль. Молодым подавай только счастье, а люди пожившие устают от его поисков и уходят волей-неволей в привычку. И есть в этом горький привкус поражения...

* * *

“Работай и молись, и жизнь твоя пройдёт незаметно”, — совет одного католического богослова. Очень близко к написанному о привычке: в незаметности жизни, хотя и при других условиях. К этой “незаметности” ещё и счастье близко стоит по известному выражению, что “счастливые часов не наблюдают”... Так хороша ли она, эта незаметность, или плоха? Не могу твёрдо ответить. И то, и другое вместе...

* * *

Прекрасный прозаик Владимир Богатырёв сказал как-то, что в писательстве своём поставил точку и занят теперь лишь “молитвенным трудом”. Оставил труд “низший” и перешёл к “высшему” труду. Сложно такой переход понять. Ведь истинное искусство угодно Богу и может потому до него доходить, как и молитва. Скорей всего, душа писателя не захотела больше писать-сочинять, а захотела лишь молиться. Но ведь и на эту перемену, в конечном счёте, воля Божья должна быть...

* * *

Посмотрел на буйно цветущую в саду вишню и вдруг подумал о её корнях. Какая разница непреодолимая, кажется, но и какое единство неразрывное и цветов, и корней. Слово символ любви небесной (цветы) и любви земной (корни). Ни цветам без корней, ни корням без цветов не быть, не жить. В людской любви тоже существует и часть земная, и часть небесная, но как же мучительно и сложно они перепутаны. Не совладать с этим, не разобраться, а всё-таки усилие такое делать необходимо, чтобы не спутать грубо цветы с корнями...

* * *

Зачаровывает при долгом взгляде то, что, непрерывно двигаясь, меняясь, в то же время остаётся, в самой своей сути, неизменным: бегущая вода реки, волны моря, кроны деревьев под ветром... В этом угадывается некая возможность идеала для души человеческой: и движение, и покой одновременно. Вот душа и замирает, очарованная этим идеалом.

* * *

В очередной раз попытался прочитать “Аду” Набокова и опять не смог, просмотрел только: непреодолимая мертвечина текста, литературная игра намёков, сопоставлений и цитат, вполне понятная, похоже, лишь автору... Не верится даже, что “Защиту Лужина” и “Дар”, и “Лолиту” написал тот же человек. А последняя страница романа совсем уж добивает: откровенно рекламный текст, этот самый роман восхваляющий. Даже неудачей творческой “Аду” трудно назвать, скорее, падением писателя и человека.

“Отвяжись, я тебя умоляю...” — начало набоковского стихотворения, обращённого к России. Вот и подумаешь, не во время ли писания “Ады” Россия, наконец, его мольбу выполнила. И сорвался он, как с якоря, и улетел в пустоту.

* * *

Толстой, уходя из дома, в сущности, в никуда, взял-таки с собой недописанную статью. Да и как иначе? Работа — главная после Бога опора для человека, за неё и держись до конца. И тут все, любящие своё дело, равны,

от великого художника до крестьянина простого. Глеб Успенский в очерке “Власть земли” вспоминает о старике, стоящем на краю могилы, который с плачущими нотами в голосе говорил, что овёс у него был крестецкий, тяжёлый-претяжёлый, и что, как примутся бабы до света жать, что огнём палят! Так говорил, как могла бы говорить и состарившаяся Сара Бернар о своей лучшей роли.

* * *

Проход Бессмертного полка на праздновании 70-летия окончания нашей Великой войны и Победы был вершиной праздника, горьким и величественным чудом, которое можно повторить, но нельзя превзойти.

Дети же войны с их воспоминаниями будут последними, кто удерживает войну в живом ещё виде. Уйдут они, и лишь тогда война станет историей в полном смысле этого слова. А мне даже и записать удалось, что помню: немец на рыжей лошади, выхвативший меня из рук матушки, ствол зенитки за окном хаты...

Бессмертный полк же сможет проходить в нужный день, пока будет существовать Россия. Только фотографии павших будут нести не дети и внуки, а праправнуки...

* * *

*Город Тим крутой горою
Словно в небо уходил,
Возвышаясь над рекою,
Словно крепость Измаил.*

Это первый куплет песни про родной мой Тим, в войну сложенной и поющейся до сих пор. Легко догадаться, какая заваруха была при взятии этой “крепости” неоднократно. И склоны горы нашей крутой были густо покрыты шрамами окопов и воронок. И жили мы, пацаны тогдашние, среди снарядов и мин неразорвавшихся, среди патронов, тола, пороха... И калечились всем этим, и гибли. Другок мой Толик подорвался, сидя на снаряде и ковыряясь в нём. Хоронить нечего было...

А потом, после школы, я жил и учился в Воронеже, который был в войну разрушен почти, как Сталинград: линия фронта через город больше года проходила. Теперь же полвека живу на окраине Калуги, у оврага, где бомбовых воронок гораздо больше, чем на тимской нашей горе, одна на одну наезжает буквально. Склад тут рядом был большой, артиллерийский, ну, и бомбили его — гуще некуда...

Что ж, судьба у меня, что ли, такая была, чтобы жизнь прожить в таких местах особенных? Нет, война такая была, что доставала всех, так или иначе.

В байдарочном походе по нашей прекрасной реке Воре можно раз за разом заходить в прибрежный лес за дровами и видеть одно и то же: окопы, окопы и много колючей проволоки, то нашей, то немецкой. Присматриваясь и узнаешь: вот наша, полустлелвшая, а вот немецкая, гораздо сохранней, да ещё и гранёная, чтоб колючки на ней не крутились. И это больно царапает по сердцу смутной и непонятной какой-то виной...

Там же, на Воре, видел одинокую могилу — холмик, едва заметный, крест и каска проржавевшая рядом. Похоже, нашёл кто-то останки солдатские случайно, да и похоронил. Хорошее место, высокое. Луг видно, реку и лес на том берегу...

* * *

Герб родного моего Тима: коса, ружьё и соловьи, в ряд, наискосок. Лучший из всех, какие видел. Всё главное тут есть: орудие труда, важнейшее когда-то, орудие защиты и охоты, да ещё и соловьи, как символ поэзии

и природы. Пусть я пристрастен в оценке, но ведь и впрямь чудесно: ни убавить, ни прибавить.

* * *

“Не трогай того, что лежит спокойно”, — какая мудрость глубокая. Относится она и к делам важнейшим, государственным, общечеловеческим даже, и к самым простым, житейским. “Лежит спокойно”, значит, уравновешено и в самом себе, и в мире окружающем. Вот и не трогай его, не нарушай равновесия, иначе эффект снежной лавины можешь получить и под ней оказаться.

Перемены в мире решительно во всё такую набирают скорость, что консервативное, сдерживающее начало должно играть всё большую роль, иначе костей скоро можно не собрать. “Столкновение с будущим” — читал когда-то такую книгу, содержание которой вполне видно в заголовке. Самое же опасное — в быстро растущем разрыве между громадной уже сейчас мощностью науки и техники и падающей нравственностью людской. Вот эти “ножницы” могут, в конце концов, человечество поперёк и “перерезать”.

* * *

Фильм франко-германский: супруги, жизнь очень долгую прожившие. Одиночество, хвори, забота друг о друге. А потом болезнь её тяжелейшая, смертельная, с болями нестерпимыми. Она умоляет его помочь ей умереть, и он это делает, в конце концов, подушкой. И вскоре умирает сам.

Всё в фильме показано просто, прямо, с реальностью беспощадной. Тяжело смотреть, но помогает некий свет, идущий из самой-самой глубины. Свет любви. Фильм и называется: “Любовь”. Посмотрев, подумал, что создатели фильма достойны самой большой награды — за свет любви, найденный во мраке. А потом узнал с большим удовлетворением, что они её и получили: Золотую пальмовую ветвь Каннского кинофестиваля.

* * *

Если остановить внимание на чём-нибудь обыденном, примелькавшемся — дереве во дворе, сарайчике дворовом, заборе, трубе котельной с дымом из неё, — то это становится всё интереснее, значительнее, красивей даже. И непонятно: то ли ты это наконец-то рассмотрел, то ли оно в тебе самом создалось-возникло. Во всяком случае, время, потраченное на внимание к миру, никогда не пропадает зря. И с людьми так же. Кажется, ну, скучен человек, сер, глуп, а присмотришься — всё равно интересен, даже и глупостью своей. Поймёшь вдруг, что она, глупость, ему жить-выживать помогает очевидно, да и серость маскировочная тоже. Так, может, это не глупость и не серость, а нечто иное совсем, если поглубже копнуть?

Да и самое-самое примитивное поражает. Вот живёт себе какая-нибудь инфузория-туфелька миллионы лет и главную задачу всего живого — род продолжить — блестяще выполняет. А мы, “венец” эволюции, с разумом своим высоким, глядишь, сами себя и угробим...

* * *

Говорят, все люди талантливы. Может быть, в молодости и так. А потом куда-то деваются эти таланты с годами у подавляющего большинства. У кого-то затираются житухой-бытовухой, а кто-то полусознанно сам их отодвигает в сторону или даже придушивает. А потому что трудно с талантом, своей реализации требующим, по морю житейскому плыть-выплыть — утонуть можно. Вот и выбрасывают его, как лишний груз. Игра на

понижение, так это я про себя называю. Очень немногим удаётся выдержать бремя таланта и, тем более, хлеб насущный от него иметь.

* * *

В любви к России, стране мучительно тяжёлой, трагической, ужасной даже порой, есть некая тайна. У Блока она чуть приоткрывается: “Россия, нищая Россия, // Мне избы серые твои, // Твои мне песни ветровые, // Как слезы первые любви...”. И у Бунина в беспощадной его “Деревне” всё равно проступает из глубины всё та же любовь.

Теперьшнюю Россию любить ещё трудней, чем тогдашнюю, но ведь можно, несмотря ни на что. Шествие Бессмертного полка нам это вдруг показало. Великой жертвой, великой кровью эта любовь выкуплена и будет жить, пока жива Россия. Говорят: вспышка патриотизма. Что ж, значит, есть чему вспыхнуть. И будет вспыхивать и даже гореть, когда нужно...

* * *

Самое крупное разделение людей по складу личности: надвое. Экстраверты и интроверты, художники и мыслители, практики и мечтатели, оптимисты и пессимисты... А ещё в этом двойном ряду есть люди любви и люди ненависти. Первые тяготеют к Богу, а вторые — к дьяволу. Особенности того или иного времени призывают и побуждают к активному действию то первых, то вторых. Двадцатый век особенно явно призывал и побуждал людей ненависти, а люди любви защищались, пересиливая, в конце концов, с огромными жертвами и трудом. Что-то покажет век 21-й? Главная его опасность и тревога...

* * *

Случается иногда сильно отстающее по времени, внезапное понимание своей любви или ненависти к людям конкретным, к профессии, к месту жительства... Вдруг чувствует человек: люблю! Или: ненавижу! В момент разлук или встреч чаще всего такое случается. Время освобождает суть от застигающих взгляд мелочей, и человек понимает внезапно: вот как! А я и не знал... Всё чаще с людьми это бывает, особенно с женщинами.

* * *

“Черт меня догадал родиться в России с умом и талантом”, — Пушкин написал. А ведь лучшего положения, чем он, ни один поэт в России в последующем и не имел, пожалуй. Императоры, оба, его берегли, а то и помогали. Александр за оду “Вольность” со строфой “Самовластительный злодей! // Тебя, твой трон я ненавижу, // Твою погибель, смерть детей // С жестокой радостью вижу...” всего-навсего направил его служить на юг, в Кишинёв, подальше от Петербурга. Не в ссылку направил, как часто пишут, а именно на службу. Николай на дружескую близость его ко многим декабристам посмотрел сквозь пальцы, за “Гавриладию” простил, получив от него личное, объяснительное письмо. На службу историографом взял с жалованьем немалым, денег ссудил на печатание “Истории Пугачёва”...

Это с высшей властью дела, но ведь и зарабатывал Александр Сергеевич, как никто из поэтов потом. По золотому за “стих”, стихотворную строчку то есть, иногда получал...

На рождение же своё в России он посетовал скорей всего сгоряча, в минуту, особенно горькую, которая накатила да и ушла...

* * *

В любом деле доля бремени есть. В любимом, твоём именно, его нести и терпеть нетрудно, в чуждом же тяжело до невыносимости. Вот и ищи “своё” дело, не жалея времени и сил, чтобы не мучиться потом.

Есть бремя и в деле веры: “Иго Мое благо и бремя Мое легко”. Бремя это для всех христиан одно-единое: жертвенная любовь.

* * *

На одной из икон “Сошествие Христа во ад” Христос поражает дьявола “копьем радости” — так обозначил иконописец. Поразительно! Самая суть, самый центр зла поражается самой сутью, самым центром добра и любви. Вот тут, может быть, и показана возможность покаяния и, в конечном счёте, спасения самого дьявола, которое христианским богословием не исключается.

* * *

Включил настенную лампу и ночная бабочка — бражник — заметалась вокруг неё. Надо ловить, иначе спокойно не считаешь. Прижал, в конце концов, её ладонью, отпустил, и она упала за спинку дивана, в темноту. Легонько прижал, но пятнышко пыльцы на стене все-таки осталось. Больше бабочка не вылетела, о чём я вдруг и пожалел. А на следующий день появилась: та самая, конечно. Отошла, отлежалась. Обрадовался, словно некий грех мне неожиданно простили.

* * *

Первый зазимок радует всегда, словно страница жизни исписанная, исчерканная, грязная перевернулась вдруг и перед тобой белая, чистая. Вот и пиши на ней что-нибудь новое совсем и очень хорошее. Только вот откуда взять его?

Или зима глубокая, долгая, тяжкая, и вдруг день голубой, солнечный, нежный откуда-то выпрыгнул и чудится на миг — весна! И понимаешь тут же — нет, обманка. Так же и с самочувствием бывает. Проснёшься — двадцать лет с костей! И тоже понимаешь вскоре: нет, обманка. Грустны, но ведь и хороши, и нужны обманки эти, пусть бы случались почаще...

* * *

Поэзия, поэтичность вообще в литературе, искусстве и жизни самой, есть, может быть, составляющая часть мироздания. И если убрать эту часть, то мир в чём-то существенном станет иным, хуже. Тут прямая связь с Богом-Творцом, который переводится с древнегреческого, как Бог-Поэт, и с Христом, который есть Бог-Слово.

* * *

“Мы с тобой на кухне посидим, // сладко пахнет белый керосин”, — из Манделштама. Читаешь и соглашаешься — да, сладко пахнет, да, белый. А в реальном керосине не найдёшь ни того, ни другого. Так откуда же согласишься при чтении? Тайна. Много таких тайн в поэзии и даже в прозе. Прочитаешь в “Хаджи-Мурате” Толстого про “наглые маргаритки” и примешь это вполне, а посмотришь на них живых — маленькие, беленькие, скромненькие... Магия слова тут работает, когда оно оказывается творцом и началом

реальности. Как и сказано в Евангелии от Иоанна: “Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”.

* * *

“Посмотреть бы хоть одним глазком”, — не раз слышал это общечеловеческое, уверен, желание. Трогательное, робкое: посмотреть “оттуда” — “сюда”. Как дети, внуки и правнуки живут, как вообще всё? “Оттуда” никто никогда не вернулся, не рассказал, как “там”. А вот “одним глазком” неужели нельзя будет “сюда” заглянуть? Не соглашается никак с такой возможностью сердце и правильно делает...

* * *

У кубанских казаков, моих предков по отцу, было принято не ходить на людях рядом с женой. Она должна была отставать от мужа на некоторое расстояние — для того, чтобы видом пары семейной боль одиночества у вдов, на войне мужей потерявших, не бередить. Такая деликатность, о которой теперь и помыслить нельзя.

К тому же относится отчасти и смутный стыд, с которым я выходил в детстве на улицу в новых, к примеру, штанах. Нехорошо было выделяться из обычного уровня послевоенной нищеты всеобщей: теперь только это понял...

* * *

Большинство сотрудников хосписов уходят с такой работы довольно скоро, но некоторые остаются очень надолго. Призвание своё находят в том, чтобы помочь больным в их последние дни, часы и минуты. Тяжело это, конечно, но ведь что-то оно и даёт, совершенно особенное. Присмотр и помощь людям в самом главном и таинственном — в переходе из жизни в смерть, из времени в вечность. Есть тут к чему припасть собственной душой, укрепить её, очистить и возвысить...

* * *

Самое опасное для народа — потеря самоуважения. Это и происходило в России постепенно, начиная с 90-х годов прошлого века. Лишь возвращение Крыма его, самоуважение, вернуло, хотя бы отчасти. Платить (в общем, широком смысле) приходится за это много, но тут никакая плата не велика.

Не менее страшна потеря самоуважения для каждого отдельного человека. А определяется его сохранность той гранью в душе, которая (в смысле уступок обстоятельствам) непереступима. Тут лучше умереть, но не отступить. У каждого эта грань своя, и уважающий себя человек всегда её чувствует и знает, что на ней он станет насмерть. Когда-то такое называлось “пункт чести”. Теперь это во внешней, социальной жизни размыто, потеряно почти и живёт лишь в душе каждого отдельного человека (если живёт, конечно). И людей, у которых этого чувства уже нет, становится всё больше; тут одна из важнейших причин разложения и гибели стран и народов.

* * *

Для каждого, возможно, есть некая лучшая, идеальная даже природа-погода. Для меня это родная лесостепь холмистая, река-речка, лета верхушка, сухой зной с ветерком, редкие белые облака на голубом небе... Живёшь среди всего этого праздно и думаешь: вот так бы всё и оставить навсегда, быть,

как паучок в янтаре... И случалось похожее, и длилось день за днём. Только вот не создан человек для райского такого блаженства, тяготить оно начинает исподволь, мало-помалу. И начинаешь полуосознанно стремиться изменить его. Словно щепотка соли в этой сладости нужна, негатив некий, нарушение равновесия, к действию посыл. А ещё и чувство тайной, глухой вины накапливается, тревожит, к перемене, пусть и к худшему, подталкивает. Ну, и сделаешь что-нибудь резкое, для самого себя неожиданное, да из райского своего состояния и выскочишь. И правильно: не по чину была честь! В трудовом поте лица обязан жить человек, а не блаженствовать в праздности...

* * *

В гениальном рассказе Андрея Платонова “Река Потудань” герой рассказа из-за духовной высоты и силы любви к своей подруге оказывается несостоятельным по отношению к ней как мужчина. А ещё от двух знакомых слышал рассказы о том, что они не могли есть в присутствии своих любимых, кусок в горло не шёл. Можно представить себе и монаха, который, забывая о еде за молитвой, падает в голодный обморок. Выходит из всего этого, что высшая степень любви к человеку или Богу мало совместима с жизнью земной и указывает путь к жизни небесной, уход в неё...

* * *

“Тоже хочу за ручку походить”, — сказал когда-то бездетный приятель, встретив меня с маленьким сыном. С болью прямо-таки сказал. Руки, ручки... После лица ближе всего они к душе человеческой стоят. Взять за руку — самый первый жест любви, кто этого не помнит...

А потом, глядишь, и предлагают именно руку и сердце. Или, подтверждая верность и надёжность в важном каком-нибудь деле, “ручаются” именно. И много ещё есть похожего...

Лучшее же в теле человеческом, пожалуй, это изношенные тяжелой работой руки. Ну, и лицо похожее, рабочее, старое. И глаза на нём — спокойные, потому что видели всё, что дано вообще увидеть в жизни. Нет ничего прекраснее на свете лица такого человеческого, глаз и рук.

* * *

Жалко хлеб. Стал есть его, как богатый: чуть-чуть, почти символически. А когда-то, да не так и давно, первая была еда...

* * *

“Не зрим ли каждый день гробов, // седин дряхлеющей Вселенной”. Даже не зная автора этих стихов, можно угадать по краткости и мощи — Державин. И какое сопоставление смелости редчайшей — Вселенная и какие-то наши гробы. До “седин Вселенной” их возвысил!

А Вселенная и впрямь “дряхлеет”, к тепловой смерти идёт. Всё материальное имеет свой конец, и лишь духовное этого избегает: “Улетит и погаснет ракета, // Потускнеют огней вороха, // Вечно светит лишь сердце поэта // В целомудренной бездне стиха”. А это Заболоцкий, Державину в чём-то близкий.

* * *

Пришлось недавно увидеть наших местных художников в полном сборе. В большинстве пожилые и старые. Художники, но лица какие у многих простецкие, рабоче-крестьянские, изношенные жизнью, трудом, а то и алкоголем.

Милые такие барбосы. И самому захотелось иметь такое лицо. Да, пожалуй, и имею.

* * *

Есть некое соответствие живописной техники с той или иной писательской манерой, стилем. Один пишет как бы акварелью, другой — маслом, третий — пастелью... А иной, вообще, — как график суровый. И с материалом скульпторов похожесть у писателей есть: то бронза, то гипс, то мрамор, то шамот... Всё это мелкий, один из многих-многих, доводов к тому, что дерево искусства, художества из единого корня растёт.

* * *

Всегда внутренне морщусь при виде здоровенных рваных дыр на джинсах девиц и парней. Что-то здесь оскорбительное есть для той нищеты, которая подобные дыры имеет из нужды, а не для забавы. Это как если бы сильно хромающего человека вдруг передразнивать кто-нибудь начал...

* * *

Услышал от сына фразу, где-то им вычитанную: “Ничего, умрём не хуже людей”. Как хорошо! И забавно, и смешно, и мудро. Можно крупно написать и к стенке приклеить: для бодрости и утешения.

* * *

Видел прополку огромной клумбы в сквере. Четыре женщины работали и два старика. Напряжённо, быстро, почти не разгибаясь. Оно и понятно — сдельщина. Но ведь ещё и бодрость в работе этой нелёгкой была, смех, шутки... Откуда? А от самой работы, от видимого результата её: часть вычищенной клумбы растёт на глазах, часть сорной уменьшается.

Можно оду написать простой работе, видам её разным, всё с тем же веселящим, бодрящим эффектом. В такой работе очень важно, чтобы результат — продукт — сразу виден был. А отодвигание, “отчуждение” от результата (Маркс это первый отметил) эффект интереса и радости от неё гасит вплоть до отвращения. Такой работы — без “отчуждения” — становится все меньше, не престижна она, оплачивается плохо, но люди всё равно, пусть и подсознательно, тоскуют по ней.

Прикинул вдруг “мою”, самую милую мне “простую” работу. Любопытно вышло — скот пасти. Да и опыт небольшой есть — помогал когда-то пастиху-приятелю...

* * *

“Стихотворение — это поцелуй, который поэт дарит миру, но от поцелуев дети не рождаются” — Гёте. Какая-то странная грусть есть в этой фразе. О чём? О том ли, что поэзия не способна реально влиять на мир вещей? Но ведь способна, если “В начале было Слово...”

* * *

Есть люди, слепые и глухие от рождения. Трудно, невозможно почти представить, что в душах их, во тьме и беззвучии пребывающих... Дух Божий, что ж ещё? Он и позволяет научить их общаться с другими людьми, и читать, и писать. И не случайно, быть может, что именно в интернате,

рядом с Троице-Сергиевой лаврой расположенном, такого впервые в мире добились наши психологи и врачи. Чудо, явленное в святом месте.

* * *

Что нужно больше всего молодым, во взрослую жизнь вступающим? И родным, и близким, и всем остальным тоже. Счастье, часть, доля. Свою долю получить, не оказаться обделённым на празднике жизни. А суть этой доли — любовь. К делу своему, к семье своей, ближним своим и дальним. Вокруг любви всё создаётся и укрепляется, как жемчужина вокруг песчинки. А без этой песчинки, Богом дарованной, всё рассыпается и теряет смысл. Сколько усилий ни прилагай, сколько ни обретай денег и власти, всё разваливаться будет прямо под руками. Замысел порочен изначально, и строительный раствор не держит, силы в нём нет. Той самой любви.

* * *

Есть у Ван Гога картины, на которых изображено что-нибудь самое неприглядное: то размокшая, грязнейшая осенняя дорога, небо непроглядно-серое, почти лежащее на земле; то стул дряхлый, на нём смятая бумажка со щепоткой табака... А смотришь и чувствуешь, как прекрасна и дорога, и стул, и бумажка. И стихи Пастернака вспоминаются: “О, Господи, как совершенны // Дела Твои, — думал больной. — // Кровати, и люди, и стены, // Ночь смерти и город ночной”. Тоже набор не из приятных, но стихи-то прекрасные! А потому что художник и поэт увидели не просто вещи земные, а именно созданные Творцом.

* * *

Из разговора пожилых женщин у овощного ларька.
— Что ж арбуз-то не взяла? Смотри, дешёвка какая!
— Не с кем его есть стало...
Вот она, та самая капля, в которой отражается жизнь.

* * *

“Отряд не заметил потери бойца...”
“Мы за ценой не постоим...”

Строчки из всем известных и очень хороших песен. И удивительно, как в них, невольно, скорей всего, для авторов, один из главных пороков большевистской идеологии сказался. Надо и “замечать”, и “стоять за ценой”, как бы это ни было трудно...

* * *

Подвизался недалеко от Калуги в дремучем лесу монах-отшельник Тихон (святой Тихон Калужский впоследствии). Жил в дупле дуба, питался тем, что Бог даст. Бывали у него, скорей всего, периоды резкого, временного ослабления веры, когда небеса делались вдруг опустевшими. Ужасное состояние, невыносимое почти. Как жить, как тяготу аскезы крайней терпеть? Одно, наверное, было спасение — молиться и молиться, оживления, укрепления веры упорно ожидая. И дождался, иначе так долго в таких условиях не выдержать. Страшней всего, наверное, представлялась ему смерть в состоянии маловерия и преодолеть его было — как пустыню безводную перейти, до живой воды веры глубокой добраться...

Нечто похожее и с нами, людьми обычными, происходит время от времени в облегчённой, стёртой форме. И выход тут один, всё тот же: молись, терпи и уповай...

* * *

Старый уже Бунин записал в дневнике, что всю жизнь сторонился цветов, опасаясь страстной к ним привязанности. Непонятно, чего же тут, собственно, опасаться? От литературной работы его бы отвлекла такая привязанность, что ли? Но природу-то вообще он любил, как редко кто, и несравненно её описывал. Почему же именно перед цветами такой страх? Может, это похоже на то, как при большом и напряжённом интересе к женщинам вообще мужчина опасался бы страстно влюбиться в одну, конкретную. А это и тяжело, и мучительно, а то и смертельно опасно...

* * *

Цикличность — важнейшее в природе, и в космосе, и в микромире, и в жизни живой. Один из циклов — соединение старости с воспоминаниями детства, всё большее их укрепление и рост. Образуется, замыкается круг жизни человеческой этим. А вещество, состав круга, как многожильный провод, и проявляется вдруг: то одна прожилка, то другая. Так это и мелькает в памяти одно за другим: вот такая тропинка была и тогда, выпуклая, тугая; вот так луч косой, пыльный падал на пол; вот такая тоненькая девушка в белом шла когда-то навстречу... И это повторение-узнавание приятно, показывая снова и снова, что жизнь состоялась, совершилась уже. И чувствуешь нечто вроде долга выполненного, завершенность большой и долгой работы. А называется она — жизнь прожить...

* * *

Все заметнее с годами смещение к созерцательности, общее, наверное, для всех. Разве что время для этого у каждого своё наступает. Кажется, что расстояние между тобой и созерцаемым миром едва заметно, но неуклонно увеличивается, и не понять толком, то ли ты от мира отдаляешься, то ли он от тебя. Начало прощания в этом, что ж ещё...

* * *

В последние годы исчезли кошмарные сны, сопровождавшие меня десятки лет. Того напряжения жизни, которое через них разрядку находило, теперь нет — и их нет, не нужны стали. Да и энергии, для них необходимой, тоже, наверное, не хватает. И странное огорчение по этому поводу — даже кошмары сниться перестали, такие за целую жизнь привычные. И в них очередная потеря, и их жаль...

А какая есть строка чудесная в старинной, широко известной, песне про самоубийцу, прямо в поле похороненном: “Будут нивы ему хлебородные // беспечальные сны навевать”. Вот этого бы сейчас хотелось вместо ушедших кошмаров: беспечальных снов...

* * *

“На свете счастья нет, но есть покой и воля” — Пушкин.

“Я ищу свободы и покоя” — Лермонтов.

Не обрели первые наши поэты покоя возжеленного: не дожили, может, просто. Немного хорошего старость приносит, и покой как раз в этом числе.

Если старость обычно — нормальная, без особенных бед и перекосов, без зла за спиной, сознательно совершенного, — придёт покой, должен прийти. Уже по одному тому, что жизнь худо-бедно, а прожита. Претерпел, вытянул тяжкую её ляжку. Что мог, сделал, а что не сделал, того, пожалуй, и не мог... Тут, в старости, и переоценка сделанного неизбежна. То, что представлялось важным, вдруг помельчает, а мелочи какие-нибудь подрастут. Помощь другому человеку, самая простецкая, например...

* * *

Бог сотворил человека для себя, чтобы одному не быть, — мысль, у кого-то из религиозных философов вычитанная. Что ж, душа на такое вполне отзывается с пониманием. Уж очень оно, одиночество, человеку мучительно знакомо, что даже и к Богу можно его отнести с сочувствием.

* * *

Наступила какая-то приостановка в душевной и умственной работе, не первая, конечно, в жизни, но, возможно, последняя. Кажется, что всё, что был способен узнать и понять, уже знаешь и понимаешь, начинать же некий новый “виток” познания людей и мира нет уже ни времени, ни сил. Да оно и опасно: начнёшь, но и то, что имел, только запутаешь и испортишь. Впрочем, мы тут не вольны, и всё будет, как будет.

* * *

На том месте, где отступающие зимой 41-го года немцы форсировали Оку, стоял памятник — знаменитая наша “полуторка” на высоком пьедестале. А потом её убрали, решив, наверное, что слишком уж вид у неё простецкий, не военный совсем: маленькая, хиленькая, с кабиной фанерной... Но ведь именно поэтому никак нельзя было её убирать, чтобы видели, на какой “тяге” победили мы в самой страшной войне...

У нас в Тиму, райцентре, была сразу после войны одна-единственная машина — та же “полуторка”. Шоферил на ней маленький, бойкий мужичок Пантюха, густо измазанный всегда машинным маслом. Над ним и подшучивали, его и уважали, одновременно как-то. Говорили, например, что машина у него “на спичках ездит”, — с этой именно смесью насмешки и уважения. Ездил он редко, и каждый раз это было для нас, пацанов, как праздник. Следом бежали, бензиновый выхлоп с наслаждением нюхали...

А однажды въехала, мощно гудя, на нашу улицу машина огромная, высоченная, темно-зелёная. Особенно решётки металлические перед фарами запомнились-поразили. Оказалось — “Студебеккер” американский. Хорошо помню и восхищение им, и самому себе непонятную, стыдноватую какую-то обиду.

* * *

Рассказывал старый друг, как не так и давно, будучи в годах уже весьма серьёзных, рыбачил он на северной реке Мегре. Ушёл со спиннингом далеко от стоянки и огромную рыбу поймал. Пошёл с ней, тяжелой, обратно, ослабел вконец, да и упал с рыбой в обнимку. Долго лежал, никак в себя прийти не мог, с силами справиться. Ну, я и пошутил: “Вот когда помирать надо было, с добычей в руках! Хорошая смерть, как в бою почти...” Посмеялись, как водится, а теперь я думаю, что, возможно, вспоминает он этот случай в тяжёлые, одинокие ночные минуты и жалеет, что случай тот возвращением на стоянку вместе с рыбой закончился. И в шутку жалеет, но чуть и всерьёз. А можно и вполне серьёзно пожалеть, только тут совсем уж особое состояние нужно и минута особая...

* * *

“Будьте, как дети”, — заповедь Христова. Представишь такое и поразишься: как она легка, желанна для исполнения и как одновременно трудна и неподъёмно тяжела. Попробуй исполнять её постоянно, и дурачком, юродивым тебя сочтут: ноша окажется тяжелейшая. К святости это дорога, самая трудная, может быть... А если попроще посмотреть, по-житейски, поведение людей в самом близком, родственном, дружеском кругу вспомнить, то много из этой заповеди и исполняется, и радость даёт, и облегчение. Ведь, играя с малыми детьми, мы и сами, неизбежно, так или иначе, детьми становимся, переживая при этом самые счастливые в жизни минуты. Вяземский застал однажды Пушкина и своего маленького сына Павла ползающими по полу на четвереньках и с хохотом плюющими друг в друга... А старый уже Толстой вспрыгнул однажды на спину зятя своего Берса, прокатиться на нём захотев... Вот всем бы такое или подобное делать почаще, так и жизнь бы легче сделалась. И богоугодней.

* * *

“Старый, что малый”, — народное наблюдение. Слабость, а то и беспомощность физическая и умственная имеется тут, конечно, в виду, но есть и иное сближение. В непосредственности, первичности, с которой воспринимают старики и дети окружающий мир и реагируют на него. А ещё и воспоминания старости, которые неизбежно и всё больше склоняются к детству. И последнее, что представится, мелькнёт в самом уже конце, скорей всего, из детства и будет.

Но может, конечно, это “последнее” и совсем иным оказаться. Только бы хорошее было и самое поэтому простое.

...Идём втроём с любимой своей Калужки, где провели, купаясь и загораая, целый день. Через поле идём, через лес, опять через поле. Тропинка торная, жара свалила, ветерком чуть потягивает. Первой жена идёт в чудесных голубеньких шортах, за ней — счастливый семилетний сын с шершнем в бутылке, а впереди дом, ужин семейный... Вот так бы всё навсегда и оставить. Идём себе и идём...

* * *

В молодости преобладает интерес и тяга к дальнему и крупному (в широком самом смысле). Там, там, за горами и долами, главное и важнейшее. А в старости больше притягивает и интересуется близкое, доступное, соразмерное человеку или меньше него. Цветок незнакомый внимательно рассмотреть, дерево, причудливо изогнутое трудностями жизни, лицо родного человека, увиденное вдруг, как впервые... И начинает представляться, что ближний мир сложнее, богаче и таинственней дальнего. Да и по науке вроде бы так. Что в космосе? Звёзды да планеты, астероиды да кометы из камня и льда... А вот в микромире сложность бесконечная... Приятно так думать, когда сам ты стар и в дальнюю даль отправиться уже не способен...

* * *

Страсти в старости теряют силу, что с позиции христианской несомненное благо. И любовь “земная” всё больше “небесной” становится, именно что христианской. Естественная такая подвижка к Богу, которая облегчает и просветляет человеческую жизнь. Подобный сдвиг к Нему, только очень резкий, и при крайней опасности для жизни бывает...

* * *

Представляется два пути к Богу. Первый — активный, напряжённый поиск веры: “Царство Божие силой берётся”. А второй путь — путь открытости миру и любви к нему. К людям, прежде всего. И если такая любовь вполне достигается, то человек, даже и не думая о Боге, оказывается при Нём и в Нём.

* * *

“Пламенное бездействие” — из восточной философии выражение. Очень интересно, но на что же, в таком случае, энергия “пламени” идёт? На творчество в личностных пределах разума, души и духа, куда ж ещё?

* * *

Одиночество в старости — особенное и неизбежное, если даже жить в большой семье. Оно, как оболочка некая, невидимая окружает человека, через которую не пройти. И недаром оно даётся, и недаром оно такое. Время для того, чтобы разобраться напоследок в жизни своей, душе своей. Будет суд Божий, а пока — свой собственный, посильный проведи. Да не лукавь, на обстоятельства, на других людей грехи свои не перекладывай...

* * *

“Искать Бога, значит уже иметь Его”, — какая облегчающая, бодрящая душу мудрость. А если вдруг почувствуешь, что нашёл, то всё равно не прекращай усилия, большего понимания Его, большей близости к Нему ищи. И вот это усилие бесконечное уже...

* * *

Христианство — религия любви. “Бог есть любовь”, “Да любите друг друга”. Вот главные в этой вере слова, и я вполне чувствую, что они и только они совершенно мои. Никакие другие. Ну, а если бы пришлось в мусульманской или буддийской стране родиться и жить, как тогда? А пробиваться надо б было всеми силами к своему — к христианству, к Православию. К той же любви, в конечном счёте. И пробился бы, если б Бог дал.

* * *

Ехал как-то из Феодосии. В вагон сел задолго до отхода поезда, и вскоре в купе пара вошла. Обоим лет под сорок, крепенькие, толстенькие, вида простецкого и чем-то даже похожи. Оказалось, что едет только он, а она его провожает. Заботливо провожает, но видно, что не жена.

Он и бутылку коньяка на столик выставил, но пить они почему-то не стали, а вскоре и вообще ушли — на перрон, на волю.

Вернулся он, когда поезд уже шёл вовсю, и сразу же забрался на вторую полку, отвернувшись к стене.

Вскоре слышу — вздохи тяжкие, стоны почти и, почудилось, даже скрип зубовный. Долго так продолжалось, пока сам я не прилёг и не задремал. Очнулся — по-прежнему двое нас в купе, и по-прежнему, те же вздохи-стоны с верхней полки раздаются. Хотел уже спросить: не болен ли мой сосед, не нужна ли помощь?

Оказалось, что расставание с подругой так на него повлияло. “Места себе не найду. Ломка”, — так он объяснил. Коньяк, кстати, остался стоять в целости, и пили мы с ним только чай. Ездит он из Курска в Феодосию много уже лет к подруге своей то в командировку (была такая возможность), а то и просто так на пару дней “срывается”. В Курске же семья, и отношения в ней вполне хорошие.

“Ломало” его до самого Курска, но к коньяку он так и не прикоснулся, хотя мне выпить предлагал. Объяснил, что от спиртного ему только хуже.

Впервые я вот так, в нагую, видел муку разрыва с любимым человеком, и зрелище оказалось весьма впечатляющим. Интересно, как подруга его себя чувствовала? Неужели так же?

Оказалось, что у неё тоже семья, в которой всё нормально. Не хотят они семьи свои рушить и так вот и живут. В грехе живут, но и камня в них не бросишь. Да и не осудишь даже, пожалуй...

* * *

Насколько крепка привязанность людей к жизни, видно в страстном желании увидеть то, что уже за её гранью, скорей всего. Тяжело и неизлечимо больной Белинский мечтал дожить-таки до завершения первой в России железной дороги; Гёте открытия Суэцкого канала нетерпеливо ожидал в старости глубокой... И мы все, лежа на смертном, может быть, одре, будем хотеть внуков-правнуков подростками увидеть, дом, только начатый, достроенным уже...

Да и по-народному похоже очень выходит: “Помирать собирайся, а жито сей”. А умрёшь, урожай не дождавшись, другие им попользуются. Есть во всём этом даже и некая частица веры христианской...

* * *

Человек — образ и подобие Божие. И это проявляется в человеческих лицах, пусть и редко, но постоянно, надо только суметь увидеть. Тогда и поверишь вполне: да, образ и подобие... А у того, кто увидел такое, благодать возникнет в душе, как будто помолился и ответ на молитву свою получил: вот это самое выражение в человеке образа и подобия Божия. Что-то вроде встречи с Богом, пусть не прямой, а косвенной...

* * *

Время вокзала... А вот он, вокзал, и поезд уже скоро, хотя расписания точного нет: цифры размыты и можно только угадывать пытаться. Пора, во всяком случае, что-то главное из всего бывшего выделить, при нём до конца и остаться. Вот это, пожалуй: Бог есть, жизнь прекрасна, надежда неистребима...

* * *

Анютина осень.

Лучшей осени, как только что минувшая, и не припомню. Всё в ней было: и жара с подкладкой прохлады; и ледяные утра с белой изморозью, и вечера с влажными, со слезой словно, звёздами; и серенькие деньки, смиренные настолько, что даже говорить хотелось вполголоса. А закаты случались такой мощи и красоты, что от долгого их созерцания душа уставать начинала...

И так вот она шла, осень, день за днём, неделя за неделей в наивысшей своей силе и прелести, начиная уже и тревогу потаённую вызывать, ожидание порчи и сбоя...

Осень шла, а жена внука Соня ребёнка тем временем ждала, девочку. Спокойно так ждала, тихо — радостно, умиротворённо, с улыбкой частой и едва заметной на лице. Она с мужем Димой дочку ждала, а остальные члены большой нашей семьи ждали кто племянницу, кто внучку, а кто даже и правнучку...

Когда началась осень, до родов было ещё месяца два, и как-то очень хорошо они совместились: осень чудесная и Соня беременная. Словно искали друг друга и нашли. Да, и нашли: осень — пора плодов, а что же такое младенец, как не плод человеческий...

На улице, на людях мне вдруг беременных женщин стало попадаться гораздо больше, чем обычно. Знакомая картина: и при жене беременной так было, и при невестке тоже. Интерес потому что к такому женскому состоянию становился другим, личным и острым. Приятны они очень были, беременные женщины, животами своими, прибавкой к жизни, не явленной пока...

Родилась девочка, явилась миру! Крошечная, и целый человек настоящий! Из каких глубин и далее пришла? От Бога, в конечном счёте, конечно... А в смысле чисто материальном гены, цепочка генов, вот её путь-дорога: от нас с Ириной к сыну Андрею, от сына и Елены к внуку Дмитрию и Соне... И вдруг Анна — Анюта, вот она! Далековато от нас с женой до неё, но ведь хоть что-нибудь должно уцелеть и проявиться когда-то...

Гены, да, но ведь и любовь наша, которая соединила впервые, начало дала всей этой череде генов, тоже ведь осталась где-то, как звук от удара колокола: уже исчезнувший, но, чудится, чуть слышный ещё...

И на руках я Анюту подержал, и порассматривал внимательно. Больше всего глаза поразили, широко открытые, карие и глядящие то ли в никуда, то ли в неведомую, недоступную нам даль. А ещё и плач был у неё удивительный, напоминающий жалобную, с осенним каким-то оттенком, песню...

Несколько дней после её рождения состояние у меня было совершенно особенным. Потеплело вдруг все внутри и снаружи, со спины особенно. И покой небывалый снизошёл, словно дело некое важнейшее и последнее совершилось в жизни...

Месяца через два после рождения Анюту крестили в ближней нашей, недавно построенной, церкви. На её синие купола я часто поглядываю на прогулках, а то и крещусь неожиданно для самого себя.

Всё прекрасно прошло: и батюшка был хорош — грузный, седой, с лицом приветливо-добрым. И Анюта при довольно-таки долгой и сложной процедуре таинства совсем не плакала, а ведь и на руках её батюшка носил, и волосы с головы срезал, и в купель окунал целых три раза.

Имени ей второго не добавили, но ведь и без того сколько вариантов: от гордо-державного Анна до народно-простецкого Нюра, Нюта, Нюся... И в великой литературе русской имя это одно из главных, рядом с Татьяной, Наташей, Аксиной...

Одновременно с Анютой крестились ещё двое: старик и старушка. Видать, за всю долгую жизнь так и не собрались сделать это, а откладывать стало уже и опасно: не туда в мире ином можно попасть, куда хочется. А может, вера такая поздняя вдруг на них снизошла...

Стоя в церкви, вспомнил я рассказ матушки своей, как меня крестили зимой 1943 года. Жили мы “под немцами”, как тогда говорилось, в маленькой деревушке километрах в десяти от райцентра нашего Тима. Вдруг слух прошёл, что немцы церковь разрешили открыть, и в ней бывает служба. И крестят желающих. Вот тогда матушка с подругой Клавой меня в санках в Тим крестить и повезли, по тропинке, в снегу пробитой. И ведь сделали дело: и батюшку нашли, и обряд совершить уговорили...

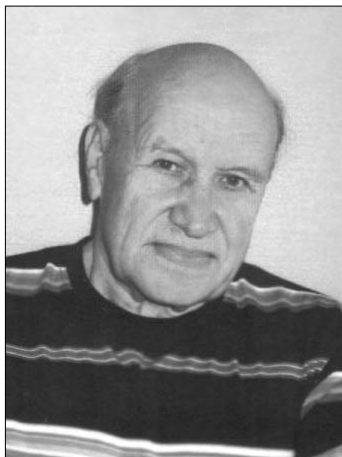
В ходе крещения вспомнилось вдруг некое совпадение: родились мы с Анютой в один день, девятнадцатого, только она на месяц позже. Ровно ничего это не значит, а приятно стало. И тут же подумалось совсем уж дико, что, может, осень чудесная не просто так, случайно нас посетила, а что это Анюта её с собой принесла.

Ангельское что-то есть в детях лет до пяти примерно, и оно влияет на нас, воспитывает, жить помогает, работать, терпеть, любить...

Анюта появилась, и все мы, кровные родичи её, стали, на мой взгляд, чуть получше, чем были, даже внешне. Подольше бы продлилось это воспитание и помощь, а иссякать начнёт, то хорошо бы нового гостя в дом с полным ещё запасом детской ангельской сути...

А мысль, когда-то мелькнувшая, что небывало погожую, красивую осень Анюта нам подарила, во мне так и осталась, и терять её не хочется. Спасибо, Анюта!

СТАНИСЛАВ ГОРОХОВ

И ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ВОТ ТАК МЕНЯ МОТАЛО...

* * *

Просто так — понимаете? — просто
я под топодем в полночь стоял.
В сетке прутьев ерошились звёзды.
Может, мать я свою вспоминал,
грелся мягкостью светлого мрака...
И внезапно — вон там, в вышине, —
словно дождик легонько закрапал!
Или это почудилось мне?
Бездна космоса тлела над нами,
напряженьем беззвучья дразня.
Треск по сучьям катился волнами:
тополь вроде стеснялся меня...
И теперь, когда скрючит усталость,
ненароком да вспомнится мне,
как на топоде листья рождались
майской ночью, в густой тишине.

В “Нашем современнике” стихи Станислава Горохова, строителя Красноярской ГЭС, были опубликованы Юрием Кузнецовым трижды, в 1998—2000 годах. Поэт издал две книжки стихотворений: одну — в Красноярске в 1978 году, вторую — в Москве в 2014 году.

* * *

Как женщина предродового срока,
тиха, сосредоточенна тайга.
Она сейчас, что мощная река,
полным-полна бунтующего сока!
Как бакены, помаргивают звёзды,
колышутся упругие стволы,
и волны свежести ночной — теплы,
чист по-младенчески смолистый воздух.
И дарит ощущение свободы
корней и трав пружинящий настил!
И сам ты, полный зрелых, тихих сил,
всплываешь в августейшие годы...

* * *

Да будет свят гостиничный уют:
щелястое окно, сухой санузел...
И пусть галдят за стенкой, водку пьют —
сухой закон не выдюжил в Союзе.
Есть кипяtilьник? Заведи чаёк!
Глядь, закипел стакан водицы волжской.
Грустишь без ласки, жалок, одинок?
Как милостыню просят? Душу — горсткой?..
Ах, урожай рябины в этот год —
аж весь откос над Волгой пламенеет.
И лёд блестит. И мокрый снег идёт.
И с каждым мигом прошлое — длиннее!
...Плечами раздвигая снегопад,
ты долго бродишь по сквозной аллее.
Пожить ещё? Родился невпопад!..
Да-да, пожить... Но только — посмелее.

БЕРЁЗОВЫЙ ЛИСТОК

Люблю уютность “ЗИЛовской” кабины!
К стеклу прилип берёзовый листок...
На ГЭСе — дома — мощные турбины
из Енисея выжимают ток,
а мы за хлоркой мчим в командировку:
шофёр да я, да лёгкая душа —
девчонка с торопливою сноровкой,
попутчица, курноса и рыжа.
Прослушали историю простую:
сиротство, интернат, потом тюрьма.
И — мужики, гужом, напропалую!
Любила ли? Не знает и сама.

* * *

Как я любил романтику снабженья
(азарт добычи, гон, адреналин!),
когда успех приносит ощущение,
что ты герой, почти что исполин...
“Того, сего нехватка на заводе!
Достать немедленно! А иначе, не...”

И вот в грузовике иль в самолёте
ты мечешься по краю, по стране:
дороги, базы, города, вокзалы,
гостиницы — всё чаще, всё быстрее!
...И двадцать лет вот так меня мотало
по всем дорогам родины моей.

* * *

У трассы опять повстречалось селенье —
живых не видать и не пахнет дымком.
У бывшей околицы тонкое деревце
стоит, бедолага, в снегу босиком.
Сугробом по пояс его обметало.
Я к деревцу в снежной трясине иду,
за ветки беру, осыпая кристаллы —
и чувствую, чувствую рук теплоту...

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

БЕРЕНДЕЕВО ЦАРСТВО

РАССКАЗ

На закате, когда ни одной живой души уже не встретишь на улице, когда падающее за горизонт светило успевает окрасить предметы в невозможные во весь остальной день и потому неизменно волнующие тона; когда длинные, корявые тени, похожие на тоскующих призраков, расползаются от домов и деревьев; когда две прекрасные и пугливые птицы — тишина и неподвижность — прилетают из неведомого края и складывают свои крылья, в этот час кажется, что Берендеевка — не просто обнищавшее и опустевшее село у станции, но действительный уголок Берендеева царства. Той русской сказки, где кричат кикиморы на болоте, где леший плачет в лесной глуши и где кресты, словно сотканые из золотых лучей, неподвижно парят тут и там в воздухе, ограждая Русь от злых чар и наваждений.

Но обманчив предзакатный свет, искажающий цвета и очертания. И нет больше Берендеева царства. Лишь забрезжит утро, как всё предстанет в настоящем своём виде, и то, что в сумерках казалось прекрасным, покажется вдруг жалким, что было страшным, исчезнет вовсе, а то, чего никто не видел, вдруг явится и потрясёт своим безобразием.

Те несколько переплетающихся улиц вокруг церкви называют в народе “Лизки”. Хотя у каждой улицы есть своё название, едва различимое на чудом сохранившихся ржавых табличках, приколоченных кое-где к домам, эта часть села имеет особое прозвище. Лизкой звали жившую в похожей на конуру избе слабоумную, которую сельские боголюбивые старухи почитали, однако, юродивой. Но если и допустить, что Лизка юродствовала, то уж точно не Христа ради.

ЗАМЛЕЛОВА Светлана (Макеева Светлана Георгиевна) родилась в г. Алма-Ате. Окончила Российский государственный гуманитарный университет. Автор книги прозы “Гностики и фарисеи”. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Просто от самого своего рождения, а может, и от хаотического зачатия была Лизка обделённой и убогой, так что даже говорить толком не выучилась. И всю свою недолгую жизнь — а умерла Лизка шестнадцати лет — она только и делала, что мычала. И когда стали потом вспоминать, то выяснилось, что никто и никогда кроме слова “деги”, что на Лизкином языке значило “деньги”, от Лизки не слышал.

Случалось Лизке и неистово кричать, словно от страшных болей. А иногда выскакивала она на улицу и пугала прохожих. Даже те, кто знал Лизку, а знало её всё село, невольно вздрагивали, когда она вдруг появлялась и дёргала за рукав, приговаривая: “Деги, деги...” Так что стоит ли удивляться проклятиям, а то и тумакам, которыми нет-нет да и награждалась Лизка. Но бывало это в сердцах и с перепугу. А нарочно зла Лизке никто не делал. В народе всегда не то, что любили таких людей, и даже не то, что жалели, а как-то побаивались и, как злых духов, старались задобрить — отсутствие любви нередко восполняется страхом.

Пробовал отец Николай, живший по соседству, рассказывать Лизке о вере. Лизка внимательно слушала, а когда отец Николай умолк, сказала: “Деги, деги...” И отец Николай оставил свою проповедь.

Отчего Лизка умерла, никто не знал толком. Говорили не то что-то о сердце, не то о лёгких. Версии высказывались разные, включая самые невозможные. Так, Лизкина бабка утверждала, что Лизку-де “ангелы взяли”. И что будто бы она сама видела, как среди ночи появились откуда-то “люди, не люди... а в белых одежах”, взяли под руки Лизку и пошли по лунной дорожке. Все знали, что у бабки роман с Бахусом, но всё равно верили. Хотели верить.

Когда Лизку хоронили, день был влажный, с изморосью. И это тоже работало на Лизкин авторитет — повторяли: “Природа плачет”.

Про окрину села, где стояла церковь и где ещё совсем недавно можно было услышать: “деги, деги...”, стали говорить: “...это там, где Лизка жила”. Потом: “где Лизка”. А там и просто: “Лизки”. О тех, кто жил там, говорили: “Живут на Лизках”.

Одним из примечательных обитателей Лизок был отец Николай, пожилой настоятель Берендеевской церкви, до недавнего времени пустовавшей, а потом вдруг наполнившейся старухами, как стакан молока, оставленный летним днём где-нибудь на открытой веранде, мошкаррой. Тому, что народ Божий потянулся в храм, отец Николай радовался. Хотя и отмечал про себя, что одни тянутся по вере, другие — от скуки, а третьи — за неимением другого места, где бы можно было, пусть на время, сбросить груз содеянного доньше, неотвязно носимый, точно горб, истязающий и уродующий.

Несмотря на пестроту и неказистость, “народ Божий” оказался сбит в такое прочное целое, что раз отколовшийся уже не мог вернуться назад, как невозможно приставить на прежнее место отбитый кусок вазы или глиняной чашки. Зато и новичков, неискушённых и не успевших показать нор, приход затыгивал и держал крепко. Точно гонимое ветром облако или стая оводов, носящихся над пажитью, в пространстве и времени Берендевки приход не делился на личности и не имел лица. И если что-то случалось внутри прихода, трудно было сказать, кто виноват или, напротив, благодаря кому случилось.

Был отец Николай одинок — попадья умерла уже очень давно, через год после венчания, когда только окончивший семинарию батюшка лишь вступил на избранный путь. К матушке своей отец Николай исходил нежностью и любил, бывало, смотреть на неё спящую. В другой раз он жениться не мог. Но образ оставившей его жены стал постепенно как будто таять в памяти отца Николая, пока, наконец, не осталась в воспоминании лишь её рука от пястья до локтя — белая, полная, гладкая, похожая на сахарную голову.

Жилищем батюшке служила крошечная избушонка, сложенная из толстых потемневших брёвен. Такими толстыми были брёвна и такой маленькой сама избушка, что казалось, будто срублена она из огромных поленьев, наколотых какими-то великанами для исполинской печи.

Старое лицо отца Николая, опутанное морщинами и заляпанное пятнами, небрежно посаженными временем, с развевающейся паутиной волос и бороды похоже было на замшелую лесную корягу. Но глаза, отказавшиеся выцветать и остававшиеся синими, оживляли это лицо. Эстет и любитель изящного отметил бы сходство отца Николая с врубелевским Паном. Только в отличие от лукавого Пана, лицо отца Николая было наивно и сверх всякой меры добродушно — никогда не находила на него тень раздражения или недовольства.

Вокруг себя смотрел отец Николай то с восхищением, то с кротостью. Мир Божий приводил в восторг этого очарованного человека, перед которым точно приоткрыта была завеса вечности. Казалось, что, заглядывая за неё, отец Николай видел и понимал нечто, недоступное всем остальным. Оттого-то радость не оставляла его, оттого-то жил отец Николай, словно читал интересную книгу.

Сотворив мир, Господь остался доволен. И, глядя на отца Николая, можно было подумать, что он присутствовал при сотворении и приобщился Господней радости, прозревая с тех пор в каждом существе, в каждой вещи кругом себя десницу Творца.

И мечталось отцу Николаю, что, быть может, наступит такое время, когда в уединении и тишине, чтобы не отвлекал никакой суетный голос, в средоточении и молчании услышит он Ангельский хор и дыхание Духа. Но пока был приход, пёстрый и беспокойный, выслушивать множество визгливых и скрипучих голосов которого было долгом отца Николая.

Минул год со дня смерти Лизки, как в Берендеевке вдруг объявилась Маринка — её мать. Пьющей и оставшейся в городе без работы Маринке надлежало месяца, кажется, через три разрешиться от бремени. С тем она и прибыла на родину, посчитав, очевидно, что лучшего места ей всё равно не найти. Но родина встретила Маринку неприветливо.

В Берендеевке поджидала её целая свора имён и прозваний, которые, едва Маринка появилась у околицы, повыскакивали, точно собаки из углов и подворотен, и разом повисли на ней. Прозвища, из которых самым удобопроизносимым было “Непутёвая”, отпускаясь по поводу Маринки односельчанами в награду за тот образ жизни, который она вела с юных лет и которым неизменно оскорбляла добродетельных земляков.

Рано узнавшая вино, рано вкусившая любовь, Маринка не видела и не хотела другой жизни. Когда-то Маринка была как все. Но именно это незаметное обстоятельство и определило всю дальнейшую судьбу Маринки. Когда начала она чувствовать своё тело, когда тело стало звать к ней, кокетничая и всячески стараясь привлечь к себе её внимание, Маринке вдруг вздумалось представляться перед сверстниками взрослой, а перед взрослыми — как-то по-особенному свободной. С этой целью Маринка отрезала себе косу, выстригла на лбу чёлку, как у обитателей конюшен, и при помощи таблеток гидроперита из русой сделалась ярко-жёлтой. Следующим шагом на пути Маринки к свободе стали сигареты “Прима”, продававшиеся в сельпо и не отпускавшиеся продавщицей Валентиной учащимся. На селе было известно, что продавщица Валентина не самовольно попирает права юношества, но будучи в сговоре с директором школы и сельсоветом. Однако препятствие в её лице было вполне преодолимо — находился-таки какой-нибудь сердобольный, покушавший на деньги школьников сигареты, а после обильно угощавшийся из пачки.

Поначалу Маринка, чья неокрепшая душа сделалась заложницей крепнущего тела, “стреляла” сигареты у мальчишек, но скоро пришла к пониманию, что распорядиться пачкой нужно самой. И как-то возле сельпо она пошла к тузлуковщику Коле и, протянув ему шестнадцать копеек, сказала как можно развязнее:

— Слышь, Коль?.. Возьми мне “Приму”...

Коля смерил Маринку взглядом и понял, что сигарета в зубах этой юной блондинки — только начало какой-то чадной феерии, в которой, возможно, найдётся и для него место.

Коля купил Маринке “Приму”, и с тех пор они начали гулять. Так это называлось.

Ходили на Волчью гору, на гулянку в Погореловку — соседнюю деревню. Потом Коля увлёк Маринку в горох. Трескучие гороховые стебли кололись, точно выгалкивали вон непрошенных гостей. А Маринке нравилось и не нравилось. Коля был некрасивый, прыщеватый, с острым кадыком, глядя на который можно было подумать, что Коля проглотил грецкий орех, и этот орех так и застрял у него в горле. Маринка смотрела на кадык, и ей нестерпимо хотелось его потрогать. К тому же от Коли всегда пахло чем-то кислым, и Маринка невольно морщилась от этого запаха. Но Коля был лет на десять её старше, а Маринке льстило гулять со взрослым парнем, и она терпела Колю.

Скуку жизни можно преодолеть либо приняв её как непреложную и непобедимую данность, либо преобразив саму жизнь, либо одурманив себя. Самые несчастные люди — это те, кто рано приучился скучать, кто понял или хотя бы догадался, что земная жизнь трагична и уродлива, но, поняв или догадавшись, не нашёл в себе ни силы, ни таланта, ни дерзновения изменить хоть что-то вокруг. И несчастные до конца своих дней бывают, словно эриниями, гонимы не то тоской по утраченному блаженству, не то невозможностью утолить эту тоску...

Потом, чтобы скрыть последствия своей гороховой любви, Маринка сделала отчаянный шаг, а Коля сделал вид, что не знает Маринки. Но появились другие парни, охочие до суетных увеселений, неотъемлемой частью которых должна быть согласная на всё женщина. И феерия началась.

Мать Маринки вдовела уже много лет и на этом основании почитала себя обиженной, а потому ни во что, кроме своей обиды, вникать не хотела. Оттого, что она уж очень пристально всматривалась в себя, лелея обиду, ничего другого ей просто не удавалось увидеть. И лишь наслушавшись иногда от возмущённых товарок о поведении Маринки, мать принималась её воспитывать, охаживая полотенцем или другой какой тряпкой и повторяя те обидные слова, что уже вереницей тянулись за Маринкой по селу. Но потом этот пыл проходил, и она снова погружалась в какой-то тупой эгоизм, делая только то, чего нельзя было не делать. Так, например, нельзя было не выходить на работу — работала Маринкина мать мездрильщицей шкур на фабрике, — нельзя было не варить обед. И она ходила и варила. Да и суливший забвение Бахус давно уже тронул её сердце.

К тому времени, как Маринка явилась в Берендеевку на сносях, товарки её матери с фабрики образовали приход. Околоцерковная жизнь придавала обычным явлениям необычный смысл и окрашивала в причудливые краски. Смерть дурочки Лизки превратилась в кончину праведницы, приезд Маринки — в апокалиптическое явление блудницы. И если в Маринку не полетели камни, то исключительно благодаря прямому указанию свыше, так красноречиво и трогательно переданному евангелистом.

Отец Николай помнил Маринку и слышал, что о ней говорили. И потому, когда она появилась в храме — некрасивая, испитая, в старом лёгком пальто, не сходявшемся на животе, — он поспешил к ней навстречу и как можно более ласково спросил:

— Ну что, Маринушка?

Отцу Николаю представилось, что Маринка пришла с покаянием. И хоть он гнал от себя ненужные мысли, но успел всё же подумать, что естественным для Маринки было бы пасть сей же час на колени и умыться слезами, воздев или заломив руки. Но Маринка, скользя глазами по верхнему ярысу иконостаса, откуда взирали вниз обеспокоенные пророки с развёрнутыми в руках свитками, сказала сильным голосом:

— Жрать нечего...

Сказала небрежно, не глядя на отца Николая, тупо шаря глазами по иконостасу, точно сиюньные понятия, к кому бы тут лучше обратиться за куском. И казалось, что Маринке просто хотелось отговориться от назойливого попа и что своим словам она не придавала смысла, который был в них заложен. Но отец Николай, вдруг устыдившийся чего-то и с болью рассматривавший

жалкую фигуру захожанки, не сомневался, что именно так, как говорила Маринка, или очень близко к тому, дело и обстояло. И для Маринки, и для её непутёвой матери, и для неповинного пока ни в чём, не успевшего даже родиться младенца.

Отступив от Маринки в смущении, отец Николай уже знал, что ему делать.

Жалования, положенного отцу Николаю приходом, по праву распоряжавшегося и хозяйством, и финансами храма, хватало одинокому и неприхотливому священнику с лишком. Что было нужно старику, первым и единственным удовольствием которого была молитва? Лоскут крашенины да кус квашенины — сыт и одет. Вот почему на кухне у отца Николая, на полке с крупами, в жестяной советской коробке из-под конфет хранились российские банковские билеты. Образу жизни и скудными потребностями отца Николая жестяная коробка была обязана тем, что билеты в неё только укладывались. Но никогда не изымались. И вот впервые за всю историю своего служения сейфом жестяная коробка с башнями Московского Кремля на крышке приоткрылась для того, чтобы опустеть.

Башни Кремля перемигнули красными звёздами, петли скрипнули деловито, старческая рука опустилась в коробку и, силясь захватить содержимое, процарапала несколько раз по дну окостенелыми ногтями. Наконец крышка захлопнулась, и пустая коробка отправилась на полку к крупам. А отец Николай отправился к соседкам.

На другой день в Берендеевке обсуждали исчезновение Маринки с крупной суммой, подаренной ей отцом Николаем. Кто-то восхищался старым священником, кто-то злорадствовал, а кто-то даже уверял, что “такие деньги просто так не дают”, намекая на причастность отца Николая к интересному положению Маринки. И только приход хранил молчание. Пока наконец чей-то скрипучий голос не произнёс язвительно:

— Видать, много мы ему платим...

И хоть все знали, что отец Николай не покушался на чужое, что деньги, исчезнувшие вместе с Маринкой, действительно были его деньгами, но где-то с самого края прихода, а может, напротив, в сердцевине его, что-то вдруг шевельнулось. Тотчас зашевелилось что-то и рядом, а в следующий миг движение передалось уже во все концы. И приход всколыхнулся. Пестрея павловопосадскими огурцами и розами, приход раскинул множество рук со скрюченными полиартритом пальцами и завизжал, заскрипел на множество голосов.

Кассу создавал приход и распоряжался ею тоже приход. И вот теперь выходило, что оторванные от дома и принесённые в церковь рубли и копейки оказались, с лёгкой руки отца Николая, в кармане у той, о которой лучше, что можно было сказать, — это “непутёвая”.

В субботу на вечерню собрался весь приход. Глухо постукивая палками, пришли даже те, кому трудно было ходить. На службе вели себя заговорщицы: переглядывались, перешёптывались, те, кто стоял ближе к соле, по минутно крутились и делали знаки тем, кто пришёл позже и стоял у входа. А когда вечно суетящаяся Наталья Ивановна обошла всех и с озабоченным лицом, глядя на которое можно было подумать, что началась война и Наталья Ивановна торопится сообщить об этом, поведала о чём-то на ухо каждому, по церкви, словно лёгкий ветерок, разнеслись слова: “Не расходимся... не расходимся... не расходимся...”

Только отец Николай ничего не слышал и ни о чём не подозревал, но служил самозабвенно, шествуя мимо заговорщиц в клубах дыма кадильного, точно Сам Господь Саваоф среди предавших Его первых людей.

А когда окончилась служба, приход взял в кольцо отца Николая в притворе. Сначала никто не решался заговорить о “деле”, и речь шла о пустяках. Кто-то некстати заметил, что “весна в этом году затяжная, хотя и Пасха была ранняя”. Отец Николай отвечал что-то о терпении и о том, что “Господь, должно, скоро уж порадует нас солнышком”. Кто-то сказал, что “сажать пора, а в огороде всё снег”. И отец Николай с неизменной улыбкой

ответил, что “под солнышком стает, а во влажной земле взойдёт лучше”. И все эти слова — о солнышке, о тепле, о скорых всходах — ублаготворили старух и как будто притушили искры негодования, принесённые для того, чтобы, быв брошенными к ногам отца Николая, разгореться в пожар. Пожар той бессмысленной, но питающей душу злобы, которую для удобства и самооправдания нередко называют любовью к справедливости. Но в то самое время, когда показалось, что вот сейчас все разойдутся и нелепая история с непутёвой Маринкой будет забыта навсегда, раздалось скрипучее:

— Да уж... кабы не огород, околели бы...

И тут же, словно опомнившись и опасаясь, как бы снова не подпасть под обаяние отца Николая, старухи заголосили:

— ...Живём небогато, надо думать!..

— ...Последнюю копейку от себя в церкву несём!..

— ...А он нашу пенсию — шалаве Маринке!..

— ...Если лишние, так уж вернул бы!..

Отец Николай пробовал что-то отвечать, но его не слушали. В лицо ему летели новые обвинения:

— ...Своих полюбовниц на наши деньги содержит!..

— ...Постыдился бы! Старый ужо!..

Крутом себя отец Николай видел то сморщенные жёлтые щёки, то налитые красные. От духоты и расплывшегося запаха затхлости закружилась голова у старика, не всегда даже и понимавшего, кто задаёт ему вопрос. Куда бы он ни повернулся, перед ним, точно нанизанные на нитку, прыгали старушечьи лица с колючими глазками, с топорщащимися, похожими на стерню остатками бровей. Ему стало тяжело дышать, но вместе с тем вдруг нестерпимо жалко сделалось набрасывающихся на него старух. Как человеку, отправляющемуся в края благословенные, бывает жалко тех, кто остаётся в опостылевшем миреке. Он вдруг увидел, что старухи корчатся от неведомой, мучительной боли, превозмочь которую нет сил, а исцелить — невозможно.

— Господи! — вдруг воскликнул он. — Не ве...

Но закончить он не успел, потому что в это самое время старухи исчезли, и звуки музыки, от которой в восторге замирала душа, донеслись до его слуха...

Когда отца Николая хоронили, день был пасмурный, влажный с изморосью. Улицы щетинились грязью, вода в лужах брезгливо морщилась. Но к вечеру прояснилось. И, не успев упасть за лес, красным масляным шаром стало солнце. Берендеевка опустела и преобразилась.

А ещё через год случился пожар в Берендеевке. Как и отчего зашлась пламенем пустовавшая избушонка отца Николая, осталось неизвестным. Спасти осиротелый дом никто и не пытался. Думали только, как бы не дать огню расползтись по соседним дворам. И уже к вечеру на том самом месте, где жил отец Николай, стояла среди груды пепла и головней обугленная печка, точно пьяная баба, сбросившая враз одежды. Но когда высох остуженный дождём пепел, когда расточился смрад мокрых углей, печку разобрали на кирпичи. И ничего, кроме церкви, не напоминало более об отце Николае. Словно его никогда и не было.

МИХАИЛ ГУЦЕРИЕВ

“Я ПРОСТО МЕДЛЕННО ЛЮБЛЮ”

Из поэмы “НОЧНОЙ ЗВОНОК”

Ты мне сказала: “Может быть...”,
И в трубке тишина.
Любовь мою пора забыть,
Стареет седина.

Не пьёт любовь воды с лица,
Моя любовь бледна.
И через трубку в два конца:
Здесь солнце, там луна.

Я в полдень номер наберу —
Искать свою любовь.
Я брешь любовью застеклю
Сквозь чувства проводов.

Я буду снова тебя ждать
И звать свою любовь.
Я не хочу тебя терять
В тумане городов.

ГУЦЕРИЕВ Михаил — известнейший русский предприниматель, поэт и общественный деятель, человек, вышедший из низов и ставший благодаря таланту и воле крупнейшим меценатом своего времени, автором множества популярных песен и поэтической книги “Плоть и суть”. В “Нашем современнике” его стихи публиковались в 10-м номере 2015 г. Статья Станислава Куняева о судьбе и творчестве Гутцеријева опубликована в том же номере и перепечатана в сборнике “Современная русская православная литература”, изданном в 2015 году издательским советом Русской Православной Церкви.

ПИСЬМО ДУШИ

Четвёртый день идут дожди,
Погоде надоело плакать.
Пишу тебе письмо души,
Худое небо стало знаком.

Страдают буквы на бумаге,
И сердце плачет от любви.
Моя любовь от счастья в шаге,
И мысли просят: “Позови”.

Луна каталась на бульваре,
Кричала белая сова,
Весна играла на гитаре,
И у любви — твои глаза.

Ты говорила: “Нам с тобою
Одни глаза и железа,
И горечь пить одной губою,
И на двоих одна слеза”.

Я умирал и возрождался,
Искал того, чего здесь нет.
Я не сдавался и спивался,
Нашёл любви твоей ответ.

Я у беды просил советы.
Любовь слепа и голодна.
Я не боялся злой приметы.
У каждой страсти есть цена.

Письмо души — пишу вздыхая,
Прошу, любимая, не рви,
Ты впрок на счастье положила
Зарок для будущей любви.

Из поэмы “ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ”

Накрой меня крылом любви
И тихо в сказку позови.
Туда, где дни приходят в сны,
И круглый год не ждут весны.

Туда, где юности задор,
И чёрных маков томный взор.
Весной рождённый сладкий вздор,
И псы породы лабрадор.

Где в час растут по двести роз,
И чувства ночью без замков,
Где рифма дёргает кадык,
И по утрам журчит арык.

Туда — где полная луна
Давно весь мир свела с ума.
Где слёзы прошлых глупых лет
Осушит утренний рассвет.

Ты заведи меня в Эдем,
Где грех рождает много тем.
Ты расскажи, мы все пойдем,
До самой смерти не уйдем.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ЗИМОЙ ГРОЗУ

Глаза в глаза, через глаза
Целую твою душу.
Чуть слышно плачут голоса,
Любовь твою не слышу.

Хочу услышать страсть твою,
Хочу услышать сердце.
Смеялись чувства, день ко дню
Я видел дождь и солнце.

И тёмный вечер вдалеке
Искал мою любовь.
И месяц в синем пиджаке
Смотрел из облаков.

Хватала ревность день за день,
Сама не по себе
Моей любви смешная тень
Играла на лице.

Цвела персидская сирень,
Губастая весна.
Луна просила ночь: “Раздень!”
Любовь была грешна.

И наши чувства на листке
Бежали сверху вниз.
И ночь с луной накоротке
Писали свой эскиз.

Любви рубиновый закат
Сам по себе, не свой.
Твоя любовь зовёт назад,
И взгляд её пустой.

Моя душа ещё болит,
И слёзы на плече,
И сигаретный дым кружит,
И чувства в нищете.

Упал на крышу лунный дождь,
Калина не горит.
Твоя любовь прошла насквозь,
Моя кричит навзрыд.

Любви каштановый кураж,
Мурашки по спине.
Прошу немного — “баш на баш”,
С тобой наедине.

Твоя любовь недалеко.
Прошу, не уходи.
Целую веером лицо
И руки на груди.

Душа гадает на цветке,
Срывает лепестки.
Оставь помаду на щеке,
Сегодня мы близки.

Дано любить и не дано,
Я день живу за час.
Мне было страстью суждено
К твоей руке припасть.

Я не люблю зимой грозу,
Меняет время роль.
Хочу весну, но подожду,
Скрывая свою боль.

СНЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

Моя боль болеет болью...
Волчья колея.
Ветер гонит воду с солью,
Тает полынья.

Стелет бархатом весна,
Вьётся шалый дым.
Вьётся с плеч твоя коса,
Снится тёплый Крым.

Снится ржавый пароход,
За зарёй туман.
Моя боль меня зовет,
Где цветёт каштан.

Сны во сне и наяву...
Мается душа.
Мысли чувствами вяжу,
Память тормоша.

На губах — слова любви,
Вечер греет степь.
Облака несут дожди,
С моря дует зыбь.

Я иду от сна ко сну,
Время торможу.
Напою вином луну,
С ночью пересплю.

Пусть напомнят о нужде
Мысли в беготне.
Я не помню, как и где,
На каком витке

Мы с тобою разошлись,
Перевёрнут мир.
Мои сны в Крыму сошлись,
На объедках пир.

МИР ЖИВЁТ ПО РАСПИСАНЬЮ

Пропадает день за днём.
Быт, борьба, нужда.
Завтра заново начнём.
Завтра вновь вражда.

Ночью пьяный разговор,
Ящик злых вестей.
Жизнь людей наперекор
Совести своей.

Солнце среди бела дня,
А вокруг зима.
Пахнет потом простыня,
Сводит быт с ума.

Зло — в секрете. Правды нет.
Кривда без углов.
Мысли вышиб интернет,
Веер глупых слов.

Все в погоне за тельцом,
Все дают на чай.
Диалог ведут с Творцом,
Чтобы сразу в рай.

Мир расписан невзначай,
Как единый ГОСТ.
Встречи, чувства и прощай,
Старость, смерть, погост.

СТРАДАЮ, СЕРДЦЕ ШТОПАЯ

I

Сегодня ночь глубокая,
Безрогая луна.
Страдаю, сердце штопая,
Любовь скулит без сна.

Мелькает ночь отрывками,
Секунды семят,
Летают чувства брызгами,
Сквозь память шелестят.

Моя любовь небритая,
В дырявом пиджаке.
Душа, слезами мытая,
Укрылась в сундуке.

Гвоздём стекло карябаю
И сам себя топчу.
Желаньем страсть царапаю
И по вискам стучу.

II

Я говорю, как есть:
Мы долго издевались.
Исчез любви гротеск,
Шутили, доигрались.

Прошу тебя, позволь,
Моя душа в расколе.
Я для тебя чужой.
И снова в чистом поле.

III

Я знаю, ты простишь.
Не надо, не итожь.
Послушай, ты услышь,
Как тело бьётся в дрожь.

В зрачках горит огонь,
Я вижу лень и блажь,
Попробуй, только тронь,
Хоть запах мне оставь.

Я ПРОСТО МЕДЛЕННО ЛЮБЛЮ

От сердца к сердцу через душу
Виню себя, тебя молю.
Поверь, я клятву не нарушу,
Я просто медленно люблю.

Я сердце болью залатаю,
Я твои чувства не забыл.
Поверь, я помню и скучаю,
Я просто медленно любил.

Да, я такой, я очень сложный,
Я чувства надвое делю.
Характер нежный и тревожный,
Я просто медленно люблю.

Твои страдания, наши встречи —
Всё помню, каюсь и храню.
Горю я тихо, словно свечи,
Я просто медленно люблю.

Цветок любви, моя лаванда,
Я ревностью себя травлю.
Твои глаза, моя Кассандра,
Я просто медленно люблю.

Не мог, не смог себя исправить,
Ночами мучился, не жил.
Я не умел любовь заставить,
Я просто медленно любил.

Ты очень часто говорила,
Что жизнь твою я погубил.
С тобою молодость шутила,
Я просто медленно любил.

Ты разнесла мне сердце в клочья,
Ты не смогла простить меня.
Любовь горит не только ночью,
Я верю, медленно любя.

Уходит время, жизнь смеётся,
Любовь свою я сам допью.
И страсть моя со мной сопьётся,
Я просто медленно люблю.

Опишет страсть мои надежды,
Я буду ждать, не тороплю.
Люблю тебя, сойдутся звезды.
Я просто медленно люблю.

Застыли годы — не остыли.
Во сне летаю, сны ловлю.
Судьбу любви за нас решили,
Я жду и медленно люблю.

Любовь прошла, не умирала,
Я снова память шевелю.
Ты ничего не понимала,
Я просто медленно люблю.

Из поэмы “ОН и ОНА”

Поделом мне и по делам.
Я согласен за ревность платить.
Привяжу нас двоих к кандалам,
И никто их не сможет разбить.

— Ты безумец: какая сладость,
Кандалы оставь для судьбы.
День с тобой для меня — не радость.
Ты рифмуй глагол для толпы.

Надоели стихи и проза,
Не цветёт за окном лоза.
Это просто устали морозы
И впустили любовь со зла.

Это просто ослабли морозы —
И зимой бывает тепло.
У природы свои прогнозы,
И любви опять повезло.

Я не вижу за дымкой берёзы,
Это дым горящих кадил,
Это просто устали морозы,
Это вечер закат растопил.

У тебя ещё есть вопросы?
Надоели весны глаза?
Это просто устали морозы,
Это просто уходит зима.

— Есть сермяжная правда жизни:
Ты заплатишь за всё сполна.
У стены золочёных ризниц
Ты мне скажешь: “Буду твоя”.

АНДРЕЙ ФУРСОВ

СИТУАЦИЯ МОЖЕТ ПРИЗВАТЬ ДИКТАТОРА

Беседа вторая

– Андрей Ильич, нашумевшие кадровые перестановки Владимира Путина – смещение главы президентской администрации Сергея Иванова, замена министра образования Дмитрия Ливанова на консервативного историка Ольгу Васильеву, отставки и назначения целого ряда людей – не есть ли это переход к “новой опричнине”, о которой Вы давно говорите? На первый план выходят люди, которые раньше были мало известны, в то время как столпы режима постепенно растворяются в тени, оставляя “вечного Путина” в обновлённом окружении чистых “исполнителей”...

– То, что мы видели в последнее время, когда были сняты с должностей около десятка высокопоставленных чиновников, затем отставка **Сергея Иванова** и пр., никакого отношения к “новой опричнине” не имеет. Историческая опричнина – это целая программа: страна делилась на две части (“государеву светлость опричнину” и земство – *прим. ред.*), создавались принципиально новые организационные формы. Опричнина как чрезвычайный орган надстраивалась и над Боярской думой, над существующей институциональной системой, поскольку эта система не решала те задачи, объективно стоявшие перед страной, которые надо было решать для того, чтобы страна сохранилась и становилась сильнее. То, что мы видим сейчас, – это обычные кадровые перестановки, которые часто бывают во всяком государственном аппарате, особенно накануне выборов. Но никакие новые структуры при этом не возникли, повестка дня не изменилась.

– Но ведь в отставку уходят люди, с которым у Путина есть общее прошлое, которые помнят его допрезидентский период. Разве не то же самое происходило, когда Сталин постепенно выдавливал из политической жизни ленинскую гвардию, когда Иван Грозный расставался со своей Избранной радой, определившей первый период его правления? На смену старым кадрам приходят те, для кого Путин – это прижизненный памятник самому себе, относительно молодые исполнители, вроде **Антон Вайно**. Если это ещё не опричнина, то, возможно, вектор движения в этом направлении?

– Вектор в сторону опричнины – это заявленная программа, а уже потом под неё подбирают людей. А когда просто перебирают людей – это совсем другое. У Ивана Грозного это так и называлось: “перебрать людишек”. А то,

что уходят люди, которые когда-то хорошо знали действующего президента, — ну что ж, всё когда-то заканчивается. Как говорили древние римляне: *Nihil dat fortuna mancipio* — “Судьба ничего не даёт навечно”.

— К опричнине как историческому явлению у нас ещё недавно относились исключительно отрицательно. Последний кирпичик в либеральную библиотеку об опричнине положил писатель Владимир Сорокин, написав свой сатирический “День опричника”. Что касается другой точки зрения на опричнину, то в новейшей историографии она представлена, в основном, Вашими трудами.

— Я бы всё-таки не стал относить писателя Сорокина к концептам опричнины — это всё же литература, причём, на мой взгляд, довольно убогого качества. Либеральный концепт опричнины — это, например, Василий Ключевский, который видел в опричнине “лишь паранойю царя”, что довольно странно для историка такого уровня. Целый ряд историков тоже к ней неважно относились.

— Был ещё Карамзин, открывший для либерального читателя XIX века inferнальный образ Ивана Грозного — он одним из первых создал негативный миф об опричнине.

— Карамзин — это публицист, который внёс свой вклад в фальсификацию русской истории. Это человек, который, по-видимому, хотел угодить Романовым, точнее, той династии, которая правила в России под этим именем с середины XVIII века. Схема проста: “кошмарный предпоследний Рюрикович — добрые Романовы”. Карамзин вообще много чего напридумывал, например, “Ярослава Мудрого”. Князь Ярослав Владимирович (сын Владимира Крестителя. — Прим. ред.) на самом деле не был ни мудрым, ни мужественным. Карамзин — большой мифотворец. Если бы я захотел оскорбить его, я бы сказал, что это такой Радзинский начала XIX века. Но всё-таки Карамзин — не Радзинский, поэтому воздержусь.

Что касается предпосылок опричнины, повторю: предпосылки опричнины — программа, новые организации, а потом люди. Людей можно сколько угодно менять без всякой опричнины. Если говорить о самой идее опричнины — это чрезвычайная организация, которая выполняет ту функцию, которую не выполняли, не смогли выполнить институты. То, что у нас называют террором 1937 года, одним террором не ограничивалось; террор — форма, в которой это явление протекало. Но суть-то заключалась в том, что это была форма ротации кадров. Другое дело, что страна всего лишь два десятилетия, как оправилась от гражданской войны, и тот человеческий материал, который ротировался, — он и действовал в духе гражданской войны, пусть холодной гражданской войны, но со всеми привычками и жестокостями того времени. Однако, если посмотреть на содержание, то это была ротация кадров, избавление от коррумпированных и негодных чиновников, происходившее в духе эпохи и по её законам.

“НАЧАЛСЯ ПРОЦЕСС ОГРАБЛЕНИЯ “ВЕРХАМИ” “НИЗОВ”

— Мы тоже едва выросли из девяностых годов, из “криминальной революции”. Возможен ли сегодня “бархатный” вариант новой опричнины, или же мы в любом случае будем иметь дело с жёстким сценарием?

— Прогнозировать — дело очень неблагодарное. Суть в том, что всё зависит ещё от социальной структуры, от того, в каком обществе реализуется та или иная программа. Если изменения будут происходить “сверху”, то в нашей ситуации это может быть, скорее, “бархатный” сценарий. А вот если “бархатные” изменения сверху не произойдут, то я опасаясь, что будут не совсем “бархатные” изменения снизу. Поэтому, как говорил император Александр II (передаю смысл), лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнёт отменяться снизу. Коррупционеров и негодных чиновников лучше убирать “бархатным” способом, может, давая им “золотой парашют”, может, не давая, может, кому-то нужно давать не “золотой парашют”, а срок. Но в любом случае, это должно быть в рамках закона и, желательно, без крови. Правда, в истории все попытки её обмануть до сих пор заканчивались плохо. Если, например, “революция сверху” либо прекращалась на полпути, либо просто была обманом, возмез-

дие следовало в обязательном порядке. Достаточно вспомнить судьбу Александра II и его внука.

– **Вы различаете три исторических модели опричнины: Ивана Грозного, Петра Первого (“питерский вариант”) и Сталина. Путин и его окружение, – питерцы, и им, наверное, более близка западная модель. Или “поворот на Восток”, о котором много говорится, уже происходит – в том числе и в области формирования модернизационной модели?**

– Уточню: у Сталина не было опричнины. У Петра I, при сходстве формы, было нечто другое, и дело не в “западном” или “восточном” повороте, а в том, работает ли “чрезвычайка” на решение общенациональных задач или, главным образом, служит целям обогащения группы околотронных холуёв. Так что “питерский вариант” опричнины, о котором я писал, только по форме западный, главное же отличие опричнины **Ивана Грозного** и использование опричного принципа **Иосифом Сталиным** от того, что делал **Петр I**, заключается в другом. Иван и Иосиф очень жёстко подавляли олигархию и не позволяли верхушке воровать. А вот Петр I по необходимости позволял – у него не было других людей под рукой. Неслучайно он сказал своему сподвижнику Толстому, потрепав его по голове: “О, голова, голова, когда бы ты не такая умная была, срубил бы я тебя”. Как известно, другой соратник царя-реформатора, **Александр Меншиков**, наворовал почти треть национального дохода России. Но Петр смотрел сквозь пальцы на воровство олигархов, и этим питерская опричина отличалась от опричнины Ивана Грозного и от использования опричного принципа Сталиным. Подчеркиваю: использования принципа, потому что у Сталина ведь не было своей опричнины, но он заставлял институты действовать так, как будто они были чрезвычайной комиссией. Так что дело здесь не в западоцентричности или востокоцентричности. Та форма власти, которую реализовывал Сталин, вполне может внешне квалифицироваться и как западоцентричная, потому что все происходило в рамках партийной организации: ВКП(б) формально считалась партией, хотя партией она, конечно же, не была.

– **Однако то, что вы говорили о питерской опричнине, очень напоминает многие фигуры из окружения нынешнего российского президента. Может быть, это не случайно, это что-то почти генетическое...**

– Это вряд ли генетика, я думаю, это было бы слишком просто: и эпоха другая, почти 300 лет прошло, и задачи другие. Другое дело, что в опричнине Петра было много случайных людей, их вынесла эпоха наверх так же, как много случайных людей появилось в нашей верхушке в девяностые-нулевые годы. Представьте себе, кем могли бы быть тот же **Анатолий Чубайс** или **Егор Гайдар**, если бы Советский Союз не разрушился, сохранился. Гайдар так бы и сидел в журнале “Коммунист” и ругал бы западную экономическую теорию. А Чубайс организовал бы цеховое производство или торговал цветами. Но изменилась ситуация, и эти люди оказались выброшенными наверх. Как говорил индийский философ Вивекананда: “Революция – это время шудр”. Шудры в Индии – это низшая каста (выше их по положению считаются брахманы-жрецы, кшатрии-воины и вайшьи-земледельцы. – *Прим. ред.*), но именно шудр выбрасывают наверх революционные изменения. Кстати, в петровское время очень многих людей низшего слоя выбросило наверх, того же Меншикова (говорят, что будущий герцог торговал на Москве пирожками, как Чубайс в Питере – цветами. – *Прим. ред.*). И завершил Меншиков свой путь тоже внизу, правда, он достойно завершал: не скулил, не просил прощения. Тем не менее, в 1727 году его выбросили из обоймы, и более того: даже те деньги, которые он когда-то наворовал, его семье пришлось отдать для того, чтобы выбраться из Березова (город в Сибири, место ссылки герцога). Потому что Бирон, человек императрицы Анны Иоанновны, предложил семье Меншикова после его смерти сделку: дочь Меншикова выходит замуж за сына Бирона, но в качестве приданого она принесет те деньги Меншикова, которые он разместил в голландских банках. Что и было сделано.

Правда, Бирону это не помогло. Во власть пришли случайные люди или, как их называли в XVIII веке, “припадошные” люди (“припадок” по-старорусски – это “случай”). Вот эти *припадочные* люди приходили и переходили из структуры в структуру, пока система не отстоялась, пока не появились екатерининские вельможи, и внешне всё приняло благопристойный вид. Но, повторяю, – только внешне. У нас сегодня, однако, нет десятилетий, которые бы

ли отмерены России от Петра I до Екатерины II, всё меняется очень быстро, и эпоха совсем другая, XVIII век был относительно спокойным, а мы живём совсем в другое время.

– **Но как в это другое время России перестроиться, избавившись от коррупционеров и негодных чиновников? Можно ли это сделать в рамках одной модели, одного окружения, одной команды, которую мы сейчас видим в Кремле?**

– Думаю, что в рамках той модели, которая была выбрана в 1991 году, не только невозможно выбраться из ситуации – в рамках этой модели можно только проиграть. Обратите внимание: неолиберальный курс в мире сворачивается, и не потому что он плохой, а потому что он отработал своё. Тот курс, который неудачно назвали “неолиберальным” и который стартовал на Западе с приходом к власти **Маргарет Тэтчер** в Великобритании и **Рональда Рейгана** в США, означал очень простую вещь: глобальный передел доходов. Если с 1945 по 1975 год с помощью “государства всеобщего благоденствия” (Welfare state) шла перекачка небольшой части доходов от “верха” вниз, к среднему слою и верхушке рабочего класса, то в середине 1970-х годов вся эта ситуация закончилась, и начался противоположный процесс: ограбление “верхами” “низов” (“низы” – поскольку с точки зрения “верха” средний слой и рабочая верхушка – это всё равно “низы”). Так длилось несколько десятилетий. Кстати, поздняя горбачевщина и ельцинщина полностью попадают в створку этих процессов. Собственно, к чему привела неолиберальная революция или, точнее, контрреволюция на Западе? Она восстановила привычную норму, нормальные соотношения между той собственностью, которая есть у богатых и у бедных. Недавно у нас была переведена на русский язык книга французского экономиста **Тома Пикетти** “Капитализм в XXI веке”, где автор чётко зафиксировал, что норма для капитализма – это когда 1% населения контролирует 50 и более процентов богатства. Эта норма была нарушена капитализмом только один раз – с 1945 по 1975 год.

В значительной степени нарушению нормы способствовало то, что существовал Советский Союз. Западная верхушка понимала, что ей нужно умиротворять своих “пролов и мидлов”, чтобы они не голосовали за левые партии. А как только СССР был уничтожен комбинированным ударом изнутри и извне, всё вернулось на круги своя, причём очень быстро. За четверть века норма восстановилась.

Сейчас появляется целый ряд интересных исследований по распределению богатства, власти и собственности на Западе. В 2013 году два историка, англичанин и американец, написали работу, в которой проанализировали, как распределялась власть и собственность в Англии с 1180 по 2012 год, от **Ричарда Львиное Сердце** до **Дэвида Кэмерона**. И оказалось, что весь этот период, на протяжении 28 поколений, власть и собственность в Англии принадлежит одному проценту населения, и в основном этот процент составляют родственники, ближние или дальние. Поэтому все разговоры социологов – западных и наших прикормленных компрадорских – о том, что с капитализмом и промышленной революцией горизонтальная мобильность меняется на вертикальную, и появляется меритократия (власть, даруемая по способностям и заслугам. – *Прим. ред.*), – это “рыжий всё на публику”.

ЭТО НЕ ПРАВЯЩИЙ КЛАСС, А ТАК – ИЗ ПОДВОРОТНИ ВЫБЕЖАЛИ

– **В России соотношение между богатством и бедностью, наверное, ещё разительнее.**

– У Маркса была такая фраза: “Язычник, чахнувший от язв христианства”. Так же и мы. Россия до сих пор не является, строго говоря, капиталистической страной. А вот язв капитализма у нас побольше, чем в капиталистических странах, и богатства у верхушки у нас тоже побольше, чем в капиталистических странах. Разумеется, не в абсолютном измерении, а в относительном, то есть по критериям децильного коэффициента, индекса Джини и т. д. И это при том, что, повторяю, Россия не является капиталистической страной, и не только потому, что Россия – имманентно некапиталистическая страна. Есть ещё один политэкономический фокус. Дело в том, что появлению капитализма в Западной Европе предшествовал процесс первоначального накопления

капитала, который Карл Маркс исследовал в 24 главе 1-го тома “Капитала”. Первоначальное накопление капитала – это не капиталистическое накопление, а то, что ему предшествует в качестве необходимого условия. Первоначальное накопление капитала – это ограбление тех, у кого есть собственность, для того чтобы появилась собственность, которую можно трансформировать в капитал. Это ограбление в Англии, это пиратские набеги англичан на испанские владения в Южной Америке и многое другое. И только когда в ядре докапиталистического общества заканчивается первоначальное накопление – стартует капиталистическое накопление. Но это в ядре. А на периферии или полупериферии эти процессы развиваются синхронно. Причём первоначальное накопление очень часто забывает капиталистическое накопление, препятствует ему. Именно это и происходит у нас с 1991 года.

Смотрите, приходит новый губернатор в область или новый мэр в город. С чего он начинает? Чаще всего он или его люди начинают отнимать имущество и бизнесы у родственников прежнего губернатора или мэра, идёт передел собственности, происходит самовоспроизводящийся передел, самовоспроизводящееся первоначальное накопление, рядом с которым существует капиталистическое, но оно зависимо от этого первоначального накопления. Потому что собственность в России всегда была, есть и будет зависима от власти. Собственность в России – это функция власти, и в этой ситуации капитализм может быть только внешним, бандитским и очень-очень некрасивым.

– **Это какой-то родоплеменной семейный капитализм, ограниченный небольшим кругом семей.**

– Дело в том, что это вообще не капитализм. Капитализм – это очень сложные юридические и социально-экономические отношения. Это труд, реализующий себя в качестве самовозрастающей стоимости. Для того чтобы все группы, у которых в руках оказался капитал, превратились в капиталистов, должно пройти время, должен возникнуть определённый тип сознания. И даже на Западе не всё так просто в этом отношении. Например, в Западной Германии 70% промышленности напрямую или через поставных лиц принадлежит аристократии. Мы живём мифами о капитализме, о том, что буржуазия победила аристократию. Ничего подобного. После революции 1848 года в Европе буржуазия и аристократия договорились, ещё раньше они договорились в Англии в результате “Славной революции” 1688 года. В этом и заключается сложность и сила правящего класса на Западе – это комбинация аристократии и буржуазии. А если правящий класс – это комбинация оборванцев, экс-номенклатуры и криминала, то это не есть правящий класс, это так, – из подворотни выбежали, к тому же отъелись несвойственной им пищей, как сказал бы Эрнст Неизвестный.

– **Возвращаясь к Путину: сможет ли он дистанцироваться от прежних соратников, от тех, кто “выбежал из подворотни”, и от их неолиберального курса?**

– Не знаю. На этот вопрос может ответить только один человек – Путин, если захочет, разумеется.

Меня вот недавно спрашивали журналисты: а кто должен проводить изменения сверху? Я отвечал, что, поскольку власть в России носит централизованный характер, поэтому – генсек, царь или президент. И читатели тотчас же начали комментировать: дескать, опять человек дует в путинскую дуду и думает, что Путин всё решит. Многие всё-таки у нас читать совершенно не умеют. Имя Путина вообще не было произнесено – речь вообще шла не о конкретном человеке, а о принципе власти. Революция сверху могут происходить только сверху и только первое лицо их может инициировать: Иван Грозный, Пётр Первый, Александр II, Сталин, Хрущёв, условно говоря.

Революция сверху для России – это наиболее эффективная и проверенная модель.

– Знаете, лучше вообще без революций, но без революций не получается – ни в России, ни за рубежом, причём именно из-за тупости власти и господствующих классов. Вообще в истории была лишь одна революция почти бескровная и удачно хитрая. Кстати, это единственная по-настоящему буржуазная революция: я уже упоминал о ней – это революция 1688 года, когда Оранская династия (в лице Вильгельма Оранского) пришла к власти в Англии. Эта революция была следствием того, что голландская и английская ост-инд-

ские компании решили сделать то, что на экономическом языке называется merger – “слиться”. А для того чтобы слиться, нужно, чтобы в Англии воцарилась новая династия. Они и провели эту “Славную революцию” практически бескровную, и это была единственная буржуазная революция в истории человечества. Потому что ни Великая французская революция, ни революция **Оливера Кромвеля** на такую роль претендовать не могут. Кромвелевская революция вообще была антибуржуазной, а рассуждения о её буржуазной экономической подкладке – это миф, который выковали о буржуазных революциях либералы, а марксисты подхватили. Показательно, что и французская революция 1789 года произошла не в буржуазном Лионе, а в небуржуазном Париже. Так что с буржуазными революциями всё очень непросто. К сожалению, мы живём в мифологизированной либерально-марксистской реальности, и это при том, что я отношусь с большим уважением к марксистской традиции. Но вот эта схема насчёт революций, насчёт буржуазии... У нас часто преподносят эти события так, что буржуазия неизменно оказывается в центре, хотя она находится в центре не сама по себе, а в единстве с монархией и аристократией, которые никуда не делись. Тот факт, что некоторых монархов казнили, не меняет общую ситуацию. Это такой триумвират, ну, ещё плюс закрытые структуры власти.

СЕЙЧАС СТАЛИНЫМ НИКТО НЕ МОЖЕТ СТАТЬ

– Видите ли **Вы** какие-нибудь предпосылки к тому, что настоящая бескровная революция произойдёт и в нашей стране?

– Вообще политики устроены так, что они в значительной степени реагируют на обстоятельства. Правда, великие правители творят обстоятельства, но и они чаще реагируют на них. Здесь очень многое зависит от обстоятельств. Есть такой эпизод в одном из лучших политических романов XX века “**Вся королевская рать**” Роберта Пенна Уоррена. Главный герой Вилли Старк, губернатор, выступает перед народом и кричит (передаю смысл): “Дайте мне топор, и я зарублю этих жуликов, олигархов” и т. д. И близкий к нему человек, Джек Бёрден, после этого митинга спрашивает у губернатора: “А ты действительно мог бы схватить топор?” Тот: “Чёрт его знает! Но если бы в тот момент мне дали топор, то не знаю”. Поэтому очень сложно сказать, что хочет сделать тот или иной политик в тот или иной момент. Кроме того, любые политики, особенно главы государств – это люди на самом деле сильно ограниченные в своих возможностях. Потому что чем больше у тебя подчинённых, чем в большую систему связей ты вовлечен, тем меньше у тебя пространства для маневра. Только наша либеральная интеллигенция полагает, что Сталин, будучи генеральным секретарём партии, делал, что хотел. Ничего подобного. Повторяю, чем больше у тебя подчинённых, чем более высокое место во властной пирамиде ты занимаешь, тем более ты ограничен. Поэтому очень многое зависит от обстоятельств. Я не думаю, что Сталин образца 1927 года полагал, что он пустит под нож ленинско-троцкистскую гвардию. Однако в 1937 году ему пришлось это сделать, потому что это был вопрос его и выживания у власти, и физического выживания. Иначе на Лубянке оказался бы он, а не Зиновьев с Каменевым. Как говорил Сталин: “Есть логика намерений, есть логика обстоятельств, но логика обстоятельств сильнее логики намерений”.

– **В 2000 году, когда Путин только пришёл к власти, он на праздновании Дня Победы в Кремле поднял тост за генералиссимуса Сталина. Тогда это многих шокировало – образ “вождя и учителя” в массовом сознании остался преимущественно негативным. Но это же и позволило проводить какие-то параллели, более-менее явные, между Путиным и Сталиным, предрекая ему, что со временем он может вырасти в фигуру если не равновеликую, то хотя бы напоминающую по своей исторической роли Сталина. Наличествуют ли сейчас в России обстоятельства, которые вынудят Путина стать Сталиным?**

– Сейчас Сталиным никто не может стать. Что такое была сталинская система в политэкономическом смысле этого слова? Это было выражение диктатуры наёмных работников доиндустриального и раннеиндустриального типа. Поэтому уже в конце сороковых годов сталинская система начала пробуксовывать, и Сталин это прекрасно понимал. Именно поэтому он собирался ре-

альную власть переместить из ЦК КПСС в Совет министров, а партии оставить идеологию и подготовку кадров. Другое дело, что он не успел это сделать – либо он умер, либо его убили, вовремя не оказав помощь. Сталин был адекватен своей эпохе, но уже в начале 1950-х годов он оказался не вполне адекватен, поэтому совершал ошибки, да и раньше у него их хватало. Он прекрасно понимал эту ситуацию.

В позднеиндустриальном обществе фигуру типа Сталина очень трудно представить. Здесь требуется что-то другое, кто и что – сказать очень сложно. Другое дело, острая внешнеполитическая и острая внутривнутриполитическая ситуация в стране может призвать на престол диктатора или заставить первое лицо стать диктатором. Но точно, это будет не сталинская диктатура, а что-то новое. Здесь уместна такая аналогия. Когда Киссинджер стал помощником президента Никсона по национальной безопасности, журналисты ему задали вопрос: “Вы совершите ошибки, которые совершали ваши предшественники?”. Он сказал: “Ну, конечно, нет, мы совершим свои ошибки”. Поэтому, если в России будет диктатор, то он будет совсем другим, нежели Сталин. Если в России появится новый опричник, это не будет человек с метлой и собачьей головой, это будет молодой человек с планшетом и скорее всего без оружия.

– **Возможно. Хотя тех, кто в 1990-е годы составлял славу бандитского Петербурга и других криминальных центров страны, именно силой оружия отправили на покой.**

– Эта эпоха закончилась. Вспомните: люди, которые во время гражданской войны (я имею в виду победителей) нажили капиталы, во время нэпа стали респектабельными номенклатурными работниками и свысока поглядывали на нэпманов, которые для них были просто барыги. Так что всё меняется.

СРЕДИ ПУТЧИСТОВ БЫЛ ТОЛЬКО ОДИН РЕШИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК – БОРИС ПУГО. ПОЭТОМУ ЕГО И УБИЛИ

– Не так давно мы отметили 25-летие ГКЧП, того самого августовского путча 1991 года, который его формальный глава Геннадий Янаев назвал “последним боем за СССР”. Что же это всё-таки было? Неуклюжая попытка спасти Советский Союз, которая лишь ускорила его агонию, или провокация лиц, приближённых к Горбачёву, с вполне прагматическими целями?

– Я думаю, отчасти права и та, и другая точка зрения. Здесь вспоминается характеристика Лениным событий 3–5 июля 1917 года в Петрограде, когда большевики решили попробовать на прочность Временное правительство. Причём когда в Петрограде всё висело на волоске, и, как это часто бывает в равновесных ситуациях, многое зависело от случая. Не командуй штабс-капитан Цагурия открыть огонь из пушек, не побеги матросики врассыпную, могло бы закончиться всё по-другому. Так вот, Ленин назвал эти события взрывом реакции и революции одновременно. То же самое – ГКЧП. Я думаю, действительно, с точки зрения той семёрки, которых мы знаем как Госкомитет по чрезвычайному положению, они искренне хотели спасти СССР, хотя один из них, я думаю, был “засланным казачком”. Не буду говорить, кого я подозреваю, поскольку прямых доказательств нет, но думаю, что там был “засланный казачок”, по крайней мере, этот человек хотел перехитрить всех, и противника, и союзника, но перехитрил сам себя. В то же время сами действия этих людей – это действия серых позднесоветских чиновников. Вместо того чтобы брать телеграф, почту, телефон, арестовывать Ельцина, ставить под контроль аэропорты, они ничего не сделали. Это одновременно и неумение, и безынициативность, воспитанные брежневским временем. Сейчас многие вспоминают его чуть ли не с умилением.

События августа 1991 года, безусловно, ускорили распад СССР, но я полагаю, что история ГКЧП – это история с двойным или даже с тройным дном. Это была провокация, кто-то спровоцировал этих людей на выступление, чтобы ускорить конец Советского Союза. Тем более что по той информации, которая у меня есть (я не могу её проверить, конечно, поскольку она эксклюзивная), на сентябрь – начало октября 1991 года планировался внеочередной съезд ЦК КПСС, где Горбачёва должны были отстранить от власти (то, что на 3 сентября 1991 года был назначен внеочередной съезд партии, подтвердил

в интервью “БИЗНЕС Online” бывший ближайший соратник Ельцина **Сергей Шахрай**. — Прим. ред.). За отставкой Горбачёва должны были последовать серьёзные изменения. И эта провокация с ГКЧП, судя по всему, должна была предотвратить ситуацию с отстранением генсека от власти, поскольку последняя осложнила бы разрушение системы и СССР как её формы. Думаю, так оно и было. “Планировщик” (назовём его так) спровоцировал семёрку “гэкачепистов” на те действия, которые они предприняли в эти три дня. Другое дело, что при организации, которая у них была, при полной рассогласованности поступков и слов, всё это было обречено на провал — так и задумывалось. Но сами-то “путчисты” — Янаев, Язов, Крючков и другие — они, конечно же, полагали, что спасают Советский Союз. Можно ли было в той ситуации спасти Советский Союз — это вопрос открытый.

— **Но спасали-то страну либеральными методами. Геннадий Янаев и пять его соратников по чрезвычайному комитету организовали открытую пресс-конференцию. При этом они объявили о закрытии большинства СМИ, но едва ли не все эти газеты присутствовали на их знаменитой пресс-конференции. Большой крови не пролилось (за исключением трёх погибших под танками Таманской дивизии), хотя её жадно ждали некоторые демократические силы, чтобы завопить на весь мир о “кровавой хунте”.**

— Трое погибших под танками — это вещь совершенно случайная. Что касается членов ГКЧП, то эти люди оказались политическими импотентами. Есть простое правило: вытащил нож — бей. А они вытащили нож, помахали им, и ничего. Даже Ельцин не был арестован. Поэтому они — исторические банкроты. Это классические “горбачёвцы”. Когда-то покойный **Александр Александрович Зиновьев** определил “горбачевизм” как попытку серых чиновников обмануть историю. Я думаю, что “горбачевизм” — это ещё много чего другого, но “попытка обмана” там присутствовала. Янаев, Язов, Павлов — классические “горбачёвцы”, среди них был только один достойный и решительный человек — **Борис Карлович Пуго**, поэтому его и убили (согласно официальной версии, министр МВД Борис Пуго и его жена застрелились 22 августа 1991 года. — Прим. ред.). Остальные были политическими импотентами.

— **Так вы придерживаетесь версии, что Пуго и его жену убили?**

— Эта информация уже даже в газетах прошла. Я не буду озвучивать её детали — они известны.

— **Но ведь уголовного дела по факту убийства не было. А вот дело в отношении самого Пуго победители-демократы успели организовать.**

— И думаю, что убили его не из-за ГКЧП. Этот человек очень много знал о так называемом “золоте партии”, которое якобы вывезли из СССР. Видимо, он знал, что не якобы и не вывезли, поэтому его устранили.

— **Известно, что незадолго до гибели Борис Пуго встречался с митрополитом Питиримом (Нечаевым, одним из кандидатов на патриарший престол). Всё-таки не встречаются со священнослужителем, чтобы потом застрелиться.**

— Конечно. Даже если мы учтём, что, скорее всего, митрополит Питирим был человеком с погонями (прямых доказательств нет, мне в данном случае хватает и косвенных) — то да, конечно. Борис Пуго, по словам тех, кто его знал, суицидным типом не был, он был бойцом.

— **Пуго ведь отдыхал с семьёй в Крыму перед тем, как приехать в Москву и сразу появиться на пресс-конференции ГКЧП.**

— Да, он просто замешался в чужую игру. Он был искренним, достойным человеком, непохожим на горбачёвских чиновников, не был шкурником.

ТАНЦЫ СКЕЛЕТОВ НАД ПРОПАСТЬЮ

— **А те, кто якобы покончили с собой уже после того, как Пуго был убит: это маршал Сергей Ахрамеев...**

— Это и управляющий делами ЦК КПСС **Николай Кручина**, который 26 августа выпал с балкона своего дома. Были ещё смерти, это только люди первого уровня. Кроме них были самоубийцы из числа людей второго и третьего эшелона, так что здесь всё совершенно понятно (предшественник Кручины на посту начальника УД ЦК КПСС **Георгий Павлов** якобы выбросился из

окна 6 октября, хотя ему был уже 81 год. 17 октября с балкона выпал бывший завсектором США международного отдела ЦК КПСС **Дмитрий Лисоволик**. И т. д. — *Прим. ред.*)

— **То есть, это продолжение истории с Пуго.**

— В любом случае, это продолжение истории с партийными деньгами. Дело в том, что в 1992 году я был в группе экспертов — проходил такой суд: “Ельцин против КПСС”, как я его условно называю (дело рассматривалось в Конституционном суде РФ. — *Прим. ред.*). Это был неполитический процесс, речь шла о том, является ли КПСС юридическим лицом, и имеет ли она право владеть чем-либо. Я был в группе экспертов со стороны президента — не потому, что я его очень любил, он мне никогда не нравился, правда, Горбачёв мне не нравился ещё больше, но просто так карта легла. И я не пожалел, что участвовал в этих слушаниях, поскольку нам предоставили большое количество всяких документов, теперь они рассекречены. Есть документ под номером 15703, мы его обнародовали. Это секретная записка, в которой заместитель Горбачёва по партии **Владимир Ивашко** (был и. о. генсека после отставки Горбачёва и вплоть до запрета КПСС, умер в ноябре 1994 года. — *Прим. ред.*) написал ему следующее летом 1990 года (цитирую почти дословно): опыт восточноевропейской компартии показывает: в период перехода к рынку имущество компартии не защищено законом, в связи с этим необходимо создание невидимой партийной экономики в форме фондов и “фирм друзей”. “Фирмами друзей” назывались связанные с КПСС (чаще всего с международным отделом ЦК) иностранные фирмы, которыми чаще всего руководили почему-то греки. Дальше он написал, что список допущенных к секретам должен был очень ограниченным, и, кроме генерального секретаря партии, о них могли знать лишь 3–4 человека. Далее следовали фамилии этих 3–4 людей, в том числе Кручины. Я это читал осенью 1992 года и вспомнил, что эти самые люди осенью 1991 года странным образом умерли: кто-то под машину попал, кто-то из окна выпал. Это обычная вещь для эпохи, когда ничего “не защищено законом” и это незащищенное надо спрятать.

— **Таким образом, “победители” замечали следы и убирали тех, кто мог хотеть что-то знать о судьбе “золота партии”?**

— Почему “победители”? Как раз победители — это Ельцин и его гоп-компания. Но взяв власть, они обнаружили, что у них, по признанию Г. Бурбулиса, нет ни рычагов власти, ни материальных средств. Это позже, в 1993 году, после ограбления населения, расстрела Белого дома (устранение конкурента по дележу активов), запуска урановой сделки и ряда афер новый режим разбогател. А к осени 1991 года серьёзные люди (не Горбачёв, разумеется, с его “прорабами перестройки”) уже убрали “с полок” всё, что можно. Думаю, когда стало понятно, что Союз валится, то с конца 1989 года началась экономическая эвакуация режима. Горбачёв и его бригада остались для ширмы, а серьёзные люди готовились к тому, чтобы продолжить деятельность после краха СССР. Какие-то ГКЧП появляются, какой-то Ельцин, Горбачёв — и что? Тоже хороший фон — танцы скелетов над пропастью, а серьёзные люди создавали свою систему. Удалось ли им это в полной мере — не знаю, но создавали они её с прицелом на будущее.

— **И неужели мы никогда не узнаем ответа на вопрос, где теперь “золото партии”? Если, к примеру, известно, что золотой запас Российской империи осел преимущественно в банках Европы, то советское золото — где? У “фирм друзей” в офшорах?**

— Этого я, конечно, не знаю. Вариантов множество. Оно может быть как в стране, так и за пределами страны. Тут ведь можно рассуждать, проводя определённые аналогии. Скажем, в 1945 году, когда была повержена Германия, американцам удалось захватить только золото рейха, и этими деньгами они профинансировали план Маршалла, потому что у них самих таких средств не было. А вот золото СС и золото НСДАП не было найдено. Где оно? Считается, что часть вложена в наркокартели Южной Америки, часть ушла на Ближний Восток, часть вложена в швейцарские банки, в шведский бизнес, так что тут тоже — абсолютно разные варианты. Думаю, что вопрос: куда делось “золото партии” — не так интересен. Гораздо более интересно, работает ли оно, и если да, то на кого. Надеюсь, лет через 30–40 мы об этом узнаем.

– **Может быть, оно даже пригодится при построении той модели, о которой вы говорите.**

– Может быть. Так же, как пригодилось золото, находившееся на счетах Зиновьева, Каменева. Хотя не оно, конечно, было главным активом в деле индустриализации.

– **Троцкого...**

– Нет, запас **Льва Троцкого**, думаю, взять не удалось, поскольку он в 1929 году был уже вне страны (выслан в Турцию, откуда ненадолго переехал в Европу, а затем уже – в Мексику. – *Прим. ред.*). По-видимому, основные средства остались у него: не бедствовал, свой Интернационал создал... А вот те, кто в 1930-е годы пошли под суд... Конечно, изъятые у них ценности не могли полностью решить задачи нашей индустриализации, но несколько довольно тяжёлых “гирек” на весы индустриализации положили. Круговорот награбленного: Меншиков – Бирон – прах; революционеры – суды 1930-х – индустриализация – залоговые аукционы – что дальше? “Люди гибнут за металл” и за власть, обрамляя это красивыми словами о “свободе”, “демократии”, “божественном”. Ельцин со свечой в церкви – что может быть более карикатурным для коммунизма и для церкви?! Что может быть более карикатурным, чем “капитализм”, выгрызающийся из коммунизма, подобно Чужому из тела человека?

Беседу вёл Валерий Береснев

АНАТОЛИЙ ЕХАЛОВ

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДЕРЕВНИ?

Размышление на родине Василия Белова

В эту ночь, когда появилось сообщение о кончине Василия Ивановича, я работал с интернетом. И буквально через пятнадцать минут на различных информационных сайтах появилась версия причины, повлекшей за собой смерть писателя. По этой злой версии писатель не смог перенести пришедшей к нему вести о разграблении и осквернении местными жителями восставленной Беловым на свои деньги в конце восьмидесятых—начале девяностых годов деревенской церкви, возле которой он и завещал себя похоронить.

Сообщение о разграблении и осквернении церкви было придуманным. Никто не передавал его больному Белову, и умер он от болезней, но эта фальшивка прилепилась, и с утра только мне позвонили представители десятка всевозможных СМИ, даже из Ганновера звонили по поводу осквернённой церкви.

Хоронить Белова решили в Тимонихе, в родном краю, которому он посвятил всё своё творчество, который страстно защищал от наступающего запустения всеми доступными ему средствами: в газетах, журналах, книгах, в кабинетах больших чиновников, на трибуне Верховного Совета СССР.

Накануне в Тимониху был направлен бульдозер, который разгрёб не тронутые ногой человека снега, открывая доступ к деревне писателя и ещё к двум соседним деревням – Гридинской и Дружинникову, в которых давно уже не оставалось зимовать ни одного местного жителя...

Друзья и поклонники опустили гроб с телом основателя “деревенской прозы” в мороженую землю, помянули его в родовом доме, протопленном по этому случаю, и разъехались по большим и малым городам.

И осталась свежая могилка писателя одна среди безбрежных снегов, затопивших уснувшую округу, где только голодные волки топчут тропы меж деревнями, где ещё несколько десятилетий назад кипела и сверкала красками такая радостная и гармоничная жизнь северной крестьянской цивилизации...

Той осенью я провёл две недели в поездках по Краснодарскому краю. И после тёплого солнца, ласкового моря, зрелища виноградников без конца и края, буйства фестивальных огней и плясок возвращение на северную родину, где стояла мокрогогодная глухая осень, было тягостным. Впервые любезная сердцу родина представилась заброшенным сельским кладбищем. Теперь ещё и Тимониха, и сиротская могилка великого писателя...

Жизнь из наших северных деревень стремительно уходит. И хочется понять: что это? Историческая закономерность, суровая логика рынка, железная поступь технологического прогресса?

Так ли неконкурентоспособно наше сельское хозяйство?

В конце восьмидесятых мы с Александром Сидельниковым, убитым впоследствии снайпером при штурме Белого Дома, снимали большой фильм о судьбе русского крестьянства в XX веке. Были в деревне у Белова. Конечно, вид брошенных домов и тогда внушал тревогу, но были надежды на лучшую долю нашего села. В каждом колхозе, сельсовете были разработаны планы социально-экономического развития на ближайшие пять лет и на тридцатилетнюю перспективу.

Но социализм, кажется, был уже приговорён.

Тогда уже не оставалось ни одной сферы общественного устройства, которая не была подвергнута критике: одни комсомол развенчивали, другие партию, третьи пенитенциарную систему. Иные поставили под сомнение великие стройки, целесообразность создания рукотворных морей и гидростанций. . .

Некоторые фронтовики решили рассказать такую правду о минувшей войне, что не воевавшим захотелось поскорее сдаться в плен врагам. . . Досталось коллективизации, индустриализации, бесплатным медицине и образованию. . .

Мы радовались новой правде, вдыхая пьянящий воздух свободы.

И этот воздух настолько опьянил, что мы не заметили, что под ногами нет никакой опоры, которая удерживала бы нас на поверхности.

Наш “Титаник” пошёл ко дну. А если бы и не пошёл, то мне порой кажется, плыть ему было некуда. Критикуя и развенчивая то, что создавалось кровью и потом, никто не знал, чем всё это заменить? Куда же плыть дальше. . .

У нас была в то время встреча с Василием Леонтьевым, одним из выдающихся экономистов мира, уехавшим в Америку ещё в 1925 году. Леонтьев разрабатывал экономические модели развития для большинства успешных государств мира. Он готов был сотрудничать и с СССР. Он говорил: “Ваша экономика не самая лучшая, но и не самая худшая. Её не следует разрушать, нужно только наполнить её паруса ветром предприимчивости”.

Действительно, так ли всё было плохо?

Недавно заехал ко мне один православный журналист.

— Был, говорит, в одном приходе, таком далёком и заброшенном, что, кажется, даже вороны туда не летают. Батюшка из последних крох поддерживает церковь в порядке. Но что могут пожертвовать с пенсии с десяток старух? А делать-то надо, то одно, то другое.

Приглашает последних мужичков на подмогу. А чем рассчитаться?

Берёт в руки шест, идёт в рошу, что рядом с церковью, сшибёт воронье или грачиное гнездо и мужикам отдаст. Те и рады. Тотчас несут в скупку: с гнезда пару бутылок водки выходит. Оказывается, в советские времена была в этой церкви мастерская по ремонту электромоторов. И все обрезки проводов алюминиевых и медных сваливали мастера в яму под забор. А догадливые птицы сообразили, что гнёзда лучше вить из проволоки, чем из прутьев: и легче, и долговечнее. И вот гнёзда эти пережили и перестройку, и гайдаровские реформы, но вот современных кризисов не перенесли. Посшибал батюшка на церковные нужды остатки социализма. Столько всего случается каждый день, что за сыплющейся горохом информацией начинаешь терять смысл: кто мы, куда пробираемся, чего взыскуем? И что не понравилось в прежнем, устоявшемся, беззаботном социализме. . . Осталось что-то вроде послевкусы. . . Чего-то там было нехорошо, а вот что — не помним. . . А-а! Очередь.

И вот нашёл я недавно свой собственный рассказ 1987 года. Прочитал и удивился. . . И хочу его вам предложить для размышлений:

“Ещё совсем недавно в селе имени Бабушкина стояла на пригорке небольшая кулинария, снабжавшая местное население замечательными пирогами. Не самим же печь пироги, если теперь есть специальные люди. . .

И вот как-то раз набилось в кулинарию народа за пирогами изрядно, даже на улице хвост. Ждут горяченьких. С пылу, с жару. . . С яйцами, луком, со сметаной, с палтусом. . . С холодным молоком — в самый раз. И тут на улице кто-то истошно завопил:

— Бабы! В раймаг золото привезли!

Очередь в кулинарии будто вымело. Дружной толпой ринулись местные модницы в универмаг под гору. Впереди, сверкая белоснежными колпаками и халатами, бежали пекари и продавцы. В один миг магазин оказался битком набит покупателями. Места всем не хватило, и на улице шевелился плотояд-

но огромный хвост очереди. И только начали было продавать золото, как снова на улице кто-то не по-хорошему заголосил:

– Бабы-ы! Кулинария горит!

Очередь ахнула, но с места не тронулась. И так стояла упорно, пока все не озолотились...

После этого не удивляет, что произошло с нашим народом во времена всеобщей “прихватизации”...

Увы, сегодня с уверенностью можно сказать, что новое руководство России не прислушалось к словам великого экономиста Леонтьева и пошло путём разрушения. Мне кажется, что инициатива, предприимчивость на местах в течение последних двадцати лет намеренно и жёстко пресекались.

Либералы, не создав сами ничего, паразитируя на созданной коммунистами материальной базе, разрушая её, ругают и клянут Сталина.

В девяностых годах я работал в Центре гуманитарных исследований института философии РАН, и мы проводили социологические исследования в деревнях и лесных посёлках Бабушкинского района.

Вот что выяснилось в результате опросов крестьян: “Самым благоприятным периодом жизни в деревне люди называли правление Брежнева, среди политических деятелей особо выделяли Маленкова, который после смерти Сталина в короткое своё правление прирезал колхозникам огороды и снизил налоги. И самым желаемым политиком называли Сталина”.

В конце восьмидесятых на экраны СССР у нас с Александром Сидельниковым вышел документальный фильм “Преображение” – о судьбе русского крестьянства в XX веке, многие сцены фильма мы снимали в лесных посёлках Бабушкинского района Вологодской области.

Лет пятнадцать спустя ко мне обратилась автор будущего фильма “Неподнятая целина” Светлана Сорокина с просьбой поделиться материалами о спецпереселенцах. Они хотели рассказать об ужасах сталинского режима.

Не сразу, но я согласился и привёз Сорокину в Тринадцатый Квартал, посёлок спецпереселенцев. И каково же было потрясение её, когда с порога люди, потомки репрессированных крестьян, стали заявлять, что они все сплошь сталинисты.

В лесных посёлках раскулаченных спецпереселенцев из Украины боготворили Сталина. Выселение на Север в леса оказалось для них спасением: сначала от грянувшего голода на Украине, от немецкой оккупации и мясорубки сорок первого года, раскулаченных стали брать на фронт позднее, когда потери пошли на убыль, ещё раз от голода 1948 года. Власть не ограничивала спецпереселенцев в возможностях держать огороды, скот, реки были полны рыбы, леса – дичи, а в лесной промышленности платили хорошие деньги... Рассказам этих свидетелей ужасного сталинского правления в фильме Сорокиной не нашлось места. Сталин, создавший индустрию СССР, – злодей, а вот Пётр I – реформатор.

Вот некоторые цифры времён его правления: “Реформы Петра I принесли на Север опустошение и упадок экономики. Ежегодно только кокшары (северные крестьяне) вносили в казну 129 руб. 4 алт. $\frac{3}{4}$ деньги с рыбных ловель, 99 руб. 26 алт. 5 ден. с бань, 18 руб. 16 алт. 1 деньгу с мельниц...”

А всего налогов платили 5063 руб., 4 алт., $\frac{1}{2}$ деньги. Хорошая рабочая лошадь тогда стоила 6 рублей, туша говядины на городском рынке “тянула” на 2 рубля, баранья туша – на 0,5 рубля. Чтобы рассчитаться только с основными налогами, крестьянин ежегодно должен был отдавать больше двух третей того, что могла вырастить и собрать его семья.

Ещё были и косвенные налоги: померный (за взвешивание на весах), хомутейный, шапочный, сапожный, кожный (за право изготавливать хомуты, шить шапки, тачать сапоги, выделывать кожи), “подушной с извозчиков”, с постоялых дворов, “пролубной” (за пользование прорубями на реках), водопойный, трубный с печей (за постановку трубы над печью), привальный и отвальный (с судов, шедших по рекам), “со всякой купли и продажи”.

Крестьянин у себя в волости носил бороду беспощинно, но при въезде в город и выезде из него платил за бороду по 2 деньги. Дворяне, чиновники и рядовое купечество, желавшие ходить с бородой, вносили в казну по 60 рублей, а купцы первой гильдии – по 100 рублей в год. После уплаты этого оброка им выдавалась медаль с надписью: “з бороды денги взяты”.

С каждой варки пива бралась явочная пошлина, со свадеб – купичные и убрусные. Облагались “десятой деньгой” заработки деревенских батраков, плотников и бобылей. Кроме того, крестьяне платили за содержание земских властей – чиновников и приставов. Существовала также пошлина за земского дьячка – 50 копеек в год”. Такие вот реформы.

А вот некоторые цифры недавнего прошлого. В 1990 году в Тотемском районе было более 150 предприятий: колхозы, заводы, леспромхозы, строительные организации, автотранспортные предприятия. Особенно много было строителей, район испытывал настоящий строительный бум: двенадцать строительных организаций прокладывали дороги, строили промпредприятия, жильё, сельскохозяйственные объекты. Тотемский и Сухонский леспромхозы, лесхозы заготавливали 1 200 000 кубометров древесины. Накопления жителей района на книжках Сбербанка СССР составляли на душу населения более пяти тысяч рублей. После реформ и модернизации, проведённых либералами, в Тотемском районе не осталось ни одной строительной организации, промышленность умерла, нет ни одного крупного лесного промышленного предприятия. Лесу заготавливается частниками около 400 тысяч кубов при объёме годовой расчётной лесосеки в 2 миллиона 400 тысяч кубов. Два миллиона кубометров леса ежегодно уходят в переспевающие и погибают. Мощностей для того, чтобы взять их, давно нет, нет и дорог. Узкоколейки разобраны и сданы в металл, бетонные дороги тоже разобраны.

Однако вот загадка: неужели тотьмичи научились в этих условиях делать деньги? И, видимо, не малые. Выйдите на центральную площадь города, которая рябит вывесками: “Сбербанк”, “Уралсиббанк”, “Востокэкспрессбанк”, “Росгострахбанк”, “Совкомбанк”, “Пробизнесбанк”, “Россельхозбанк”, “Севергазбанк”, “Казначейство Госбанка РФ” и плюс ещё два банка коротких займов...

Тихий провинциальный город стал крупным центром банковского бизнеса? Кто бы прежде мог подумать, что можно ворочать капиталами при разрушенной экономике. Чудны дела Твои, Господи!

Сердце сжимается, когда задумываешься о том, что мы утратили.

Практически уничтожено льноводство, которое давало основной доход северному сельскому хозяйству. В Вологодской области совсем недавно был закрыт Красавинский льнокомбинат, построенный в середине прошлого века для переработки знаменитых югских льнов. Вологодский льнокомбинат также стал банкротом, не помогла и государственная поддержка, приезд Путина. Разве мир потерял интерес к экологически здоровой льняной одежде? Разве земля перестала родить лён?

Ещё несколько лет назад под Тотьмой, что находится в среднем течении реки Сухоны, в хозяйстве потомственного крестьянина Бориса Владимировича Жданова рентабельность льноводства составляла около 300 процентов. Мне сказали, что даже наркобароны не имеют такой прибыли. В том же хозяйстве урожайность зерновых на протяжении многих лет была около пятидесяти центнеров с гектара, а надои составляли 5-6 тысяч литров молока от каждой коровы.

200 лет назад тотьмичи основали в Северной Калифорнии крепость Росс для выращивания продовольствия для промысловиков русской Аляски. За эти годы сельское хозяйство Калифорнии ушло далеко вперёд, однако и здесь, на Севере, в наших условиях тотемские крестьяне вполне способны конкурировать с американскими земледельцами, работающими в условиях субтропиков.

И таких примеров можно было привести множество. В Любимском районе Ярославской области в последние годы, благодаря заинтересованному отношению руководства района, стало стремительно развиваться молочное животноводство. Девять самых современных молочных комплексов, словно гигантские нососы, качают молоко отличного качества в столицу. И рентабельность опять же огромная. И климат хозяину не помеха. Значит, можно успешно хозяйствовать, если на то есть политическая воля. Но, увы, повсеместно торжествует идеология управления по принципу “водку выпьем, бутылки сдадим, а на вырученные от бутылок деньги купим водки”.

В Тотьме, например, всеми правдами и неправдами успешного Жданова выжили, хозяйство пошло по рукам, потеряв свою самостоятельность.

В своё время Николай Верещагин, основатель маслodelьческой отрасли в России, говорил: если есть заливные луга, то не нужны и золотые прииски.

Действительно, в 1984 году СССР произвёл 2 миллиона тонн сливочного масла, это больше, чем Франция, Англия, Германия и США вместе взятые. С этой вершины Горбачёв начал разваливать страну.

Увы, только в Вологодской области за эти годы поголовье молочного скота сократилось с 280 тысяч голов до 113 тысяч в 2011 году, а за последние годы до 49 тысяч. Знаменитые заливные луга, прославившие в своё время Вологодчину вологодским маслом, зарастают диким бурьяном.

В апреле 2013 года вице-премьер Ольга Голодец проинформировала общественность, что “38 миллионов россиян трудоспособного возраста работают непонятно где”. Нет, известно. Большая часть – 20 миллионов – жители села, владельцы личных подсобных хозяйств, у которых нет иных занятий, кроме работы на собственном огороде, с которого продать что-либо практически невозможно.

В разряд неперспективных поставлено 800 малых городов России...

В декабре 2011 года Эльвира Набиуллина, тогда министр экономического развития, заявила:

“Сохранение любой ценой экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить нам двух-трёх процентов экономического роста... Есть оценки, что в течение ближайших двадцати лет из малых городов России может высвободиться порядка 15-20 миллионов человек”.

Ждёт ли их кто, жителей малых городов, в большом городе? Владимир Путин ставит задачу создания 25 миллионов современных рабочих мест. Каждое влечёт за собой сокращение от четырёх до десяти рабочих мест. Считайте! Модернизация влечёт за собой массовую безработицу. Такова логика развития. Мы становимся страной безработных. Государство наше, на которое мы не устаём уповать, выталкивает людей из деревень, а теперь и малых городов, закрывая школы, ФАПы, почты и магазины, укрупняя административные границы поселений.

Развитие высокотехнологического сельскохозяйственного производства так же ведёт к гибели деревни, сокращению занятости. Тем более, у капиталиста всегда велик соблазн в погоне за прибылями создавать ГМО продукты, использовать недопустимые объёмы химических удобрений, всевозможных стимуляторов роста, консервантов...

Прежде всего, горожанин страдает от некачественного продовольствия, которое вынужден покупать в супермаркетах, которые всё больше напоминают гигантские лохотроны. По данным учёных Новосибирской “ЭКО-Новы”, 90 процентов продуктов, которые мы покупаем в наших магазинах, опасны для здоровья и жизни.

Но вот по весне мои знакомые фермеры, выращивающие свиней, вынуждены были сжечь за деревней более тонны прекрасного свиного сала.

Не могли продать. Вернее, им не дали контролирующие органы, которые, видимо, защищают интересы крупных производителей. Сдавать на мясокомбинаты себе дороже, даже транспортные расходы не оправдаются. Мясокомбинат не даёт фермерам более тридцати рублей за килограмм самого отличного качества свинины. Наверное, австралийская кенгурятина выгоднее для производства колбас. А самим мелким фермерам, обложенным всевозможными запретами, условиями и поборами, переработку не потянуть.

Просто посоленное сало уже считается переработкой, разрезанное на кусочки – переработка, не дай Бог, копчённое в домашних условиях – запрет. Запрет на запрете... Даже на улице торговать мясом нельзя. Мало ли какой микроб залетит. Так они заботятся о нашем с вами здоровье, загоняя в супермаркеты с молоком, которое месяцами не киснет, мясом, выращенным на стимуляторах роста и т. д. Таким образом были уничтожены в наших деревнях коровы, молоко от которых отказывались принимать, ссылаясь на его низкое качество, а за ними пришёл черёд мелкого скота. Перестали выращивать бычков, гусей, кур... Теперь вот новый запрет – на подворный забой скота в деревнях, который напрочь уничтожает возможность держать в деревнях скот.

Вот что пишет мне Наталья Оленчина:

“Я очень хочу верить в прекрасное будущее русской деревни. Но, к сожалению, то, что я вижу вокруг, не вселяет оптимизма. Сама на своей шкуре ощущаю все прелести отсутствия цивилизации в деревне. У нас дошло до маразма: мы ездим в соседское село за молоком, этой осенью продали послед-

нюю корову в селе (хотя население около 2000 человек). А всё потому, что держать скотину убыточно, а ещё ветслужба постоянно стала находить какие-то болезни у животных. Может, кому-то это покажется удивительным, но у нас в районе даже объявления о продаже поросят дать нельзя, приедут и сожгут твоих хрюшек, здоровых и холёных. Мы с семьёй всей душой ЛЮБИМ ДЕРЕВНЮ, но порой не знаем, как в ней жить!”

Снова зададимся вопросом: может быть, это закономерный процесс исчезновения мелкотоварного производителя в наших северных деревнях? Нет же, всё наоборот. Вот как обстоит дело в развитых капиталистических странах.

“...Агрохолдинги стали ведущим аграрным укладом в России, Казахстане и Украине... В развитых аграрных странах доминирующим укладом агропроизводства остаётся семейная ферма. В России думают, что в сельском хозяйстве США господствуют крупные корпорации. Но это не так. На долю семейных ферм в США до сих пор приходится порядка 85% производства валовой сельхозпродукции. Примерно то же в Канаде и Австралии. В США и других странах за последние 100 лет было много попыток вторжения в аграрный бизнес крупных корпоративных структур. Но они в силу особенностей сельскохозяйственного производства оказались неудачными...” Автор этого заявления – генеральный директор Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) Дмитрий Рылько. Получается, что такие невыносимые условия для частного создаются только в России и на “постсоветском” пространстве. И в деревне нет жизни, и в городе никто не ждёт. Панель, существование на нищенские пособия, преступная среда, наркотики, болезни и преждевременная смерть... Рак стремительно выходит на первое место среди заболеваний.

Город как очередной этап развития человечества себя исчерпал. Об этом предупреждал ещё академик-генетик Николай Петрович Дубинин, доказавший, что у городского человека уже в четвёртом поколении начинаются опасные мутации на клеточном уровне.

Не берусь стать предсказателем, но, на мой взгляд, если мы сейчас не вернёмся к своим родовым гнёздам, не вцепимся в землю руками и зубами, не начнём отстаивать свои права и не позаботимся о будущем своих детей, то расклад наших недругов, что России достаточно 15 миллионов человек, чтобы обслуживать нефтепроводы, скоро станет реальностью...

Но не будем впадать в пессимизм. Не зря же мудрый Белов завещал похоронить себя в родной Тимонихе, где не осталось ни одного жителя. Наверное, он всё же верил в возрождение села, а вместе с ним – и всей России.

Временная городская прописка деревни

Несколько лет назад в эфире Первого канала в передаче А. Гордона “Россия 2030” мне довелось дискутировать с заместителем директора Института философии РАН С. А. Никольским о будущем нашего сельского хозяйства.

Причём Никольский стоял на позициях пессимиста, утверждая, что наше сельское хозяйство ожидают худшие времена и что в принципе перспектив у нашего села, по крайней мере, на Северо-Западе России, нет.

Я же стоял на позициях оптимиста, хотя в России, говорят, с конца XIX века слова “оптимист” и “идиот” – слова-синонимы. Ну, а кем мне остаётся быть, как не оптимистом, имея четверых детей? И как бы ни плачевно было состояние нашей деревни, экономики её и государства в целом, мы должны жить по пословице: “Помирать собирайся, а рожь сей”.

Какие же аргументы дают основания сохранять оптимизм?

Если обратиться к нашей истории, то мы найдём в ней немало аналогов современному дню. В своё время мне доводилось общаться с профессором Вологодского пединститута Петром Андреевичем Колесниковым, который выявил алгоритм подъёмов и спадов в нашей сельской местности.

Многочисленно “мор и глад”, набеги врагов обескровливали наши территории, в XVI веке бубонная чума выкосила почти половину населения, после реформ Петра мужского населения здесь практически не оставалось, а сколько войн всеми тяготами легло на плечи деревень! Малые, молодые деревни, хутора, починки исчезали, но сохранялось ядро, корневые деревни, выживавшие при любых обстоятельствах, от которых вновь вырастали молодые побеги.

И если сегодня взглянуть на административную карту области, то можно увидеть следующую картину: погибли, в первую очередь, молодые деревни, а восемь тысяч корневых остались и, худо-бедно, внушают надежду, что они сохраняют себя и далее.

У нас есть возможность сделать и городскую жизнь более привлекательной и безопасной. Для этого нужно вспомнить наши деревенские традиции. А мы, по сути дела, кто в первом, кто во втором колене, и есть самые настоящие крестьяне. Более того, почти у всех — у кого в деревне, у кого в дачном кооперативе — есть в собственности клочок земли.

На Руси говорят: “Своя земля — и в горсти мила”. Что могут пятнадцать-двадцать родительских соток? При рациональном подходе к ним — очень многое. По крайней мере, горожане могут обеспечить себя, детей и внуков овощами, ягодами, яблоками. А теперь в наших краях растут и груши, и сливы, и даже виноград. Я встречал в печати такую цифру: 60 процентов производимого продовольствия приходится на наши приусадебные и дачные участки.

Но зайдите в супермаркет: начиная от картофеля, заканчивая фруктами — всё заграничное, импортное... Неизвестно какого качества. Скорее всего, выращенное китайскими или польскими земледельцами с использованием современных технологических подкормки и борьбы с вредителями. Во весь рост встала перед нами проблема генно-модифицированных продуктов...

В конце января 2014-го при Вологодской областной универсальной научной библиотеке имени Бабушкина я собрал первое организационное заседание общественного движения “Вологодская деревня. Будем жить!” В нём приняли участие, помимо простых граждан, озабоченных разрушением деревни, учёные, руководители хозяйств, фермеры, предприниматели, мастера народных промыслов, писатели, хранители сельской культуры... Порадовало, что подавляющая часть пришедших поддержать деревню настроена позитивно и намерена делами повлиять на сложившуюся ситуацию в селе или, по крайней мере, обеспечить себя и свои семьи безопасным продовольствием. Отлично, что много было молодёжи, примеряющей на свои плечи сельскую жизнь. И не всё так уныло и бесперспективно. Олег Коншин из деревни Пожарища рассказал о своём опыте сохранения деревенских традиций, обрядов, которые помогли сохранить и саму деревню. Сегодня на постоянное жительство в их общину едут из разных городов, из Москвы, и даже из Канады приехала молодая семья. До революции вся русская сельская жизнь уверенно покоилась на трёх китах: соборность, заединщина, артельность. То есть основные проблемы решались всем миром, общество объединяли единые цели, и всё большое и многотрудное создавалось артельно. В городе, надо признать, мы настолько разобщены, что часто не знаем соседей по лестничной площадке, превращаясь для искателей политической власти в электорат, которым легко манипулировать.

Но вот появились “товарищества собственников жилья” и это радует, потому что в рамках этих товариществ возможно самоуправление, те самые соборность и заединщина, и даже артельность, которые позволяли селянам решать самые сложные вопросы и выживать в самых суровых условиях Севера. На этих испытанных китах можно и нужно выстраивать городскую жизнь, не позволяя себя закабалить и отравлять.

Мы, горожане, способны сами обеспечить себя и картофелем, и морковью, и яблоками, яйцами и даже мясом, объединившись и специализировавшись. Нам нужна кооперация и координация.

Вспомним Александра Чаянова, всемирно известного теоретика российской кооперации. Кооперация — эффективная защита мелкого производителя от крупного капитала. Закон о кооперации не даёт возможности государственного вмешательства в её деятельность, она избавлена от непосильных налогов и требований, которые несёт современный мелкий и средний бизнес.

Идея объединения, создания своей виртуальной пока площадки для обмена продовольствием нашла широкую поддержку.

Вот характерное письмо из приходящих сейчас в мой адрес:

“Мы с мужем хотим возродить какую-то вологодскую деревню. Хочется, чтобы была именно деревня как общность людей, а не индивидуальная усадьба. Хотим пригласить единомышленников, примерно 10 семей. Сделать общие мастерские, установить правила и т. д. Хотела у Вас спросить — не знаете ли Вы, где можно узнать информацию о таких деревнях (так, чтобы оставались

столбы для электричества, какая-то дорога, пусть и не хорошего качества). Нам бы хотелось примерно Сокольский, Сямженский или Тотемский район. Но можем и другие варианты рассмотреть. Заранее спасибо.

Меня зовут Тамара Старцева. Мы сейчас как раз продаём, рукодельный бизнес – производство товаров для рукоделия и хотим заняться русскими северными народными ремёслами, русской северной культурой и т. д. Поэтому и мастерские хотим организовать для работы с натуральными материалами: деревом, льном и другими. В первую очередь, хотим сами освоить несколько ремёсел”.

И такое письмо не единственное. Их много. Люди хотели бы покинуть город и уехать в деревню, но пока не знают, как это сделать. Для этого создано наше движение, в котором сейчас уже более тысячи человек. В каждом из нас в большей или меньшей степени живёт стремление к самостоятельности, к реализации себя как хозяина на земле. И многие уже осели на земле. Вот Рома Кренделев, вчерашний выпускник сельхозакадемии, в короткое время стал хозяином фермы, на которой и лошади, и коровы, и пекарня. Рома продаёт в придорожном ларьке цельное молоко, сметану, творог, хлеб на закваске без дрожжей. . . Сделать это, имея круг друзей и единомышленников, значительно легче.

Если говорить о мировом экономическом кризисе и способах выхода из него, то редко кто из политиков, экономистов говорит о том, что это, прежде всего, кризис “общества потребления”, которое уже практически исчерпало ресурсы планеты, отравив её отходами цивилизации, сосредоточив население в городах и гигантских мегаполисах. И сегодня положение городов кажется более драматичным, чем положение села.

На работу, как на праздник

Мы живём в непростых климатических условиях.

...Западные аграрии красят нашу северную территорию в белый цвет, где, по их мнению, сельское хозяйство невозможно, а значит, невозможна и жизнь. Действительно, у нас среднегодовая температура отрицательная. Нам всё даётся гораздо большими трудами и затратами, чем на Западе под тёплым боком Гольфстрима.

Однако мы живём в этих условиях тысячелетиями. Более того, русский народ сумел создать такую уникальную культуру, которая позволила сделать этот чрезвычайно тяжёлый, порой до кровавых кругов в глазах труд желанным и радостным.

Откройте календарь земледельца, и вы увидите, что в нём нет практически ни одного дня, не опозитизированного, не украшенного каким-либо обрядом, праздником, традицией. . . Легко заметить, что в русском языке “работа” и “праздник” имеют один корень.

Один лишь маленький пример, взятый наугад.

“Фролов день” – 5 декабря. В этот день все от мала до велика отправлялись на общественную работу по расчистке троп и дорожек к амбарам, овинам, к реке, провешивали ветками переходы и обозначали будущие дороги, чтобы в метель путник не заблудился.

А ближе к вечеру выносились на улицу столы, угощения и общинное пиво в честь такого славного трудового почина. А 7 декабря – Катерина Санница. Это уже не праздник, а сплошная поэзия души. Готовятся сани, возки, чистится упряжь, сами лошади, гривы и дуги украшаются лентами. В возке – медвежья полость, а в ней – молодожёны, которые сыграли свадьбу на Покров день. С ними тёщи, свекры, деверья, невестки, разодетые в пух и прах. Этакie смотрины семейного благополучия. . .

А что стоит, например, празднуемый в конце апреля “ляльник” – праздник любви, женщин и детей!

Когда противоречие между праздниками сценическими и подлинно народными стало критическим и не в пользу последних, тогда при поддержке губернатора области Позгалёва я написал сценарии и поставил до двадцати народных праздников, которые сегодня уже прижились и пользуются неизменной любовью и популярностью у народа.

Так, например, Праздник Коня с соревнованиями троек, с катанием с ледяных гор, взятием снежной крепости, гонками самодельной техники,

смотрителями молодых семей собирает по 15-20 тысяч человек, которые не просто зрители, а активные участники всех игрищ.

Праздники Топора, Коровы, Самовара, Русской Печки, Пирога, Живой воды, Шоу драндулетов, Банная ассамблея возвращают народу утраченную способность самому ежечасно и ежедневно творить свой мир, свою культуру. Праздники эти давно уже перешагнули границы Вологодской области и широко шагают по стране.

В деревне Пожарища Нюксенского района Олег Коншин ещё паренком начал собирать деревенские обряды, песни, сказки, истории. Он сумел вокруг себя, вокруг деревенских традиций объединить народ, сделать их жизнь осмысленной и наполненной красотой. Деревня в нынешней экономической сумятице сумела сохранить себя, школу, производство и удержать на земле молодёжь.

Подальше от сцены, от разрушающего влияния телевизора, поближе к своим корням, традициям. И жизнь наша наполнится новым осмысленным светом!

Универсальная деревня

Однажды мне попался в руки любопытный дореволюционный документ – что-то вроде государственного реестра, в котором говорилось, что в нашей губернии на конец XIX века было зарегистрировано 200 тысяч ремесленников-кустарей и три тысячи самых разнообразных ремёсел. Может быть, произошла ошибка, статистическая погрешность.

Я с трудом смог насчитать около пятидесяти сельских специальностей, и то этот список был внушительным, хотя до трёх тысяч было далеко.

Я решил сознательно собирать всё, что встречается мне в жизни, в книгах, рассказах стариков о крестьянских ремёслах, делая записи в свой дневник...

И скоро понял, как многого я не знал... Деревенская жизнь и история стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попала мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной... Русская деревня была настолько универсальной, что могла делать всё: от литья корабельных цепей и пушек до строительства морских судов. Более того, в те времена не только марксистская теория озадачивала российские передовые умы. Довольно распространённым было мнение, что у России свой собственный путь развития, отличный от Запада: аграрно-кустарный. Сегодня этот взгляд может показаться абсолютной утопией. И действительно, стоит ли заниматься поисками утраченного, отжившего?

Я всё чаще прихожу к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая нами как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универсальности и, несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на её долю, помогала селу преодолевать самые тяжкие испытания. И это ещё не всё.

Я думаю, что универсальность нашей деревни является бесценным наследием, которое позволяло вчерашним полуграмотным крестьянам становиться учёными с мировыми именами, политиками, гениальными конструкторами, военачальниками, разгромившими ослабленную агрессивную военную машину фашистской Германии. Думаю, что это наследие ещё послужит нам.

Уже много лет в районном селе Сямже существует традиция: по весне на труднодоступное Шиченгское озеро выезжает отряд рыболовов-любителей на самодельных болотоходах. Этим вездеходам не страшны ни разбитые просёлки, ни вздувшиеся водопольем реки, ни болота, ни само озеро с расплывающимся льдом... Болотоходы эти способны идти как по льду, как по ледовой каше, так и по воде...

Александр Агеев, фермер из Кириллова, владеет передаваемым по наследству секретом кладки бездымных печей с очень высоким коэффициентом полезного действия...

У деревенского изобретателя из Шекснинского района Чистякова, ныне, к сожалению покойного, было более двадцати авторских свидетельств на изобретения, среди которых ни много ни мало – комбайн “Русь”, способный убирать без потерь самые высокие урожаи. У Валентина Петровича был свой вет-

ряк на крыше, который производил необходимое количество электроэнергии, а с помощью бензопилы он пахал огород, окучивал картошку, косил сено...

Мне кажется, что единственным залогом сохранения деревни и в целом сельского хозяйства является многоукладность её экономики, универсальность нашей северной деревни. Крупные животноводческие комплексы, автоматизированные и роботизированные, несмотря на всю их экономическую выгоду, иссушают деревню, лишают работы её жителей.

Никогда и прежде экономика нашей деревни не строилась на производстве одной лишь сельскохозяйственной продукции. Слишком многотрудно и затратно давались на Севере хлеб, молоко, мясо.

А потому наш северный крестьянин в большей степени производил продукты питания для внутренних потребностей, за исключением разве масла и льна. Все остальные необходимые для жизни средства он добывал прикладными промыслами, охотой, рыбалкой, бортничеством, извозом, плотничьим ремеслом, солеварением, отхожими промыслами, уходил за Урал в Сибирь за мехами и за хвостом соболя добежал до Тихого океана, а там, построив корабль, добрался и до Америки... И надо заметить, что северный крестьянин не был бедным. Достаточно проехать по деревням на реке Сухоне, чтобы понять это.

Занимаясь сбором материалов о народных промыслах, я сумел собрать и описать в детской приключенческой повести "В поисках забытых ремёсел" около 400 бытовавших в наших краях промыслов и ремёсел.

И надо сказать, что возвращение к ним в наше время спасли от вымирания целые сельсоветы: например, катавальный промысел Николая Сайкина дал работу и смысл жизни целому округу, гончарный промысел Мишенцевых вытаскил из забвения также целую округу, плотницкое ремесло кормит сегодня многие районы...

Власть земли

В своё время Глеб Иванович Успенский, большой знаток и исследователь русской деревни, вывел знаменитую формулу существования русского народа: "Русский народ до тех пор велик, терпелив, могуч, до тех пор держит на своих плечах вся и всё, покуда царит над ним власть земли, пока живёт в его сознании невозможность ослушания её повелений... Уберите эту власть... и нет уже того великого, терпеливого, могучего народа... наступает страшное "иди, куда хошь..."

Нет смысла говорить, что в 17-м году была нарушена эта связь, народ лишился земной власти, а между крестьянином и землёй встал посредник: комиссар, уполномоченный, работник райкома... А когда обрезали последние сотки приусадебного огорода, которые ещё хоть и слабо, но удерживали крестьянина на земле – вот тогда-то и наступило страшное "иди, куда хошь"... Но и сегодня мы не избежали до конца от этого пагубного посредничества между крестьянином и землёй...

Нравственные, психологические утраты в современной деревне колоссальны. Порой кажется, что уже не за что зацепиться, не отродится крестьянский корешок. Однако у нас есть мощнейшие инструменты воздействия на умы, которые служат сегодня не созиданию, а направлены на разрушение. Я говорю о средствах массовой информации и, прежде, электронных СМИ. Русский человек – носитель общинного сознания. Уверен, что добрый пример, показанный на экране телевизора, найдёт отклик в душе русского человека и позовёт его в поле, к земле, к созидательному труду без посредников.

"Скрытая война"

Мы плохо знаем свой народ. Особенно северный. "Мы" – я имею в виду тех, кто хочет понять происходящие сейчас процессы.

Однажды в девяностых годах я присутствовал на заседании научной конференции в Институте философии РАН. Обсуждались вопросы "развития и реформирования агропромышленного комплекса страны", который, надо сказать, к тому времени вовсе не развивался, а стремительно разваливался.

Наверное, было непросто учёным со столичной пропиской, большей частью видевших деревню лишь в экспедициях и собиравших знания о ней на

страницах книг и газет, выработать единственно верную “Стратегию реформирования села в XXI веке”. И вот одна учёная дама немолодого возраста, доктор наук, заметьте, устало бросила в зал: “Русский народ всегда воровал, ворует и будет воровать...” Это заявление меня окончательно разозлило и заставило жёстко возразить:

– Обвиняют русский народ в воровстве только невежды да правители, которые не знают сути общинной деревенской жизни, да те, кто приходит в деревню со своим уставом, пытаюсь навязать свои правила, и ещё тот, кто сознательно создаёт миф о вороватости русского народа.

Теперь я в своей почте нахожу подтверждение тому, что миф этот приживается уже в самом народе: “Мы умеем воровать...” А вспомните, давно ли в наших деревнях появились замки? Палка да кичига, приставленные к дверям, говорили о том, что хозяина нет дома. И всё. Русский народ – носитель общинного самосознания и общинного способа производства, когда справедливость при распределении созданного общиной продукта или землепользования была главным правилом деревенской жизни.

В деревне каждый человек на виду, и даже такая поговорка была: “Худой, да свой”. И воровство в деревенском мире было просто невыносимо. И сегодня даже под натиском разрушительных мифов, капиталистической идеологии вседозволенности, крайнего унижения и разрухи эти принципы деревенского общежития остаются главными в нашем селе.

А как же тогда с растащивкой, которая со времён Хрущёва и Брежнева началась в колхозах, когда с фермы тащили корма, сено, молоко, зерно из амбаров?..

А вот эту растащивку в народном понимании назвать воровством сложно. Тащили-то своё. Скорее, это было восстановлением поправленной справедливости, когда в деревенский мир вторглось государство, отбирая практически всё, понуждая работать “за палочки”, вынуждая свести со двора скотину, отдать под пустырь огород...

Когда реки и озёра, рыба в них перестали принадлежать деревенскому обществу, когда леса и уголья, на которых кормились столетиями и тысячами нашими предками, перестали принадлежать нам, когда под запреты попали и дерево, и рыба в реке, и заяц в лесу, медведь на овсе, когда появилась охрана, сберегающая природу для какого-то неведомого дяди в лимузине...

Кто и что у кого украл?

А учёные в Москве разрабатывают уже методы реформирования села в XXI веке. Кого и как реформировать?

И когда меня спросили об этом, то я совершенно убеждённо сказал, что самая лучшая реформа будет состоять в запрещении кому бы то ни было и когда бы то ни было лезть в деревню со своими реформами.

Обиделись... А на кого обижаться нам?

Почему люди не хотят работать сейчас в деревнях и сёлах... Почему ломаются трактора в полях, валочные машины на лесосеках, пилорамы... Почему пьют?

Наверное, потому, что здесь, на Севере, где труд чрезвычайно тяжёл, веками утверждалась система общинно-складнического способа земледелия, когда результат можно было получить только общим напряжением и общими усилиями. И поэтому даже небольшой результат этот должен был бережно и справедливо поделён.

Потому, видимо, у нашего северного народа общинное самосознание и его природное стремление к справедливости в нынешних условиях оскорблено и требует “сатисфакции”.

Поэтому я считаю, что капитализм на нашем русском Севере в тех его откровенных формах эксплуатации, когда одним хочется сразу из грязи да на Багамы, прибрав всю прибыль к своим рукам, не делясь ни с кем, такой капитализм не станет созидательной базой для развития экономики и общества.

Земли будущего

Известный искусствовед С. В. Жарникова, ссылаясь на “Известия архангельского общества изучения северного края”, пишет о том, что в начале прошлого века департамент земледелия Соединённых Штатов Америки провёл

под руководством известного учёного, бывшего земского агронома из Архангельской губернии Александра Криштафовича обследование всех сельскохозяйственных угодий планеты на предмет их перспективности. И что в результате этих исследований самыми перспективными были названы земли Северо-Запада России. Не зря американцы послали в Архангельск свои войска в годы гражданской войны в России...

Какие факторы были в пользу этого? Длинный световой день, обилие прямой солнечной радиации, достаточное количество влаги, чтобы не страдать засухами, достаточный температурный режим и плодородие почв.

Земли Северо-Запада были названы “землями будущего”. И хочется в это верить всем сердцем и разумом.

Загадка русского человека

О русском человеке нашими недругами сложено немало мифов и легенд, далёких от истины. Вот одна из них: русский Иван чрезвычайно ленив и большей частью спит на печке, когда западный фермер трудится не покладая рук.

Но как сравнить затраты на производство единицы, скажем, литра молока где-нибудь под боком тёплого Гольфстрима, и у нас, на Севере, когда нужно построить тёплый двор и тёплый дом с печью, заготовить на всю зиму дрова, пошить шапки, шубы, тулупы и рукавицы, скатать валенки, на всю зиму заготовить корма для скота и продовольствие для всей семьи.

Но всё дело в том, что особые климатические условия диктуют крестьянину и особый ритм жизни и деятельности: девять месяцев относительного спокойствия, когда можно подольше полежать на печи, и три летних месяца, в течение которых ему нужно осилить годовой объём работ.

И вот эта особенность и создала на протяжении столетий и тысячелетий особый характер и темперамент русского человека, эту способность в критический момент к великой мобилизации, на которую не способен ни один другой народ. И вся наша история, все труды наших писателей, исследовавших феномен русского народа, говорят об этой великой способности к мобилизации.

Не зря же сказано в народной пословице: “Русский мужик долго запрягает, но быстро едет”.

И я верю, что и в этот раз ему достанет той удивительной, не видимой до поры до времени потаённой энергии, чтобы встать во весь рост и поехать в своё великое будущее...

* * *

Сегодня клуб “Вологодская деревня” объединяет более тысячи человек. И основная задача его — объединительная.

Верю, что в постиндустриальном обществе будут другие побудительные причины жить на земле. И владение собственным участком на земле будет намного престижнее и круче, чем городская, упакованная гаджетами квартира...

ЮРИЙ КОЗЛОВ

МОРЕ МЁРТВОЕ И ЖИВОЕ

1

Утро последней субботы августа я встретил в павильоне на палестино-иорданской границе. За стеклянными стенами аквариума-павильона было сорок пять градусов жары. Библейский город Иерихон (по его окраине проходила граница) растворялся в сизом раскалённом воздухе вместе с редкими деревьями, ведущим к границе шоссе, песком и камнями. Палестинский пейзаж за пределами городов и деревень скуп на краски. Его изредка оживляют овцы и чёрные, как знаки препинания на мятой жёлтой бумаге, козы. Иногда встречаются мусорные (из жердей и пластмассовых обломков) обиталища местных цыган. Чем они питаются и как существуют на выжженной земле под палящим солнцем, не очень понятно. А ещё — кладбища угрожающе поставленных друг на друга машин, многие из которых имеют по российским понятиям вполне приличный вид. Извлечь, правда, их из этих разноцветных пирамид весьма затруднительно. Но главная особенность палестинского пейзажа — вознесённые в небо, опутанные колючей проволокой, оснащённые видеокамерами и прочими техническими приспособлениями бетонные стены, наглухо отделяющие поселения еврейских колонистов от неспокойного палестинского народного моря. Грозно возвышающиеся над окружающим ландшафтом поселения напоминают неприступные крепости крестоносцев.

Это — не Мёртвое море, в сторону которого указывают дорожные указатели, а живое, злое, закалённое в многолетнем противостоянии море. Оно накатывается волнами на еврейские “укреплённые города”, но пока что отступает по причине неоспоримого военного превосходства государства Израиль. У израильтян имеется в изобилии любое, включая (хотя официально они это не подтверждают) ядерное, оружие. Палестинцам (муниципальной полиции) разрешается иметь только лёгкое стрелковое.

К границе всё время подъезжали автобусы. Постепенно аквариум плотно наполнился людьми. Здесь были и молодые в джинсах и майках парни и девушки, и пожилые мужики в национальной арабской одежде, инвалиды в колясках, закрученные в чёрные одеяния, как в кульки, так что не видно лица, женщины, кудрявые детишки, уважаемые белобородые старцы с чётками. Казалось, это единый во многих лицах и возрастах палестинский народ суровой ниткой протягивается сквозь игольное ушко израильского паспортного контроля.

Как выяснилось, в субботу израильский персонал работает только до двенадцати часов, а потом — шаббат! Пункт закрывается, и “кто не успел, тот опоздал”. “Эти люди, — показал на мрачную очередь к паспортному проверочному окну провожавший нас палестинец, — летят на хадж в Мекку. Рейс из

Аммана ночью. Им плевать на шаббат. Они не понимают, почему должны будут столько времени сидеть в аэропорту”. Но по тому, с каким отчуждением и презрением эти люди бросали в окошко паспорта, было очевидно, что они очень даже всё понимают. Некоторые паспорта требовали углублённой проверки. Их уносили в специальную комнату. Спустя какое-то время появлялся человек без знаков различия на одежде. Он громко выкрикивал имена и возвращал паспорта подошедшим палестинцам. По виду и поведению проверяющий израильский персонал мало чем отличался от проверяемых палестинцев. У меня даже мелькнула мысль, что их легко можно поменять местами. Единственно, в смене в тот день было много темнокожих девушек, должно быть, африканских евреек. Наверное, им разрешается работать в шаббат, или он наступает у них позже. По эфиопскому (там живут темнокожие евреи) времени.

Наблюдая за жизнью пограничного перехода, я невольно задумался о природе и сущности мистической силы, определяющей на разных исторических этапах условия существования человеческой цивилизации. В одном случае эта сила, как сейчас в Европе, сливает непохожие народы в один “флакон”, превращает их в этническое, по выражению историка Игоря Фроянова, “месиво”. В другом, как здесь в Палестине, разделяет похожие народы на несочетаемые, яростно отстаивающие собственную национальную идентичность фракции.

Я давно пришёл к мысли, что так называемые взаимоисключающие тенденции и понятия, например, либерализм и фашизм, реформаторы и консерваторы, хаос и порядок — это, как правило, внешние “заготовки” для чего-то третьего, глубинного, что ещё не имеет названия. Иногда это “третье” вообще никак не называется, иногда получает нейтрально-абстрактное определение, например, “новый мировой порядок”. В своё время на это обратил внимание Оруэлл, описывая в романе “1984” общество будущего. “Мир — это война!”, “Свобода — это рабство!” — такие там были лозунги. В реальном 1984 году Оруэлла попытались сдать в утиль, но в первые десятилетия XXI века он, как, кстати, и Маркс с Ницше, не говоря об “экстремальном демографическом” Мальтусе, оказался “живее всех живых”. Это свидетельствует о том, что мир движется своим, неподвластным осмыслению путём, произвольно выдирая из прошлого пройденные вехи и зачем-то закидывая их далеко вперёд, так сказать, размечая ими, казалось бы, давно скомпрометированными и гневно отвергнутыми, будущее.

Маркс сегодня — это капитализм, преобразовавший “железную пядь” в цифровую. Индустриальный капитализм вынимал душу из пролетариев, которым было “нечего терять, кроме своих цепей”. Цифровой — вынимает её сейчас из так называемого среднего класса, которому очень даже есть, что терять. Но этот, некогда доказывающий самим фактом своего существования преимущества “социализированного” капитализма над “тоталитарным” (в лице СССР) социализмом, класс сделался ненужным “железной”, то есть цифровой “пядью” после исчезновения СССР. В самом деле, зачем платить деньги людям, которые ничего не производят, не добывают, не создают своим трудом прибавочную стоимость, а только умно о чём-то рассуждают? Главное же, привыкли сладко жить и много потреблять. Чтобы средний класс не воспротивился подступающей нищете (парламентскую демократию и выборы пока ещё не отменили), он последовательно и изощрённо доводится до маразма толерантностью, разрушением семьи, половых различий и христианских традиций.

Ницше странным образом материализовался в идеологии исламских радикалов. Известный немецкий психиатр, профессор Баден-Вюртембергского университета Ян Илхан Кизилхан (природный немец на такое бы не решился), например, утверждает, что у боевиков ИГИЛ нет ни психоза, ни шизофрении. Они живут в реальном мире, но, совершая свои чудовищные злодеяния, думают не так, как обычные люди. Цель их базирующегося на религиозном мифе “квазисакрального” долга — истребление человека как биологического вида, истребление жизни вообще. Даже фашизм не знал такой императивной формы жестокости, истребления жизни в столь животном виде, утверждает профессор Кизилхан. На его мнение не так давно ссылался в своём выступлении на международной научно-практической конференции “Гонения на христиан в современном мире: геополитический аспект” профессор МГУ, президент Международного общественного Фонда единства православных народов Валерий Алексеев.

Что же касается Оруэлла, то его гениальные тезисы насчёт мира и войны, свободы и рабства можно дополнить ещё одним: “Будущее – это квинтэссенция самого страшного из того, что было в прошлом”. Не случайно же один из самых пронизательных современных русских философов Андрей Фурсов часто вспоминает о “неолитическом кризисе”. Он случился пятнадцать тысяч лет назад, а длился полторы тысячи лет. За время этого кризиса число обитающих на планете homo sapiens сократилось на девяносто процентов. Из-за резкого похолодания (обледенения Земли) нашим предкам стало просто не на кого охотиться, нечего срывать с деревьев и выкапывать из земли и, соответственно, нечем питаться. Долгое время они (Фурсов об этом тактично умалчивает) убивали и ели друг друга, пока, наконец, не сообразили, что плоды и корни можно не только собирать и выкапывать, но выращивать на вспаханной земле, а некоторых животных имеет смысл приручить, чтобы получать “долгоиграющие” продукты, типа молока, сыра, шерсти и мяса.

Это был первый в истории homo sapiens кризис нехватки жизненно необходимых ресурсов, но, сократившись на девять десятых, человечество сумело его преодолеть.

Нечто похожее надвигается на нас и сейчас. Людей на планете недопустимо много. Ресурсов мало. Отличие нынешнего кризиса от неолитического в том, что пятнадцать тысяч лет назад (вероятно) не было особой, способных объявить своей собственностью стада мамонтов, а также леса и землю, где можно отыскать плодовые деревья и съедобные корни. Тогдашняя элита не имела возможности отделиться с приватизированными ресурсами от обречённых на голод и людоедство сородичей. Да и не потерпели бы парни в шурах и с каменными топорами такого произвола.

Сегодня этот сценарий как финал человеческой цивилизации вполне возможен. Идёт неостановимая, упорная работа по осуществлению именно этого варианта. То там, то здесь появляются и гаснут, как на экране у пьяного киномеханика, разрозненные, пока не объединённые в общую картину, фрагменты будущего, но зрители этого не осознают, точнее, не хотят осознавать. Они хотят потреблять и наслаждаться жизнью. Никто не хочет думать о том, что скоро “кина не будет”. В этом плане сегодняшняя Палестина, как, впрочем, и Россия – территория, где, как в “живой игре”, испытываются и шлифуются технологии того самого будущего, которого никто не хочет, но которое надвигается неотвратимо. “Мёртвое” море тестирует и преобразует живое.

2

Взаимоотношениями палестинцев и израильтян уже без малого семьдесят лет занимается весь мир, но они по-прежнему далеки от гармонии. Израильтяне считают палестинцев террористами. Палестинцы воспринимают израильтян, как оккупантов, превративших их страну в тюрьму. Эти две “правды” тянутся, как два электрических провода, параллельно, но когда они соприкасаются, возникает короткое замыкание, начисто отключающее разум у обеих сторон. В общем-то, для мира это не новость. Подобные “замыкания” наблюдаются между армянами и азербайджанцами, греками и турками, сербами и албанцами, а с недавних пор (и это очень прискорбно) между русскими и украинцами. Ещё более прискорбно, что эта тенденция под разговоры о правах человека, толерантности и мультикультурализме распространяется на религиозную принадлежность людей. Может быть, отчасти и по этой причине в странах Западной Европы люди более не стремятся считать себя ни верующими христианами, ни даже пассивными, так сказать, в силу происхождения, носителями христианских духовных ценностей и традиций. Беда только в том, что их “партнёрам” из мусульманского мира на это плевать. Человек вне религии для них – ещё более презируемое отродье, нежели упорствующий в вере христианин.

Мне кажется, что драматизм бесконечного и неразрешимого противостояния евреев и палестинцев ещё и в том, что в клинче сошлись два (по Льву Гумилёву) пассионарных, устремлённых в будущее народа. Каждый из них видит это будущее таким образом, что в нём нет места для другого, живущего рядом народа. Израиллю воли не занимать, достаточно вспомнить результаты всех без исключения арабо-израильских войн, или (из другой оперы) возрождение древнего языка – иврита. Какому ещё народу такое по силам?

Это как если бы Россия вдруг заговорила на древнеславянском языке времён Кирилла и Мефодия. Но и палестинцы сегодня в чём-то повторяют путь евреев. Они ущемлены в правах на территории, где жили столетиями. Пришельцы, как некогда римляне Иудею, разрушили их мир. Они находятся в вынужденном “рассеянии” по арабским и западным странам. Существовая в условиях повсеместных ограничений, палестинцы выковывают в себе волю, жертвенность и таланты, которым могут позавидовать другие, живущие в достатке и спокойствии народы. Палестинские художники, режиссёры, менеджеры, финансисты весьма уважаемы и успешны, причём не только в арабском мире. Во многом сегодня Палестина существует за счёт средств своей разбросанной по миру диаспоры. Грубо говоря, израильтяне делают из палестинцев “евреев” эпохи, когда те боролись за свои права, добивались создания собственного государства. Сегодня точно такую же проблему с таким же упорством и жертвенностью решают палестинцы.

С одной стороны, Палестина – независимое государство (так решило мировое сообщество в лице ООН). С другой – автономия (так решило государство Израиль). Внутри автономии основные государственные функции, к примеру, пограничный, военный, финансовый и так далее контроль осуществляет Израиль. У Палестины есть свой президент, своё правительство, своя муниципальная власть, даже собственная полиция, но национальная её валюта – израильский шекель, а на дорогах, ведущих из одного палестинского города в другой, стоят укреплённые израильские КПП, внимательно наблюдающие, кто, куда и зачем едет. В любой момент любая часть автономии может быть быстро и эффективно – муха не пролетит – заблокирована.

Хаос и абсурд всегда там, где создаётся новый порядок. Можно сказать, это его первичные составные части. Чтобы попасть из России в Израиль, виза не требуется. Но чтобы не как туристу на автобусе с кондиционером прокатиться из Иерусалима в Вифлеем и обратно, а официально приехать в Палестину, любому гражданину России придётся пройти долгое и вдумчивое собеседование с израильским представителем в этом самом единственном пропускном пункте на иордано-израильской границе.

Мероприятие, на которое мы, три российских писателя – я, молодой, подающий большие надежды прозаик Андрей Антипин из Сибири и переводчик арабской литературы, востоковед ленинградской школы Олег Бавыкин – были приглашены, называлось “Восьмой культурно-образовательный форум”. Проводили его Палестинская комиссия по образованию, культуре и науке при ЮНЕСКО и Союз писателей Палестины. Девиз форума на английском звучал так: “Dream that comes true in homeland”. Перевести можно так: “Мечта, которая становится явью на Родине”. Кроме нас, на форум приехала большая делегация деятелей культуры из Испании, несколько человек из Франции, две поэтессы из Италии, а ещё палестинские писатели и поэты, живущие в других странах.

Казалось бы, какое дело до этого мероприятия израильским пограничным службам? Тем более что участников встретили в Аммане (столице Иордании) и сопровождали в Рамаллу (столица Палестинской автономии) организаторы форума. Однако задержка вышла примерно на четыре часа. У Андрея Антипина в чемодане, благополучно миновавшем несколько аэропортовых досмотров, обнаружился складной нож, показавшийся израильтянам подозрительным. Это вызвало у персонала пограничного пункта повышенный интерес к его личности и даже, что должно было обрадовать молодого писателя, к его творчеству. Девушка в полувоенной одежде стала выяснять, о чём пишет Андрей Антипин, а также, не гомофоб ли он случаев? Такого же интереса, но уже по неведомой причине, удостоилась Патриция Латур – тишайшая пожилая французка – жена известного поэта и издателя Франциска Комбе, убеждённого коммуниста, правда, немного троцкистского толка. Франциск в поэтическом сборнике, переведённом на многие (кроме русского) языки, проследил генезис коммунистической идеи от Древней Греции до наших дней. Там немало стихотворений посвящено Ленину, Сталину, по-моему, даже Хрущёву, но не забыл Франциск и Троцкого.

Мне тоже пришлось отвечать сумрачному, недружественно смотрящему из окошка служителю на вопросы о форуме. Авторитет ЮНЕСКО его нисколь-

ко не впечатлил. “Что такое ЮНЕСКО?” – удивился он. Когда же я предложил ему поговорить с сопровождающим нас палестинцем из аппарата правительства автономии, служитель недовольно пожал плечами: “Я не знаю, кто этот человек и что он здесь делает”. В конце концов, он выдал мне стандартную бумажку, разрешающую находиться на территории Израиля “без права на работу” в течение месяца. Про Палестину там не было ни слова, как будто и не существовало никакой Палестины.

Форум, как и положено, состоял из официальной и творческой частей. Официальная прошла на самом высоком уровне. Участников принял президент Палестины Махмуд Аббас (кстати, он немного понимает и говорит по-русски) и губернатор Иерихона Маджид Фитьяни. Были также встречи и беседы с губернаторами Рамаллы Лейлой Шаннам и Вифлеема – Верой Бабун (по именам понятно, что это женщины). У меня вообще сложилось впечатление, что в Палестине женщины куда более свободны, раскованы и самостоятельны, нежели в других арабских странах. Состоялась также встреча с палестинским главой администрации Восточного (там, в основном, живут палестинцы – граждане Израиля) Иерусалима доктором Аднаном Хуссейни. С писателями, поэтами, деятелями культуры Палестины, студентами участники форума общались в двух университетах – Аль Кудс и Бир Зейт.

В университете Аль Кудс, расположенном в пригороде Иерусалима Абу Дис, находится музей (он же научно-исследовательский и мемориальный центр) палестинских узников имени Абу Джихада (один из лидеров ФАТХ, убитый израильскими коммандос в Тунисе в 1988 году). Там собраны документы и фотографии людей, побывавших и томящихся сейчас в израильских тюрьмах. Сотрудники музея сообщили, что в данный момент таких насчитывается семь тысяч. В музее демонстрируются снятые скрытой камерой издевательства над заключёнными, действия израильских военных в палестинских городах и деревнях, вывешен список с описанием пыток, которые применяются к палестинцам в тюрьмах, представлены письма заключённых, книги из тюремных библиотек. Одна из этих книг (я догадался по фотографии на обложке) оказалась “Тюремным дневником” Георгия Димитрова. Мужественный болгарский коммунист сумел на знаменитом судебном процессе в Лейпциге разоблачить фашистов, обвинявших его чуть ли не в поджоге Рейхстага, и с гордо поднятой головой выйти на свободу. Дело, правда, происходило в первый год существования Третьего рейха, когда в стране ещё действовала унаследованная от Веймарской республики судебная система. Попадись Димитров фашистам позже, вряд ли суд закончился бы для него столь благоприятно.

В университетах, в Национальном музее Палестины, в различных культурных и мемориальных центрах участники форума имели возможность рассказать о своих творческих достижениях, ответить на вопросы присутствующих, послушать местных поэтов. Всё это, правда, “фильтровалось” переводами. Например, стихи, которые эмоционально читали испанские поэтессы, переводчик перевел на арабский язык, а Олег Бавыкин уже с арабского на русский. Через два перевода было трудно ощутить возвышенную мощь их поэзии, хорошо, если удавалось хотя бы уловить смысл.

3

Задачей форума было доказать, что Палестина – это полноценное государство, что палестинцы – древний, имеющий полное право на самостоятельное существование народ.

Мир прекрасно осведомлён о палестинских террористах, но мало осведомлён о повседневном существовании этого арабского народа, его культуре, традициях, главное же, сегодняшних реалиях жизни в Палестинской автономии государства Израиль. Симпатии так называемого “мирового сообщества” всецело на стороне Израиля, который, безусловно, страдает от палестинских террористов, но при этом продолжает политику, не способствующую прекращению этого терроризма. Ректор университета Аль Кудс, профессор и политолог Имад Абу Кишк объясняет это тем, что “глобализация поставлена на службу мировых элит”. Другие палестинские интеллектуалы, с которыми удалось обменяться мнениями на различных мероприятиях в Рамалле, Иерусалиме, Вифлееме, убеждены, что Палестина – “последняя оккупированная территория в двадцать первом веке”. На совести ООН, уверены они, невыполнение вто-

рой части резолюции 1948 года о создании на территории Палестины двух государств — еврейского и арабского. “Между строчек этой резолюции живут шайтаны”, — уверен директор Национального комитета Палестины по образованию, культуре и науке доктор Хасан Амро. Израиль, по его словам, в настоящее время незаконно овладел шестьюдесятью четырьмя процентами территории палестинского государства, которое до сих пор так и не создано. Шестьдесят два процента сельскохозяйственных земель Палестины также контролируются Израилем. Десяноста двумя процентами водных ресурсов на территории автономии распоряжаются еврейские поселенцы (их сейчас здесь 780 тысяч), в то время как на долю четырёх с половиной миллионов палестинцев остаётся лишь восемь процентов. Палестинские города, особенно в секторе Газа, превращены в бангустаны. В Газе на территории в сто шестьдесят квадратных километров проживает два миллиона палестинцев. Сегодня там разрушено большинство домов, люди живут, как в каменном веке.

Список претензий палестинцев к Израилю велик. Приведу лишь некоторые, которые “мировое сообщество” обходит молчанием. “Евреи с разных концов земли сразу получают здесь всё, — сказал мне отлично говоривший по-русски (многие палестинцы в своё время учились в СССР) преподаватель философии одного из девяти здешних университетов, — а палестинцы, живущие на этой земле сотни лет, не имеют права ни на что”.

Палестинские официальные лица — президент автономии Махмуд Аббас, видные деятели ФАТХ (правящей партии на Западном берегу реки Иордан), — естественно, осуждают терроризм. В то же самое время они убеждены, что тот хаос, который умышленно посеяла в арабском мире (Ирак, Ливия, Сирия, Йемен, Тунис, Египет) коалиция западных стран, как раз и способствует распространению терроризма по всему миру. А ещё — бесконечной проволочке в деле создания полноценного палестинского государства. Арабские страны не готовы воспринять предлагаемую Западом разновидность демократии. Присутствие США в Ираке, Ливии и Сирии — катастрофа для региона. “Для нас высшее проявление демократии, — считает член ЦК, руководитель международного отдела ФАТХ доктор Набиль Шаар, — это право жить на своей земле. Рамалла сегодня — блокадный город. Посмотрите на эти стены вокруг нашей столицы”.

“Евреи могут в любое время арестовать и убить любого палестинца, — объяснил мне ситуацию парень, работающий в Рамалле в отеле, где мы жили. — Палестинец не может достать еврея, который, например, расстрелял его семью. Что ему остаётся делать, если нет закона? Он идёт и убивает других евреев”.

То, что палестинцы много претерпели от Израиля, очевидно для каждого, кто побывал на Святой Земле. За неделю пребывания здесь я разговаривал со многими людьми — литераторами, политологами, преподавателями, водителями, строителями, студентами. Практически каждый из них пережил личную трагедию. Кто-то родился в деревне, которой больше нет, потому что её разрушили танками или бульдозерами израильтяне. Кто-то потерял землю, дом и имущество, потому что место, где он жил, заняли еврейские поселенцы. У кого-то во время столкновения с израильской армией погибли близкие родственники. У кого-то они находятся в израильских тюрьмах. И люди живут с этим, носят эту боль в своих душах.

Выйти из замкнутого круга не получается. В Иерусалиме я прочитал в газете, что молодой палестинец в очередной раз “принёс себя в жертву” — по непонятной причине бросился с ножом на израильских солдат. Когда я поделился этой новостью с палестинцами, мне тут же объяснили, что в действительности ни на кого этот парень не бросался. Он мирно сидел в машине, где его застрелили израильские солдаты. Парня, как это всегда и происходит, продолжали мои собеседники, объявят террористом-смертником. А солдатам ничего не будет. Но и это ещё не всё. Через несколько часов евреи разрушили два дома в деревне, где жил несчастный палестинец. Чем-то это напомнило мне трактовку происходящих событий в Донцке и Луганске украинскими и российскими журналистами и политологами.

Есть у израильско-палестинской проблемы и демографический аспект. В плане рождаемости еврейское государство проигрывает арабам, а потому всячески расширяет иммиграцию “алии” в Израиль. Одновременно социальная и культурная политика Израиля направлена на интеграцию палестинского

населения, в первую очередь, молодёжи в израильскую реальность. При этом различные инициативы палестинцев в защиту своей национальной идентичности в сфере образования и культуры Израилем тормозятся. К примеру, в университете Аль Кудс учится немало палестинцев – граждан Израиля. Но дипломы этого университета Израиль не признаёт. Поэтому выпускникам, если они хотят работать в Израиле по специальности, приходится получать ещё одно образование. “Они перестают быть арабами, – полагает глава администрации Восточного Иерусалима Аднан Хусейни, – но не становятся евреями”.

Тем не менее, уныния у палестинцев нет. Они уверены, что время работает на них. Независимость государства Палестина признали уже 138 стран. У Израиля, сказал мне водитель автобуса, который вёз участников форума в Вифлеем, просто не хватит сил на поддержание вокруг своих поселений столь мощной военной инфраструктуры.

Инфраструктура действительно мощная. Взять хотя бы квартал в городе Вифлееме, обнесённый высокой бетонной стеной с вышками и пулемётами. Знаменитая Берлинская стена или стена между греческой и турецкой частями Никосии на Кипре – жалкие заборы по сравнению с этим циклопическим сооружением. Я не знаю, как ощущают себя еврейские поселенцы внутри огороженного квартала в Вифлееме – городе, где родился Иисус Христос, провозгласивший, что “нет ни эллина, ни иудея”? А может, такой способ существования – это модель будущего мироустройства, когда в “новобиблейских” “укреплённых городах” будут жить хозяева мира, а “биологический мусор” будет бродить в поисках пропитания и воды вокруг, если, конечно, ему позволят.

Руководство Палестины – об этом говорил и президент автономии Махмуд Аббас, и видные деятели ФАТХа – выступает за равноправный мир с Израилем. Для этого, поясняют они свою позицию, израильская армия должна уйти с территории автономии. Следом за армией должны уйти поселенцы. Палестинское правительство гарантирует равенство гражданских и религиозных прав между мусульманами, христианами и иудеями. В Израиле, считают палестинские руководители, есть силы, которые хотят урегулировать спорные вопросы по справедливости. Это необходимо сделать как можно быстрее, потому что различные террористические группировки используют сложившуюся ненормальную ситуацию в своих целях. Конец войны в Сирии помог бы решению палестинской проблемы.

4

Понятно, что подобные форумы устраивают те, кто не может донести своё, близкое к отчаянью видение сложившейся ситуации до окружающего мира, кто “не может молчать”, ищет справедливости и понимания со стороны “международной общественности”, которая весьма избирательна в этом плане. Справедливости и понимания у неё вот уже который год ищут и не находят люди в Донецке и Луганске, сербы в Косово, другие “униженные и оскорблённые” в разных странах на разных континентах.

Те, кто в “мейнстриме” нового мирового порядка, – разного рода трёхсторонние и прочие комиссии, таинственные клубы, комитеты, ложи, бенефициары транснациональных корпораций, международный Гаагский трибунал – никаких форумов не устраивают. Этим людям ничего не надо доказывать миру. Они действуют, не тратя времени на объяснение и оправдание своих действий. Что-то доказывают, затевают форумы, конференции, симпозиумы объекты этих действий, те самые “проигравшие”, чью спину твёрдо, как Палестину, или относительно мягко, посредством санкций и скрытых угроз, как Россию, попирает сапог нового мирового порядка.

И, соответственно, приезжают на такие форумы люди, возможно, честные и порядочные, остро ощущающая творящуюся несправедливость, но уже заведомо не известные миру, а потому как бы и не существующие. Израиль по умолчанию поддерживают те, кто правит миром. Палестину – те, кому не нравится *новый мировой порядок*, кто ясно видит античеловеческую сущность “цифровой пяты”, понимает, что дальше “так жить нельзя”. Эти люди прекрасно осознают, что если будут чрезмерно усердствовать в попытках публично объяснить очевидные, но неугодные обобщённому “мёртвому морю” нового мирового порядка вещи, их немедленно причислят к экстремистам, националистам, маргиналам, фашистам и далее по списку. Но таких (с “неправильными”

взглядами) людей становится всё больше и больше по мере ликвидации “среднего класса”. И это внушает определённые надежды. Именно они в ущерб своей репутации в “истеблишменте” поддерживают палестинцев, не строя иллюзий, что “мировая общественность”, ведущие средства массовой информации прислушаются к их мнению.

На форуме состоялась презентация подготовленного двумя испанками – Терезой Арангуэро (текст) и Сандры Барилларо (фото) – альбома, рассказывающего и показывающего, как жила Палестина в период с 1884-го (когда были сделаны первые фотографии на этой земле) по 1948 год, когда была принята знаменитая резолюция ООН. Этот альбом, по мнению авторов, целиком и полностью опровергает “ложь Израиля”, что “Палестина – земля без народа”. Альбом, действительно, получился очень интересный. Из помещённых там фотографий (профессиональный фотохудожник Сандра Барилларо собирала их в палестинских семьях в течение нескольких лет) явствует, что палестинцы очень даже неплохо жили на Святой Земле в те счастливые для них годы. У них имелись свои учебные заведения, промышленность, развитое сельское хозяйство, собственное выборное, то есть демократическое, управление, аэропорты, самолёты, даже футбольные команды.

Сегодняшней Палестине тоже есть, что предъявить миру. Рамалла – это современный, переживающий строительный бум город с красивыми зданиями, ухоженным центром, супермаркетами, многочисленными кафе и ресторанами. Цены, правда, там почти такие же, как в Москве. Палестинцы объясняют это блокадой со стороны Израиля.

На площади недалеко от гостиницы, где мы жили, стоит огромный памятник Нельсону Манделе. В Палестине уважают этого деятеля, положившего лучшие годы жизни на борьбу с апартеидом в Южной Африке. Палестинцы, правда, не понимают, почему мировое сообщество, кстати, включая СССР, так яростно боролось против апартеида в Южной Африке и почти не замечает аналогичного, по их мнению, апартеида на Святой земле?

Шестьдесят четыре процента молодых палестинцев – студенты. Это самый высокий уровень образованности среди молодёжи всех арабских стран. “Университет – сила жизни”, – так образно выразился один из организаторов форума, знаменитый поэт, председатель Союза писателей Палестины Мурад Судани. Запомнились и две другие его фразы на эту тему: “Чтобы противостоять оккупации, нужны знания”, “Университет живёт на свободе, хотя Палестина в тюрьме”.

В автономии трепетно относятся к своим писателям, поэтам, художникам, вообще творческим людям. Главным из них считается Махмуд Дервиш. Книги этого поэта переводились в СССР. В Рамалле есть его мемориальный музей. Не меньшим почётом пользуется и ещё один, тоже часто бывавший в СССР поэт Муин Бсису. В восьмидесятые годы я работал в журнале “Огонёк” и помню, как в редакцию к своему другу – главному редактору “Огонька” Анатолию Софронову, возглавлявшему Комитет солидарности с народами Азии и Африки, – приезжал этот колоритный человек. Это был настоящий трибун с даром убеждения. Речь его была глубока и образна. Казалось, он только что вернулся с войны и ещё не отошёл от тех – на грани жизни и смерти – переживаний. Впрочем, возможно так оно и было.

Поразил своей архитектурой, организацией ландшафта, сверхсовременными визуальными технологиями Национальный музей Палестины, открытие которого планируется в октябре.

Всё это так, но я бы погрешил против истины, если бы написал, что все палестинцы, как один, страдают от оккупации и мечтают жить в независимом государстве. Жизнь всегда сложнее любых схем и тезисов. Люди хотят не только бороться, но и просто жить. От палестинцев, живущих в Израиле, я слышал, что нынешняя ситуация вполне устраивает как палестинскую, так и израильскую власть. Израиль “доит” мировое сообщество на борьбу с терроризмом, Палестина – богатые арабские страны и собственных разъехавшихся по миру и преуспевших в финансовых делах соотечественников на борьбу против оккупации за свободу. Странный человек в Вифлееме, завидев входящих в местную мэрию участников форума, и вовсе прокричал: “Вы, европейцы, посадили нам на голову мафию!” Остаётся только гадать, кого он имел в виду.

И последнее, что хочется отметить, так это добрую память палестинцев о Советском Союзе. Многие из них знают русский язык. Некоторые, женатые на русских женщинах, даже приняли российское гражданство, чтобы легче пересекать израильские границы. Один палестинец – врач-стоматолог и по совместительству владелец небольшого кафе в центре Рамаллы – рассказал нам, что, когда он отправился по делам из Тель-Авива в Киев, украинские пограничники несколько часов выясняли, кто он такой, откуда у него российский паспорт и не собирается ли он случаем в Донбасс? Мне кажется, добавил он, что если Украина каким-то образом вернёт себе Донбасс, там будет вторая Палестина.

Все палестинцы, с кем довелось общаться, говорили, что они искренне поддерживают действия России в Сирии, но просили передать президенту Путину, чтобы он “не верил американцам и мировому сообществу”. Ни Палестине, ни России там места, по их мнению, не предусмотрено. Мы знаем, говорили они, что ваш президент православный христианин, верит в Иисуса Христа, а Россия – единственная страна, которая защищает на Ближнем Востоке христиан. Пусть он задумается: на чьей стороне – Израиля или Палестины – был бы Иисус Христос?

Я выполняю их просьбу.

Рамалла–Иерусалим–Вифлеем–Москва

ИГОРЬ ЯНИН

БЛЕСТЯЩИЙ СОЧИНСКИЙ ГАМБИТ

Большое видится на расстоянии. Даже самые громкие, резонансные события, по мере того как отступают в прошлое, обретают в памяти людей порой неожиданные очертания. Более отчётливо проявляется их истинный смысл и значение. Таким событием в истории современной России, безусловно, стали зимние Олимпийские игры, состоявшиеся в феврале 2014 года.

После распада СССР у наших людей не было какого-то масштабного общенационального проекта, которому может радоваться и гордиться каждый. Да, мы свято чтим День Победы как праздник со слезами на глазах. Праздник же, проходивший под Олимпийским факелом, был особенным – до краёв наполненным бодростью, радостью и светлыми надеждами.

Миновали еще два с половиной года. Резко изменились исторические обстоятельства. Думается, в этих новых условиях полезно оглянуться на пройденный путь, зафиксировать важнейшие вехи. Например, следовало ли нам с такой настойчивостью добиваться проведения зимних Олимпийских Игр 2014 года у нас в России? Не слишком ли мы размахнулись тогда при подготовке международного спортивного состязания, и чем эта блистательная победа обернулось для нас?

Может быть, выгоднее было бы, как тот раб ленивый и лукавый из евангельской притчи, зарыть в землю свой талант; постараться сделаться как можно незаметнее и покорно ждать решения своей судьбы? Или, напротив, воспользовавшись благоприятной конъюнктурой на нефтяном рынке, действовать ещё активней?

Проще говоря, что в итоге мы получили от международного праздника: головную боль или духовное обновление, заряд энергии?

Праздник людей не праздных

Олимпийские игры придуманы не нами. Порядок организации и проведения Игр утверждался веками, и, как видно, людьми умными, прозорливыми. И в жизни современной цивилизации они остаются событиями ярчайшими.

Вообще говоря, людям нужны праздники, к ним готовятся, их вспоминают как лучшие периоды жизни. А спортивные праздники поистине прекрасны, поскольку являются не только демонстрацией силы, молодости, красоты; они открывают возможности более полного взаимопонимания, содружества людей планеты.

* Продолжение. Начало в № 8, 9, 10 за 2016 год.

Уж так человек устроен. Общась со счастливыми и успешными людьми, мы заряжаемся положительной энергией и чувствуем в себе прилив сил для достижения поставленных личных и общественных целей. Спортивный “болельщик” – думается, выражение неудачное. Скорей, напротив, – это человек выздоравливающий. Потому что реальные, зримые проявления силы, бодрости, оптимизма передаются окружающим. Точно так же, как заразительны бывают уныние, скорбь, немочь.

Праздники аккумулируют важнейшие события, обычаи, ритуалы, церемонии, обряды. В них отражается экономическое, социальное и духовное развитие народа, они являются показателем мировоззрения людей. Это как бы торжественное обновление жизни. Они нужны для снятия трудового напряжения; люди часто работают с перегрузками, им надо отдыхать и от физического, и от умственного или нервного напряжения. Нехватка отдыха ведёт к хронической усталости и к тому, что психологи называют профессиональным выгоранием. И неустанно прокладываемое “совковое” прошлое тут ни при чём. “Народ наш по будням затаскан”, – читаем мы у Владимира Даля горестное замечание, записанное им ещё в середине XIX века.

Праздники позволяют вырваться из рутины, сделать что-то необычное, дают нам возможность почувствовать себя не одиночкой, а частью общности людей. Пафос всемирной Олимпиады, громкие речи, торжественная музыка, поздравления, награждения, атмосфера, дарящая ощущения волшебства и ожидания чуда, – всё это и называется Игрой, и никак не иначе.

Пусть это Игра. Но разве всё то, что заставляет человека внутренне подняться выше привычного существования – это плохо? И разве не стоит приложить усилия и задать мероприятию высокий уровень, комфортные условия, хорошей тон соответствующими атрибутами, костюмами, интерьером, музыкой?

Откровенно говоря, на Олимпиаду и едут за праздником, – спортивные состязания служат лишь замечательным поводом для всеобщего сбора по времени и месту. На трибунах всегда найдётся множество людей, которых в принципе мало волнуют голы, очки, секунды. Кто-то впервые услышит имена чемпионов, иной даже переспросит названия выходящих на арену команд. Но спортивное мастерство, зрелище красивой борьбы, устроенной по благородным правилам и ритуалам, – вот что привлекает и захватывает. И уж меньше всего зрители при этом думают о властях, об оппозиции или, например, об отношениях с Европейским парламентом.

Олимпиаду напрасно пытаются политизировать. Летом 1980 года США попытались сорвать Олимпиаду в Москве. Под их давлением от участия в Играх отказались страны, чьи спортсмены традиционно сильны в летних видах спорта. Такие соперники только украсили бы арену. Некоторые приехали в Москву в индивидуальном порядке по разрешению своих олимпийских комитетов, но команды Великобритании и Франции по численности были намного меньше, чем обычно.

Ну, что взять с американцев, – цивилизация сборная, молодая, за две мировые войны сил нарастила невпроворот. Как говорится, без драки попала в большие забяки. Но, видно, сознание ещё, скажем так, – какое-то подростковое: все-де кругом дураки, я – самый умный, я – пуп земли. Что им заветы древних греков, что им олимпийские боги – “отстой”. Опасный возраст. Этот возраст поисков кумира и тайного недовольства собой надо пройти, постараться его пережить. Повзрослев, люди усмеваются и с неохотой вспоминают свои юношеские заносы.

И, заметим, как только Игры-1980 начались, об отсутствующих почти не вспоминали. Ближе к финалу подсчитали, что в московской Олимпиаде приняли участие спортсмены из 80 стран. А на закрытии Игр русские выдали гостям в подарок такую олимпийскую сказку – “До свиданья, Москва, до свиданья!”, – что на трибунах гигантского стадиона десятки тысяч взрослых людей не могли сдержать слёз, так были потрясены охватившим их чувством. Счастливые участники этого неповторимого действия признавались, что мгновения были прекрасны, и ничего подобного им прежде никогда не удавалось испытывать. Была достигнута поистине вершина человеческого общения.

На зимней Олимпиаде-2014 в Сочи зрительские трибуны пестрели самодельными флагами и плакатами с названиями родных городов: Азов, Славянск-на-Кубани, Таганрог, Пятигорск, Дорогобуж, Благовещенск, Светлогорск...

Олимпиада – это масштабное телешоу, и многие захотели принять в нём активное участие. Оно и понятно: Россия страна большая, и жители, разбросанные на сотни и тысячи километров, ищут то, что сблизит бы всех. В реальности Олимпиада и стала таковым объединительным проектом.

В Сочи не было угрюмых, настороженных лиц, как, например, при отправлении в путь. Каких-нибудь полчаса нахождения в олимпийской столице, и в положительных эмоциях растворялся весь привезённый с собой негатив. Ну, как тут ходить хмурым, если волонтер тебе улыбнётся, а полицейский в зоне безопасности поздравит с благополучным прибытием. В Сочи люди увидели черты идеальной России, какую можно построить, если очень захотеть. Русские умеют улыбаться, умеют радоваться, быть счастливыми и щедро дарить радость другим. Но всё это было потом. А на подготовку праздника для всего человечества было потрачено семь лет.

Выпал шанс неповторимый

Место проведения зимней Олимпиады-2014 в районе Сочи было выбрано лично Президентом России Владимиром Путиным. Сама по себе идея превратить горноклиматическую зону Черноморского побережья Кавказа в образцовую зону лечения и отдыха витала в воздухе давно: тёплое море, горный воздух, целебные источники.

Сочи начали отстраивать в начале XX века, и город долгое время считался элитарным курортом. Но постепенно он устаревал. После развала СССР Россия практически лишилась здравниц со средиземноморским климатом. Оставшийся город-курорт Сочи приобретал вид не то чтобы запущенный, а какой-то угасающий: потёртый, подержанный, что называется, “комиссионный”. С каждым сезоном ветшали строения, теснее становились улицы, снижался уровень комфорта, учащались коммунальные перебои – то с водоснабжением-водоотведением, то с электричеством и т. п. Коммерческие ларьки, старый аэропорт, одна узкая дорога, – всё это превращалось уже в труху, в трущобы, да и местные нравы в условиях рынка становились всё более рваческими. Получалось, что Сочи становился недоступным гражданам скромного достатка и непривлекательным всех других категорий. “Нет, это не Рио-де-Жанейро”, – сказал бы Остап Бендер.

Обидно было наблюдать, как кровные рубли пролетают “мимо дома с песнями” туда, где жизнь кипела. Улетали большие деньги в ближние и дальние страны (по расчётам экономистов, не менее 50 миллиардов долларов ежегодно), чтобы инвестировать зарубежные курорты, тамошние развлекательные заведения, торговые центры, многочисленные сопутствующие промыслы и производства.

Можно ли отвести хотя бы часть золотого потока в русло развития нашего райского по климату Черноморского побережья, включить прибыль в оборот отечественной экономики? Рубль силён оборотом, – старая истина. Есть деньги – есть экономика; нет денег – нет экономики. А без процветающей экономики нет достойной жизни. Бизнес, в том числе курортный, спортивный, лечебный, туристический – это рабочие места, налоги, инвестиции и прочие питательные “продукты”. Не говоря уже о здоровье и настроении людей. Но эти мечты оставались на уровне гоголевского Манилова.

Местные власти старались, как могли. Но понимали, – текущими ремонтами тут не обойдёшься. А на развитие современной инфраструктуры нужны огромные средства. Распродажа земли и “точечная” застройка побережья хоть бы и суперзвёздными отелями могла, напротив, только усугубить тяжесть проблем и не прибавила бы привлекательности. Пробки на дорогах, дефицит воды и электроэнергии быстро погасят звёзды. Без коммуникаций всё зачахнет. Возродить задыхающуюся в неустойчивом всероссийскую здравницу, окончательно избавиться от трущоб, дать приморской полосе вторую жизнь могла только глубокая, коренная модернизация.

И тут подвернулся случай исключительный; можно сказать, выпал шанс исторически неповторимый. Появилась достойная цель, чтобы сконцентрировать усилия, – провести в Сочи XXII зимние Олимпийские Игры.

Проведение Олимпийских Игр – это, в принципе, мощный рывок вперед для любого государства. Скажем, что получила Москва от Олимпиады 1980 года? Это Олимпийская деревня, где живут сейчас люди, стадионы, спортивные

комплексы, это Шереметьево, дороги, развязки – ещё много полезного было сделано в столице только благодаря Олимпийским Играм.

Провести в городе-курорте и его окрестностях всестороннюю реконструкцию – дело заманчивое. Но по опыту известно, что в России то и дело возникают острые проблемы, не терпящие отлагательства. Проклятие “долгостроя”, до сих пор нет-нет, да и заявит о себе. Как же добиться безусловного исполнения благого замысла?

И вот на что решился Владимир Владимирович. Над всеми причастными к реконструкции города-курорта (и над самим собой, в первую очередь) он подвесил “палку-погонялку”. Да такую жёсткую, что не гнётся. А именно: зафиксированный “День Победы” – день завершения реконструкции, то есть дату открытия Олимпийских игр. От этой даты, от минуты зажжения факела над центральной ареной увернуться невозможно. Иначе – мировой позор на веки вечные. Притом, олимпийская стройка находится постоянно в центре общественного внимания – у всех на виду. И это тоже острейший стимул и неусыпный контроль.

Понадобились соответствующие кадры – компетентные, энергичные, ответственные, решительные. А начинать такое грандиозное дело, разумеется, надо было даже не с закладки фундаментов будущих спортивных сооружений и отелей, а ещё с предполья, с коммуникаций. Назначили конкурсы на проектирование и строительство, определили порядок финансирования работ по расширению железнодорожного хозяйства, автодорог, морских, воздушных терминалов.

Скажите, как проехать?..

Еще не были отрезаны пути к отступлению; ещё город Сочи числился лишь в ряду кандидатов, но уже летом 2005 года члены правительства углубились в проблемы инфраструктуры. И, естественно, самый первый вопрос был обращен к министру транспорта Игорю Левитину: как будем добираться до столицы Олимпийских игр?

Проблема казалась пугающе неподъёмной – на существовавших тогда дорогах даже легковым машинам было тесно; железнодорожная линия тоже перегружена. Причём речь шла ещё не о перевозке десятков тысяч участников и гостей Олимпиада. Надо было безотлагательно организовать доставку миллионов тонн грузов – тяжёлой техники, оборудования, стройматериалов.

Что касается дороги к высокогорному посёлку курорта Красная Поляна, то она была проложена, местами просто вырублена в горах над пропастями ещё сто лет назад. Самый опасный участок местные жители называли “Пронеси, Господи!” Со скал, нависавших над шоссе, часто сыпались камни. Почти каждый год там погибали люди. Обходной тоннель начали прорубать в 1998 году. Четыре года долбили, прошли 2580 метров, в 2002-м даже состоялась сбойка; но деньги кончились, и работа надолго остановилась. Теперь надо было её срочно завершать.

В ноябре 2005 года правительство вновь обсуждало подготовку к Олимпиаде-2014 в городе-кандидате. Россия ещё ни разу не выступала в роли хозяина зимней Олимпиады. В Сочи на тот момент не было ни единого объекта, соответствующего олимпийским требованиям; инфраструктура была развита недостаточно. Доставка пассажиров со станции Адлер до станции Сочи – тема хронически нервная, за десятилетия исписанная, исхлёстанная прессой вдоль и поперёк. Но всё было напрасно: положение только ухудшалось – дорога зажата горами, а поток машин становился всё гуще.

Федеральным дорожным агентством было проработано и утверждено задание на разработку общей Концепции развития дорожного строительства при реконструкции федеральной автомобильной дороги М-27 Джубга–Сочи, в регионе Черноморского побережья на период 2010–2015 гг. Главный вопрос Концепции: развитие дороги в условиях резкого роста интенсивности движения.

Эта узкая береговая полоса земли принадлежит России с середины XIX века, и осваивалась она поначалу военными. 23 апреля 1838 года десантный отряд генерала Симборского высадился у устья реки Сочи и построил Навагинское укрепление. Позднее другой отряд – генерала Раевского высадился у устья реки Туапсе и построил Вельяминовское укрепление, затем – Шапсуго-Тенгинское. На месте прежней турецкой крепости Суджук-Кале при устье

реки Цемес была заложена крепость, ставшая впоследствии городом-портом Новороссийском.

Протяжённость построенной в начале XX века прибрежной автодороги до границы с Абхазией составляла около 250 км. Дорога, петляя, тянулась вдоль побережья. Значительная часть трассы проходила в стесненных условиях горного рельефа. И, в принципе, по своему очертанию, да и пропускной способности она не слишком отличалась от большака времён Гражданской войны, описанного в романтической повести Александра Серафимовича “Железный поток”.

Конечно, даже такая дорога сыграла огромную роль в освоении Причерноморья. Трасса вдоль побережья является главной артерией, обеспечивающей связи с крупным морским портом Туапсе, осуществляет большие объёмы перевозок грузов и пассажиров многочисленных курортных зон Черноморского побережья. По мере возможности её улучшали. Но параметры не отвечали требуемым техническим категориям: серпантины, затяжные подъёмы, крутые спуски.

По результатам конкурсов были определены проверенные подрядные организации по строительству дорог, мостов и тоннелей. Минтрансом РФ был образован заказчик по строительству и реконструкции дорог в регионе Черноморского побережья Кавказа.

Рекогносцировка

В этих достопамятных местах, а если конкретно, – в городе Туапсе 6 сентября 2005 года на причале министр транспорта Игорь Левитин и губернатор Краснодарского края Александр Ткачёв встречали Владимира Путина. Президент прибыл на пограничной яхте “Кавказ”. С яхты он пересел на небольшой катер и на нём подошёл к причалу. Пресса активно освещала это событие. Но мало кто обратил внимание на существенную деталь. Морская пограничная яхта не могла подойти к тому туапсинскому причалу – мелко. Это вам не Севастопольская бухта, лучшая на Чёрном море, где причалов, доступных морским судам, столько, что глаза разбегаются.

Из порта Туапсе Президент вместе с Левитиным и Ткачёвым отправились на перевалочную нефтебазу, – основную по экспорту нефти на юге России. Всё время поездки Президент внимательно приглядывался к уже знакомой ему окружающей местности. О значимости и необходимости строительства и реконструкции автодорог в районе Черноморского побережья неоднократно высказывался Владимир Путин ещё в бытность главой Правительства РФ. Он, в частности, подчёркивал, что без расширения федеральной автодороги М-27 Джубга–Сочи, без создания мощных объектов транспортной инфраструктуры невозможно превратить Большой Сочи в современную столицу курортов всей России. И, действительно, только благодаря успехам в развитии инфраструктуры открылась возможность борьбы города Сочи за победу над конкурентами.

“В 2001 или 2002 году я сюда приехал на “уазике”, мы поехали по этим местам, вышли на ту речку, и я сказал: давайте вот отсюда начнём”, – вспоминал Путин. По его словам, “вся история началась” в том месте, где позже был построен туристический комплекс в Красной Поляне.

Краснодарский губернатор тогда сетовал, что, дескать, в Сочи добраться непросто: автодорога витиеватая, а железная дорога... Она просто убивает побережье. Там должны быть санатории, отели, бизнес-центры, а не железная дорога. Дороги – автомобильную и железную – нужно перенести непосредственно в горы. Легко сказать перенести... Но горные страны – Австрия, Германия, Швейцария, Франция сделали это у себя 20-30 лет назад.

Новую трассу на Красную Поляну Владимир Путин испытывал на раритетной “Волге” ГАЗ-51 цвета слоновой кости выпуска 50-х годов, с оленем на капоте. Путь по времени сократился в три раза. А позднее, в декабре 2005 года в сочинской резиденции Бочаров Ручей Владимир Путин вновь встретился с Игорем Левитиным.

19 мая 2006 года на станции Индюк участка Армавир–Туапсе Северокавказской железнодорожной магистрали состоялось торжественное открытие после реконструкции Большого Петлевого тоннеля. Тоннели, пробитые через Главный Кавказский хребет в 1913 году, назывались “Царскими”. Эти тоннели

можно было закрывать для реконструкции и ремонта только на зимний период времени при сокращении пассажирского движения в сторону Черноморского побережья. В ходе реконструкции использовалось самое современное горное оборудование, а применение в отделочных работах современного гидроизоляционного материала позволяет годами сохранять сухой климат в Большом тоннеле. Желанный путь к морю стал безопасней и на 7 часов короче.

Комиссия МОК удивлена

21 февраля 2007 года в городе Сочи собралась оценочная комиссия Международного олимпийского комитета (МОК), чтобы ознакомиться с состоянием города как возможной столицы зимней Олимпиады-2014. С российской стороны присутствовали заместитель председателя Правительства Александр Жуков, глава Минэкономразвития Герман Греф, Минтранса Игорь Левитин, Минресурсов Юрий Трутнев, краснодарский губернатор Александр Ткачёв, председатель российского Олимпийского комитета Леонид Тягачёв.

Были и гости – наблюдатели из Саудовской Аравии, Италии и других стран, прибывшие на организованный здесь международный транспортный форум и на тематическую выставку. Напомним, что, кроме Сочи, на Олимпиаду-2014 претендовали австрийский Зальцбург и южнокорейский Пхенчхан. И, надо сказать, члены оценочной комиссии были искренне удивлены масштабами и темпом преобразования региона. Ведь речь шла пока лишь о возможности победы Сочи в конкуренции, а русские вели себя так, будто для них уже всё решено – размахнули стройку с полной уверенностью в победе.

На глазах членов комиссии МОК в районе Красной Поляны была введена в действие трансформаторная подстанция. Строили, по сути, целый комплекс – одновременно две: подстанцию временную (резервную), чтобы обеспечить энергией строителей, и постоянную для обслуживания будущих гостиниц и всех горных спортивных объектов. Вторую намечали сдать к концу 2008 года. Кабель прокладывали под землей для защиты от снегопадов, оледенений, морозов и, что немаловажно для курорта, – чтобы не портить “воздушками” красоту пейзажей.

Транспортные объекты Причерноморья создавались под строгим государственным контролем, и дело продвигалось быстро. 1 июня 2007 года в районе Сочи были открыты новый аэровокзальный комплекс и надёжная взлётно-посадочная полоса длиной 2,5 км. Старая ВПП, не знавшая капитального ремонта сорок лет, изрядно износилась. Новый комплекс построили всего за полгода; работали в три смены – и днём, и ночью. Теперь здесь можно было принимать самолеты любого типа, в том числе тяжеловесные “Боинги”. Обновлённую полосу опробовал Ту-154. Реконструкция проведена в рекордные сроки – за 5 месяцев. Умеем мы осуществлять крупнейшие инвестиционные проекты быстро и качественно.

Министр транспорта мог с уверенностью заявить: по первому этапу развития инфраструктуры Сочи – и государство, и бизнес выполняют свои обещания. На очереди – аэродромный комплекс в Геленджике. Там крохотный старый аэропорт мог принимать только Ан-24, Як-40 и более лёгкие типы самолетов. Прямые рейсы из столицы обычно выполнялись с двумя промежуточными посадками – в Воронеже и Краснодаре. Объём перевозок не превышал 20 тысяч пассажиров в год.

В июне 2007 года первый вице-премьер Сергей Иванов посетил Таганрогский авиационный комплекс им. Г. Бериева и другие объекты Приазовья. Иванова сопровождали Игорь Левитин, ростовский губернатор Владимир Чуб, командующий СКВО Александр Баранов. Генеральный директор Виктор Кобзев показал продукцию комплекса: лучший в мире морской спасатель и пожарный – Бе-200, “прибрежное такси” амфибию Бе-103, поиско-спасательную амфибию А-42, самолёт радиолокационного дозора и наведения А-50 (более известный по прозвищу “Авакс”).

Для базирования амфибий потребовалось разработать и утвердить особые правила судоходства в акватории гидропорта Геленджик. Там, в уютной бухте открылся гидроаэродром – неподалёку от наземной взлётно-посадочной полосы. Новую транспортную площадку предназначали для чартерных пассажирских перевозок из Геленджика в Анапу, Ейск, Краснодар, Минеральные Воды, Ростов-на-Дону, Сочи и Таганрог. Гидроаэродром будет использоваться также

в сфере туризма. Ведь само по себе путешествие на гидросамолёте исключительно привлекательно своей романтичностью.

Кроме пятиместных амфибий, в распоряжении авиакомпании крупные многоцелевые Бе-200. По утверждению Виктора Кобзева, одновременно занимавшего посты генерального директора ТАНТК и “Тавиа”, в дальнейшие планы авиакомпании входят воздушные перевозки пассажиров, экскурсионные полеты, аэровизуальные авиационные работы на водных акваториях Южного федерального округа, а также практическое освоение самолетами-амфибиями Бе-103 других регионов России. В частности, предполагалось осуществлять регулярные рейсы по маршрутам Таганрог–Ростов и Таганрог–Геленджик.

В ТАНТК пояснили, что у двухмоторной амфибии Бе-103 весьма “радужные перспективы”. Самолёт разработан в соответствии с требованиями авиационных правил АП-23, FAR-23, JAR-23 и имеет российский сертификат типа нормальной категории. Он был сертифицирован по нормам Федеральной авиационной администрации США, в августе 2005 года получил сертификат лётной годности в Бразилии, а в декабре – в Китае. Первые самолёты Бе-103 уже были поставлены заказчикам в США. По своему комфорту эта амфибия напоминает “Мерседес”, только летающий. Причём, чтобы взлетать и садиться, этой шикарной машине достаточно шоссе, акватории морской бухты или озера.

Игорь Левитин в эти годы время часто бывал и на Тамани. Летом 2007 года Россия планировала создание там системы железнодорожно-паромных перевозок на Чёрном море между Варной (Болгария) и портом Кавказ. Уже было построено первое судно-паром, рассчитанное на 50 железнодорожных вагонов и 70 автомобилей. Был согласован договор с Турцией, Болгарией и Украиной о единой логистической системе для круговых маршрутов.

Мировая общественность, как говорится, с единодушным одобрением восприняла тогда предложение о создании мощной кольцевой автомагистрали вокруг Чёрного моря. Ещё бы: открытие железнодорожного и автомобильного сообщения через Крым могло сделать путь из Кавказского региона в Европу короче на 700-800 километров. Введение экономически обоснованной платы за проезд по Керченскому переходу позволило бы окупить строительство (его оценивали в 2-3 млрд долларов) за 8-10 лет. Речь тогда шла о завершении стройки уже в 2014 году.

21 апреля 2010 года президенты России и Украины подписали Харьковское соглашение о строительстве моста через Керченский пролив. В конце 2013 года было подписано новое соглашение, более конкретное. Увы, спустя два месяца новое правительство Украины приостановило переговоры с Россией по этому вопросу. В Киеве, охваченном эпидемией ненависти к “москалям”, категорически запретили даже заикаться об этом проекте. История в очередной раз посмеялась над амбициями политиков. Магомет ли идёт к горе или гора к Магомету, – не суть важно. Нужен людям переход через Керченский пролив, и он будет построен.

Из Гватемалы: Нам – “зелёный”!

В Гватемале, где окончательно решался вопрос о месте проведения зимних Игр, Владимир Путин лично представлял членам Международного олимпийского комитета российскую заявку на проведение в России зимней Олимпиады 2014 года. На трёх языках он доказывал преимущества Большого Сочи. И 4 июля 2007 года (5 июля по московскому времени), наконец, было принято решение МОК о том, что местом проведения Олимпиады-2014 станет именно город Сочи.

Согласие было получено. Это означало и то, что “сожжены последние корабли”, все пути отступления отрезаны. Всё должно быть готово ко дню открытия Олимпиады, – на день и час зажжения над стадионам главного факела.

Можно было бы гордиться оказанной честью. Но у многих ещё оставались сомнения даже относительно выбора места для проведения зимней Олимпиады. В частности, выдвигался такой аргумент, что-де Сочи – курорт сезонный, прежде всего летний, а не зимний, где нет объектов, пригодных для проведения таких крупных ледово-снежных турниров. Были предложения некоторые виды соревнований развести по другим городам.

Опасения высказывали и некоторые природоохранные организации, отмечавшие, что часть территории комплекса является землей Сочинского

национального парка, который может серьёзно пострадать. Также утверждалось, что из-за близости Северного Кавказа и ещё не остывшей после вооруженного конфликта Абхазии будет сложно обеспечить в Сочи безопасность для международного спортивного мероприятия с большим количеством зрителей.

Но из рядов сомневающихся вскоре постепенно выбывали те, кто способен рассуждать здраво, кому чужды политические пристрастия. В частности, никто не мог сколько-нибудь убедительно ответить на простой вопрос: а в каком другом месте России можно проводить зимнюю Олимпиаду?

Россию, хоть часто и называют страной холодов, она мало пригодна для современного олимпийского зимнего спорта, в том числе на открытом воздухе. Зимы на Урале и в Сибири слишком суровы. В Карелии февральский день куций, – местный народ едва отходит после гнёта полярной ночи. А в Сочи солнышко даже зимой щедрее. Снял лыжи, и через какие-нибудь полчаса ты сидишь под пальмой на берегу моря. И не в меховом “скафандре”, а в нормальной европейской одежде можно идти в театр, на концертную площадку, на стадион.

Ключ проблем – инфраструктура

Дробить Игры по городам не имело смысла. В Сочи была уже подготовлена база и во всю мощь развёрнута широкомасштабная программа строительства олимпийских объектов транспортной инфраструктуры в полном соответствии с постановлением Правительства РФ.

Вот они, незаменимые объекты. Кто сколько-нибудь понимает в строительном деле, тот оценит их весомость и значение:

- дублёр Курортного проспекта г. Сочи;
- совмещенная автомобильная и железная дорога Адлер – горноклиматический курорт “Альпика-Сервис”;
- Адлерская ТЭЦ, Джубгинская ТЭС; реконструкция сетей распределения электроэнергии в районе;
- грузовой порт Сочи Имеретинский;
- газопровод (подводный) Джубга – Лазаревское – Сочи;
- реконструкция аэропорта Сочи (Адлер), включая реконструкцию двух взлётно-посадочных полос, а также строительство аэровокзального комплекса и железнодорожной линии в аэропорт;
- усиление инфраструктуры железнодорожной линии Туапсе–Адлер.

К крупным (тем, что свыше 1 млрд рублей) можно отнести также реконструкцию морского порта Сочи для приёма больших круизных лайнеров); закупку 709 автобусов ГОЛАЗ (группы ГАЗ) большого и особо большого класса для использования во время Олимпиады; строительство очистных сооружений Краснополянского поселкового округа; реконструкцию очистных сооружений “Бзугу”; строительство второй очереди Сочинской ТЭС. Также в связи с Олимпиадой должна быть активизирована реконструкция отдельных участков автодороги М-4 “Дон” (Москва–Новороссийск).

Были ли сомнения в том, что такую гору проблем удастся решить в сжатые сроки и с достойным качеством? Разумеется, были. Многие видные специалисты в области строительства, транспорта, архитектуры, экологии приняли деятельное участие в обсуждении вариантов, внесли много полезных предложений, рекомендаций, немалое число которых были учтены и с благодарностью приняты.

Как схлопнулся “Терсит-эффект”

Задолго до торжественной процедуры зажжения Олимпийского огня в греческом храме Геры и факельной эстафеты, а фактически с первого же упоминания в прессе о возможности организации зимних Игр в Сочи наша “либеральная” оппозиция сосредоточилась на отрицании самой идеи проведения у нас Олимпиады. Мощные информационные ресурсы были мобилизованы на откровенное поношение любого действия, любого решения.

Теперь уже совершенно очевидно, что даже если бы Россия уступила этому давлению и отказалась от проведения у себя Игр, то и в этом случае российские власти не избежали бы ещё более изощрённых издёвок и глумления.

Тоже в своём роде феномен. Причем давний, известный ещё древним грекам. Например, Гомер в своей поэме о Троянской войне описывает героев обеих (!) противоборствующих сторон с глубоким сочувствием, с искренним состраданием. И один-единственный у него отрицательный персонаж – Терсит.

Если верить Гомеру, это был редкий поганец – трусливый, жадный, завистливый и злоречивый. Стоило разгореться схватке, он куда-то исчезал, но на собраниях, особенно при дележе боевых трофеев, был криклив и заносчив, вечно бранил вождей и всячески их оскорблял. С нескрываемым удовольствием автор поэмы описывает эпизод, как однажды Одиссей не стерпел и врезал этому наглецу по зубам.

С Троянской войны Терсит не вернулся. Но погиб он не в бою – его убил Ахилл за то, что Терсит издевался над трупом царицы амазонок, Пенфесилеи, героически погибшей в поединке с Ахиллом. Но фигура болтуна и провокатора Терсита оказалась бессмертной; она периодически оживала в произведениях Вильяма Шекспира, Фридриха Шиллера, Карела Чапека и многих других выдающихся писателей.

Как только не называли нашу олимпийскую стройку: и “безумной авантюрой, наносящей непоправимый ущерб”, и “непоправимым ударом по курортному потенциалу Сочи”, и “смертельной опасностью для города”. Изюминкой всех щелей во все голоса предрекали “транспортный коллапс, позор, провал и катастрофу”. Не брезговали даже оскорбительной фразеологией в адрес “верхушки” – организаторов мероприятия. Утверждали, что “власти открыто плюют в лицо экологам”. Доказывали, что в результате “грандиозной воровской аферы” Сочи превратится в “полностью загаженный нечистотами, непригодный для отдыха город”.

И что-то было в этом поношении до боли знакомое, напоминающее, к примеру, кампанию по дискредитации строительства БАМа. Ведь до сих пор никто из тех диванных “стратегов” даже и не подумал извиниться за свою ошибку. Ни против какой другой страны в мире не велось таких широкомащштабных чёрных PR-кампаний. С приближением Игр в заголовках западных и ряда российских газет всё чаще появлялись упоминания об “угрозе с Кавказа”, о нестабильности региона. Предрекали, что “приезд рабочих из Турции может спровоцировать межнациональные конфликты с армянской общиной”. Пугали опасность военного конфликта с Грузией: “ни одна из зимних олимпиад не проводилась в такой близости от очага вооруженных конфликтов”. Словом, собирали весь устный и письменный трэш (trash – англ. – мусор, хлам, макулатура), весь негатив; и с откровенным бесстыдством желали своему Отечеству позорного поражения.

И что же? За время Олимпиады не произошло ни одного теракта. Высокий уровень безопасности отметили не только представители МОК, но и сами участники Игр. Безопасность в Сочи обеспечивали тысячи сотрудников правоохранительных органов. Работу свою они проводили настолько квалифицированно, что от гостей и участников Олимпиады не поступило ни одного серьёзного замечания о превышении служебных полномочий или каких-либо неудобствах, вызванных излишним вниманием со стороны силовиков.

“Многие спортсмены говорят о том, что была такая негативная оценка прессы в их странах, что некоторые боялись ехать, – рассказывала корреспонденту RT мэр Олимпийской деревни и чемпионка Олимпийских игр в Турине-2006 Светлана Журова. – Но, когда приехали, увидели, что здесь происходит, то у них произошёл сдвиг в сознании. Потому что говорили одно, а оказалось всё не так. Вопрос: зачем так говорили? У многих хорошие впечатления именно из-за того, что мало возникало какого-либо дискомфорта при прохождении разнообразных контролей”.

Пусковые комплексы

Как это всегда бывает, одни занимаются плетением разного рода инсинуаций, нагнетанием сомнений и страхов, другие работают. Было построено более 200 км железнодорожных путей, 54 моста, 22 тоннеля. Введена в эксплуатацию совмещённая автомобильная и железная дорога, соединившая Адлер, Сочи, аэропорт и спортивные объекты прибрежного кластера (однородных предметов) в Имеретинской низменности с горным кластером в районе Красной Поляны.

В морском порту Сочи создан выносной терминал, который позволил принимать круизные суда вместимостью 3 тысячи человек. Для доставки же строительных материалов и оборудования построили морской порт Сочи Имперетинский с прицелом на то, чтобы по окончании Олимпиады переоборудовать его в яхтенную марину.

Бюджетные средства и частные инвестиции в размере 580 млн долларов были направлены на строительство и модернизацию телекоммуникационной инфраструктуры региона, волоконно-оптических линий передачи вдоль автодорог. Были использованы самые современные технологии, обеспечившие трансляцию на 159 стран.

Открытие движения по новому Большому Новороссийскому тоннелю дало возможность пассажирским поездам проходить сложный участок пути без ограничения скорости, а в грузовом движении – снизить напряжённость прохождения составов в направлении Новороссийского порта. На строительстве комплекса тоннелей совмещённой (автомобильной и железной) дороги Адлер – курорт “Альпика-Сервис” проходку вели одновременно на восьми участках. Эти тоннели построили в три раза быстрее обычного.

Проблемы, усложнявшие жизнь гостей и хозяев Сочи, – одна за другой словно растворялись в воздухе. Раньше, например, чтобы доехать из Адлера до железнодорожного вокзала Сочи, требовалось в среднем часа полтора. Теперь – считанные минуты! Преграды в виде гор, водоёмов и плотной городской застройки преодолены с помощью 40 искусственных сооружений: тоннелей, эстакад, мостов и транспортных развязок.

Счётчик включён

В июле 2011 года открылось регулярное железнодорожное сообщение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия – там был завершён капитальный ремонт. В трёхмесячный срок обновлено свыше 130 км пути. Для этого из России в Абхазию были отправлены 600 единиц специализированной техники, откомандированы свыше 500 работников ОАО “РЖД”. Пассажирские перевозки на данном маршруте взяла на себя ОАО “Северокавказская пригородная пассажирская компания”. Осенью 2011 года на участке Адлер–Красная Поляна завершён монтаж железнодорожного моста, который прошёл над Самшитовой рощей, которую по требованию экологов решили сохранить, в связи с чем над участком и строился мост.

Предполагалось, что на железную дорогу ляжет основная нагрузка во время проведения зимних олимпийских игр в Сочи. Дорога рассчитана на перевозку до 8,5 тысячи человек в час. По ней скоростные электропоезда типа “Ласточка” за полчаса покрывают путь в 48 км от аэропорта Сочи до посёлка Эстосадок. 8 декабря 2012 года по новой железной дороге Сочи – Красная Поляна проехал Владимир Путин. Его сопровождали высшие государственные чиновники. А 31 мая 2013 года по участку проследовали журналисты из разных регионов России, а также представители РЖД. Поездка была совершена на скоростной электричке “Ласточка”.

Да, трудности были преодолены немалые. И в любом наступлении, даже самом успешном, наступает момент, когда в людях накапливается усталость от непрерывного напряжения, и наступательный порыв теряет первоначальную силу – “последний бой, он трудный самый”. Уже добрых шесть лет продолжалась предельно интенсивная работа. Сорваться на какой-нибудь мелочи на пороге финиша было бы непростительно. Между тем, времени до открытия Игр оставалось в обрез. И 12 июля 2013 года на всеобщее обозрение был выставлен и запущен специальный счётчик, отсчитывающий дни, оставшиеся до старта зимней Олимпиады-2014. Замысел всем понятен: обратный отсчёт времени призван был взбодрить участников подготовки Олимпиады.

2 сентября 2013 года Владимир Путин назначил своим помощником бывшего министра транспорта Игоря Левитина, который не вошёл в кабинет нового премьера Дмитрия Медведева. Фактически Президент РФ в решительный момент поставил Левитина куратором Олимпиады. Ответственность огромная. В подтверждение высоких полномочий 2 октября 2013 года куратор был официально назначен ответственным за спорт и Олимпийские Игры-2014, а 17 октября 2013-го введён в Экономический совет при Президенте РФ.

Как шутят в мире управленцев, оправданное доверие влечёт за собой возложение дополнительных обязанностей. По окончании Игр в Сочи, с мая 2014 года Игорь Левитин становится вице-президентом Общероссийского союза общественных объединений “Олимпийский комитет России”. Он включён и в рабочую группу при Президенте Российской Федерации по вопросам восстановления объектов культурного наследия, культовых зданий и сооружений. Назначен он был также спецпредставителем Олимпийского комитета России на первых Европейских играх в Баку, открытие которых предстояло 12 июня 2015 года.

Вокруг олимпийского наследия

Олимпийские игры в городе Сочи (с 7 по 23 февраля 2014 г.), как известно, прошли с успехом невероятным. Их называют лучшими зимними Играми во всей истории Олимпийского движения. Большой Сочи предстал в полном блеске, продемонстрировав свои уникальные возможности.

Всего через две недели на тех же аренах были проведены зимние Паралимпийские зимние игры (с 7 по 16 марта 2014 г.), столь же блестяще организованные. И также с эстафетой Олимпийского огня. В торжественной церемонии открытия участвовали 2500 волонтеров, более тысячи артистов. При этом 140 из них были с инвалидностью. Радостью светились их лица.

Затем в Сочи прошли первые королевские автогонки “Формулы-1”, завоевавшие рекордные рейтинги, и далее чередой – международные соревнования, конференции, фестивали.

Чистый город, чистый воздух (котельные перевели на газ), чистое море, благоустроенные пляжи, достойный сервис, новые кафе и рестораны, и даже говорящая по-английски полиция. Огромное количество гостиниц – 20 тысяч номеров – было введено в эксплуатацию.

Направление критики также претерпело изменения. Оппозиционные и западные медиа теперь переключились на создание мифов о необоснованности денежных трат на сочинскую Олимпиаду (“коррупция!”, “распил!”), и на мелкие недоделки, допущенные в последние дни перед играми. Конечно, кому-то и на куртаге случалось “обступиться”. Но в большинстве своём эти “откровения” оказались грубыми фальшивками. Так, по утверждениям ряда СМИ и оппозиционных блогов подготовка к Сочи-2014 причинила российскому бюджету невозместимый урон в размере до полутора триллионов рублей.

Такая внушительная цифра, действительно, мелькала в отчётах. И вот в какой связи. Когда инспекторы Счётной палаты Российской Федерации проанализировали все доходы и расходы, связанные с проведением зимней Олимпиады в Сочи, то установили, что на подготовку к Олимпиаде израсходовано около 1,5 трлн рублей. Но из них на создание с нуля всех собственно олимпийских объектов ушло немногим более 214 млрд руб. – примерно одна седьмая часть. Основные же средства вложены в строительство и модернизацию инфраструктуры Сочи и Краснодарского края: строительство и реконструкцию автомобильных и железных дорог, портов, аэропортов, объектов энергетики, систем водоснабжения и водоотведения, строительство гостиниц и жилья. При этом значительную долю составили расходы частных инвесторов. Они по факту оказались более чем в два раза выше, чем можно было заранее рассчитать.

Если же учесть, что спортивные объекты после проведения Олимпиады в Сочи предназначены для использования по назначению, то вполне справедливо можно было бы отнести расходы на них также к инвестициям в инфраструктуру Сочи и юга России в целом. По заранее утвержденной программе постолимпийского использования олимпийских объектов, например, Красная Поляна должна была стать и действительно стала всероссийским центром горнолыжного туризма и подготовки спортсменов, а Имеретинская низменность – спортивным, выставочным и туристическим центром.

После Игр на ряде ледовых арен изменился профиль, они были преобразованы под другие виды спорта, превращены в тренировочные, выставочные, концертные площадки и т. п. Медиациентр поначалу предлагали продать под высокодоходное предприятие – казино. Но президенту эта идея не понравилась. По его мнению, Сочи должен стать семейным курортом, а казино в эту концепцию явно не вписывается.

В течение семи лет оживились такие отрасли экономики, как производство цемента, металлопроката и ряд других смежных производств. Были созданы десятки тысяч рабочих мест. Произошло значительное увеличение потребительского спроса также за счёт приехавших в Сочи гостей. Центробанк России высоко оценил вклад Олимпиады в экономический рост страны.

В первый же постолимпийский сезон на горнолыжных склонах Сочи побывали сотни тысяч туристов, из них больше половины приезжали именно покататься. Сочинские горы — это не только блеск и глянец пятизвёздочных гостиниц. Здесь есть всё, что нужно: недорогой ночлег и питание, а также центр проката и потрясающе доброжелательная атмосфера.

Только в прибрежном кластере Новый год встречали более 100 тысяч гостей. Народ валом валил на зрелищные мероприятия: шоу в ледовом дворце “Айсберг”, хоккейные матчи на Большой ледовой арене, на “Сочи Автодром”, в музей автоспорта. Но, конечно, наибольшей популярностью у гостей и жителей Сочи в зимний период пользуется горный кластер. Здесь отличная инфраструктура, на удивление уютно и можно без проблем попасть куда угодно.

Олимпийский стадион “Фишт” тут же начали реконструировать для проведения матчей Чемпионата мира по футболу — 2018. Вместимость арены будет увеличена до 45000 зрителей. Другие залы отведены под детский спортивно-оздоровительный центр, многофункциональный спортивно-развлекательный комплекс, велотрек, выставочный центр.

Из обычного летнего курорта советской формации Сочи превратился во всесезонный международный центр спорта, отдыха и лечения. Россия получила совершенно новый город, который соответствует высоким международным стандартам. Здесь хорошая экология, хорошая природа, великолепное олимпийское наследие. Власти города опасались, что в последующие годы интерес отдыхающих может уменьшиться. Спада не произошло. Напротив, — та часть рассудительных туристов, которые не решились посетить город по горячим следам Олимпиады, планируют приехать в Сочи в один из следующих сезонов, когда амбиции поутихнут и вообще отдых будет дешевле. Условия для отдыха здесь не уступают уровню курортов Европы, а цены на проживание в Сочи ниже. В 2015 году в городе проведены десятки мероприятий разного формата, среди них фестивали воздушных шаров, военных оркестров, авиашоу, яхтенная регата. Возрождаются круизы на теплоходах вдоль всего Черноморского побережья.

Получили постоянную прописку в Сочи российские сборные по разным видам спорта. Бизнес-сообщества и деятели культуры всё чаще выбирают курорт для конференций, форумов, фестивалей, выставок. И это не случайно. Надо признать, что местный бизнес раньше вёл себя как-то слишком уж торопливо и суетливо. По-медвежьи: надо было за лето успеть нагулять жирку перед “мёртвым сезоном”. Игры пробудили Сочи от традиционной зимней полудрёмы, обеспечив потоком туристов на круглый год. Уверенность в завтрашнем дне развивает чувство достоинства и стремление дорожить своей репутацией.

А как там, “у них”?

В бывших столицах Олимпиад ситуация в смысле рентабельности складывалась благополучно, но по-разному.

В Греции Олимпиада приносила высокие доходы только в период проведения Игр. Это и понятно. У греков кругом тёплые моря, побережья усыпаны курортами, а чрезвычайно привлекательным туристическим объектам несть числа. Как-никак именно здесь зародилась европейская цивилизация. Так что многие спортивные объекты Олимпиады превратились в памятники самим себе.

Мудрые китайцы после Олимпиады в Пекине были удовлетворены, кроме всего прочего, улучшением инфраструктуры, облегчением дорожной ситуации и усилившимся потоком туристов. Ряд спортивных объектов они продолжают использовать, хотя сроки их окупаемости превышают 30 лет. Ну, конфуцианцы вообще привыкли мыслить тысячелетиями.

В Турине, где зимние Игры в 2006 году проводились уже во второй раз, ледовые арены используются как для спортивных мероприятий, так и для концертов. Олимпийский стадион, на котором открывались и закрывались Игры,

является домашней ареной “быков” футбольного клуба “Торино”, национальной гордости Италии. Конькобежный каток принял чемпионат мира по фехтованию и чемпионат Европы по лёгкой атлетике в залах, а после был переоборудован в выставочный центр.

Главный крытый стадион зимней Олимпиады-2010 в Ванкувере, который завоевал право на проведения у себя Игр в упорнейшей борьбе лишь с третьей попытки, послужил домашним стадионом команды Канадской футбольной лиги. В ледовых дворцах проходят концерты, шоу. Там, кроме катков, размещены бассейны, проводили матчи теннисного Кубка Дэвиса и др.

Принявшая от Сочи эстафету зимних Игр Южная Корея, которую Россия обошла в Гватемале, намерена использовать весь накопленный Россией опыт, причем как опыт подготовки и проведения Игр, так и по использованию постолимпийского наследия. Об этом откровенно заявил Президент оргкомитета “Пхенчхан-2018” Ким Чжин Сон.

Открытый Юг

В Сочи олимпийские объекты задействованы почти всё. И это – доказательство того, что траты производились не ради одноразовой гулянки, а для создания долговременного надёжного источника общественной пользы и стабильного дохода. А ведь предсказывали, что олимпийские объекты в Сочи превратятся в спортивные кладбища, на которые никто никогда не вернётся.

Кроме всего прочего, город овладел и добрым наследством от прошедшей здесь Паралимпиады, – обширный набор устройств и средств, способствующих продвижению социального туризма, в том числе для людей с ограниченными физическими возможностями.

Сегодня и в зимний сезон здесь продолжают работу десятки санаториев. Если ещё несколько лет назад на отдых в “мёртвой сезон” отправлялись в основном пожилые люди, то сегодня отдыхают круглый год и молодые люди, и средних лет, и пенсионеры. Не только туристы, но и жители Сочи активно пользуются уникальными лечебными базами санаториев, приобретают курсы, путевки по амбулаторному лечению или приходят на разовые процедуры. Круглогодичная загрузка санаториев позволяет сохранять медицинский персонал. Врачей и медсестёр не отправляют в неоплачиваемый отпуск, который раньше длился несколько месяцев до начала летнего сезона.

Круглогодичный дельфинарий с универсальной водной шоу-ареной открылся в Сочи 15 сентября 2012 года, и сразу стал местом паломничества сочинцев и гостей города. Сооружение уникальное. Амфитеатр рассчитан на 1300 посадочных мест, площадь демонстрационного бассейна – 285 кв. м, глубина – 6,8 м, температура воды в бассейне +24 градуса. Комплекс дополнительных бассейнов для дельфинов, для ластоногих, зоны фотографирования, контактный бассейн, предназначенный для плавания с дельфинами. Проектировщики и строители постарались сделать всё, чтобы люди с ограниченными возможностями чувствовали себя в развлекательном комплексе по-настоящему комфортно. Установлены тактильные указатели для слабовидящих, для инвалидов-колясочников отдельный вход, ведущий прямо к зрительским трибунам. Смонтирован и специальный лифт для маломобильных граждан.

Дельфинарий открывает двери в мир морской фауны, рассказывает о его удивительных обитателях, приносит массу положительных эмоций. Эффект он производит многократный: и развлекательный, и образовательный, и лечебный, и воспитательный.

Высший пилотаж

Особый колорит городу-курорту придало открытие гоночной трассы для автомобильных соревнований в Адлерском районе города Сочи Краснодарского края России – “Сочи Автодром”.

14 октября 2010 года в присутствии Владимира Путина было подписано соглашение между ОАО “Центр “Омега” и компаниями группы Formula One Management на организацию Формулы 1 Гран-при России. Расположили автодром в Имеретинской низменности. Идея трассы вокруг Олимпийского парка зимних игр оказалась удачной. Строили автодром одновременно с другими спортивными объектами. Но признали, что запускать гоночную трассу

к дням Олимпиады – это было бы слишком. Да и небезопасно. Уникальность сочинского автодрома заключается в том, что часть его интегрируется в транспортную систему Большого Сочи. Что касается условий для участников соревнований и зрителей – они великолепны.

19 августа 2014 года делегация Международной автомобильной федерации (FIA) во главе с гоночным директором Формулы-1 и делегатом по безопасности FIA посетила “Сочи Автодром” для оценки его готовности к проведению гонок. После тщательной проверки комиссия постановила, что автодром готов к принятию автомобильных соревнований международного уровня. Трасса была официально открыта. Первые официальные гоночные заезды прошли на сочинской трассе 13 сентября 2014 года, в рамках седьмого этапа Российской серии кольцевых гонок (РСКГ). Победителями первых заездов в рамках РСКГ стали омич Михаил Грачев в “Объединённом 2000” и казанец Ильдар Рахматуллин в “Объединённом 1600”.

Зрителям предоставлена возможность передвигаться по территории зоны, наблюдая повороты трассы с 4-го по 9-й включительно, приближаясь к трассе на расстояние в 20 метров. Установлен огромный экран. Всем доступна и Медальная площадь, на которой расположена сцена для массовых автограф-сессий пилотов Формулы-1. В эти же дни проходят выступления приглашенных артистов. Здесь устраиваются особые трек-дни, когда можно не только взглянуть в “конюшни”, но и проехать пару кругов по скоростной трассе на собственном автомобиле. А любители острых ощущений за две-три сотни долларов могут рядом с именитым пилотом прокатиться на гоночном авто со скоростью до 270 км/час. Чтобы потом хвастаться всю оставшуюся жизнь.

О пользе добрых дел

Польза для России от сочинской Олимпиады не измеряется суммами, которые вложены в спортивные сооружения и инфраструктуру края. Игры восполнили многое из того, что мы упустили за последние годы в отношениях с миром. И миру предстала другая, настоящая Россия, привлекательная своей порой не знающей границ шириной души, самобытностью и неповторимостью. Да мы и сами много нового открыли в себе.

Размышления над этой сочинской олимпийской историей невольно приводят к интересным выводам. Да, престиж России во всём мире вырос. Да, удалось привлечь большие массы людей – отдыхающих, туристов – к черноморской здравнице, инфраструктура которой теперь не уступает инфраструктуре иностранных курортов. В частности, отдых в РФ впервые стал дешевле зарубежного. Большой Сочи превратился в чрезвычайно мощный очаг излучения положительной эмоциональной энергии, или, выражаясь языком социальных психологов, образовалось мощное поле воздействия, поле притяжения.

Проявился и эффект совершенно неожиданный, который никто не мог предвидеть, тем более на него рассчитывать. В соседней Украине случилась беда: там народ, обозлённый разгулом коррупции, возмутился. На волне праведного гнева произошло для XXI века невероятное, – власть в стране перехватили нацисты.

Бандеровцы провозгласили себя сверхчеловеками, а проживающих на территории республики этнических русских объявили людьми второго сорта, “быдлом”. Лидеры “майданной” власти вознамерились запретить им пользоваться родной речью – русским языком. Русских начали гнобить по всей Украине только за то, что они русские. А прославляли тех, кто воевал под гитлеровскими штандартами, кто гнал людей в Бабий Яр и торговал потом на киевском рынке вещами убитых. На телеэкранах и наяву люди наблюдали сумасшедшие сборища, погромы в центре города, факельные шествия неонацистов, где под грохот барабанов скандировали угрозы “москалям” – пугали ножами и “гліяками”-виселищами. Крымчане в ужасе следили за развитием событий, в которых гибли мирные жители, и ожидали начало резни. Страх понятен: такое уже было в Германии в 30-х годах. Киев стремился разжечь межнациональную распрю, чтобы установить на всей территории, принадлежавшей Украине, новый порядок.

Поначалу представлялось, что это бред какой-то, временное помутнение сознания, – прокричатся и успокоятся. Но “майданные” угрозы не расходились с делом – против восставшего Донбасса была пущена в ход тяжёлая

артиллерия, танки, авиация. Горели города и сёла Малороссии. И на всё это безумие “демократическая” Европа взирала спокойно, более того, с одобрением, считая, что русскоязычное население должно покориться новоявленным “суперменам”. А Россию следовало сурово наказать, свалив на неё все грехи, начиная с доисторических времён. Русских назначили виноватыми перед Западом навсегда и во всём, в том числе и в том, что новый день начинается на русской Чукотке. Оказалось, что нынешняя Европа и в грош не ставит никакие всенародные референдумы, опросы мнений и прочие демократические процедуры, выработанные веками мировой цивилизации. Трудно поверить, что всё это реально происходит в XXI веке.

А совсем рядом, в Сочи – ярчайший праздник мира, дружбы и созидания. Оттуда излучается мощный энергетический поток, – поток света, добра, радости. По соседству, только руку протяни – братская Россия. Рядом совсем другой мир, где люди живут дружно, где налаживается нормальная, достойная жизнь. И произошло именно то, что неизбежно должно было произойти – люди всей душой потянулись к России.

Повлияла ли сочинская Олимпиада на настроение крымчан? Кто знает – не Божий ли промысел. Специалисты по социальной психологии отмечают сильнейшее моральное воздействие. Крымчане бросились к России, умоляя о спасении. И благодарение судьбе за то, что почти два с половиной миллиона наших соотечественников успели выскочить из-под надвигающегося на них нацистского террора.

Что же до олимпийской истории, тут, в сущности, всё просто. А главный урок грандиозной сочинской кампании: делай людям добро, и воздастся сторицей.

РЫБАЛКА — ДЕЛО КЛЁВОЕ

Летите вы из Южно-Сахалинска в центр страны бизнес-классом или классом эконом, без разницы: никуда вам не укрыться от добротного рыбного духа, которым самолёт пропитан весь, включая инверсионный след. Пассажиры не ропщут, потому что в глазах встречающих наверняка прочтут вопрос: рыбки-то привёз? .

Рыба – лучший подарок. Рыба – наше сокровище; и рыбы у нас много. Ой, как много! Только рыбные цены в Европейской части страны так больно кусаются, что порой кажется, что для доставки столь ценного продукта человечество изобрело пока только самолет, а до паровоза и холодильника ещё не додумалось.

Все понимают, как следует обойтись с дальневосточным изобилием “даров моря”. И решения на эту тему приняты правильные, притом давно. Уж не припомнить, когда и кем впервые были произнесены эти слова, достойные быть “отлитыми” в граните:

“Одна из важнейших государственных задач – надёжное обеспечение граждан российскими продуктами питания, в том числе рыбной продукцией. . . В этом контексте значительную роль играет бесперебойная организация вывоза рыбы с Дальнего Востока и Сахалина”. Задача сформулирована столь блестяще, что повторяется регулярно из года в год, из доклада в доклад. И что? А ничего.

“В этом контексте” скорей вспоминается одна из “Золотых китайских сказок” Власа Дорошевича, писателя начала XX века, – “Добрый богдыхан”. Так вот, добрый богдыхан по прозвищу Мун-Су, – что значит “отец народа”, по утрам читал донесения мандаринов (вице-королей). А мандарины писали одно и то же, – что Китай благоденствует, как ещё не помнит история, и жители даже не знают, что им делать с рисом. Богдыхан читал всё это и думал: “А не врут ли?”

“Рыба пришла к рыбакам, и неводы буквально “утонули” от рыбы, – радостно сообщала дальневосточная пресса летом 2015 года. – Почти на всех рыбопромысловых участках этого района зафиксированы хорошие подходы горбуши. На полную мощность заработали береговые заводы, а флот, выставленный на приёмку лосося, уже принял более 2 тыс. тонн рыбы...”. Нечто подобное читаем в донесениях 2016-го.

Официальная статистика Росрыболовства также всегда оптимистична: по состоянию на 10 июля 2015 года вылов тихоокеанских лососей в Дальневосточном рыбохозяйственном бассейне составил 30,3 тыс. тонн, что на 36,5% больше улова 2013 года. Портовики Приморского края докладывали, что готовятся к тому, что во Владивосток придёт большое количество рыбопродукции. На полигоне Дальневосточной железной дороги формируются ускоренные рефрижераторные поезда с маршрутной скоростью до 1200 км/сутки и т. д.

Ну, и как с доставкой к столу трудящихся и других сограждан? В отчётах говорится, что в целом на Дальнем Востоке спрос грузоотправителей на перевозки рыбной продукции железнодорожным транспортом удовлетворяется в полном (!) объёме. Уровень транспортной составляющей в розничной цене не превышает 11%, следовательно, не оказывает значительного влияния на изменение конечной стоимости и спроса на рыбу. Если так всё прекрасно, так где же она, дальневосточная рыба? Почему цены на неё продолжают расти безудержными темпами? И как дошли мы до жизни такой?

В науке управления есть понятие – “чёрный ящик”. Это когда объект, внутреннее устройство которого неизвестно, рассматривается только на входе и выходе – то есть всё в объект входящее, и всё из него выходящее; исследуются также его реакции на внешние воздействия. За “чёрный ящик” можно принять систему в виде часов, начинки компьютера, мобильника и ещё множества устройств, которыми пользуются, не вникая в то, как они устроены. Но если объект не выполняет свои целевые функции, то возникает желание приподнять крышку “чёрного ящика” и посмотреть, что же там происходит в действительности. Тем более, когда речь идёт ни много ни мало – о продовольственной безопасности государства.

Всегда по четвергам

Конечно, Россия – “дистанция огромного размера”, и пока главным средством доставки дальневосточной морепродукции является железная дорога. Во времена “застоя” и “тоталитаризма” МПС перевозило рыбу и прочие скоропортящиеся продукты в рефрижераторах, и в таком количестве, что в период затруднений с белковым питанием в СССР были объявлены так называемые “рыбные дни”, на манер церковного поста. Хорошо это или плохо – можно спорить, но объёмы перевозок рыбы железнодорожниками совершались колоссальные.

Введение в 1932 году всесоюзного рыбного меню для населения было вызвано спадом производства мяса и борьбой с недостатком белков в рационе трудового народа. Автором постановления Наркомснаба СССР “О введении рыбного дня на предприятиях общественного питания” был, как известно, 37-летний нарком Анастас Микоян.

Позднее, когда в результате хрущевских сельскохозяйственных экспериментов в рационе советских граждан вновь стал ощущаться недостаток белковой пищи, вспомнили о рыбе. На этот раз за рыбным днём был закреплён постоянный день недели – четверг. Предприятия общепита в этот день не включали в меню никаких мясных блюд, что поначалу вызывало глухое ворчание у рабочих и служащих. Блюда из дешевых сортов предлагались в общественных столовых, а из более дорогих – в ресторанах. Дома граждане в четверг могли готовить всё, что угодно, но в столовых, кафе и буфетах строго придерживались установленных правил. Исключением были только рестораны.

Тому, что рыбный день назначили именно на четверг, было дано чёткое обоснование, подкреплённое статистикой и расчётами, сводящимися к тому, что реализация рыбы именно в этот день будет максимальной. В советских столовых всегда по четвергам подавали минтай, хек, мойву, селедку. СМИ расхваливали преимущества морепродуктов, – как вкусных и питательных, а главное, чрезвычайно полезных для здоровья. В газетах и журналах регулярно

публиковались тематические подборки с рецептами блюд из даров озёр, морей и рек. Народ познакомился с рыбой ледяной, саблей, хеком. Кстати, если ледяная и хек были приняты потребителем более или менее спокойно, то с саблей вышла заминка, пока в Ленинградском институте советской торговли не придумали способ кулинарной обработки и сделали её съедобной. Огромные средства вкладывались в создание современного рыбопромышленного флота, в строительство рыбоперерабатывающих заводов, рефрижераторных поездов и в развитие сети специализированных магазинов “Океан”.

“Рыбные четверги” просуществовали до самой перестройки. А потом сгнули. Хотя и в постсоветской России частично сохранилась традиция отношения к четвергу как к рыбному дню. Иногда в качестве рыбного дня четверг выбирают даже производители, не имеющие ничего общего с советским прошлым. В немалой мере это воспринимается как возврат к православным традициям: в меню многих российских ресторанов завели постный раздел – во время Великого поста, а иногда во время прочих постов и еженедельных постных дней (среда и пятница). Обычно в эти дни мясо стараются заменять не рыбой, а строго постными блюдами.

Были ли злоупотребления? Были, но иного характера и, конечно, несоизмеримого масштаба. На “усушках и утрусках” наживались суммы, по нынешним представлениям, просто смешные. Скажем, если рыба шла в продажу “с колёс”, то реальная потеря веса оказывалась меньше законно предусмотренной. Хитрецы этим пользовались и разницу присваивали, считая такую махинацию своего рода премией за скорость оборота. Контролерам надо было успеть перехватить фокус на лету.

“Пей рыбий жир, качай железо!”

О том, что в рыбе, и особенно в рыбьем жире, целый букет полезных микроэлементов, витаминов (кроме, пожалуй, витамина С), известно было давно. Но, пока наука разбиралась в механизме скрытного воздействия витаминов, народ пытался сам нащупать пути самозащиты от смертельно опасных болезней, которые развивались быстро, подобно эпидемии.

Например, от цинги. В эпоху великих географических открытий от этого недуга погибало больше моряков, чем в морских сражениях и кораблекрушениях. Не скоро, но всё же уловили тайную связь: на кораблях, возвращавшихся из южных колоний в Европу с грузом цитрусовых плодов, экипажи болеют реже. Для дальних плаваний стали запасаться лимонами. Англичане своих мореходов так и называли – limies (“лимонники”). Пётр Великий молодому российскому флоту прописал голландский рацион, включающий лимоны и апельсины.

А в студёных северных морях поморы через силу жевали сырую рыбу, мясо тюленей. В удаленных таёжных поселениях (в том числе в системе ГУЛаг) запасали клюкву, квасили капусту, готовили отвары из хвои, – наверное, самое отвратительное в мире поило. Но в нём содержался спасительный витамин С.

Полтора века назад норвежский аптекарь Петер Меллер установил закономерность: в странах с холодными морями, где обитает жирная рыба, люди реже болеют инфарктом, у них здоровые суставы и меньше психических расстройств. Он стал применять рыбий жир, добытый из печени трески, как лекарственное средство.

Особенно впечатляющим оказалось активное усвоение детскими организмами витамина Д, предотвращающего рахит. Проблема рахита была актуальной прежде всего в местностях, где мало солнца из-за тусклого климата, тесноты застройки или задымлённости воздуха. Недуг кошмарный: объём живота ребенка непропорционально растёт, рёбра размягчаются, скелет деформируется, увеличиваются лобные и теменные узлы, так что голова приобретает “квадратную” форму.

Начиная с 20-х годов в изнурённой войнами и голодками России во всех яслях, садах, интернатах и школах медработники стали ежедневно выдавать детям по ложке рыбьего жира. В директивах пятилетних планов отдельной строкой назначались объёмы производства рыбьего жира. В 40–60-е годы в Советском Союзе этого продукта вырабатывалось чуть не 70% мирового производства.

Заботились только о пользе; вкусовыми качествами пренебрегали. Малышей же разговоры о пользе не убеждают. После еды каждому наливали из

бутылочки какую-то противную жидкость. Нравится, не нравится, – пей! По одной чайной ложечке в день, – и это было обязательно. В яслях процедура сопровождалась дружным рёвом. Зато гематоген – микстуру на основе бычьей крови и яичного желтка – “дети войны”, напротив, очень любили. А уж когда “бычью кровь” стали делать в виде плитки – с добавлением сгущённого молока, патоки, аскорбиновой кислоты, так это был просто шоколад. И приходилось ограничивать его употребление.

Рыбий жир был сырьем стратегическим. Наши фронтовики во время Великой Отечественной войны широко применяли его при лечении гемералопии (“куриной слепоты”, возникающей из-за неполноценного питания): по несколько капель на кусочек хлеба – утром, днем и вечером. Впрочем, и в германской армии солдат ежедневно получал столовую ложку рыбьего жира.

В 1970 году в СССР продажа рыбьего жира была прекращена. Дело в том, что из-за ухудшения экологической обстановки было зафиксировано увеличение содержания вредных веществ и тяжёлых металлов в рыбьей печени. Потребовалось коренное изменение технологии. Производство медицинского рыбьего жира было почти полностью свёрнуто.

Рыбий жир детям давать перестали. Однако заметили, что за эти годы дети стали слабей физически; медики заговорили об участвовавших случаях рахита. Средняя продолжительность жизни в нашей стране в 80-е и 90-е годы стала падать. И только коренных северных народов России эта опасная тенденция не коснулась. В то же время в развитых странах мира продолжительность жизни, как у мужчин, так и у женщин росла.

В тех же 70-х годах правительства США, Англии, Франции, Японии стали выделять деньги на пропаганду рыбьего жира в качестве пищевой добавки, благоприятно влияющей на те участки мозга, которые отвечают за память, мышление, речь. Обнаружилось также, что сходные по действию жирные кислоты, в том числе класса Омега-3, содержатся и в жире таких животных, как северный олень. Зажиточные пожилые американцы стали всё более широко использовать оленьё мясо. Но на Аляске оленей мало. При поездке Горбачёва в Америку вице-президент Буш подписал договор о поставке в СССР окорочков бройлерных кур в обмен на мясо северных оленей. За 1 кг оленьего мяса давали 40 кг “ножек Буша”.

В 80-90-х годах прошла серия международных конференций, на которых были сделаны выводы, что рыбий жир является мощным средством для профилактики возникновения гормональных расстройств и, в первую очередь, сахарного диабета. Кроме того, признали, что это незаменимое средство для профилактики развития онкологии и при наличии у человека различных предраковых состояний. Все жители Хиросимы и Нагасаки, пережившие атомные взрывы, бесплатно получают рыбий жир. Япония, кстати, заслужила полное право именоваться ещё и страной долгожителей: к октябрю 2016 года здесь насчитали 65 тысяч 692 человека, возраст которых превышает сто лет.

Сегодня России приходится практически заново восстанавливать утраченное производство, вытеснить с отечественного аптечного рынка недобросовестных иностранных производителей. После двух десятилетий забвения уровень продаж рыбьего жира значительно вырос и всё же остаётся крайне низким по сравнению с остальным миром.

Возникла и неожиданная проблема. Потребители заметили, что приём капсул рыбьего жира, благодаря сочетанию в нём полиненасыщенных жирных кислот Омега-3 и Омега-6, способствует снижению веса. Вместо избыточной жировой прослойки появляются красивые мышцы. Борьба за стройную фигуру, как водится, привела к перекосам в сознании: “Пей рыбий жир, качай железо!” Взрослые люди начинают изнурять себя диетами и фитнесом до того, что порой это заканчивается печально для здоровья.

Вспоминается, как в скучные послевоенные годы аптекарши, продав копейное лакомство – плитку “бычьей крови”, кричали вслед: “Много не ешь!..” Так то были дети.

Сети типа “Паук”

В Советском Союзе килограмм минтая стоил что-то около 35 копеек, хека – 56, в это же время мясо стоило порядка 2 рублей 20 копеек. Во всяком случае, соотношение было такое. Ведь в отличие от птицы, крупного и мелкого скота,

рыба не требует затрат на выращивание. Главное: обеспечить соблюдение правил рыболовства. В других странах рыба, хотя и сопоставима по своей белковой ценности с мясом, но, как правило, дешевле и более доступна для населения.

Но в последние годы в магазинах Москвы, да и по всей России цены на мясо и рыбу каким-то чудесным образом сравнялись. Почему это случилось именно в России, имеющей выходы к трём океанам, к двенадцати морям, не считая Байкала? Значит, с нами произошло нечто необыкновенное, что привело к такому “выравниванию” цен.

Помнится, мы от души хохотали, читая рассказ О’Генри “Трест, который лопнул”. Там действие происходило в городишке, временно отрезанном от остального мира наводнением. И там всё было к услугам жуликов шайки Энди Таккера: вода, ветер, полиция и безраздельная монополия на ценный продукт, чрезвычайно нужный потребителям... Штаб-квартира треста располагалась в салуне под названием “Голубая змея”:

“За одним концом стойки сидит Джефферсон Питерс, этакий восьминогий спрут-эксплуататор, справа у него кольт и слева у него кольт, и он готов дать сдачи либо долларами, либо пулей. В заведении – три бармена, а на стене вывеска в десять футов длины: “Каждая выпивка – доллар”. Энди сидит на несгораемой кассе, на нем шикарный синий костюм... Тут же начальник полиции с двумя полисменами: трест обещал им бесплатную выпивку”.

Теперь подобный бизнес нам уже не кажется смешной выдумкой. При российском капитализме схема похожая, только попроще, на сухую – обошлись безо всяких природных катаклизмов, цены ещё задолго до известных “санкций” начали самовольный, несанкционированный взлёт. На наших “свободных” рынках, которые раньше назывались колхозными, можно наблудать картину поразительную: покупателей меньше, чем продавцов. И где это видано, чтобы, например, на огромном рынке все скоропортящиеся товары продавались по одинаковой цене? “Я другой такой страны не знаю...” Покупатели удивляются: почему цены упёрлись в потолок, на что живут коробейники, если торговля слабая? Что они тут делают? Может, чем-то другим промышляют или особого сигнала ждут? И почему местные производители “не хотят” выставлять свой товар? Боятся конкурировать?

До недавнего времени полки магазинов в центральной части страны буквально ломались от выращенной на фермах на комбикормах импортной сёмги, форели со всех концов света, а наша бесценная дикая, экологически чистая рыба, выловленная у дальневосточных берегов, массово направлялась на экспорт в Юго-Восточную Азию. Казалось, “санкции” заставят изменить ситуацию. Не тут-то было! По данным Федерального агентства по рыболовству, в “досанкционном” 2013 году экспорт рыбы из России составил более 1,5 миллиона тонн, импорт – около 0,8 млн. В “санкционном” 2014-м, когда импорт сократился на две трети, экспортный перекокс стал ещё ощутимее. Причем ввозили мы “продукцию высокой переработки” – охлаждённые тушки, филе, консервы, рыбопродукты, а вывозили и продаём вывозить обычную мороженую рыбу, без какой-либо существенной обработки. Ситуация точно, как с нефтью, – предпочитаем гнать сырьё.

Цены на рыбу в стране продолжают бить рекорды: палтус – 600–700 рублей за кг, нерка – 400–600 рублей за кг, кета – 250–300 рублей, копчёная сельдь – 180–220 рублей, минтай – 95–115 рублей, филе минтая – 200–240 рублей, филе трески – 250–270 рублей, креветка – 600–1000 рублей. Но и эти цифры уже устарели – за ценниками не угонишься. Потребление стремительно падает, так как падает покупательская способность населения, а дешёвой рыбы в стране больше нет. Рынок сжимается.

Торможение в небесах

Сторонний наблюдатель может подумать, что весь наш рыболовецкий флот неожиданно затонул. Это плохо, когда гуманитарии (в том числе писатели, журналисты) начинают встревать в проблемы глобальной экономической политики. Нужда заставляет. Как говорил отец Варлаам в корчме на литовской границе, “давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит”. Но что за диво: стоит прессе начать задавать властям вопросы о том, что делается в рыночном “чёрном ящике”, и почему

из него идёт такой странный выхлоп, наши либеральные деятели, ответственные за экономику и финансы в стране, вдруг принимают вид “блондинки”, впервые в жизни открывшей капот своего автомобиля.

Да всё-то понимают они, дорогие наши исполнители заглавных ролей. О мотивах гадать не приходится. Когда презренным канцелярским штилем, а когда и высоким поэтическим слогом они откровенно выражают свои заветные желания. Желания в сущности просты, как у того цыгана, что мечтал стать царем: сто рублей украл бы и удрал. Недаром наставляют своих наследников: “Езжай, мой сын, езжай отсель...” Ну, не с пустыми же руками! Что тут непонятного?

Не желают они замечать, что сетевиками, в том числе национальными сообществами, установлен жёсткий полукриминальный монопольный режим цен. То есть место проклинаемой госмонополии заняли дельцы, имя которым легион.

Но вернёмся к дальневосточной рыбе. Поначалу ключевым был назван вопрос о её транспортировке. Тут в поисках “стрелочника”, главного виновника затруднений в перевозке скоропортящейся продукции, – все головы повернулись в сторону железнодорожников. Забыли, наверное, что монополия железнодорожного хладотранспорта, который доминировал при перевозках скоропортящихся грузов (СПГ) на всей территории Советского Союза, больше не существует. Следуя мудрым указаниям МВФ и предначертаниям катехизиса отечественных рыночников – “чем меньше государство вмешивается в экономику, тем лучше”, удалось упразднить механизм планового производства скоропортящейся продукции и снабжения ею населения.

Эта историческая победа была одержана не вдруг. При разделе имущества между союзными республиками изрядная доля вагонов для перевозки скоропорта – 28 тысяч единиц – досталось МПС России. Должно быть, члены СНГ надеялись, что с заменой в сфере хладотранспорта отсталых консерваторов “эффективными менеджерами” дела пойдут лучше прежнего: конкуренты-поставщики, соперничая друг с другом, завалят рынки дешевой продукцией.

А получилось с точностью до наоборот. ОАО “РЖД” свой парк изотермического подвижного состава передало дочерней компании АО “Рефсервис”. Это произошло 28 декабря 2005 года, вскоре после отстранения от штурвала отрасли Г. М. Фадеева, который осторожно вёл вверенный ему гигантский корабль извилистым фарватером реформ, обходя подводные рифы. Он никак не мог изжить в себе “отсталые” догмы, типа – “раньше думай о Родине, а потом о себе”, и, возможно, рассчитывал сохранить единство отрасли, применяя кутузовскую стратегию. Самозванные реформаторы, облизываясь, тщетно бродили вокруг “естественного монополиста”. С уходом Фадеева реформа сделала по-гайдаровски решительный шаг: на железнодорожном реф-транспорте отпустили тормоза.

С горки заскользили быстро: реф-вагоны в основном продали, сотни “излишних, не востребованных” вагонов-холодильников уничтожили либо переделали в термосы, то есть вытряхнули из них оборудование, оставив только изоляцию и напольные решетки. Реф-депо позакрывали, сотни специалистов по обслуживанию реф-секций уволили. Вместе с “излишним балансом” потеряли собственную ремонтную базу (рефрижераторные вагонные депо). Компания с каждым годом теряла подвижной состав, сдавала свои позиции. Почти весь оставшийся парк – несколько тысяч единиц – должен быть списан в 2020 году. То есть в ближайшем будущем возить скоропорт с соблюдением температурного режима будет не на чем.

Сегодня ОАО “РЖД” не является монополистом в перевозке рыбы, так как федерального парка рефрижераторных вагонов больше нет в природе. А “Рефсервис” в настоящее время с Дальнего Востока перевозит менее трети от общего объема перевозок рыбы. Остальной объем осуществляют другие компании-операторы.

Самое интересное – то, что ослабление провозной способности скоропорта по стальным магистралям серьезно огорчило далеко не всю дальневосточную рыболовецкую общественность. Это заметно по тому, что нередко реф-секции простаивают из-за отсутствия груза, то грузы медленно оформляются, то погрузка неспешная, то еще что-нибудь. В отношении предъявления рыбы

к перевозкам в течение года наблюдается крайняя неравномерность. Сказывается и значительное одновременное поступление рыбы во время путины в условиях дефицита холодильных мощностей в портах, и отсутствие централизованных и плановых закупок и т. п.

Барьеры возникают зачастую как бы ниоткуда, на ровном месте. Случайна ли инертность, которая проявляется в том числе в решении элементарных организационных вопросов? Например, в период путины необходимо было пересмотреть режим деятельности ветеринарных инспекторов: в выходные и праздничные дни они не работали. Ломался график досмотра, тормозилась отправка на станциях. В итоге вагоны простаивали, копились, занимая полезный путь. Станции теряли пропускную способность и т. д.

То, что стоимость перевозки рыбы «Рефсервисом» ниже действующего тарифного руководства, известно давно. Она формируется в соответствии с прейскурантом № 10-01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами», утвержденным постановлением ФЭК России и введенным в действие ещё 28 августа 2003 года. В этих условиях дальнейшее снижение тарифов на перевозку рыбы не повысит доступность данного продукта для конечного потребителя, а только подорвет финансовое положение перевозчиков.

«Не нужно искать решение проблемы доставки рыбы в тарифе ОАО «РЖД», — подчеркнул новый глава отрасли Олег Белозёров, — тем более что его доля в конечной цене продукции ничтожно мала. Важно обратить внимание на повышение эффективности всей логистической цепочки, увеличение скорости доставки, улучшение условий хранения, проанализировать ценовую политику торговых сетей».

Отметим, что за последнее время железнодорожники предложили клиентам ряд привлекательных услуг, в результате чего наблюдается рост объёмов перевозок рыбы. Так, за семь месяцев 2016 года со станций Дальневосточной железной дороги отправлено 352 тыс. тонн свежемороженой рыбы, что на 4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Это хорошо, но слишком мало. Рыба и морепродукты продолжают дорожать ускоренными темпами. В январе прирост цен составил 6,5%, в феврале — 5,5%. За январь-февраль эти продукты подорожали на 12,3% против прироста на 2,2% за аналогичный период прошлого года.

Мы говорим о рыбе, оставив в стороне мясо, птицу, овощи, фрукты и прочий скоропорт. А рефрижераторный парк истощается на глазах, и железнодорожникам не осталось ничего другого, как поставить перед государством (неустанно проклинаям либералами) просьбу о выделении дополнительных средств для закупки новых реф-контейнеров. Сейчас значительная часть рыбы с Дальнего Востока доставляется в центральные регионы России в мороженом виде. Время доставки слишком велико. А продукцию в вагонах-термосах нельзя держать более 10 дней и после разгрузки нужно снова замораживать рыбу. Из Владивостока вагоны-термосы в принципе способны добежать до Москвы за 7–10 дней. Но если реально состав только формируется до шести суток, а везут термосы 10–15 суток, то в Москву рыба придёт заведомо протухшей. Нужно массово закупать реф-контейнеры, то есть «опять за рыбу деньги».

Львиная доля

Рыбную проблему пришлось выносить на заседания президиума Госсовета. Крупный разговор на эту тему происходил в 2007 году. Однако воз, точнее улов, и ныне там — на граничных рыбоперерабатывающих предприятиях, а вовсе не на прилавках отечественных магазинов. В Федеральной антимонопольной службе уверены, что цена на рыбу в России выросла прежде всего из-за действий посредников.

«Перекупщики, пользуясь тем, что каналы сбыта во многом монополизированы, устанавливают, не оказывая никакой услуги, ничего с этой рыбой не делая, не замораживая, не потроша, ничего абсолютно, цену примерно в два раза более высокую, нежели она должна быть», — пояснил руководитель ФАС Игорь Артемьев. По мнению экспертов, на розничную цену мороженой рыбы в регионах потребления оказывает влияние, в первую очередь, большое количество посредников и мелких оптовиков, которые полностью управляют рынком сбыта и транспортировки рыбы.

В 2010 году была проверена цепочка ценообразования по рыбе. Итоговый доклад получился интересным: была выявлена цена начальная и конечная, а между ними – обширная серая зона. Сотрудники антимонопольной службы так и не смогли распутать клубок посредников – рыба переходила от одного собственника к другому. Таким образом, используя подставные фирмы, недобросовестные предприниматели пытаются уйти от налогов. Основную маржу получают посредники. То есть в среднем в 50 процентов оценивается труд добытчика и доставщика, и 50 тем, кто до продукта даже не дотрагивается.

Все обещания “рыбачьего сообщества” наполнить внутренний рынок доступной продукцией в случае, если государство поставит барьер импортной продукции, оказались на деле не более чем блефом. Рыбные лоббисты также обещали Владимиру Путину, что новая система распределения квот, предусматривающая закрепление за каждым предприятием постоянных объемов вылова рыбы на 10 лет, будет способствовать инвестициям в судостроение и переработку. Ничего подобного не произошло – преференции мало повлияли на укрепление продовольственной безопасности, развитие прибрежных территорий и смежных отраслей экономики. Ещё бы: если раньше продавали рыбу за кордон и за 1 доллар получали 35 рублей, теперь получают вдвое больше. Получается, что выгоднее всю нашу рыбу продавать не нам... Практически 50 миллиардов рублей мы тратим ежегодно, в результате прибыль и рабочие места остаются за рубежом. Значительная часть нашей рыбы добывается до потребителя в центре России через другие страны, куда её продают рыбаки. К примеру, Китай продаёт в Россию филе российского минтая, хотя в китайских морях минтай отродясь не водится. А сколько ещё рыбы “уходит” нелегально?..

В октябре 2015 года президиум Госсовета под руководством Владимира Путина вновь разбирался, как накормить россиян полезными протеинами и аминокислотами отечественного производства. Пока рыба – особенно лосось и форель (не говоря уже об осетровых) – для большинства граждан остаются малодоступным деликатесом.

“Граждан не устраивает, когда ассортимент и цена рыбы на внутреннем рынке определяются зарубежными поставщиками и ритейлерами, когда в рыбной отрасли расплодился разного рода рантье, использующие наши биоресурсы!” – подчеркнул Президент России.

Тотальный вывоз рыбы и морепродуктов за рубеж породил мощный “теневой сектор”, представители которого стремятся получить от государства налоговые, таможенные и контрольно-надзорные послабления, чтобы еще больше увеличить объем получаемых ими сверхдоходов от торговли валютноёмкими видами биоресурсов по “серым схемам”.

Чтобы оправдать низкие поставки на внутренний рынок, в ход идут все средства – заявления о высоких транспортных тарифах, чрезмерном контроле пограничников и бюрократических препонах ветеринаров. Жалуются рыбопромышленники не только на железнодорожников. Им сильно мешают федеральные ведомства. А, например, Россельхознадзор со своей планируемой системой выдачи электронных ветеринарных сертификатов (АИС “Меркурий”) просто стоит поперек горла. Внедрение этой системы угрожает вывести из тени потоки биоресурсов, которые сейчас поставляются по “серым схемам”. Это – прямая опасность для теневого бизнеса, который потеряет огромные доходы.

Все нынче грамотные, и все понимают: бумажная справка выдается хозяйствующему субъекту, и больше никто ничего о ней не знает. В то же время организация системы открытых биржевых торгов, использование сети Интернет для оформления сопроводительных документов делает информацию о товаре прозрачной и общедоступной.

Развитию “серых схем” рыбного экспорта благоприятствует и несовершенство российского законодательства. В результате создаются благоприятные условия для вывоза валютноёмких видов биоресурсов – краба, креветки, гребешка и т. п. После этого рыбопродукция реализуется по более высоким ценам, а разница оседает в иностранных банках. Значительные средства обращаются также в наличном виде, налоги и сборы в бюджет России не платятся либо недоплачиваются.

Если внимательно просмотреть многочисленные публикации в профильных да и непрофильных СМИ, можно увидеть, что лоббистами рыбного экс-

порта развернута настоящая информационная война, направленная на дискредитацию российских контролирующих и правоохранительных органов, а также ряда государственных компаний. Цель ясна – сохранить и расширить возможности бесконтрольной отправки российской рыбы за рубеж и получения сверхприбылей.

Рыбное лобби потопталось и в Госдуме 6-го созыва, пытаясь доказать, что развитие глубокой переработки рыбы в России малоперспективно, что поставки рыбы с Дальнего Востока затруднительны, да особо и не нужны. Фактически, “рыбные короли” пытались саботировать решения руководства России, направленные на обеспечение продовольственной безопасности нашей страны. Сами рантье в большинстве переселились за границу и оттуда пытаются повлиять на попытки ФАС навести порядок на рыбном рынке.

Серьезная причина, – нехватка холодильных складских и рыбоперерабатывающих мощностей и развитой инфраструктурной составляющей наших портов; нуждается в обновлении и рыболовный флот. Но потенциальные инвесторы не спешат. Их смущает тот факт, что основная часть отечественной рыбной продукции уходит по накатанной дорожке – на рынки соседей России по Азиатско-Тихоокеанскому региону. Рыбные магнаты свою львиную долю так просто не уступят.

Рассматривается возможность организации перевозок рыбы с Дальнего Востока в Мурманскую область Северным морским путём, а в перспективе – создания регулярной арктической контейнерной линии. В 2011 году уже были выполнены рейсы с рыбой по Севморпути до Санкт-Петербурга и вполне успешно: доставка обошлась примерно 3 рубля за килограмм. В мае 2016 года вышел в первый рейс атомный лихтеровоз-контейнеровоз “Севморпуть”.

Как видим, усилия по оздоровлению рыбной отрасли предприняты Госсоветом нешуточные. Очень хотелось бы, чтобы они увенчались успехом. О результатах мы узнаем не из отчётов, а по розничным ценам.

(Продолжение следует)

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

“УДИРАЙ И НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!”

История создания и бегства из СССР польской “армии Андерса”

Поляки, по их мнению, никогда не дезертировали, не бежали, не смывались и уж, конечно, не драпали... Они просто “меняли дислокацию”...

Автор

1. Разговор в начале (вместо предисловия)

— Нам перестали подавать руку, даже просто здороваться не хотели... — Юзеф Сигалин, бывший солдат армии Андерса, держал в пальцах зажжённую спичку, так и не донеся её до сигареты. Он даже не замечал, что спичка уже догорела до половины и вот-вот обожжёт ему пальцы.

— А какой был восторг вначале! Формировавшиеся в СССР польские дивизии генерала Андерса активно рекламировались и в советской печати, и по радио. По несколько раз в неделю из чёрных тарелок репродукторов сообщалось о героических польских союзниках, которые вскоре вступят в бой с ненавистным врагом вместе с воинами Красной армии.

О поляках, готовящихся к схватке с гитлеровцами, знал каждый. И все с огромной симпатией смотрели на солдат и офицеров в польской форме, ожидая их широко объявленного участия в совместной борьбе.

Перед микрофоном московского радио выступал генерал Сикорский, красиво говорил генерал Андерс: “Мы, поляки, имеем много недостатков, но у нас есть одна бесценная черта: мы не умеем предавать”. Кто же из нас тогда мог предположить, что польский генерал мог так беспардонно врать?

В посёлках, колхозах, совхозах, городах местные власти и общественность устраивали торжественные проводы уезжавшим в польскую армию призывникам и добровольцам.

А потом — потом в Красноводске встретились два потока. Поток раненых, искалеченных, эвакуированных из-под Сталинграда красноармейцев и стройные колонны прекрасно снаряжённых, отлично одетых батальонов генерала Андерса.

“Хорошо, союзники идут нам на помощь в самый трудный момент”, — говорили на пристани в Красноводске. Но “союзники” направлялись не на бой с гитлеровцами, а в сказочную Персию, в спокойный и мирный Ирак. Это был классический случай дезертирства и предательства союзников, предательства своих прежних обязательств, нарушения заключённых договоров.

Отношение к полякам переменялось. Но только всё презрение и отвращение советских людей к людям в польской военной форме достались тем, кто остался.

— Именно нам, а не кому-либо иному, пришлось глотать горькую правду о поведении поляков, бросаемую прямо нам в лицо советскими людьми, с которыми свела нас судьба в труде и в военной беде, — продолжал Юзеф Сигалин. — Простые люди не знали тогда тайн большой политики...

Стоит ли удивляться, что с тех пор вполне естественной реакцией при всяком упоминании о поляках, о создании новой польской армии в СССР, было: “А не убегут ли они снова в Иран?”

И с таким горьким опытом, с такими настроениями советских людей должны были считаться и советское правительство, и сами оставшиеся в СССР поляки.

2. Переговоры и уговоры

В июне 1941 года вся Англия впервые с сентября 1939 года вздохнула спокойно. Первый раз за два года.

Нападение Германии на Россию резко снизило угрозу военного разгрома Великобритании, появилась обоснованная надежда, что Гитлер увязнет в России, и это будет спасением для Англии.

Когда в 1939 году Гитлер бросил свои войска на Варшаву, Черчилль сделал вывод: вслед за Польшей последует Россия.

Но он ошибся. Вслед за Варшавой пошли Копенгаген, Брюссель, Антверпен, Париж... Сама Англия оказалась под угрозой германского вторжения.

Угроза эта становилась всё реальнее: 10 июня 1940 года в войну на стороне Германии вступила Италия. В апреле 1941 года Германия захватила территории Югославии и Греции. Военные успехи позволили гитлеровской дипломатии раздвинуть границы фашистского блока, присоединить к нему Румынию, Венгрию, Болгарию и Финляндию.

Германия в сороковом году находилась в зените своего могущества. Франция была разгромлена, её не спасли ни укрепления линии Мажино, ни английский экспедиционный корпус.

Это был крайне тяжёлый период для Великобритании. Наверное, никогда за всю свою историю Англия не была так слаба. Её почти четырехсоттысячный экспедиционный корпус, разгромленный под Дюнкерком, бежал из Франции, бросив не только оружие и тяжёлую технику, но даже чемоданы с личными вещами.

Немцы сняли о разгроме англичан великолепный пропагандистский фильм, и германские посольства во всех странах мира демонстрировали его многократно. Черчилль признавался позднее в своих мемуарах, что после разгрома под Дюнкерком английская армия имела в 1940 году только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков...

К лету 1941 года блок фашистских государств в экономическом и военном отношении резко усилился. Большая часть континентальной Европы с её ресурсами и экономикой оказалась под контролем Германии.

На немецких предприятиях и в сельском хозяйстве работали более 3 миллионов иностранных рабочих и военнопленных. Они заменили немцев, надевших военные мундиры. Свыше миллиона новых германских рабочих были из Польши. В оккупированных странах было захвачено всё вооружение их армий, например, только во Франции — около 5 тысяч танков и 3 тысяч самолётов. Автомашинами французского производства в 1941 году были укомплектованы 38 пехотных, 3 моторизованных и 1 танковая дивизии вермахта.

На германских железных дорогах появилось свыше 4 тысяч паровозов и 40 тысяч вагонов из оккупированных стран. Экономические ресурсы большинства государств Европы были поставлены на службу гитлеровскому рейху.

Англия оставалась в полном одиночестве, её армия была не в состоянии дать отпор германской. Великобритании срочно был необходим союзник, способный противостоять железным дивизиям вермахта. Таким союзником мог стать только Советский Союз — никого другого в Европе просто не было.

Хотя совсем недавно английское правительство отвергло предложение СССР о союзе и даже вместе с Финляндией пыталось напасть на него. Можно ли было после этого рассчитывать на то, что отношения с русскими удастся

быстро нормализовать, ведь они были доведены до крайне плохого состояния по вине исключительно английской стороны?..

В начале 1941 года у англичан появились данные, предоставленные польским подпольем, свидетельствующие о возможном нападении Гитлера на Советский Союз. Это породило новые надежды на ослабление германской угрозы Британским островам. Только теперь уже не было (как в начале 1940 года) желания объединиться с Германией в антисоветской борьбе. Английские политики стали опасаться, как бы СССР не пошёл на крупные уступки Германии и тем самым не помешал возникновению войны между ними.

Поэтому Черчилль и предупреждал настойчиво советское правительство, что Германия вскоре нападёт на СССР. Это было сделано лишь с той целью, чтобы Кремль имел возможность подготовиться и не капитулировал в последнюю минуту перед Гитлером. И сам характер предупреждений был таков, что советские лидеры должны были понять: в случае войны Англия не займёт в отношении СССР враждебную позицию. Это был ясный намёк на возможность сотрудничать и первый шаг к будущему союзу.

Предупреждение англичан не было новостью для советского правительства. Аналогичную информацию оно получало и по другим каналам. Но настойчивость Лондона заставляла очень сомневаться относительно мотивов предупреждений.

Советское руководство прекрасно знало, что война между Германией и СССР всегда была желанной для британских правящих кругов, а теперь она – чуть ли не единственное средство спасения для Англии. Только трудно было и в этих условиях поверить в “доброжелательность” Лондона.

И Черчилль тоже это прекрасно понимал. Он писал британскому послу в Москве в эти дни: “Советское правительство прекрасно знает о грозящей ему опасности, а также о том, что мы нуждаемся в его помощи”. Наверное, именно поэтому ещё 10 июня 1941 года – за две недели до нападения Гитлера на СССР – министр иностранных дел Англии А. Иден заявил советскому представителю: “В случае русско-германской войны мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы атаковать с воздуха оккупированные немцами территории на Западе”.

А ещё через несколько дней Иден вновь встретился с советским послом и сообщил ему: “Если немцы нападут на СССР, мы готовы прислать миссию в Россию, представляющую три рода вооружённых сил. Мы также срочно рассмотрим экономические нужды России”.

Именно тогда Черчилль на одном из заседаний своего военного кабинета произнёс: “Перемена – ключ к успеху”.

Правда, не он придумал эту красивую фразу. Хорошо начитанный английский политик просто повторил, несколько изменив его, любимое выражение императора французов Наполеона: “Случай – вот единственный законный повелитель во всей Вселенной”.

Случай, удача, шанс, перемена...

И такой счастливой для Британии переменой явилось 22 июня 1941 года. Теперь Англия была не одна, и она сразу поняла, что спасена. Черчилль был вполне здравомыслящим человеком и понимал прекрасно: спасение Англии возможно лишь в союзе с Россией. И дальнейшее развитие событий полностью это подтвердило.

Однако долгожданное Черчиллем нападение Германии на Россию первоначальных расчётов не оправдало. Более того, в 1941 году возникли опасения, что в случае поражения России неминуем и полный разгром Англии. Но вскоре эти опасения рассеялись. Советская Россия оказалась куда сильнее, чем думали в Европе, и мощь её всё нарастала.

То, что Германии никогда не победить Россию, в Лондоне знали всегда. Черчилль так и заявил на заседании парламента. Он выразил самое горячее желание оказать Советскому Союзу всяческую поддержку в его борьбе с фашистской Германией.

Выступая по радио вечером 22 июня, Черчилль особо подчеркнул, что за последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем он. Но теперь у англичан одна неизменная цель: они полны решимости уничтожить Гитлера и нацистский режим. Поэтому любое государство, которое борется против нацизма, получит их помощь.

– Такова наша политика, – заключил премьер. – Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем.

Необходимость сотрудничества с СССР вынудила Черчилля на время приглушить свою ненависть к Советскому Союзу, но не покончить с ней. Премьер не постеснялся заявить тогда, что, если бы нужда заставила его искать союза с самим дьяволом, он пошёл бы на это.

И президент США Рузвельт 24 июня выразил готовность Соединённых Штатов Америки предоставить Советскому Союзу “всю возможную помощь”, хотя американские эксперты считали, что русские продержатся не более трёх месяцев, а посол Великобритании в Москве Криппс давал русским всего месяц, так он и сообщил в Форин-оффис. И это было ещё вполне оптимистично, поскольку английская разведка в своём секретном докладе правительству утверждала, что русские будут разгромлены через две недели.

У самого же Черчилля было иное мнение. И уже 10 июля он пишет военноморскому министру и начальнику военно-морского штаба:

“Представляется совершенно необходимым отправить небольшую смешанную английскую эскадру в Арктику для установления контакта и для совместных действий с русскими военно-морскими силами. Это должно быть сделано до проведения подготавливаемой нами операции. Впечатление, которое произведёт на русский военно-морской флот и вообще на сражающуюся русскую армию прибытие в Арктику этих кораблей, которые будут именоваться английским флотом, может иметь огромное значение. Прибытие кораблей в Арктику позволит нам также сэкономить большое количество крови англичан.

Если бы русские могли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключённый Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причинит нам неудобства, — что я вполне сознаю, — ради того, чтобы поддержать их дух...”

Хотя в тексте этого распоряжения и проскальзывает некоторое сомнение в стойкости русских, и даже мысль о том, что они могут пойти на заключение мира с агрессором, весь тон послания вполне оптимистичен и полон уважение к нашей сражающейся стране. Но основная мысль данного послания — “...это позволит нам сэкономить большое количество крови англичан”. Собственные интересы Британской империи для Черчилля — важнее всего.

Позиция Черчилля нашло живое понимание в Москве. И уже 18 июля Сталин в своём послании благодарит Черчилля и предлагает конкретные действия по реализации соглашения между правительствами. Советский лидер полностью согласен с предложением о действиях английского флота на северном фланге советско-германского фронта. Он пишет:

“Ещё легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной лёгкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев”.

Одновременно Сталин подчёркивает, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию.

И Сталин указывает, что легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер ещё не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Черчилль ответил незамедлительно, уверяя, что “всё разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано”.

Относительно же операций во Франции английский премьер довольно многословно объяснял, какое это в настоящий момент трудное и опасное дело. Он считал, что в Москве не знают об англо-американских штабных переговорах в начале апреля 1942 года в Лондоне. Тогда английские военные руководители признали вполне возможным открыть второй фронт в текущем

1942 году вместе с США. Так что вся многословная аргументация Черчилля по этому вопросу выглядит обыкновенной ложью.

В первых числах июля 1941 года в Москву прибыли члены английской военной миссии. Предстояло подписание англо-советского соглашения.

Сам акт подписания был намечен на 12 июля, но до этого английский посол Стаффорд Криппс дважды встречался со Сталиным для продолжительных бесед по деталям соглашения – и английская, и советская стороны отнеслись к делу максимально серьёзно. В частности, соглашение предусматривало взаимную помощь и содержало обязательства не заключать сепаратного мира.

Члены английской делегации попытались воспользоваться ситуацией, чтобы предложить ввести английские войска в Баку, осуществив старую мечту Черчилля – захватить бакинскую нефть. Эту идею озвучил лорд Бивербрук, воспользовавшись словами Сталина, отметившего: “Особенно быстро могли бы помочь англичане, у вас есть готовые дивизии, которые, если трудно открыть второй фронт, могли бы участвовать в боях на Украине...”. Английский лорд тут же предложил: “Британские дивизии, сосредоточенные в Иране, могут быть двинуты на Кавказ”.

Сталин прекрасно понял, чья это идея, и ответил Бивербруку довольно строго: “На Кавказе нет войны, война идёт на Украине”.

Бивербруку пришлось согласиться. Сделал он это весьма нехотя, среди общей неловкости...

В конце июля прибыл в Москву специальный представитель президента Ф. Рузвельта Гарри Гопкинс. Со Сталиным у него состоялась продолжительная беседа. Гопкинс заявил вполне определённо: “Да, видимо, нам придётся вступить в войну”. Это заявление американской стороны имело тогда очень большое значение для нашей страны.

Важное место в переговорах Сталина с Гопкинсом занимал вопрос о номенклатуре и количестве грузов, намечавшихся к отправке в Советский Союз, и о проводке караванов судов к нашим берегам.

Вечером 1 августа Гопкинс через Архангельск улетел на Британские острова. При его значительном содействии в сентябре-октябре 1941 года состоялась Московская конференция представителей СССР, Англии и США. На этой конференции были решены важные вопросы объединения усилий трёх великих держав для достижения победы над фашистской Германией и вопросы помощи Советскому Союзу снабжением.

6 сентября 1941 года Черчилль писал Сталину:

“1. Я сразу же отвечаю в духе вашего послания. Хотя мы не остановились бы ни перед какими усилиями, в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую миссию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции. Я хочу, если Ваше Превосходительство того пожелает, изложить Вам все те основания, которые привели начальников штабов к такому заключению. Эти основания уже были обсуждены сегодня с Вашим послом на особом совещании, в котором приняли участие я и начальники штабов. Акция, ведущая лишь к дорогостоящей неудаче, – как бы похвальны ни были её мотивы, – может быть полезна только Гитлеру. (...)

5. Мы готовы выработать с Вами совместные планы. Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на Европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть. По всей вероятности, можно будет оказать Вам содействие на Крайнем Севере, когда там наступит полярная ночь. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трёх четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 года. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться во фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлиять на Турцию в смысле соблюдения ею, по крайней мере, честного нейтралитета. Тем временем мы будем бомбардировать Германию с воздуха с возрастающей силой, будем также держать моря открытыми и бороться за свою жизнь”.

Как видим, Черчилль и его военный кабинет ещё не полностью оправились после разгрома под Дюнкерком и страшно боялись вступать снова на Европейский континент. Что же касается Ближнего Востока, то там, считали англичане, у противника меньше войск, там всего лишь итальянцы, и легче

можно получить помощь от Америки. Движение в сторону Востока (“на Ваш южный фланг”) позволяло поближе подойти к нефтяным источникам Баку.

Однако понимая, что приведённых аргументов недостаточно, Черчилль направил специальную инструкцию английскому послу в Москве С. Криппсу. В ней он многословно наставлял посла, на какие аспекты следует обратить особое внимание и что сильнее акцентировать.

В частности, надо было особо указать, что в настоящий момент побережье Франции укреплено до предела и у немцев до сих пор ещё больше дивизий на Западе, чем у Великобритании.

Нет у Англии и достаточного количества судов для перевозки войск на континент, и она может затянуться на многие месяцы. А отвлечение английских флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы судоходство в Атлантическом океане. А это, в свою очередь, могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику, а также к голоду и гибели населения Британских островов.

Когда Сталин заговорит о фронте на Балканах, ему следует напомнить, что даже при имевшемся у англичан тогда на Средиземном море количестве судов потребовалось семь недель для переброски в Грецию двух дивизий и одной бронетанковой бригады. Непремено надо напомнить о потерях, которые понёс английский торговый и военный флот при эвакуации из Греции и с Крита. Сейчас Англия находится в гораздо худших условиях, чем тогда, и английские военно-морские силы уменьшились.

И в конце он ободряет посла:

“Я настоятельно прошу президента Рузвельта прислать сюда Гарримана как можно раньше с тем, чтобы русские знали, на какую помощь они могут рассчитывать в 1942 году для возмещения потерь, понесённых их военной промышленностью, и соответственно могли составить свои планы. Я направляю сегодня ответ на телеграмму Сталина, а настоящее послание предназначается исключительно для вашего собственного руководства”.

В это время Черчилль старался добиться от США решения об отказе от всех планов вторжения в Нормандию через Ла-Манш в 1942 году и в то же время оккупации Французской Северной Африки в течение осени или зимы крупными англо-американскими экспедиционными войсками.

3. Слово за поляками

При таких условиях поляки непременно должны были встать на сторону своих западных союзников. В самом начале июля 1941 года, буквально через несколько дней после нападения Германии на Советский Союз, британский министр иностранных дел А. Иден встретился в Лондоне с премьер-министром польского эмигрантского правительства генералом В. Сикорским.

Встреча была неофициальной, и английский министр в лёгкой и непринужденной форме объяснил поляку, что в связи со сложившейся обстановкой его патологическую русофобию следует на время оставить, и территориальные вопросы, приведшие к обострению польско-советских отношений, надо на время отложить; сейчас на повестке дня нечто более важное: совместная борьба с германским фашизмом.

Безусловно, британское правительство прекрасно понимает стремление польского эмигрантского правительства сохранить за собой власть в стране после победы над Германией и в этом смысле будет впоследствии всячески поддерживать все начинания в данном вопросе. Сейчас же важно создать польскую армию, ведь у правительства эмигрантов нет никакой военной силы... Потому польские попытки вести в настоящий момент самостоятельную политику явно неуместны.

К тому же, мягко подчеркнул английский министр, в настоящее время возможно создать и вооружить польскую армию в СССР, а как её использовать, мы ещё должны хорошо подумать вместе. Во всяком случае, у польского эмигрантского правительства появится реальная вооружённая сила.

Этот аргумент заставил Сикорского задуматься. Ведь он действительно был главнокомандующим без армии.

Были у англичан и иные резоны. Английская разведка продолжала настойчиво утверждать, что Россия продержится недолго. Может быть, ей действительно долгое время не устоять?

И хорошо в таком случае иметь за линией фронта друзей Англии, вооружённых поляков, с которыми всегда можно договориться, учитывая их застарелую нелюбовь к России.

Не забывая о своих интересах, англичане позаботились о том, чтобы в текст планируемого военного соглашения между Польшей и СССР был включён особый пункт о том, что “призывные и добровольцы, служившие в польской авиации и морском флоте, будут отправлены на территорию Великобритании для пополнения соответствующих польских частей, уже там существующих”.

Технику англичанам дали американцы, но специалистов для её обслуживания было недостаточно, значит, и поляки пригодятся. Очень умно и предусмотрительно!

Генерал Сикорский и его заместитель в эмигрантском кабинете министров Миколайчик казались англичанам вполне подходящими для осуществления их планов. И тот, и другой в своё время воевали с Россией, а Сикорский даже формировал польские легионы, которые сражались на стороне Германии в Первую мировую войну. И вообще весь этот польский эмигрантский кабинет сложился из недавних политических деятелей Польши, которых уж никак нельзя упрекнуть в симпатиях к русским.

Сикорский оказался на редкость понятливым. В конце концов, вывезенное из Польши золото на сумму 324 миллиона злотых и вся польская иностранная валюта хранились в подвалах английского банка, а потому проявлять строптивость не следовало.

К тому же немногочисленные польские части, поспешно эвакуированные из Франции после её быстрого поражения, находились в составе английской армии. И уже больше года отдельная польская часть состояла в составе англо-французского экспедиционного корпуса, намеченного к использованию против СССР ещё в ходе советско-финской зимней войны 1940 года. Этот эпизод своей истории в Польше сейчас упорно замалчивают.

К его чести, генерал Сикорский, вопреки своим антисоветским взглядам, умел трезво глядеть на вещи. Он нашёл в себе силы и смелость пойти наперекор многим и восстановил дипломатические отношения с Москвой. Об объявленной Советскому Союзу в 1939 году войне лондонские поляки старались больше не упоминать. Сейчас некоторые польские публицисты и политики, плохо знающие историю собственной страны, с пеной у рта утверждают, что никакого объявления войны СССР не было. Этих господ я отсылаю к первому тому “Documents on Polish-Soviet Relations 1939–1945”. London, 1961. P. 55.

В июле 1941 года в Лондоне начались переговоры между премьер-министром польского эмиграционного правительства В. Сикорским и советским послом в Англии И. Майским, посвящённые установлению союзнических отношений.

Они с самого начала были трудными и сложными. Польская сторона сразу же выдвинула проблему границ, желая возвращения украинских и белорусских земель, причём требовала заключения письменного соглашения по этому вопросу. Но ведь территории Западной Украины и Западной Белоруссии были присоединены к СССР в порядке воссоединения украинского и белорусского народов, и никакие соглашения с Германией, о которых долдонила польская сторона, были здесь ни при чём.

Советская сторона считала, что сейчас самое важное – совместная борьба с германским фашизмом, а для этого следует создать польские вооружённые части в СССР. Что касается проблем советско-польской границы, то её следует отложить на время. Поляки были с этим категорически не согласны, и переговоры оказались на грани срыва.

Пришлось вмешаться Англии. Генералу Сикорскому настоятельно порекомендовали не настаивать в данный момент на каких-либо письменных гарантиях относительно будущего. Черчилль в это время подчёркивал, что, став в борьбе против Гитлера товарищами по оружию, союзные державы, в конце концов, окажутся в состоянии разрешить территориальные вопросы путём дружеского обсуждения за столом конференции. А в разгар битвы всё должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий.

И, чтобы окончательно успокоить польских эмигрантских политиков, министр иностранных дел Англии А. Иден в ноте от 30 июля польскому правительству в эмиграции изложил британскую точку зрения:

“В связи с подписанием сегодня советско-польского соглашения я хочу воспользоваться случаем, чтобы поставить Вас в известность, что в соответствии с условиями соглашения о взаимопомощи между Соединённым Королевством и Польшей от 25 августа 1939 года правительство Его величества в Соединённом Королевстве не брало на себя никаких обязательств в отношении Союза Советских Социалистических Республик, которые затрагивали бы отношения между СССР и Польшей.

Я хочу также заверить Вас, что правительство Его величества не признаёт никаких территориальных изменений, произведённых в Польше после августа 1939 года”.

Текст этой ноты Иден в тот же день зачитал на заседании в палате общин, добавив при этом: “Обмен нотами, которые я только что огласил для сведения палаты, не влечёт за собой каких-либо гарантий границ со стороны правительства Его величества”. Это значило, что англичане заранее готовили себе путь к отступлению.

Этим дело и кончилось. Теперь полякам предстояло реально вступить в борьбу, создав армию в Советском Союзе.

4. Вопрос о польской армии в СССР

Попытки создания польской армии на территории Советского Союза предпринимались и раньше, до подписания военного соглашения. Ванда Василевская на встрече со Сталиным ещё в ноябре 1940 года поставила вопрос о формировании польских добровольческих частей.

22 июня 1941 года, буквально через несколько часов после нападения Гитлера на СССР, группа офицеров польской армии, интернированных в сентябре 1939 года, во главе с подполковниками З. Берлингом и Л. Букоемским обратилась к советскому правительству с просьбой дать им оружие и предоставить возможность участвовать в борьбе СССР против фашистской Германии. Однако позднее, в ходе предварительных бесед с Берией и Меркуловым офицеры группы Берлинга выдвинули более широкий и перспективный план сотрудничества. Поляки предложили сформировать вполне полноценную боевую единицу, практически штатную дивизию. Это было убедительно и перспективно.

Уже 2 ноября 1940 года Берия подписал докладную записку на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с предложением создать на территории СССР польскую воинскую часть. Берия даже предлагал для сохранения в тайне формирования польских частей вести её формирование “в одном из совхозов на юго-востоке страны”, вдали от западной границы, куда вряд ли дотягивалась фашистская разведка.

Согласования по этому вопросу шли довольно долго, – видимо, Сталин колебался в принятии окончательного решения. И только 4 июня 1941 года, за две недели до нападения Германии на СССР, СНК СССР согласился на основе решения Политбюро ВКП(б) на создание польского соединения.

Формированием польских частей занимались не только чекисты, но и работники Наркомата обороны СССР. И именно их предложение рассматривало Политбюро. Военные предлагали не создавать новую дивизию, а переукомплектовать уже существующую 238-ю стрелковую дивизию Среднеазиатского военного округа.

Предложение Наркомата обороны было оптимальным во всех смыслах, но реализовать его просто не успели – началась Великая Отечественная война. И вопрос о формировании польской армии встал уже на основе соглашения между Правительством СССР и эмигрантским правительством Польши от 30 июня 1941 года.

Безусловно, высшие руководители НКВД, подписавшие обращение к Сталину, прекрасно понимали, что поляки, даже “профильтрованные” советскими спецслужбами, достаточно негативно относятся к советской власти. Иметь такую часть в составе Красной армии было просто опасно. Нет никакой гарантии, что, получив оружие, они не станут стрелять в спину нашим солдатам. К тому же даже в небольшой инициативной группе Берлинга существовало уже разделение во мнениях. Это было совершенно по-польски: два поляка – три партии. Часть офицеров хотела сразу же идти в бой с немцами, пусть даже в составе советских войск, другие не готовы были действовать без прямого приказа эмигрантского польского правительства в Лондоне.

С началом войны и другие интернированные офицеры, в частности, полковник Джавецкий, настойчиво предлагали начать формирование польских частей. В свою очередь и поляки-коммунисты, находившиеся в Белоруссии, обратились с просьбой разрешить им сформировать польскую добровольческую часть в СССР.

Однако советское правительство, учитывая военно-политическую обстановку, предложило всем польским гражданам, выразившим в июне 1941 года желание создать польские части, вступить в формирующуюся армию, названную впоследствии «армией Андерса».

Договор от 30 июля 1941 года создал основу для установления отношений и дальнейшего сотрудничества. Его развитием явилось военное соглашение, подписанное 14 августа 1941 года в Москве. Затем в декабре 1941 года и июльский договор, и военное соглашение были дополнены. Почему-то в польских эмигрантских кругах в связи с этим принято было считать, что это произошло под личным влиянием Сикорского во время его переговоров в Кремле, завершением которых стала декларация Сикорского—Сталина, подписанная 4 декабря 1941 года. Вероятно, им очень хотелось верить, что они, лондонцы, действительно представляют какую-то политическую силу. Однако в польском Лондоне далеко не все с восхищением встретили договор и поддержали его. Предпринимались даже попытки не просто саботировать его выполнение, а и сорвать.

Но договор продолжал выполняться, работа шла благодаря самоотверженности большинства польского общества и делового отношения советской стороны. Это получило положительную оценку и вызвало доброжелательное отношение к полякам со стороны советских властей.

С советской стороны переговоры, начавшиеся в Москве 1 августа 1941 года, вёл уполномоченный Генерального штаба Красной армии генерал-майор А. М. Василевский, с польской стороны — начальник польской военной миссии генерал-майор (генерал бригады) С. Шишко-Богуш. Переговоры завершились 14 августа подписанием военного соглашения между Верховным Главнокомандованием СССР и Верховным Командованием Польши.

Главной целью соглашения являлось создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии, предназначенной «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии». Соглашение строго оговаривало национальный суверенитет формируемых частей: они должны были составить часть вооружённых сил суверенной Польской республики, при этом военнослужащие присягали на верность Польской республике.

После окончания войны армия должна была вернуться в Польшу. Организация, обмундирование, знаки различия для личного состава армии устанавливались такие же, как и у польских частей в Англии.

На время совместных действий польская армия в оперативном отношении должна была подчиняться Верховному Главнокомандованию СССР, в делах личного состава и организации — польскому командованию.

Обеспечение, довольствие и санитарное обслуживание личного состава армии предусматривалось по нормам Красной армии. Предполагалось также, что призывники и добровольцы, служившие ранее в польской авиации и морском флоте, будут направлены в Великобританию для пополнения находившихся там польских частей.

В соглашении имелся пункт 11, который гласил: «Вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и пр. для польской армии будут доставлены в меру возможности:

- а) Правительством СССР из собственных запасов;
- б) Правительством Польской республики из доставок, признаваемых на основе Билла (закона о помощи демократическим воюющим странам, принятым правительством США)».

Это было очень важным элементом двустороннего соглашения. Польша включалась, таким образом, в страны, получавшие американскую помощь по ленд-лизу. Не стоит только думать, что в этом вопросе правительство США вдруг обуял несказанный альтруизм, всё было гораздо проще. Пропагандистские фразы о бескорыстной помощи маскировали чёткую экономическую составляющую этого плана. Он был весьма выгоден монополиям США. После того как Британская империя передала США все свои золотовалютные запасы, США начали вести поставки военного имущества, вооружения и продовольствия по ленд-лизу, а дословный перевод термина «ленд-лиз» означает —

“взаимы или в аренду” (англ. Lend-lease, от lend – давать взаимы и leas – сдавать в аренду), а смысл его заключается в том, что речь идёт не о благотворительности, а о расчёте.

Ленд-лиз не был бесплатным, но и платным он не был в полном объёме. Лишь материалы, уничтоженные, утраченные или потреблённые во время войны, не подлежали после её окончания оплате. Оставшееся после войны имущество, пригодное для гражданского использования, должно было быть оплачено полностью или частично на основе долгосрочных американских кредитов, а военные материалы могли быть даже затребованы обратно. Американскую помощь по закону о ленд-лизе получили 42 страны (при этом самые значительные поставки шли в Великобританию).

19 июня 1941 года правительство США включило Польшу в число стран, которые имеют право получать помощь по ленд-лизу.

О готовности предоставить такую помощь Советскому Союзу Рузвельт заявил 24 июня 1941 года. Официальные переговоры по ленд-лизу между СССР и США начались 29 сентября. Для их проведения Рузвельт направил в Москву своего представителя Аверелла Гарримана. И 1 октября 1941 года Гарриман подписал первый протокол о поставках Советскому Союзу. Поставки в СССР оценивались, согласно советским источникам, в 9,8 миллиарда, согласно западным – в 11,3 млрд долларов.

Всего воюющие страны (включая СССР) получили от США военных материалов на сумму в 46 млрд долларов, но тогда же американцы получили обратно товаров от Великобритании на 30,3 млрд; от СССР – на 9,8 млрд; от Франции – на 1,4; от других стран – на 1,5; всего на сумму более 43 млрд, то есть практически эта “бескорыстная помощь” велась за наличные.

Все траты на войну промышленникам США или в ходе войны, или после её окончания Европа должна была вернуть, обесценивая этим свою валюту и укрепляя доллар. Почему бы при таких условиях и не поиграть в “бескорыстного” мецената?

Был в советско-польском соглашении и пункт 12, касавшийся финансовой стороны вопроса: “Расходы, связанные с формированием, снабжением и содержанием польской армии на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР и подлежат возвращению польским правительством по окончании войны”. **Огромный кредит в несколько сот миллионов рублей, предоставленный на создание армии, который Польша обязалась вернуть после войны, она так и не вернула по сей день.**

5. Командующий и его армия

После подписания договора Сикорский стал подыскивать кандидатуру на пост командующего польскими войсками в СССР. Первоначально на эту должность намечался генерал Галлер, в своё время фигура весьма популярная в Польше, но его никак не могли обнаружить – так хорошо он спрятался и от немцев, и от русских. Тогда Сикорский вспомнил об Андерсе, который неоднократно письменно заверял его в своей лояльности и горячо стремился с ним сотрудничать. Впрочем, в частных беседах со своим старым приятелем, будущим послом Котом, Сикорский высказывал некоторые сомнения в том, захочет ли Андерс и в дальнейшем быть лояльным, да и прошлое его небезупречно, и, кроме того, он был не уверен в его политических взглядах. Но больше под рукой никого не было.

В середине шестидесятых годов прошлого века в Лондоне вышла книга некоего Р. Святека, в которой даётся довольно интересная оценка некоторых лиц того периода, в том числе и Андерса. Вот цитата из этой книги:

“Здесь я должен добавить, что назначение генерала Андерса главнокомандующим польской армией в России было одной из крупнейших ошибок и продемонстрировало неспособность генерала Сикорского найти на эту должность достойного человека. Будь вместо Андерса главнокомандующим генерал Борута-Спехович, я уверен, что он не побоялся бы сражаться на Восточном фронте. Его бы не раздражал русский ржаной хлеб и сон на соломенном матраце. Он бы знал, как взглянуть в будущее, и был бы во главе польской армии, входящей в освобождённую Варшаву. Любым своим шагом Андерс проявлял огромное нежелание, граничащее со страхом, как только поднимался вопрос об участии польской армии в боевых действиях на Восточном

фронте. С самого начала он маневрировал с целью вывести польскую армию из России на Средний Восток”.

И уже позднее польский посол в СССР профессор Кот очень верно отметил, что Андерсу присущи были лишь необузданная амбиция и жажда власти, что у него ограниченный ум и полное отсутствие политической подготовки. И ещё: Андерсом вертели англичане, он был лишь слепым орудием в их руках.

Естественно, предварительно состоялись зондажные переговоры польского руководства с советской стороной.

В Москве на Лубянке с Андерсом беседовал заместитель начальника польского отдела советской контрразведки, затем один из основных кураторов формирования польской армии В. Кондратик, который и рекомендовал польского генерала на пост командарма. Ещё перед освобождением Андерс, по его словам, имел продолжительную беседу с Берией и Меркуловым. И якобы Берия заявил ему о некотором закрытом опросе пленных поляков, и вроде бы 90 процентов из них остановились на Андерсе как самой “популярной” (?) фигуре. Но ведь это утверждал лишь сам Андерс и только в своих послевоенных мемуарах, никто иной этого ни устно, ни в воспоминаниях не подтверждал.

Судя по мемуарам Андерса, опубликованным в Лондоне в 1949 году, из части, касающейся следствия по его делу и последующего отношения к нему чекистов, можно предположить, что он давно, ещё до войны, находился в поле зрения советских спецслужб, а возможно, и являлся негласным источником военной информации. Возможно, что правда именно в этом, и Андерс попросту проговорился в своих воспоминаниях. В таком случае вполне понятными становятся и согласие советской стороны на его назначение командармом, и факт беседы с первыми лицами НКВД, и выделение для поддержания контактов с чекистским ведомством не рядовых работников, а начальника и заместителя начальника польского отдела, а также неоднократные встречи с начальником 2-го Управления НКВД (контрразведка) генералом П. Фёдоровым.

Польского генерала освободили из тюрьмы 4 августа 1941 года, и в тот же день состоялось его назначение. Кстати, в тюрьме он оказался вполне на “законных” основаниях. Хотя этот вопрос он тщательно обходит в своих мемуарах, но стало почти сразу же известно, что арестован Андерс был как комендант округа “Краков” (псевдоним “Валигура”) Союза вооружённой борьбы. Правда, в должность он не вступил, но его соратники всё же быстренько выдали НКВД пана коменданта.

То, что Андерс не успел приступить к работе в этой должности, ему очень помогло последствие. Дело, после тщательного разбирательства, прекратили 13 марта 1941 года.

После назначения командующим, для поднятия авторитета Сикорский присвоил Андерсу чин дивизионного генерала (генерал-лейтенанта). Советские власти выделили Андерсу роскошную квартиру, лимузин из правительственного гаража и прикрепили к Андерсу персонального повара – Ивана Васильевича, опытного кулинара, но русского... .

12 августа 1941 года по радио передали, что во исполнение польско-советского договора Президиум Верховного Совета объявил амнистию для всех польских граждан, находящихся на территории Советского Союза.

Но уже со 2 августа поляков начали выпускать из тюрем в Москве. Освобождали целыми партиями. В Москве был сразу же создан временный сборный пункт, где многие могли задержаться на более длительный срок.

Распахнулись и камеры Лубянки, её ворота открылись. Польские военные, ещё вчера хлебавшие рыбную щербу из жестяных мисок, были помыты, побриты и переселены в комфортабельные номера московских гостиниц. Кто-то попал в роскошный “Метрополь”, кто-то – в правительственную гостиницу “Москва”. У некоторых даже оказались старые связи в советской столице. Генерал Борута-Спехович поселился на квартире у своих знакомых. Лубянку покинул и ряд гражданских лиц.

Для польского посольства предоставили помещение бывшего германского представительства (Леонтьевский пер., д. 10). Именно здесь столкнулись те, кто почти два года провёл бок о бок, но в разных камерах, даже не подозревая о существовании друг друга.

Внезапно встретились два брата маршала Пилсудского – Ян и Казимир, – князь Евстахий Сапега, подписавший в своё время Рижский мирный договор, покончивший с советско-польской войной 1920 года, польские

ксёндзы, писатели-демократы – бывшие узники польского концлагеря в Берёзе-Картушской, дипломаты и политики. Они не любили вспоминать месяцы, проведённые в тюремных камерах, но рассказ одного из них – графа Тышкевича – все слушали с интересом и даже с улыбкой.

Графа Тышкевича допрашивали очень тщательно. Каждое слово, которое он произносил, было тщательно анализировано в поисках каких-то важных, но скрытых значений.

“Где ваша жена?” – спрашивал следователь.

“В Италии”, – отвечал Тышкевич.

“Что она там делает?”

“Живёт у родственников”.

“Каких родственников?”

“У её дяди и тётки”.

“Что они там делают? Чем зарабатывают на жизнь?”

Бедняга Тышкевич беспокойно заёрзал на стуле, и это его волнение вдохновило следователя, что он на правильном пути. Он стал настаивать, чтобы заключенный давал точные ответы.

“Ну, видите ли, у них есть немного собственных денег... Ну, и правительство немного помогает”.

“Значит, они чиновники? Да? Может быть, тоже графы?!”

“Ну, не совсем...”

“Так кто же?”

“Это король и королева Италии”...

Выражение лица следователя изменилось. Теперь оно выражало лишь удивление и уважение...

Много там было самых разных людей, и всех их объединяло одно – огромное желание бороться с немцами. У них не было ничего иного, кроме этого. Только это, ничего больше.

Во второй половине августа освободились с Лубянки генералы М. Токажевский-Карашевич, Ярнушкевич, Пшездецкий и многие другие офицеры. Все освобождённые получали денежное пособие. Генералы – по 5000 рублей, старшие офицеры – по 3000, младшие – 2000. Это являлось единовременным безвозвратным пособием. И это были только “подъёмные”, поскольку всем польским офицерам было назначено и денежное жалованье по советским меркам.

Много это было или мало? В те время оклады советских военнослужащих были соответственно: министр обороны – 3500 рублей; генерал, командир дивизии – 2200 рублей; командир полка – 1800; командир батальона – 850. А цены тогда были такие: хлеб – 90 копеек; мясо – 7 рублей, сахар – 4.50; водка – 6 руб. Мужской хороший костюм – 75 рублей. Средняя зарплата по стране составляла тогда 339 рублей в месяц, а прожиточный минимум – 5 рублей в день.

Весь август шла подготовительная организационная работа, связанная с текущими нуждами армии, созданием штабного аппарата, освобождение людей из лагерей и тюрем.

Но не административные хлопоты занимали Андерса в тот момент больше всего. Внезапно рядом с ним появились те, о ком он уже почти забыл, – его бывшие коллеги по армии, и эти люди настойчиво предъявляли свои права на руководящие посты. Это пугало Андерса и заставило его не только серьёзно задуматься, но и максимально насторожиться. Его конкурентами, несмотря на уже состоявшееся назначение, были заслуженные генералы, в военном отношении гораздо более компетентные и авторитетные.

Начались интриги по поводу должностей. Это стало какой-то эпидемией. Благородные порывы у высших польских чинов прошли мгновенно, и началось взаимное “уничтожение”: клеветы, склоки, доносы, подсиживания. Всё меньше говорилось о конкретных делах, всё больше – о должностях, чинах и почестях, постоянно вспоминались довоенные заслуги.

Андерс родился в семье небогатого польского помещика немецкого происхождения в Привислянском крае (так тогда называлась “Русская Польша”), в маленьком местечке Блоне около Кутна, таком маленьком, что – как шутили местные жители – его и в телескоп на карте не увидишь. Местечко это было сравнительно неподалеку от Варшавы, впрочем – в Польше всё рядом...

Учиться юный Андерс был ленив. Поэтому его определили не в классическую гимназию, где надо было изучать среди прочего и три иностранных языка, а в реальное училище, программа которого была много проще, и учиться там было значительно легче.

После окончания училища и неудачной попытки поступить в престижную варшавскую “Политехнику” Андерс с помощью прибалтийских родственников устроился в Рижский политехнический институт. Учёба там у него шла не очень успешно, и в 1913 году он счёл за лучшее пойти на службу в русскую армию, поступив в кавалерийскую школу офицеров запаса.

Во время Первой мировой войны он дослужился до командира эскадрона, а в 1917 году, когда сильно поредел корпус офицеров Российского Генерального штаба и срочно понадобились свежие силы, Андерсу удалось окончить краткосрочные курсы при Николаевской академии. Какое-то время он прослужил в разведывательном отделе одного из штабов, но там не прижился. Сослуживцы недолго любили его, как они выражались, “за лизучесть”.

После революции Андерс уехал в Польшу и, вспомнив о своих немецких корнях, вступил в находившуюся там оккупационную германскую армию (в её составе был переметнувшийся к немцам корпус генерала Довбор-Мусницкого); затем, после капитуляции немцев, перешёл в польскую и даже успел участвовать в советско-польской войне 1919–1920 годов.

Генеральское звание Андерс получил в самом преддверии войны, видимо, постарались друзья, поскольку никакими военными талантами этот человек не обладал, все, знавшие его, самым положительным его качеством считали лишь редкую вежливость и предупредительность.

Этим он резко отличался от большинства старших польских офицеров. Такому манеру поведения он считал для себя наиболее удобной – ведь ни состояния, ни влиятельных родственников у него не было.

До войны излюбленным занятием Андерса было участие в офицерских конноспортивных состязаниях “Милитари”. Этим способом он пытался втереться в круги польской аристократии, где конный спорт всячески поощрялся. А такой спорт требовал крупных денег и был связан с большим финансовым риском. Увлечение вскоре переросло в привычку и сформировало алчность, ставшую, в конце концов, обычным азартом.

Для того чтобы пополнить свои доходы, Андерс обзавёлся собственной скаковой конюшней. Только из-за недостатка средств приходилось постоянно извращиваться, и Андерс содержал свою конюшню на казённом фураже.

Первый крупный скандал по этому поводу разразился в Бялокрынице, где полковник Андерс командовал бригадой, а своих скаковых лошадей содержал в конюшнях 12-го уланского полка. Командир этого полка, подполковник Рупп, подал командованию Люблинского военного округа рапорт, в котором обвинял полковника Андерса в злоупотреблениях и требовал возместить стоимость фуража, израсходованного на его лошадей. Дело было настолько ясным и проступок столь вопиющим и не совместимым с офицерской честью, что его следовало сразу же передавать в военный суд. Однако за Андерса вступился приятель, начальник интендантской службы генерал Даниэль-Конаржевский.

Кумовство в высшей польской военной среде процветало, и от суда Андерсу удалось отвертеться. Командование бригады перевели в другой городок, а честного подполковника, осмелившегося изболочить вора-командира в злоупотреблениях, отправили в отставку.

Но и в Бродах, куда переместился штаб бригады, Андерс не успокоился. Он продал принадлежавший бригаде экипаж, а деньги просто положил в карман. Затем, получив в тот же период генеральское звание, Андерс этот экипаж каким-то образом вернул в бригаду и использовал как личный выезд. Случай был скандальный, и дело попало в Львовский военный суд. Командующий военным округом генерал Токажевский был настроен решительно, и Андерса перевели в Барановичи, но на аналогичную должность. У воришки снова нашлись покровители.

И опять Андерс не успокоился. Открылись его жульнические махинации на бегах. На этот раз отвертеться ему не удалось. Спасла, как ни странно, война. Дело приостановили, и запачканный генерал остался при своих погонах.

Как потом говорили, именно это обстоятельство заставило Сикорского назначить Андерса командующим польскими войсками в СССР. Видимо, он посчитал, что скомпрометированный генерал будет ему полностью послушен.

Ошибся Сикорский: вор и мошенник всегда останется вором и мошенником, психология его не меняется, и надеяться на него никак нельзя.

В Москве Андерс снова встретился с Токажевским. Тот ничего не забыл, и при каждом удобном случае напоминал окружающим о сене, коляске, лошадях, овсе и деньгах. Конфликт с Токажевским серьёзно насторожил Андерса. Он понял, что всё будет развиваться и дальше, и неизвестно, к чему может привести – недоброжелателей у него было много. Токажевского быстро назначили командиром шестой польской дивизии. Маловато для такого заслуженного человека, но всё же – должность. И всегда на глазах. Бывшие противники заключили мир, выпили на брудершафт, поклялись в вечной дружбе и остались смертельными врагами.

С другим своим недоброжелателем, генералом Ярнушкевичем Андерс расправился, воспользовавшись тем, что Ярнушкевич занял крупную сумму денег для покупки драгоценностей. Сикорскому была послана радиogramма о том, что генерал Ярнушкевич использует казенные деньги для покупки драгоценных камней. Из Лондона нельзя было видеть подоплёки всего дела, и Сикорский решил по-военному: “Дело Ярнушкевича направить в суд чести для генералов. Пока назначения не давать”. Ещё один опасный для Андерса конкурент был устранён.

Оставался генерал дивизии Янушайтис. Это был серьёзный соперник. К тому же, к Андерсу он относился внешне весьма доброжелательно. Он был старше Андерса и по возрасту, и по чину, и по занимаемым до войны должностям, превосходил его политическим кругозором, профессиональным и жизненным опытом. Это был весьма серьёзный и хорошо воспитанный, тактичный человек. Всегда уравновешенный и приветливый, он совершенно не походил на натянутых, кичливых и вздорных польских генералов. Он обладал и большими организационными способностями, о чём свидетельствовала его деятельность во Львове в сентябре 1939 года. Эта подпольная деятельность снискала ему большое уважение со стороны офицеров. Ни сплетнями, ни интригами он не занимался. Это был солдат.

Кроме всего прочего, он был единственным из польских генералов, доказавшим на деле, а не громкими словами отрицательное отношение к существовавшему в Польше до сентября 1939 года режиму. Для Андерса он был действительно опасен, и тот приложил все усилия, чтобы не оставлять рядом с собой этого талантливого, приличного и честного человека, так как слишком очевиден для всех был контраст. После определённых усилий Андерсу удалось отправить Янушайтиса в Лондон.

Об участии Андерса в сентябрьской кампании тоже известно достаточно. Ничем выдающимся он там не проявил себя, только и сам генерал, и его приближённые тщательно скрывали один очень некрасивый эпизод из его боевой деятельности.

Кавалерийская группа Андерса, состоявшая из остатков нескольких разбитых немцами кавалерийских бригад, под Мораньяцами попыталась вырваться из кольца окруживших её частей 28-й пехотной дивизии немцев.

Однако атака поляков сразу же захлебнулась под огнём немецких пулемётов. В течение нескольких минут погибли свыше 80 уланов – целый эскадрон, – и среди них много офицеров. Поляки откатились на исходные позиции, и вдруг раздался сигнал трубы с немецкой стороны. К польским позициям от Моранец двигалась небольшая группа немцев с белым флагом.

Немецкие парламентёры предложили полякам сложить оружие, поскольку положение их безнадежно, а пролития крови можно избежать. Генерал Андерс согласился прекратить сопротивление, если его группе будет гарантирован свободный проход до венгерской границы.

Немцы согласились (район границы был уже надёжно перекрыт ими), и вскоре польский генерал получил справку, подписанную командиром 28-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом фон Обстфеллером. Там говорилось, что “28-я пехотная дивизия обеспечивает польской кавалерии свободный проход на юг...” И подпись немецкого генерала.

Хотел бы я видеть советского генерала, получившего от фашистов подобную справку!

Облегчённо вздохнув, генерал Андерс отдал своим подчинённым приказ, похожий на старое “спасайся, кто может”: разбиться на мелкие группы и на свой страх и риск пробираться в Венгрию.

В конце сентября, раненный случайными пулями в стычке с вооружёнными украинцами, он спрятался в ближайшей деревне и через ротмистра Кучинского дал о себе знать советским военным властям. Через несколько часов его, уже переодетого в штатское, перевезли в Самбор, где его принял командующий одной из армий генерал Тюленев. Затем польского генерала по его просьбе отправили на лечение во Львов. Его поместили в госпиталь с польским персоналом на улице Курковой. Там к Андерсу относились очень хорошо, врачебная забота была исключительно: как-никак генерал-герой, раненный в боях за свободу Польши!.. Никаким ограничениям его не подвергали, весь день его могли навещать гости, этим широко пользовались все посетители госпиталя. Приходила и жена со старшим сыном. У неё тоже всё было в порядке — с жильём она устроилась, в деньгах не нуждалась.

6. Андерс находит покровителей

Шок, полученный Андерсом в первых же боях с немецкой армией, хорошо вооружённой, дисциплинированной и умевшей воевать, убедил его в том, что с немцами бороться бесполезно. Они всегда останутся победителями. Своё слово сказала тут и немецкая кровь Андерса.

И теперь, после нападения Германии на Советский Союз, когда немцы так далеко продвинулись на восток, у польского генерала не оставалось ни малейшего сомнения: в ближайшее же время русские будут разгромлены, и Россия исчезнет. Поэтому надо срочно подумать о собственной судьбе.

Решение о его назначении командующим было принято и со всеми согласовано, но только Андерс знал, как непрочно на самом деле было его положение. В конце концов, в любой момент лондонская конъюнктура может измениться, Сикорский примет иное решение, и что тогда? Куда деваться ему, уже вкусившему первые сладкие плоды власти? Максимум, что он может получить, — должность командира дивизии. Но это значит идти на фронт, как предусмотрено договором с русскими. А там стреляют... Да и в своих стратегических способностях Андерс сильно сомневался.

За многими польскими делами постоянно, как тень, стоит Англия. Андерс это давно понял и поэтому сразу же и очень быстро установил отношения с англичанами. Способ, к которому он прибег, был безошибочным. Ещё до начала переговоров в Кремле он посетил начальника английской военной миссии в Москве генерала Макфарлана и попросил его — в целях большего сближения и взаимного знакомства — прикомандировать в качестве офицера связи на постоянной основе к командованию польских вооружённых сил своего представителя. Англичане, конечно, тут же с радостью исполнили эту просьбу. Они прислали полякам подполковника Гулляса, это была личная просьба Андерса, он был хорошо знаком с этим англичанином. Гулляс — старый английский разведчик — очень хорошо знал Советский Союз, в совершенстве владел русским языком, ещё в 1914—1918 годах работал на Кавказе, разбирался в вопросах нефтедобычи и проблемах Ближнего и Среднего Востока. Через сотрудника посольства доктора Реттингера Андерс также познакомился и с английским послом Криппсом.

Как только Госбанк открыл специальный счёт, на котором был размещён огромный советский кредит, Андерс по-настоящему почувствовал себя командующим. Это произошло 19 августа 1941 года. Тогда были переведены первые 5 миллионов рублей. Именно в те дни Андерс отчётливо понял, что всё его будущее благосостояние зависит только от него. Латыни он не знал, но когда-то услышал фразу из Овидия, произнесённую каким-то образованным человеком, которая ему страшно понравилась: *“Pauper ubique jacet”* — “Бедняк людям не нужен нигде”.

Поняв это буквально, генерал начал широко пользоваться предоставленными в его распоряжение средствами для личных целей. Он быстро купил несколько золотых портсигаров, золотую шкатулку, золотые монеты, несколько крупных бриллиантов и т. п. ценности. Именно тогда Андерс особенно отчётливо уяснил для себя, что ничто так не помогает человеку встать на ноги, как война. В те дни он фактически обворовывал наше государство. Да и своё тоже.

После января 1942 года, когда обсуждение вопроса о займе завершилось подписанием договора, фонд, которым единолично распоряжался Андерс, неизмеримо вырос. По его требованию этот фонд составлял 150 тысяч рублей

в месяц, из которых 50 тысяч шло на расходы по штабу и второму отделу, а сто тысяч ежемесячно – на расходы, контролируемые лично Андерсом. Через полгода Андерс в своём распоряжении имел денежный фонд, который по состоянию на январь 1942 года составлял 266 тысяч рублей. Расходы тщательно записывал адъютант генерала ротмистр Климовский.

Уже в тот период подхалимы из штаба начали было создавать светлый образ польского генерала-героя, придумали ему хорошую биографию. Якобы он окончил в Петербурге Пажеский корпус, а потом и Николаевскую академию генерального штаба. И серебряный знак об окончании академии – орёл в лавровом венке – ему лично вручил государь император и долго прочувственно жал при этом руку. И прослезился...

Но Андерс из осторожности прекратил эту рекламу. Были живы, и они находились рядом, люди, помнящие его и его деятельность. В частности, выпускник Пажеского корпуса и академии генштаба граф Игнатъев, ставший советским генералом. Популярностью Андерс в старой российской армии не пользовался, его не любили и такую примитивную ложь сразу бы разоблачили.

Мгновенно Андерс устроил для себя и своих друзей “светскую жизнь”. Его завтраки и обеды вскоре приобрели известность в польской среде. Еды, несмотря на военные ограничения, было вдоволь. Самые изысканные блюда, причём в неограниченном количестве, всегда были в распоряжении собеседников, количество всяких напитков тоже было немалым. Такие застолья получили среди приближённых Андерса название “обжираловка”. Всеми силами Андерс объединял вокруг себя будущих сторонников.

Андерс обладал уникальной способностью собирать около себя отъявленных прохиндеев и жуликов. Видимо, исходя из принципа “рыбак рыбака видит издалека”. Скупкой драгоценностей для генерала занимались офицер для поручений поручник Косткевич, вахмистр Шидловский и поручник Финклер из третьего отдела штаба, позже служивший в интендантстве. Через посредство посольства Андерс менял рубли на фунты и переводил деньги в заграничные банки на свою фамилию. Часть денег шла в Шотландию – именно там находился брат Андерса, который отслеживал все финансовые операции.

Однако надо было и дело делать или же хотя бы создавать вид деятельности. Первую встречу с советскими органами по военным вопросам Андерс провёл 16 августа, через два дня после подписания Соглашения. Беседа была краткой, вступительной, затрагивающей лишь вопросы организации польских частей в СССР. На этой встрече генерал Панфилов проинформировал Андерса о лагерях военнопленных, бывших польских солдат, и назвал их число – около 20 тысяч рядовых и около тысячи офицеров. Эти люди должны были стать основой для формирования польских воинских частей.

19 августа в Генеральном штабе Красной армии состоялось широкое совещание по вопросу организации польских вооружённых сил в СССР. Решили сформировать две польские дивизии и один запасной полк. Формирование дивизий решено было проводить на основе советских уставов в уменьшенном составе – одиннадцать тысяч человек. На этом же совещании решили, что вооружение эти дивизии получат от советских органов сразу же при их организации. Ко всем польским частям определили офицеров связи Красной армии.

Соглашение от 30 июля 1941 года стало основой для дальнейшего сотрудничества, выразившегося в военной конвенции, подписанной в Москве 14 августа 1941 года.

7. Кот на воеводстве

Кто же занимался этим вопросом с польской стороны?

Главным лицом здесь стал польский посол в СССР Станислав Кот. Трудно было выбрать более неожиданную фигуру для этого самого важного для Польши в то время политического поста.

Краковский профессор-историк, благополучно выбравшись из СССР в 1939 году, он через Румынию пробрался во Францию, а после её разгрома – в Англию, вместе с эмигрантским правительством Сикорского. Он приблизился к Сикорскому, используя старые довоенные приятельские отношения, никаких других качеств, необходимых дипломату, у него не было. Уже потом, после войны, Кот в своих мемуарах признавался, что Сикорский обратился к нему с этим предложением сразу же после подписания договора 30 июля,

прямо в кабинете Черчилля. Он был так поражён этим предложением Сикорского, что, как он сам выражался, “просто остолбенел”.

Как показали дальнейшие события, выбор польского премьера был неожиданным для всех членов его кабинета и стал в буквальном смысле роковым для самого Сикорского. Никто не мог понять, почему на этот пост назначен человек, не только не знающий русского языка, но даже не представляющий себе жизни в Советском Союзе, не имевший никакого дипломатического опыта и смутно понимавший, в чём должна заключаться его миссия.

Случайный посол вспоминал потом: “Никакой определённой инструкции я не получил. Не было даже никаких указаний о линии моего поведения. Поэтому, находясь в Москве, я не видел возможности ведения большой политики. Ведь там мы не имели в своих руках никаких козырей или возможности давления”.

Но здесь, в этих фразах, прекрасно видно, что кое-какие инструкции новый посол всё же получил. И были они в духе старой, провалившейся уже политики Бека и его компании: давить, требовать, пользоваться отсутствующими козырями, надувать щёки и пускать пыль в глаза. Тут уже было не до создания общих дружественных отношений, тесной связи народов в борьбе с общим врагом. Ведь лондонские поляки до сих пор думали лишь о “нажиге” и о “представлении аргументов и материалов для защиты нашего вопроса на международной арене”.

Посол совершенно не ориентировался в таких самых важных на тот момент вопросах, как сотрудничество вооружённых сил и взаимодействие польских вооружённых сил с посольством. Не определили — ещё в Лондоне — и взаимную зависимость и подчинённость посольства и польских военных.

Поэтому свою главную задачу Кот ограничил, как он вспоминал, “материальной, моральной и политической защитой и поддержкой польского населения в России, а также оказанием помощи Войску Польскому”.

Вторым человеком, присланным из Лондона в Москву и занимавшим на тот момент самый главный и ответственный пост, должен был стать глава военной миссии посольства, бригадный генерал Шишко-Богущ. Его основной задачей была подготовка и заключение военного соглашения с Советским Союзом. Однако и этот деятель оказался совершенно не готов к столь ответственной миссии. Вместо чётких инструкций и предложений по военному сотрудничеству он получил от высших польских лондонских военных лишь антисоветские установки, которых решил и придерживаться.

Вся эта деятельность носила характер какой-то провинциальной импровизации, несolidности и некомпетентности. И с этими людьми Москве надо было находить общий язык!

Однако был в команде польского посольства человек, вполне соответствовавший своей довольно скромной, но очень важной в то время должности. Это был пресс-атташе посольства Ксаверий Прушинский, известный до войны польский журналист.

Прибыв в Москву, опытный журналист сразу же разобрался в ситуации. В одном из очерков из Советского Союза он писал: “Так получилось, что достаточно поздно, чем необходимо, но раньше, чем наши эмигранты, я пришёл к выводу, что судьбы этой войны, а вместе с тем и судьбы Польши будут решены именно где-то в берёзовых лесах Карелии, на пыльных дорогах около Смоленска, Орши, Можайска”.

Он приехал, чтобы помочь Сикорскому в практической реализации договора с Россией, помочь людям из лагерей быстрее вернуться к жизни и в польскую армию, которая начала формироваться в СССР. Об этом он хотел написать книгу. Но в польскую армию ему удалось попасть только дважды — генерал Андерс всячески препятствовал допуску сотрудников посла Кота в свою вотчину.

Убедённый в том, что будущее Польши после войны будет зависеть от хороших отношений с СССР, который победит в этой войне, журналист написал ставшую знаменитой статью под названием “Отношение к России”.

Он анонсировал в выходивших в Лондоне “Польских ведомостях” целый цикл российских репортажей, но ни один из них не вызвал такого потрясения в эмигрантских кругах, как этот первый. На голову автора посыпались громы и молнии, некоторые офицеры отказывались подавать ему руку, некоторые даже угрожали, что побьют его.

Его обвиняли, прежде всего, в том, что он хочет отдать России восточные земли, говоря о Польше Кшивоустого, — термин, которым Ванда Василевская определила послевоенные границы польского государства.

Были бесполезны все его оправдания, что он только репортёр и никого не хвалит, и никого не ругает. Никто его не слышал. Вся ненависть эмиграции по поводу пакта Майский-Сикорский сконцентрировалась на Прушинском. Но его репортажи из России один за другим появлялись на страницах «Польских ведомостей». Вскоре из-за чисто польских подковёрных интриг пришлось эти публикации прекратить.

Не удалось выпустить эти репортажи книжкой. Лондонские поляки активно этому противодействовали. Лишь в 1944 году в американском полонийном издательстве «Рой» вышла на английском языке книга репортажей Прушинского «Российский год». Её польский перевод появился в Польше только в 1988 году.

8. Формирование началось

Уже в двадцатых числах августа 1941 года к формированию польской армии в Советском Союзе приступили смешанные комиссии.

Смешанные призывные комиссии начали, в первую очередь, набор в Грязовецком, Южском, Суздальском и Старобельском лагерях, где находились интернированные польские солдаты. Армия набиралась не только по призыву, но и по добровольному принципу. Желавшие добровольно вступить в армию должны были обращаться в советские райвоенкоматы по месту жительства.

За личным составом формируемой армии, особенно за её командованием, был установлен политический контроль. К каждому польскому полку и дивизии, помимо офицера связи Красной армии, был прикреплен и офицер связи от органов НКВД. В то же время у органов НКВД появилась неожиданно возникшая проблема: к местам формирования войск двинулись тысячи гражданских лиц, лишь небольшая часть из которых были родственниками польских военнослужащих.

В первых числах сентября буквально со всех сторон, даже с самых отдалённых северо-восточных окраин Советского Союза, начали прибывать польские граждане: одиночки, иногда небольшие группки, а часто целыми семьями. Многие группы имели самодельные знамёна национальных цветов, всегда с орлами, пели солдатские песни, демонстрируя горячее желание вступить в армию. Все они были уверены, что будут воевать на «польском направлении».

Положение польских граждан изменилось до неузнаваемости. До этого перепуганные, неуверенные в завтрашнем дне, они стали, благодаря договору, свободными людьми. Все им помогали, как в лагерях, так и в дороге. Советские органы никого не задерживали и не раз смотрели сквозь пальцы на самовольные разъезды по всей территории Советского Союза тех, кто говорил, что направляется в польскую армию. Опьянённые и ошеломлённые свободой, они бежали, спешили, проявляли почти чудеса предприимчивости и находчивости в добычании мест в купе, а иногда захватывали не только купе, но и вагоны. Люди устремлялись в те места, о которых было известно, что там формируются польские части, — в Бузулук, Тоцкое, Татищево.

Ехали разные люди: были старики, молодёжь, дети, женщины. Все они устремлялись в лагерь. Одежда у них была самая разнообразная, часть ехала в старых польских мундирах. Таких, пожалуй, было больше всего, некоторые были одеты в гражданское, одни в сапогах, другие в лаптях, а иногда совершенно босиком. У одних были сундучки, у других какие-то чемоданы, иногда вещевые мешки, а чаще всего — обыкновенный узелок в руках.

Так собирались разбросанные по всему Советскому Союзу поляки. Одни находились в концлагерях, другие работали в колхозах или на лесозаготовках, или же на дорожных работах. Одни пребывали в ссылке, другие в так называемых стройбатальонах, а часть находилась в рядах Красной армии.

Поляков прибывало очень много. Ещё в Москве из первых донесений штаб польской армии узнал, что количество прибывших давно превзошло не только те первые двадцать шесть тысяч пайков, но и те тридцать тысяч, что были даны в конце августа.

Ежедневно в места формирования стихийно прибывали сотни поляков. Только в Тоцком и Татищевском лагерях, помимо войск, скопилось более 3 тысяч человек. Ввиду необеспеченности продовольствием эти лица занима-

лись спекуляцией, грабежами, устраивали дебоши, занимались антисоветской агитацией. Территориальные органы НКВД в этих местах вполне обоснованно считали, что неорганизованный наплыв поляков будет возрастать.

Советские представители предложили сформировать третью польскую дивизию. Андерс разделял это мнение, тем более что он и сам намеревался просить о создании ещё нескольких дивизий. Однако А. Панфилов указал Андерсу, что общая численность подчинённых ему частей определена на 1941 год в 30 тысяч человек.

Работа по формированию польских частей шла в ускоренном темпе, с большим опережением составленного ранее графика. Однако всё шло чётко и весьма точно документировалось. Уже 1 октября 1941 года Л. Берия сообщил И. Сталину и В. Молотову, что из 391 575 польских граждан, находившихся в местах заключения и в ссылке, к 27 сентября освобождены из тюрем и лагерей 50 295 человек, из лагерей военнопленных 22 297 и 265 248 спецпереселенцев. На 25 октября 1941 года в польскую армию было призвано 41,5 тыс. солдат и офицеров, что значительно превышало намеченные ранее цифры. Позднее, во время переговоров со Сталиным в Кремле, Сикорский настаивал на создании армии в 150 тысяч человек. В конце концов, договорились о 96 тысячах. К концу февраля 1942 года эта армия насчитывала уже около 75 тысяч человек.

Теперь надо было думать об отправке на фронт. Андерс неоднократно и громкогласно заявлял, что он считает «целесообразным по мере того, как та или иная дивизия будет готова, немедленно направить её на фронт», и даже в своих позднейших мемуарах подчеркивал: «Мы хотели первыми вступить на территорию Польши, это наш долг перед родиной».

Снабжение и обеспечение польской армии всем необходимым устанавливалось по существующим для Красной армии нормам. Причём это были нормы для частей, находившихся на боевых позициях, на передовой, на фронте. В этом случае полкам, находившимся в тылу, явно пошли навстречу и сделали поблажку даже по стоимости поставок. Вот что писал по этому поводу в Лондон польский посол в Москве Станислав Кот:

«Военные (польские) признают, что советские власти засчитывают продовольствие, вооружение и снаряжение, ими поставляемые, по чрезвычайно низким ценам. Советские военные власти весьма облегчают организацию польского войска, на практике они полностью идут навстречу польским требованиям, отдавая войску солдат, мобилизованных уже в Красную Армию на землях восточной Польши».

Это было особенно важно, поскольку продовольственная проблема в тот период в Советском Союзе стояла особенно остро. Население СССР отказывало себе во всём, но поляки из армии Андерса не испытывали никакой нужды.

Как пример ситуации с продовольствием в СССР можно привести обстановку в Архангельске – крупном торговом порте на севере России.

Каковы были в то время нормы отпуска продуктов по карточкам? В Архангельске с 1 ноября 1941 года **в месяц** выдавали:

1. Рабочим и инженерам оборонной промышленности: мяса и рыбы – 2200 грамм, жиров – 600 грамм, крупы и макарон – 1500 грамм.
2. Рабочим и инженерам остальной промышленности, транспорта и связи: мяса и рыбы – 1800 г, жиров – 400 г, крупы и макарон – 1200 г.
3. Служащим: мяса и рыбы – 1200 г, жиров – 300 г, крупы и макарон – 800 г.
4. Иждивенцам: мяса и рыбы – 500 г, жиров – 200 г, крупы и макарон – 600 г.
5. Детям до 12 лет: мяса и рыбы – 400 г, жиров – 300 г, крупы и макарон – 800 г.

К ноябрю 1941 года ситуация с продовольствием в Архангельске ухудшилась настолько, что люди начали есть кошек и собак...

Но в этот же период немецкие и иные военнопленные стран оси получали 600 граммов только хлеба **в день!** Это не считая других продуктов. С пленными обращались даже лучше, чем с собственным населением, поскольку, к примеру, дети и иждивенцы получали тогда по 300 г хлеба в день.

Именно в это время польские офицеры жаловались, что их паёк недостаточен, и в нём нет... шоколада! «Ведь в немецкой армии даже солдаты получают его, а почему в советской нам его не дают?»

Острой и сложной проблемой стал вопрос с вооружением польских частей. Согласно договору, советская сторона брала на себя обязательство предоставить вооружение для одной дивизии польской армии из собственных запасов. Снаряжение, обмундирование и автомашины должны быть поставлены в меру возможности, рассчитывая, что польская сторона договорится о соответствующих поставках и с другими союзниками.

Следует особо подчеркнуть, что речь шла о самом трудном для Советского Союза периоде войны, когда на советско-германском фронте решался вопрос о судьбе страны, самом её существовании. Фронт требовал бесперебойного снабжения оружием, боеприпасами, снаряжением, и всего этого остро не хватало даже для воюющих частей.

Вопрос о вооружении польской армии постепенно приобретал не столько военный, сколько политический характер, влияя на союзнические отношения в целом.

Командование польской армией, несмотря на проблему с вооружением, постоянно, однако, добивалось не предусмотренного соглашением увеличения её численности, формирования всё новых и новых соединений.

Советская сторона была вынуждена сообщить, что единственным препятствием для формирования новых дивизий, как и прежде, является отсутствие вооружения, а также трудности с продовольственным снабжением в СССР. Однако польский посол лукаво сообщил в Лондон, а также послам США и Великобритании в СССР свою версию, заявив, что Советский Союз не хочет, чтобы на его территории была создана крупная польская армия. Именно с этого момента польская сторона начинает обострение вопроса о снабжении армии, выдвигается проблема её вывода с территории СССР. И подобная позиция польской стороны встретила поддержку западных союзников.

25 октября 1941 года В. Сикорский устно заявил А. Богомолу – советскому послу при эмигрантских правительствах в Лондоне – о намерении перевести польские части в Иран или хотя бы в Астрахань.

Командование армией разместилось в районном городке Бузулук в Центральной России, за Волгой, в ста с небольшим километрах от Куйбышева, в который вскоре переехали все дипломатические представительства.

В Бузулуке штаб получил в своё распоряжение красивый дом, гостиницу для офицеров, пятикомнатный особняк для командующего армией и ряд других помещений, в которых размещались сборный пункт вновь прибывающих, комендатура гарнизона, отделы штаба и отдел социальной опеки. Первая партия людей в количестве двадцати тысяч человек поступила сразу же после прибытия призывных комиссий в лагерь военнопленных. В основном это были полноценные солдаты, обученные, относительно молодые.

Кроме этого полноценного с военной точки зрения контингента, в основном хорошо подготовленного, начали одновременно прибывать и массы поляков, освобождённых из тюрем и концлагерей, а также те, кто находился в так называемой добровольной ссылке. Договор и призыв в польскую армию они восприняли однозначно – как способ организованным путём исчезнуть из воюющей страны. Это были люди, самые различные как по возрасту, состоянию здоровья, так и по военной подготовке. Прибывало так много народу, что приходилось каждый день увеличивать количество продовольственных пайков. Уже в начале сентября в неорганизованных ещё частях находилось свыше тридцати четырёх тысяч человек.

Пока сорока четырёх тысяч пайков, выделенных советскими властями, хватало. Но ими питались не только армия, но и те гражданские организации, которые группировались около воинских частей.

Вооружения для формирующейся армии требовалось немало. Только в сентябре-октябре 1941 года для формирующихся польских частей было передано полное вооружение для одной пехотной дивизии: 40 орудий, 135 миномётов, 8451 винтовок. 162 пистолета-пулемёта, 270 ручных и станковых пулемётов, 1022 револьверов и пистолетов.

Всё было сделано, как и обещал Сталин. Оружие собирали по всей стране. В некоторых крупных городах милиционеры выходили на дежурство без личного оружия – всё было отправлено на фронт.

А англичане к тому времени оружия так и не прислали. Не поступило от них и обещанное обмундирование. В связи с неполучением обмундирования из Англии армии Андерса в порядке помощи было выделено 46 тысяч ком-

плектов ватных брюк, телогреек и кожаных ботинок, а также 30 тысяч штук другого обмундирования.

Так что жалобы поляков на отсутствие помощи в вооружении и обмундировании просто несостоятельны. Да, помощь была недостаточной. Но в каких условиях она оказывалась? Об этом польские исследователи и публицисты предпочитают не говорить. А ведь была осень 1941 года – самый трудный для нашей страны период начала войны.

Но поляков это не интересовало. Их девиз был: “Вынь да положи!” Эта позиция возмущала всех. Поляки решили “нажимать”. Андерса и Кота объединяло общее субъективное мнение, что только путём нажима можно что-то получить от Советского Союза.

Это не соответствовало действительности. Власти СССР шли навстречу полякам и делали всё возможное для формирования польской армии.

9. Армия не идёт на фронт

Не желая посылать польские части на Восточный фронт, чтобы они совместно с Красной армией сражались против Германии под советским верховным командованием, Андерс предпринял определённые шаги. Как только 5-я пехотная дивизия получила оружие в сентябре 1941 года, он решил её разоружить, изъяв у неё свыше трети оружия под предлогом, что оно необходимо для обучения других частей и для караульной службы, охраны штабов, складов и прочего. Вроде бы совершенно правильно, но при этом готовая пойти в бой дивизия сразу же становилась небоеспособной, чего и желал Андерс.

15 сентября в Бузулуке состоялось совещание, на котором Андерс выступил с пространной речью, в которой подчеркнул, что немецкие войска всё время наступают и добиваются больших успехов. Вследствие этого советский фронт может по всей линии не выдержать, а Москва в любой момент может пасть.

В связи с тем, что советский фронт весьма ненадёжен, следует польскую армию перевести как можно дальше на юг, если возможно, то к иранской или афганской границам, так как это будет необходимо по следующим двум главным причинам: а) в случае падения советского фронта польские войска могут уйти в Иран, в случае крайней необходимости – через Афганистан в Индию; б) ввиду лучшей возможности быстрого снабжения оружием, которое туда могло бы поступать от англичан.

И в связи с этим уже сейчас следует всех людей, следующих в существующие сборные пункты армии, задерживать и направлять в новые места формирования польских частей в район Ташкента и ещё южнее, как можно дальше от фронта. С этой целью необходимо как можно быстрее направить на крупные и узловые станции железных дорог польских представителей, которые задерживали бы людей и отправляли их на юг. С этим нужно спешить, чтобы поставить советские органы перед совершившимся фактом. Тогда можно будет аргументировать тем, что армию следует формировать там, где находится большое скопление поляков, объяснив это возможной разгрузкой железнодорожного транспорта, исключительно дефицитного в военное время.

Вот какие тезисы – сентябрьские – изложил перед своими доверенными людьми Андерс. Сразу всем стало ясно: **польская армия воевать за Польшу рядом с советской не намерена и не будет.** Главное – спастись от фронта и убежать как можно дальше, а русские пусть выкручиваются сами!

10. Ситуация на фронте

Формирование польских частей происходило в очень тяжёлый для нашей страны момент. 30 сентября немцы начали операцию, целью которой было взятие Москвы.

Вначале было решено массово применить авиацию. Они попытались использовать свой опыт ночных бомбардировок, считая, что русским противопоставить этому нечего. Действительно, у нас не было ни соответствующих локаторов, ни специальных двухмоторных перехватчиков с тяжёлым вооружением и РЛС, и даже обычных истребителей новых типов не хватало.

Вечером 21 июля 1941 года 250 немецких бомбардировщиков впервые атаковали Москву. Они были перехвачены над “ложной столицей”, имитирующей

затемнённые кварталы. До двух часов ночи враг пытался добраться до главной цели, но это удалось сделать только одиночным самолётам.

До 15 августа немцы 18 раз атаковали Москву ночью, и потеря около 200 самолётов при этом воздушном наступлении стала для них полной неожиданностью. Ночные бомбардировки были прекращены, днём тоже прорваться не удавалось, и соединения бомбардировщиков были частично перемещены на другие театры войны, а части, вооружённые “Юнкерсами-88”, были брошены против обороняющих столицу частей Красной армии.

Наступление фашистских войск на Москву по плану операции “Тайфун” началось 30 сентября 1941 года на Брянском направлении и 2 октября – на Вяземском. Наши войска оказывали упорное сопротивление, но противник имел перевес в живой силе, танках, самолётах и упорно рвался к Москве. Гитлеровские войска захватили 4 октября Спас-Деменск, 5 октября – Юхнов, 7 октября – Вязьму.

В начале октября обстановка на фронтах стала просто катастрофической. Хотя по количеству соединений, особенно под Москвой, советская сторона вроде бы имела преимущество над противником, но если посмотреть на истинное положение дел, не только на количество дивизий и корпусов, а на наполненность их реальными силами, то получается, что преимущество было явно у гитлеровцев. И следует учесть, что дело не всегда решают силы, большое значение имеет умение их применить, то самое военное искусство, которым владеют или не владеют военачальники, возглавляющие войска.

На первом этапе, при подготовке битвы за Москву, военное мастерство, следует признать, было на стороне гитлеровцев. Они не только сумели за короткий срок восстановить боеспособность ослабевших в предыдущих боях дивизий, но ещё мастерски провели перегруппировку и создали на главных направлениях такие мощные ударные “кулаки”, что удержать их малочисленные на этих участках советские подразделения не могли.

С первых же дней войны для советских войск оказалась неожиданной ударная сила и мощь немецкой армии. Неожиданностью было и шести-восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях. Это и было тем главным, что определило потери советских войск в первый период войны.

К первой декаде октября сплошного фронта на Западном направлении фактически уже не было, образовалась большая брешь, которую нечем было закрыть, так как никаких резервов командование Брянского, Западного и Резервного фронтов не имело. Нечем было закрыть даже основное направление на Москву. Пути к ней, по существу, были открыты. Никогда с самого начала войны гитлеровцы не были так реально близки к захвату Москвы.

В те дни Геббельс с редким усердием вопил в микрофон: “Москва – не столица, Кавказ – не граница!” Он не сомневался в успехе блицкрига.

В середине ноября немцы начали второе наступление на Москву. В это время командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал фон Бок вводит в бой свои последние резервы. Под ударами превосходящих сил противника в конце ноября – начале декабря советские войска ещё вынуждены на отдельных участках фронта под Москвой отступать. Боевые порядки защитников столицы сжимаются подобно пружине, готовятся распрямиться и нанести врагу сокрушительный удар. К 4 декабря вражеские войска понесли тяжёлые потери в живой силе, танках, самолётах и остановились, готовясь зарыться в мёрзлую землю, занять оборону, перезимовать у стен Москвы.

Московская стратегическая оборонительная операция, которая длилась до 5 декабря, перешла в фазу контрнаступления, продолжавшегося 34 дня.

Войска Калининского фронта перешли в атаку 5 декабря. 6 декабря обрушили удары на врага войска Западного и Юго-Западного фронтов. На некоторых направлениях наши войска перешли в контрнаступление ночью без артиллерийской подготовки.

В течение двух-трёх дней войска Западного фронта прорвали оборону противника на тактическую глубину и заставили его отступать от Москвы. На всех дорогах к западу от столицы вскоре образуются большие скопления и заторы танков, автомашин, бронетранспортёров, колонн фашистской пехоты. Этого теперь уже отступающего врага штурмуют “летающие танки” – штурмовики Ил-2. После каждой штурмовой атаки на дорогах и заснеженных полях Подмосковья пылают десятки танков, сотни автомашин, остаются трупы солдат многочисленных пехотных батальонов гитлеровцев.

И именно в эти дни польское командование планирует общий драп в Индию!..

11. Поляки не у дел

Андерс и Богуш вместе с Котом подготовили предложения, касающиеся польской армии, и в неофициальной форме вручили генералу Макфарлану, чтобы тот поддержал их перед председателем англо-американской комиссии лордом Бивербруком. Официальный экземпляр этой записки был передан американскому делегату Гарриману. Поляки предлагали план создания семи крупных соединений: трёх пехотных дивизий, двух танковых дивизий и двух моторизованных дивизий, а также армейских и запасных частей.

Но заниматься этими вопросами в англо-американской комиссии никто не стал. Она была занята совещаниями со Сталиным.

На общую конференцию союзников поляков не пригласили. Лишь после настойчивых просьб посла Кота 2 октября в американском посольстве в Москве состоялась встреча-конференция по польским вопросам. На ней присутствовали лорд Бивербрук, министр Гарриман, английский посол Криппс, американский посол Штейнгард, английские генералы Исмей, Макфарлан и американский генерал Бернс. С польской стороны – посол Кот, генерал Андерс и генерал Богуш.

Макфарлан доложил вопрос с целом, но лорд Бивербрук сразу же принципиально всё отклонил, не желая вообще дискутировать на эту тему. Он не только не поддержал польского предложения, не только ничего не обещал, а совершенно ясно подчеркнул, что всё, что англичане могут дать, они передадут Советскому Союзу, а он, в свою очередь, сможет выделить полякам лишь то, что найдёт нужным.

При этом Бивербрук исходил из принципа, что поскольку поляки должны сражаться на советском фронте, нет необходимости наделять их особым вооружением, отличным от советского. Поляки должны получить его от Советского Союза в соответствии с планом использования польской армии, тем более что воевать они должны под верховным командованием Красной Армии.

Английского вооружения поляки так и не получили – авантюра Андерса провалилась.

Не успев проглотить обиду, Андерс получил нахлобучку из Лондона. За переговоры, проводимые непосредственно с англичанами без предварительной санкции польского правительства из Лондона и без согласования вышеупомянутых требований с Сикорским, Андерс получил от него нагоняй. Премьер Сикорский упрекнул Андерса в том, что он вмешивается в не свои дела и хлопочет о вещах несущественных, так как создание в Советском Союзе такой польской армии, какой он представил её англичанам, лондонским штабом не предусматривалось.

И уже на следующий день после этой конференции Сикорский направил послу Коту телеграмму следующего содержания:

“Лондон, 3 октября 1941 г.

... Кроме того, предлагаю предупредить Андерса, чтобы точнее, чем до сих пор, рассчитывал свои организационные планы. Такие большие расходы в потребностях вооружения нас компрометируют.

Сикорский”.

Подоплёка всего этого дела, всей этой возни состояла в следующем: достаточно влиятельная часть лондонских поляков старалась не допустить создания в СССР слишком сильной польской армии. Они полностью разделяли стремление английских властей в том, чтобы как можно больше польских военных покинули Советский Союз и пополнили части британских войск на Западе и в странах Ближнего Востока.

Англичане считали, что если уж так необходимо, чтобы в СССР существовала польская армия, то пусть она будет, но будет символически, в небольшом количестве. Главное – все польские силы должны быть сконцентрированы под командованием англичан, а как их потом использовать и где, они решат сами.

В Англии явно опасались, что слишком сильная польская армия в СССР будет представлять опасность для Лондона, станет просоветской, а значит, возможным соперником и весомым аргументом в послевоенной борьбе

за власть в Польше. В том, что такая борьба предстоит, в Лондоне не сомневались.

Одновременно с ходатайством в союзническую миссию по вопросу организации польской армии, Андерс, следуя решениям, принятым в конце сентября в Бузулуке, направляет письмо в Генеральный штаб Красной армии. Он просит разрешить дальнейшее увеличение частей до семидесяти тысяч человек. И, естественно, о соответствующем увеличении количества продовольственных пайков! О вооружении не было сказано ни слова. И главное, он просит выделить территорию в районе Ташкента для формирования новых подразделений. Совсем близко от границы! Какой умный генерал!

Только ответа на это послание Андерс не получил. Не то было время для страны. Всё осталось по-прежнему: сорок четыре тысячи пайков, вооружение одной дивизии и организация трёх крупных частей в существующих районах.

На этом и закончили усилия Андерса по созданию польской армии в СССР. Теперь его занимало основное, ещё в Бузулуке созревшее решение о выводе всей польской армии из Советского Союза.

12. Армия на распутье

Приближался период холодов, начало поступать тёплое обмундирование. В строгом смысле, это не было военной формой. Это была одежда, присылаемая советскими органами как временная, впредь до получения обещанного обмундирования из Англии. После получения вооружения части прошли подготовку по подразделениям, начались стрельбы, показавшие хорошие результаты, проводились длительные марши. В заключение 10 октября 15-й полк провёл показательное наступление при поддержке миномётов.

Армия становилась настоящей боевой силой – хорошо обученной, дисциплинированной, всё более готовой к боевым действиям. Всюду чувствовалось бодрое, боевое настроение. Появились новые песни, выходили дивизионные и стенные газеты в каждой части. Появились солдатские клубы, начали организовываться кружки самодеятельности, как дивизионные, так и полковые. Активность проявили польские военные музыканты. Для них, для создания полковых оркестров советские власти передали три полных комплекта духовых инструментов.

В строевых частях никто не вспоминал о прошлом, все мысли были устремлены в будущее – к долгожданной схватке с врагом.

Младшие офицеры, подофицеры и солдаты не отдавали себе отчёта в том, что происходило в верхах. Они учились интенсивно и с подъёмом. Начальное обучение, собственно, было закончено (в масштабах подразделений), приступили к учению более крупными частями, даже полками. Проводились двадцатикилометровые марши.

Одновременно велись работы по подготовке к зиме. Заморозки уже беспокоили, и холод давал себя крепко чувствовать в палатках. Солдаты начали зарываться в землю, сооружать землянки. Морозы наступили уже в первых числах ноября, и вскоре толстый слой снега покрыл землю. Там, где имелись лошади, возили из ближайших лесов брёвна для строительства землянок. Там, где лошадей не было, лес носили на собственных плечах.

Так происходило почти везде. Заготавливали лес, копали землянки, мастерили печи из кирпича, железа, старых труб т.п. Делали, как умели, но главным образом, вкапывались в землю на метр, затем края обрамляли досками, а уже потом натягивали над этим сооружением двойные палатки, снаружи обсыпали землёй так, чтобы не гулял ветер, делали печки-временки, сооружали топчаны. Так все подразделения подготовились к зиме. Солдаты не переставали учиться.

Так происходило во всех военных лагерях – в Татищеве, Тоцком и Бузулуке.

Очень нелегко приходилось тогда рядовым. Но как блестяще выглядели в то время польские офицеры! Они всегда ставили в основу жизни своего офицерского корпуса внешний блеск и шик, металл в голосе при подаче команд, чёткий поворот и щёлк каблуков, умение вскинуть руку с двумя пальцами к козырьку фуражки – это было превыше всего. . .

Особое отношение у польских офицеров было к холодному оружию. Советский журналист и писатель Александр Кривицкий, бывший в начале декабря 1941 года в гостинице “Москва” интервью у Андерса, вспоминал:

“Генерал Андерс стоял передо мной во весь рост уже во френче, застёгивая поясной ремень и поправляя наплечный. Он пристегнул у левого бедра саблю с замысловато украшенным эфесом — наверное, собирался на какой-то приём (видимо, речь шла о приёме в Кремле 4 декабря 1941 г.). Его распирало самодовольство.

— Пока русский провозится с кобурой и вытасчит пистолет, поляк вырвет из ножен клинок и... дж-и-ик! — Андерс картинно показал в воздухе, как легко и быстро он управится с саблей и противником.

— Но, господин генерал, — по возможности спокойно сказал я, — несмотря на такое ваше преимущество, мы давно воюем, а вы ещё держите саблю в ножнах, — он метнул на меня взгляд из серии тех, какие должны убивать”.

Солдаты активно готовились к боям, но совсем иная атмосфера (как и в Лондоне) царила в “верхах”, среди польских офицеров. Здесь не хотели признавать польско-советского договора, не хотели его осуществлять. Его трактовали лишь как необходимое зло, а Советский Союз считали врагом, пожалуй, большим, чем Германия. Именно эта санационная группа в Советском Союзе, при поддержке генерала Андерса с первого момента начала решительно уничтожать какие-либо проявления здорового и доброго отношения к СССР.

Рапорты сотрудников НКВД, состоявших при польской армии и продолжавших делать своё дело, свидетельствовали о таких разговорах польских офицеров между собой.

Майор Гудановский: “Мы, поляки, направим оружие на Советы, отомстим за свои страдания в лагерях. Если только нас возьмут на фронт, своё оружие направим против Красной Армии”.

Поручник Корабельский: “Мы вместе с Америкой используем слабость Красной Армии и будем господствовать на советской территории”.

Капитан Рудковский: “Большевики на краю гибели, мы, поляки, только и ждём, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим”.

Поручник Лавитский: “Вы, солдаты, не сердитесь пока на Советы. Когда немца разобьём, тогда мы повернём винтовки на СССР и сделаем Польшу, как раньше было”.

Поручник Вершовский: “С Советским Союзом против Германии мы воевать не будем. Они нам вместе всадили нож в спину и посадили в концлагеря. За это мы, придёт время, отомстим. В этой войне поляки выполнят роль чешской армии в годы гражданской войны”.

Пани Пеляцкая, полька, прибывшая в Тоцкие лагеря для поступления в польскую армию, написала сама заявление в НКВД, где говорилось: “В Тоцком лагере нет никакого стремления к борьбе. Они довольны, что получили свободу, и при первом случае перейдут на ту сторону против советской власти. Их разговор полон цинизма и злобы к Советскому Союзу”.

13. Двумличие

Польское посольство, основной задачей которого было оказание помощи польскому населению, создало для этого огромный административный аппарат, состоявший из более чем двух тысяч восьмисот человек, разбросанных по всей территории Советского Союза.

Это было почти второй администрацией в государстве, распоряжавшейся совершенно самостоятельно, и не подчиняющейся советским органам власти, но выдвигавшей всякие требования и проявлявшей на каждом шагу своё недовольство.

Да и сам Андерс договор с СССР рассматривал как необходимое временное зло. Своё пренебрежение и презрение к советским офицерам он искусно маскировал внешней любезностью. Он явно ожидал момента, когда Советский Союз будет побеждён. В возможность победы Советского Союза он не верил. В этом он постоянно старался убедить и польского посла Кота.

С самого начала своей деятельности и весь последующий период Андерс постоянно стремился придумать что-то, чтобы не посылать польские войска на советско-германский фронт, сохранив их до момента, как он говорил, “когда Советский Союз будет разбит”, или при первой же возможности вывести их с территории Советского Союза.

Поэтому он и радовался в беседах 5—6 августа с подполковником Берлингом, что польская армия будет формироваться где-то в Центральной России,

за Волгой. И когда СССР падёт, он будет иметь полную свободу деятельности и маневрирования.

Разведотдел армии генерала Андерса, сформированной на территории СССР, имел своей задачей проведение оперативных мероприятий, связанных не только с военными действиями, но, как говорилось в инструкции, “с потребностями будущего восстания в Польше”, а также с необходимостью создания условий для ведения полномасштабной разведки на Востоке в послевоенное время.

Приступая к созданию штаба, Андерс хотел назначить его начальником кого-то из своих старых приятелей – генерала Скуратовича или полковника Раковского. Но их в тот момент под рукой не оказалось. Пришлось остановиться на кандидатуре полковника Леопольда Окулицкого. Это был случайный, но очень удачный выбор.

Надо было подумать и о другом. Англичане англичанами, а вдруг немцы всё-таки возьмут верх? В этом вопросе следует обязательно подстраховаться...

Поэтому весьма срочно и в полной тайне надо поискать определённые пути, чтобы связаться с высшим германским командованием.

Но для этого нужен специальный эмиссар. И он оказался буквально под рукой. Это был бывший польский премьер-министр Леон Козловский, кстати, тоже профессор, как и посол Кот, только археолог, и рассуждавший точно так же, как и Андерс. Он, как и Андерс, попал на Лубянку, отсидел там больше года, но ничего полезно от него узнать не удалось.

В своё время, характеризуя своих соратников, Пилсудский прямо называл их “дураками”, “идиотами” и “подлейшими из подлых”. Как-то раз, видимо не выдержав “деятельности” своих соратничков, Пилсудский в сердцах произнёс: “Всем назло назначу премьер-министром самого глупого... Я им докажу, что последний дурень может быть премьером”. По прихоти Пилсудского министром сельского хозяйства и был назначен археолог Леон Козловский. Потом он стал даже премьером – всё, как говорил маршал Пилсудский.

Леон Козловский считал, что Польша, несмотря на всё происшедшее в сентябре 1939 года, должна сотрудничать с Германией как это сделали Румыния, Венгрия и другие сателлиты “оси”. К тому же, по мнению польского посла в Москве Кота, Козловский был почти открытым противником правительства в Лондоне. Посол Кот дал ему краткую и исчерпывающую характеристику в письме Сикорскому от 10 сентября 1941 года: “Несомненным противником (правительства в Лондоне) является Козловский, который хотел бы пойти к Андерсу в качестве референта по политическим вопросам или, когда немецкие войска подойдут ближе, поехать в Польшу...”

Андерс обласкал Козловского, одел в военную форму и даже присвоил тому чин поручика (старшего лейтенанта).

Ровно неделю Козловский проработал в финансовом отделе штаба польской армии, а затем – после ряда совещаний и заседаний – получил распоряжение отбыть в Москву, как бы в посольство, хотя оно в то время уже находилось в Куйбышеве. В действительности он должен был перейти линию фронта, что в условиях немецкого наступления было делом нетрудным. Фронт в то время быстро перемещался и был почти у ворот Москвы.

Был конец октября 1941 года, когда Козловский в сопровождении двух польских офицеров перешёл линию фронта, уже в конце ноября он был в Варшаве и в том же месяце оказался в Берлине.

Скрыть данную операцию Андерсу не удалось, поскольку немцы не преминули сообщить о ней по радио и в печати. В штабе польской армии в Бузулуке всё гремело от сплетен и разговоров. Почти открыто Андерса обвиняли в посылке Козловского для переговоров с Гитлером.

Будет крайне наивно допускать, что советские власти обо всём этом не знали. Но пока они молчали и Андерса не трогали. Политика!

Но Москва не сдалась, и немцев остановили, а потом отбросили. Фронт остановился. Вот-вот должен состояться визит Сикорского для встречи со Сталиным. Андерса охватила паника.

Надо было срочно отвести от себя подозрения в том, что именно он послал Козловского к немцам. Заметая следы, Андерс приказал провести расследование и выяснить: каким образом Козловский выехал из Бузулука в Москву, как и когда перешёл линию фронта.

Следствие вёл второй отдел штаба армии во главе с подполковником Гелгудом (Аксентовичем), известным своими германофильскими взглядами. Он вёл следствие таким образом, что точно установить ничего не удалось. Однако не удалось скрыть, что Козловский появился в Бузулуке по личному приглашению Андерса и за несколько дней до своего отъезда посетил в Тоцком генерала Токажевского, взяв с собой ещё одного офицера. Главное, что удалось установить и не получилось скрыть, – Леон Козловский выехал в Москву по поручению генерала Андерса, который лично подписал его командировочное удостоверение!

Надо было срочно спастись. И тут Андерс проявил необыкновенную активность. Срочно созданный суд мгновенно осудил Козловского за государственную измену и переход на сторону противника.

Не вникая в существо дела, суд сразу же осудил бывшего польского премьера за предательство и дезертирство и приговорил к смертной казни. Андерс тут же утвердил приговор, хотя никакого законного права на это не имел. Смертные приговоры офицерам мог утверждать только верховный главнокомандующий Сикорский. Но опасаясь, что тот прикажет провести новое расследование, Андерс решил поставить главнокома перед совершившимся фактом.

Впрочем, вся эта процедура носила лишь показной характер и здорово отдавала обыкновенным фарсом. Добраться до Козловского, который находился в Берлине под заботливой опекой гитлеровцев, было невозможно.

Однако Андерс своё дело сделал, и всё как бы сошло на тормозах.

Через несколько месяцев поступило сообщение, что во время одного из воздушных налётов на Берлин Козловский был тяжело ранен и через две недели скончался в одном из берлинских госпиталей.

Впрочем, это сообщение немецких властей следует принимать с осторожностью. Скорее всего, Козловского поначалу просто использовали, а затем, видя, что ничего путного от поляка получить больше нельзя, просто пристрелили. А для публики и мировой общественности была выдумана элегантная версия о гибели под английскими бомбами...

Такой удачный конец обрадовал всех. Андерсу Козловский стал неопасен, а немцы, видимо, не сочли нужным дальше продолжать свои игры с обанкротившимся польским политиком. К тому же, к этому времени их разгромили под Москвой. Временно Андерс был спасён, но понимал, что оставаться на территории СССР для него опасно. Теперь он ещё более активно вёл действия, направленные на вывод польской армии из Советского Союза.

14. Испытания генерала Андерса

Однако немецкая разведка своей деятельностью в отношении польской армии в СССР не прекращала.

В декабре 1941 года в штаб Андерса поступило сообщение от советских органов, которые принято называть компетентными, о том, что линию фронта перешли и явились к ним курьеры из Польши. Они просили направить их в формирующуюся польскую армию, к Андерсу. Их задачей было установить связь между подпольем в Польше и польской армией в СССР. Прямо с фронта их перевезли в Москву на Лубянку, а затем попросили, чтобы доверенный офицер польской армии приехал за ними и забрал в Бузулук, поскольку это польское внутреннее дело. Андерс выслал за курьерами майора Бонкевича, начальника второго отдела, который вскоре вернулся с поручиком Чеславом Шатковским (псевдоним – ротмистр Заремба) и ещё тремя офицерами.

Курьер из Польши передал Андерсу письмо от его жены, находившейся в Варшаве, собственноручно ею написанное, в котором говорилось, чтобы муж оказал полное доверие курьеру. Шатковский заверил генерала, что его жене никто не угрожает, так как у неё хорошие отношения с немцами, и что о ней заботится один из немецких полковников. У неё прекрасная квартира в Варшаве по адресу: «аллея Независимости, 163, кв. 7. Она ни в чём не нуждается. Само это сообщение явно говорило о том, что жена Андерса, помня о немецком происхождении мужа, подписала фольк-лист, который давал огромные преимущества в оккупированной немцами стране. Хотя впрямую Шатковский об этом не говорил.

Эта информация явно не понравилась генералу. Здесь, кроме чисто информативной стороны, присутствовал и лёгкий элемент шантажа: смотрите,

пан генерал, ваша супруга уже сделала правильный выбор, подумайте и вы... А русские всё равно обречены...

Затем поручик Шатковский подробно рассказал собравшимся о Польше, как там живётся, чем занимаются горожане, интеллигенция, различные слои населения, как переживают оккупацию, что думают.

Встреча и беседа продолжалась несколько часов. Генерал был странно возбуждён и раздражён. Оказывается, курьер привёз из Польши от подпольной организации какую-то инструкцию на плёнке. Эту плёнку надо было проявить и расшифровать.

Шатковский рассказал, что маршал Рыдз-Смиглы вернулся в Польшу, принимал участие в работе подполья и в конце ноября или начале декабря умер якобы от ангины. Это произошло в Варшаве в первых числах декабря 1941 года, похоронен он был на Повонзках 6 декабря.

Похороనికి его как учителя, под видом которого он выступал. В левый карман пиджака положили его визитную карточку, чтобы при возможной эксгумации в будущем его можно было опознать.

С самого момента приезда поручика Шатковского Андерс ходил сам не свой, он испытывал какую-то тревожную растерянность. Ведь курьеров прислала организация, которая намеревалась сотрудничать с немцами, и такое же сотрудничество она предлагала Андерсу. Эта подпольная варшавская группа носила имя "Мушкетёры", во главе её стоял некий инженер Витковский. Именно к ней, явно рассчитывая возглавить эту организацию, и приехал польский маршал Рыдз-Смиглы, решивший хоть как-то реабилитировать себя за сентябрьский позор 1939 года.

Название было романтичным, только совсем не романтичными были отношения членов этой группы с высшими гитлеровскими офицерами, а также с разведкой, работавшей на Ватикан. Основным идеологическим принципом этих людей было сотрудничество с гитлеровской Германией в целях разгрома Советского Союза.

Задачи они ставили перед собой большие. Ведь геноцид поляков во время оккупации продолжался, и было ясно, что он будет только расти, особенно пострадает интеллигенция. Члены этой группы считали — в том числе и маршал, — что остановить этот процесс можно, только заключив какое-то соглашение с немцами. В этом желании великолепно проявились вся историческая польская политическая близорукость и детская наивность высших деятелей санации. Можно подумать, что они не знали, что программная цель Гитлера — биологическое уничтожение поляков и всего славянства.

Поэтому Рыдз планировал, что надо заключить с немцами двусторонний союз. По принципу, как говорят в Польше: "Чтобы баба не пропала, пусть полюбит что попало..."

А кто кроме него, высшего военного чиновника Речи Посполитой — таким он считал себя до сих пор, — мог бы заставить польский народ изменить своё отношение к оккупанту?

Кроме того, у маршала появилась идея связаться с Восточной армией, как он называл формирующиеся в СССР польские вооружённые силы под командованием Андерса, чтобы подчинить их себе. Андерса он знал ещё с 1937 года, верил в его лояльность. А судьба СССР, с его точки зрения, была уже predetermined.

Предложение и способ его осуществления, как вспоминал потом майор Бонкевич, содержались на этой плёнке. Всё это время генерал интересовался не столько привезёнными инструкциями, сколько беспокоился по поводу того, знают ли советские органы об их содержании. Ведь курьер находился у них в руках около недели, и плёнка с успехом могла быть прочитана в НКВД. Что тогда? Тогда он пропал бы. Как-то поручик Шатковский в общем разговоре и как бы между прочим сказал, что видел в Варшаве бывшего премьера Леона Козловского. Это известие начали связывать с недавним выездом Козловского из Бузулука в Варшаву и в Берлин.

Опять заговорили о Козловском потому, что курьер из Польши рассказывал, что встречался с ним в Варшаве. Люди, посвящённые в это дело, стали проявлять беспокойство. Андерс узнал об этом. Стали известны подробности перехода Шатковского через линию фронта, который был согласован с немцами.

В инструкции, привезенной Шатковским в Бузулук, между прочим было сказано, что организация "Мушкетёров" считает Советский Союз врагом №1

и поэтому предлагает Андерсу сотрудничество чисто военного характера: диверсии, шпионаж и т. п., вплоть до перехода всей армии на немецкую сторону...

Безусловно, роль обезьяны, таскающей для варшавской кошки каштаны из огня, Андерса совершенно не устраивала. Он хотел командовать и в политике.

В сегодняшней Польше уже совершенно забыли, хотя те, кому надо, прекрасно помнят, но упорно молчат о том, что готовили немцы для её народа. Об этом, как я убедился, сегодня польская молодёжь, школьники, да и люди в возрасте, даже интеллигентных профессий, просто не знают.

Генеральный план "Ост", разработанный отделом планирования вермахта под руководством профессора К. Майера, предусматривал: "К выселению на шестом этапе (читай – уничтожению) запланировано 95% поляков, 85% литовцев, 70% латышей, 50% эстонцев, французов и чехов. Все они в силу генетической неполноценности "германизации не подлежали".

В Ингерманландии (то есть в Прибалтике) население городов планировалось "снизить" с 3 миллионов до 200 тысяч. Польша, Белоруссия, Прибалтика, Украина подлежали полной последовательной германизации".

Андерс страшно перепугался, в особенности того, что в ней оказалась замешана его жена. Опасаясь серьёзной угрозы для себя, он решил ликвидировать курьера.

Андерс приказал немедленно арестовать Шатковского и, чтобы пресечь все могущие возникнуть слухи, потребовал суда над ним и вынесения ему смертного приговора.

Шатковский был личностью довольно известной, несмотря на свой небольшой воинский чин, и пользовался авторитетом, его арест надо было произвести без шума, чтобы никто об этом не узнал. Лучше всего было создать впечатление, что он куда-то уехал. Стали распространяться слухи, что Шатковский едет в Куйбышев к послу Коту. Он сам просил об этом, и ему сообщили, что он командирован в посольство в Куйбышев. В день условного отъезда Шатковского в Куйбышев он был приглашён Андерсом для разговора. На прощание Андерс, сердечно пожимая руку поручика, пожелал ему счастливого пути и быстреешего возвращения!..

Шатковский вышел от генерала в приподнятом настроении. В конце беседы генерал сказал, что у штаба ожидает автомобиль с офицером, который отвезёт его на вокзал.

Ещё до приглашения Шатковского Андерс всё обсудил с майором Бонкевичем и поручиком Яворским, офицером второго отдела. Было условлено, когда Шатковский после разговора с генералом выйдет из штаба, Яворский пригласит его в автомобиль и вместо вокзала отвезёт прямо тюрьму и там объявит, что он арестован и в ближайшее время предстанет пред судом. Так всё и произошло.

Судебный приговор Андерс выслал телеграфно на утверждение Сикорскому. Через несколько дней от Сикорского пришёл ответ, что приговор он не утверждает и приказывает вновь пересмотреть дело в суде и все материалы выслать в Лондон. Упоённый собственным величием Андерс не ожидал такого. Вопреки приказу Сикорского он всё-таки решил расстрелять Шатковского. Он предложил скрыть получение телеграммы, предлагавшей приостановить исполнение приговора. Адьютанту генерала ротмистру Климовскому, который уже давно и с неодобрением следил за деятельностью Андерса, показалось странным, что трое товарищей Шатковского спокойно проходили службу в частях, а судили лишь его одного и приговорили к расстрелу.

Климовский рассказал майору Кипиани, исполнявшему обязанности начальника юридической службы, и некоторым заинтересованным в этом деле офицерам, о содержании телеграммы Сикорского. Предупредил, что в случае приведения приговора в исполнение они будут лично отвечать перед Сикорским.

Дело получило огласку. Исполнять приговор уже было нельзя. Андерс был взбешён, но нового рассмотрения не назначил. Дело отложили на неопределённый срок, а Шатковского продолжили держать в тюрьме. Это дело ещё раз потом разбиралось на Ближнем Востоке. В результате усиленных личных настояний Андерса Шатковский получил десять лет тюремного заключения, но после трёхлетнего пребывания в тюрьме его освободили.

15. Бежать!

В конце сентября Андерс совместно с Окулицким и Богушем в глубокой тайне составили план вывода польской армии через иранскую границу. В крайнем случае, можно было прорваться в Афганистан и потом в Индию.

Первым этапом этого плана было переведение всей польской армии на юг, как можно ближе к границам этих стран. Предвидя трудности в осуществлении этих намерений, предусмотрительный Андерс хотел поставить всех перед совершившимся фактом. Он выслал на узловые станции специальных уполномоченных, которые направляли гражданских лиц и призванных в армию не в существующие места дислокации частей, а на юг Советского Союза, в район Ташкента, где Андерс проектировал продолжать формирование армии. Но внешне всё выглядело прилично.

Началась подлинная трагедия поляков. Люди начали перемещаться туда и обратно в обе стороны. Сначала, с разных концов страны, они ехали за несколько тысяч километров в Бузулук, Тоцкое и Татищево. Не доезжая этих станций, они встречали офицеров, которые отправляли их на юг. Снова несколько тысяч километров езды в неизвестные места, где их никто не ждал. Измученные до предела люди не находили никакого пристанища и обещанных воинских частей. Ни денег, ни вещей ни у кого уже не было.

Возникла неопишуемая неразбериха, люди проклинали всех, кричали, что их обманули. Многие гибли во время этих скитаний. Оставшиеся на юге оказались в очень тяжёлом положении. Ведь их никто там не ждал. Ни квартир, ни продуктов не было. Всё было заполнено эвакуированными из центральной части страны. Начались болезни. Умело поляков натравливали на советскую власть, считая, что она виновата в том, что они оказались в таком положении.

Следуя своему замыслу, в ноябре 1941 года Андерс самовольно, без согласования с какими бы то ни было властями – польскими в посольстве или же советскими – направляет два больших эшелона, более чем по две тысячи человек в каждом, к рекам Аму-Дарье и Сыр-Дарье. Просто в этом направлении, без конкретного конечного пункта назначения.

Многие из поляков вскоре погибли от тифа, дизентерии или малярии. Там полностью отсутствовали жильё, питание и медицинская помощь. Лишь незначительное количество попало впоследствии в польскую армию. Причиной их гибели были страшная халатность и неудачно выбранное место дислокации. Советские органы, хотя это и не было предусмотрено каким-то планом и с ними не было согласовано, пытались оказать польскому населению помощь. С этой целью стали привлекать поляков к работам там, куда они прибывали: на хлопковых плантациях Узбекистана, на ирригационных работах и в строительстве. В округах Нукус, Бухара, Самарканд и Фергана поселилось, таким образом, около ста тысяч поляков.

Посол Кот, следуя планам Андерса о перебазировании польской армии на юг, поддерживал эти мероприятия, старался подготовить к ним Сикорского и получить его согласие и поддержку. Уже в конце октября между Андерсом и Котом было достигнуто полное согласие как в отношении направления войск на юг, так и в убеждении, что англичане могли бы их там вооружить и кормить, а также относительно предполагаемого вывода войск в большом количестве через границу в Иран.

Не удивительно, что отношения с Советским Союзом стали охлаждаться. Андерс всё решительнее преследует тех офицеров, которые, по его мнению, относятся к СССР слишком доброжелательно.

Обстановка становилась всё более тяжёлой. Доходило даже до определённой напряжённости в отношениях между представителями советской власти и польским военным командованием. Поэтому трудно говорить о каком-либо доверии к полякам со стороны советских властей.

16. Сталин принимает поляков

В конце ноября, за несколько дней до прибытия в СССР Сикорского, посла Кота принял в Кремле Сталин. На этой беседе, кроме польского посла, присутствовал первый секретарь посольства Арлет. Встреча была чисто рабочей, но это была первая встреча посла Кота со Сталиным. Естественно, с польской стороны всё началось с дифирамбов. Посол Кот заявил сразу, что

он считает за честь быть представленным Сталину, с именем которого связывается исторический момент восстановления отношений между Польшей и Советским Союзом.

Спокойно выслушав эту тираду, Сталин ответил, подчеркнув особо, что советские люди считают, что между советским и польским народом должны существовать самые лучшие отношения. Этим советский лидер сразу же задал определённый тон предстоящей беседе. И особо добавил, что уверен: всё, зависящее в этом деле от советских людей, будет сделано.

Заверив посла в готовности оказания всевозможной помощи, Сталин обратился к нему с просьбой рассказать, чем он недоволен, чем недовольны поляки в России и в чём они нуждаются.

В ходе беседы обсуждалась необходимость хорошего взаимного сотрудничества, но затрагивались и щепетильные вопросы, которые ещё недавно вызывали сильную болезненную реакцию. Сталин в связи с этим сказал:

“Во имя исторической правды хотел бы разъяснить некоторые вещи. Начиная с XVI века не только поляки страдали от русских, но и русские от поляков. Ведь с того времени вы два раза занимали Москву. Мы должны покончить с прошлым. Я не сомневаюсь в том, что со стороны тех или иных органов имеют место случаи неподобающего отношения к полякам. Однако такая атмосфера будет ликвидирована. . . Имеются все условия к тому, чтобы покончить с историей взаимной враждебности и пойти совместным фронтом против общего врага — гитлеровской Германии. . .”

Сталин сказал, что считает, что можно открыть новую страницу истории, и отношения должны опираться на дружбу.

Продолжая обсуждать вопросы польской армии, Сталин изъявил готовность вооружить две польские дивизии, из которых одна уже была вооружена.

Он не возражал против формирования на территории СССР пяти, шести, семи польских дивизий, лишь бы на это хватило людей и материалов, но при этом добавлял, что Советский Союз ведёт войну, сражается на огромном фронте, и ему может не хватать материалов на вооружение польской армии, поэтому поляки должны сами приложить старания, чтобы экипировать и вооружить свою армию.

Продолжая разговор относительно польской армии, Сталин спросил, когда и где она хочет выступить против Германии?

Посол Кот ответил: “Я человек невоенный. Это область генерала Сикорского. Но могу сказать, что мы, поляки, готовим армию не для парадов. . . Мы хотим, чтобы наши войска сражались здесь, на востоке, чтобы наш договор был скреплён братством по оружию. . .”

Польский посол откровенно врал. Он прекрасно знал о страстном желании Андерса удрать из СССР и только ждал момента, чтобы в максимально ловкой форме преподнести эту идею Сталину.

Во время этой принципиальной беседы затрагивались и многие другие важные вопросы. Говорили и о займе, об общественной опеке и даже об издании посольством польской газеты и польской радиостанции.

Но Кот ждал момента, чтобы озвучить ту главную идею, с которой он и пришёл в Кремль. И вот этот момент наступил. Было определено, что польская армия будет увеличена до такой численности, на какую хватит материалов, обмундирования, питания, вооружений, и что она будет. . . передислоцирована на юг.

Но беседы со Сталиным полякам показалось мало. Андерс и Кот решили нажимать также на англичан и американцев, чтобы они оказали влияние на советские органы по вопросу вывода всей польской армии из пределов Советского Союза. Одновременно в официальных переговорах с представителями Советского Союза они постоянно уверяли их в своём желании сражаться на Восточном фронте.

Позиция Сикорского на тот момент состояла в том, что польская армия в СССР должна участвовать в боях на советско-германском фронте. А именно это и не устраивало начальника 2-го (разведывательного) отдела штаба армии полковника Бонкевича, интенданта армии Гендык-Чайковского и ряд других старших офицеров.

По полученным советскими чекистами сведениям, в польской армии образовалась группа офицеров, настроенных на вывод армии в Иран. Знаменем и выразителем этой идеи стал генерал М. Токажевский-Карашевич. Он в сен-

тябре 1939 года создал на территории, занятой войсками Красной армии, “Службу победы Польши”. Она позднее вошла в состав СВБ. Под псевдонимом “Столярский” генерал возглавил во Львове округ № 3.

В плену Токажевский-Карашевич постоянно занимался антисоветской агитацией, а с командующим армией Андерсом находился во враждебных отношениях, считая, что тот “продался большевикам”. Карашевичу удалось привлечь на свою сторону ранее лояльного к Красной армии генерала М. Боруту-Спеховича, командира 5-й дивизии. Ему же удалось добиться снятия с поста начальника штаба соединения полковника З. Берлинга. Это произошло в начале февраля 1942 года.

Сторонники генерала Токажевского развернули кампанию травли офицеров, высказывающих намерение как можно быстрее включиться в борьбу на советско-германском фронте. Информация о таком стремлении группы офицеров дошла до Лондона, и прибывший в СССР премьер-министр Сикорский предложил Сталину осуществить этот план.

Сикорский позднее прямо приказал Андерсу форсировать подготовку к выступлению на фронт. Уполномоченному Генштаба Г. Жукову было приказано провести с командармом целенаправленную беседу и рекомендовать направить на фронт хотя бы наиболее подготовленную 5-ю пехотную дивизию (командир Борута-Спехович). Но это совершенно не соответствовало намерениям Андерса.

Когда одна из польских дивизий завершила своё полное формирование, Андерс на официальное обращение советской стороны направить её на фронт отказался, заявив, что поляки могут выступить на фронт только тогда, когда полностью будет готова вся армия.

В начале марта 1942 года этот вопрос был снова поставлен перед ним, и снова был получен отказ с аналогичной формулировкой. Более того, польская сторона обратилась с ходатайством перенести дислокацию армии в одну из среднеазиатских республик, мотивируя это необходимостью облегчить получение обещанного английской и американской сторонами вооружения и обмундирования.

Одновременно следовало обсудить схему эвакуации в Иран 25 тысяч польских военнослужащих, не зачисленных в штаты сформированных частей, а также 2 тысяч авиационных специалистов – в Англию.

Г. Жуков вылетел в г. Бузулук и побеседовал с Андерсом. Оказалось, что командарм тоже поменял своё мнение и просил передать руководству Генштаба, что считает нецелесообразным посылать на фронт отдельные польские соединения.

К сожалению, чекисты эти тайные планы польского руководства вовремя не вскрыли. Ещё в конце ноября 1941 года Берия докладывал лично Сталину, что на основе “данных оперативной техники, личных наблюдений и агентурных донесений” установлено, что Андерс всего лишь высказывал недовольство отказом СССР создать большую польскую армию на его территории, но сам, его начальник штаба, другие высшие офицеры лояльно относятся к СССР и готовы к сотрудничеству.

Сотрудники НКВД явно переоценили свои возможности и не разгадали ловку поляков.

Отношения с армией Андерса вступили в новую фазу.

(Окончание следует)

ИННА БАСОВА

ЮРИЙ СЕЛЕЗНЁВ: В БОРЬБЕ ЗА ДУШИ И БУДУЩЕЕ

В третий раз в Краснодаре прошли Селезнёвские чтения. 23 сентября ведущие российские писатели, литературные критики, публицисты собрались в стенах факультета журналистики Кубанского государственного университета, чтобы обсудить актуальные проблемы литературоведения, истории, журналистики и культуры.

Конференция неслучайно носит имя Юрия Селезнёва – знаменитого критика, публициста, мыслителя и патриота, родившегося на Кубани. В наши дни его работы сверхактуальны. Многие и не знают, что мысль о Третьей мировой принадлежит не современным политическим небожителям, не политологам, а Юрию Селезнёву. В далёком 1977 году критик сказал: *“Третья мировая война идёт давно. Война эта идеологическая – против наших душ, против нашей совести, против нашего будущего... микробы, которые разрушают наше сознание, гораздо более опасны, чем те, против которых мы боремся в открытую”*. Спустя почти 40 лет остаётся только удивляться, насколько был дальновиден Юрий Селезнёв.

Селезнёва называют одним из духовных вождей русского национального возрождения. Он боролся – и по сей день борется – с русофобией, идейным хаосом, бездуховностью, уничтожением традиций и национальной культуры. Однако читателю Юрий Селезнёв нужен не только как “воин русской идеи”. Его работы о Ф. М. Достоевском, А. П. Чехове, В. И. Белове, В. Г. Распутине, В. М. Шукшине, В. И. Лихоносове и других классиках могут стать пособием по истории литературы и истории страны. В нынешнее царствование переписывателей истории честный, объективный взгляд на “дела давно минувших дней” необходим, как воздух.

“Человек жив, пока жива память о нём...”

В актовом зале журфака – большое количество именитых гостей: Виктор Иванович Лихоносов, члены правления Союза писателей России Василий Дворцов и Сергей Куняев, писатель и публицист Юрий Лощиц, главный редактор “Роман-газеты” Юрий Козлов, заместитель главного редактора журнала “Наш современник” Александр Казинцев, писатель и критик Платон Беседин, депутат Заксобрания Краснодарского края Николай Осадчий... Куда ни глянь: телекамеры, фотоаппараты, оживлённые обсуждения.

“Ни при каких условиях нельзя оставлять без внимания труды Юрия Селезнёва, – отметил Сергей Куняев. – В них и прогнозы, и предостережения, и напоминания русскому человеку о том, кто он и откуда. Сейчас мысль

Селезнёва – не просто на повестке дня; она становится, если угодно, жизнедеятельной задачей”, – считает Сергей Куняев.

“Селезнёвские чтения идут совершенно в русле усилий наших государственных мужей и президента по спасению народных начал. Эта конференция благодатная, полезная для укрепления нашей мысли и культуры”, – отметил Виктор Иванович Лихонос.

Важно, что многие из докладчиков лично знали Юрия Селезнёва. Поэтому слушатели смогли узнать не только о критике, серьёзном, уважаемом литературоведе, подвижнике русской идеи, но и о друге, сыне, муже. Трогательно звучали воспоминания друга Селезнёва Юрия Лощица, он рассказал о последних днях критика, о том, каким был Юрий Селезнёв в жизни. Перед глазами встал образ честного, нравственно чистого, стержневого, цельного человека.

Слово и дело

Для Краснодара Селезневские чтения – большое событие. Со дня своего появления конференция заявила о себе как дискуссионная площадка. Тематический спектр обсуждения широк, выходит за рамки личности и творчества Юрия Селезнёва, но каждая мысль, каждое высказывание будто сошли со страниц его работ. Причём это не в угоду случаю – участники конференции действительно смотрят на мир под тем же углом, что и знаменитый критик.

Большая часть зала – студенты. Ерзают мало, больше слушают. Для мероприятия научного характера – это огромный комплимент.

Задал тон дискуссии молодой писатель и критик из Севастополя Платон Беседин. Он рассказал о жизни российского Крыма, его “русской мечте” и трагическом Донбассе, где он часто бывает.

Выступила на конференции и главный редактор газеты “Кубанские новости” Елена Золотова. Задав вопрос “Когда умрут газеты?”, она отвечает: “Никогда!” На примере “Кубанских новостей” Елена рассказала, как газета помогает людям и как оттого важна её роль в современном обществе.

В тон к докладу Елены Золотовой говорили о жизни книг.

– В настоящее время мы переживаем трагедию книги – вечного друга и спутника человека, – подчеркнул писатель Юрий Козлов. – Так происходит потому, что многие столетия книга была носителем и защитником тех ценностей, против которых восстало современное общество. Книга – вещь, которая объединяет людей, в ней есть история, связь поколений, которая невозможна в электронных текстах. Современным людям, придавленным цифровой “пятой”, это, увы, не нужно.

Однако не всё так мрачно, как вырисовывается. “Литература не умрёт”, – считает Юрий Козлов. Но выжить в условиях глобализации, по мнению писателя, сможет “только та книга, которая является носителем национальной культуры, национального языка, национальной психологии; та книга, которая может воспитать патриота, помочь почувствовать связь человека с традициями и историей”. И такая книга, несмотря ни на что, есть.

Настоящим украшением конференции стало выступление Александра Казинцева, после которого хотелось не просто беречь книги – пылинки с них сдувать, причём каждый день. Писатель рассказал зачарованной аудитории о пользе чтения ранних произведений Льва Николаевича Толстого.

– Толстой написал первое произведение, принесшее ему известность, – “Детство” – в 22 года. Читая эту повесть, другие ранние произведения Толстого, можно острее почувствовать художественные приёмы, потому что писатель использует их в первый раз. Он только пробует свои силы, средства поэтики, которыми он владеет, блестят в тексте, как бриллианты среди травы.

Александр Казинцев отметил, что в ранних произведениях Толстого читатель встречает прообразы более поздних трудов гения. Здесь и князь Нехлюдов, и Николенька Иртенёв, чёрточки которого читатель позднее увидит в Андрее Болконском и Николае Ростове; сестра Николеньки Любочка – будущая княжна Марья.

– Читая произведения не только Толстого – всех классиков, – первые и последние, вы увидите, что он обещал в начале и что отшелушилось в конце, а значит, составляет самую суть этого писателя, – подчеркнул в конце своего выступления Александр Казинцев.

Литературный критик, профессор КубГУ Алексей Татаринов говорил о литературе наших дней. Его доклад “Война миров” в современной русской прозе” вызвал широкую дискуссию.

– Юрий Селезнёв много писал об эпическом противостоянии литературных мировоззрений России и Запада. На Западе художественная словесность перестала мечтать о духовном управлении миром – она хочет быть только литературой. У нас иначе. При всей малотиражности, слабой обсуждаемости литература настойчиво стремится быть в центре.

По мнению критика, в современном литературном процессе на первом плане “идеологии, авторские дидактические движения”. За писателем нашего времени часто скрывается философ-практик, иногда прагматик общественного движения. Отсюда писательские “фланги” и диаметрально противоположные, как, например, у Захара Прилепина и Владимира Сорокина, идейно-художественные миры.

Напутствие молодым

Особое внимание уделили молодой части аудитории. Виктор Иванович Лихоносов, который всегда с большим желанием и удовольствием общается с молодёжью, не мог не обратиться к студентам:

– Любите литературу, выбирайте в дорогу жизни любимого писателя, который станет вам другом. Помните историю, любите малую родину. Если не будет благоговения перед родной землей, перед русской литературой, перед великими писателями, то Россия никак не уцелеет.

К счастью, в нашей стране немало патриотически настроенной молодёжи, и молодые участники конференции лучшее тому свидетельство. Они любят читать, уважают и интересуются историей, неравнодушны к культурному наследию России, могут цитировать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского...

– Невозможно победить такой народ! – восхитился писатель Василий Дворцов. – Сколько тысяч прекрасных ребят, наших героев, которые не оставят Россию умирающей: они поднимут и прославят её!

Приятно удивило, что на конференции, в названии которой есть фраза “актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории” показали не только эти самые проблемы, из-за которых многие молодые люди не испытывают патриотических настроений, но и причины любить Россию, делать её лучше и гордиться ею.

С каждым годом конференция собирает всё большее и большее количество участников. Но нужно признать, что ничего бы не было без энтузиазма её организатора – литературного критика, профессора КубГУ Юрия Павлова.

– Кубань в XX веке породила только двух великих людей в области литературы – Юрия Кузнецова и Юрия Селезнёва. Однако до сих пор в крае эти имена общероссийского масштаба не стали объектом серьёзного изучения, осмысления, – отметил Юрий Павлов. – Юрий Селезнёв – один из лидеров “русской партии” 70–80-х годов – оставил богатейшее литературно-критическо-публицистическое наследие, которое актуально сегодня и, думаю, будет актуально всегда. Книги Селезнёва “Достоевский” и “В мире Достоевского” – лучшее, что было написано о великом писателе в XX веке. Этими и другими своими книгами, своей подвижнической редакторской деятельностью Селезнёв делал всё возможное и невозможное, чтобы Третья мировая война, о которой он так точно сказал, не была проиграна.

Пока у Юрия Селезнёва есть единомышленники, можно даже сказать, соратники, слово и дело кубанского критика продолжают жить. В борьбе за души, совесть и будущее точка не поставлена, но и о проигрыше, слава Богу, говорить не приходится.

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

СЛОВО О ДРУГЕ

Два года подряд приглашали меня на Селезнёвскую конференцию в Краснодарский университет. Но лишь в нынешнем сентябре удалось, наконец, собраться – уже на третью по счёту. Приехал, естественно, чтобы не только присутствовать, но и выступить, а попутно и опровергнуть недавнюю печатную сплетню, что меня-де устроители к себе намеренно не пускают. По прибытии на место навет тотчас и развеялся, “аки дым”. Кстати, мне и слово дали первому. Думаю, учтено было то, что, действительно, не так уж много осталось на свете тех, кто – в Краснодаре ли, в Москве ли, в иных градах и весях – вправе именовать себя прижизненными друзьями Юрия Ивановича Селезнёва.

Но текст своего выступления – “Наш Юрий Селезнёв. Слово о друге” – приведу немного позже. А пока – хотя бы самые первые впечатления о самой конференции. Названа она без вызова и аффектации, но широко, с намерением представить как можно более полный тематический обзор и композицию собрания: “Наследие Ю. И. Селезнёва и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории”. Определённой не сказать. За сорок четыре года своей внезапно оборвавшейся жизни Юрий Иванович успел зрело осмыслить и отважно выразить такие мировоззренческие тревоги, тупики и чаяния своих соотечественников, что столь горячее наследие и сегодня сопротивляется благодушной музеефикации... Приведу названия лишь некоторых выступлений: “Идея Ю. И. Селезнёва о Третьей мировой идеологической войне: 40 лет спустя”, “Фальсификация истории как способ ведения информационных войн”, “Воздействие Ф. М. Достоевского на формирование нравственных идеалов Ю. И. Селезнёва”, “Образ России в зарубежных СМИ”, “Статья Ю. Селезнёва “Мифы и истины” сорок лет спустя”, “Русская дорога Николая Рубцова (в контексте взглядов Ю. Селезнёва)”... Здесь же доклады, посвящённые выдающимся землякам критика Виктору Лихоносову и Юрию Кузнецову. И творчество тех, о ком он также успел весомо, с истинно селезнёвской пронизательностью высказаться: от Л. Толстого, Ф. Тютчева, М. Меньшикова до М. Пришвина, В. Белова, В. Шукшина, В. Астафьева...

В актовом зале факультета журналистики, вижу, преобладают молодые. Но ведь на то она и “научно-практическая”, эта конференция, чтобы, наряду с опытными педагогами, преодолев волнение, заявили свои темы и студенты, аспиранты, магистранты. На пленарном заседании или в секциях... И невольно вспомнилось, что и сам я, ещё в конце пятидесятых, в числе “семинаристов” филфака МГУ почтитель за великую радость просто присутствовать на таких вот собраниях, внимая речам маститых наставников. Так и Юрий Селезнёв когда-то испытывал здесь, в Краснодаре, себя – сначала в чине студента-филолога, а потом и преподавателя русского языка для иностранцев...

Как ни трудно возвращаться памятью к пережитой катастрофе, но все же начну с дневниковой записи 1984 года. Того самого, который вдруг поставил непреодолимую преграду нашему живому человеческому общению с Юрием Ивановичем Селезнёвым.

“17/VI-84. Вчера утром, в пятом часу, на рассвете, не стало Юры. Сейчас сел писать об этом и опять реву. Марина рассказывала вчера – между приступами неудержимого плача, – что утром в Берлине сильно пели птицы. Юра, ещё ложась, пожаловался на жжение в груди. Она решила: изжога. Утром он поднялся с кровати, сходил в туалет, сел в кресло, начал растирать левую руку. Она не спала тоже. “Жжёт в груди, и рука болит”. Она достала валокордин, предложила разбудить хозяев. “Спи!” – приказал он сердито. Не хотел никого беспокоить. Потом вдруг поднялся, пошёл по комнате, вскрикнул: “Зови их, зови!” – и начал падать. Терпел боль до конца. Через 15 мин<ут> – “Скорая помощь”. Он уже похолодел”.

Добавлю к той записи: о последних часах и минутах жизни своего мужа Марина (в девичестве Кузнецова), мать их единственного с Юрой ребёнка, рассказывала присутствующим, – а среди них был и я, – на московской квартире своих родителей, вечером именно того же самого 16 июня. Неумолимый параграф международного протокола потребовал её немедленного возвращения домой, в СССР. Жёсткость этого требования совпала с её внутренней опустошённостью и обезволенностью. Что было ей ещё делать в доме немецкой радушной четы (он – литературовед, знакомый Вадима Кожина, его супруга – медсестра). Ведь в Берлине останавливались всего на ночь, утром предполагали отправиться к взморью, на отдых, такой долгожданный (Селезнёв только что завершил сбор материалов для биографической книги о Лермонтове).

Ещё одна запись тех дней: “Суббота, воскресенье, утро понедельника, когда писал некролог (опубликованный в “Комсомольской правде” за подписью И. Ф. Стаднюка. – Ю. Л.), вторник, когда сказал Юриной маме, что он умер, среда, когда встретили гроб в Шереметьевском аэропорту, сегодня, когда нам в морге показали несчастного Юрочку, с неловко наклоненной набок головой, потому что он не уместился в гробу, – все эти дни прошли как какие-то томящие сновидения, когда нет сил длить сон, но и нет сил стряхнуть его с себя”.

В пояснение к этой записи могу добавить, что со своей мамой, Прасковьей Моисеевной, Юра познакомил меня весной того же года, в Москве. Она приехала из Краснодара по его приглашению, желая увидеть, как наконец-то устроился её единственный и бесконечно обожаемый Юрочка в такой спокойной и непростой для него столице. Познакомил он нас прямо на улице, в двух шагах от здания издательства “Молодая гвардия”, где солнечным, кажется, апрельским утром неспешно прогуливался с маленькой и тихонькой своей матушкой... А в тот день, когда ее срочно привезли в Москву в связи с его, как обтекаемо объясняли по дороге, “нежданным недомоганием”, и когда продлевать эту затянувшуюся неправду было уже для всех невмоготу, попросили меня зайти в комнату его квартиры, где она в эти минуты томилась одна... Тот, кому хоть раз пришлось исполнять подобное поручение, поймёт... Жалкая, косноязычная жестокость отсроченного признания: “Простите нас всех, но Юры больше нет с нами...”

Или она уже сама догадывалась? Или всё ещё подпытывалась последними крохами надежды?..

Позже, через несколько лет, когда я повидался с ней в Краснодаре, и она показывала немногие сбережённые ею фотографии, письма от сына из Москвы, меня особенно зацепило одно из них – чрезвычайной, просто телесно-физической близостью к часу его кончине. Письмо было отправлено из Москвы 8 числа того самого рокового для него июня. Значит, всего через неделю всё и случилось.

“Мамочка, родная моя, милая, добрая мамочка! Здравствуй!

Получил твоё письмо и вот – отвечаю сразу же.

Сегодня получили заграничные паспорта на поездку в ГДР, купили билеты на поезд на 14-е июня, 15-го будем уже в Берлине, а потом поедем в старинный город Грайсфальд на берегу Балтийского моря. Хотим ещё съездить в Дрезден и Веймар. Вернёмся, видимо, в конце месяца – между 25-м и 30-м. Приедем – сразу напишу тебе.

Настюха (младшая дочь Ю. Селезнёва. — Ю. Л.) живёт в деревне. Неля (мать Марины. — Ю. Л.) туда поехала на несколько дней. В понедельник вернётся, расскажет, как они там живут.

С Алькой (старшая дочь. — Ю. Л.) пока не решено с морем. Обещают, но ещё не точно и не известно, когда.

А в Москве немного похолодало, дожди. После сильной жары это даже приятно.

Саша (А. Федорченко — краснодарский писатель, друг Ю. Селезнёва. — Ю. Л.) пишет, что ты обещала зайти к ним, да так и не зашла — не приболела ли? Родненькая, как у тебя с деньгами? Приеду и сразу вышлю тебе, числа 1-го, но если трудно, пришли срочно телеграмму, я пошлю до отъезда.

Ну, вот, больше и новостей нет. Живём по-старому, не болеем, работаем. Вот — собрались отдохнуть. Приеду, начну работу над книгой о жизни Лермонтова, примерно в том же роде, что и о Достоевском в серии “Жизнь замечательных людей”.

Приветы твои всем передаю, и тебе поклоны от твоих московских близких и друзей.

Береги себя, родная. Отдыхай побольше, в гости ходи, в кино, не сиди дома всё время.

Целуем тебя, наша милая, добрая мамочка и бабушка.

Пиши.

Может, ещё до отъезда успею тебе написать. А нет, значит, как приедем. Крепко обнимаем, всего тебе доброго.

Твои Юра, Марина, Настенька, Алиночка.

В день рождения Альки гуляли с ней по Москве, в парке, водил её в Дом писателей. Купил ей много цветов, подарил собрание сочинений Блока, плёнки для магнитофона с песнями и ещё разной мелочи. Была очень красива и довольна нашей встречей”.

Могли ли эти, как всегда, ласковые приветы и пожелания, будто перепелёнутые сыновней заботой, вселить в её сердце острое предчувствие? А разве навестило оно в те дни кого из нас?

Письмо, которому суждено было стать предсмертным, отрывки из ещё из девяти писем из личного архива Прасковьи Моисеевны Селезнёвой, касающиеся работы сына над биографией Достоевского, были опубликованы в журнале “Образ” № 3 за 1996 год с выражением сердечной благодарности матери нашего друга.

* * *

В разные годы я уже писал о Юрии Ивановиче Селезнёве, рассказывал о том, как он раскрывался нам в дружестве. Именно всем нам, потому что нас было много. В день, когда встречали его тело на пустынных задворках аэропорта в Шереметьево, среди нас оказался и художник Николай Козлов. Одарённый живописец, пейзажист, он был ещё и книжным графиком, не одна книга в серии “ЖЗЛ” вышла с его иллюстрациями. Через несколько дней после того холодного предвечернего часа он показал нам распечатанную в достаточном количестве экземпляров небольшую гравюру. Нас человек десять или двенадцать, мы стоим тесно, как-то по-сиротски сблизившись, будто тем самым хотим отгородиться от предстоящей встречи с оцинкованным грузом, который уже везут в нашу сторону издали, от безлюдного всхолмления, залитого каким-то зловещим, безразличным к нашему горю светом... Один экземпляр хранил я дома. Отчётливо помню исходящее от него настроение общей молчаливой покинутости. Но, собираясь в Краснодар, я обыскался во всех Юриных книгах и не нашёл гравюру. Точно помню, что среди ожидающих были, кроме самого Николая Козлова, Валерий Сергеев, Виктор Калугин, Сергей Лыкошин, Николай Кузин, Владимир Зимянин, Виктор Гуминский... Но нас и там, и не только там, было ведь гораздо больше. Юрий Иванович любил и умел дружить сразу со множеством людей. В этом множестве никто не чувствовал себя обделённым и, кажется, не томился от недостатка внимания. Селезнёв будто купался в радости общего дружества людей, согласных в главном.

Из экономии времени не стану пересказывать свои воспоминания о нём “Стоило увидеть его однажды...” в книге 1987 года, изданной здесь, в Краснодаре, его ближайшими друзьями. Позже была статья, написанная специально для журнала “Слово” — “И поймёшь иную жизнь...”, — в том числе и с рассказом о совершенно необычном для тех времён “бесцензурном” издании биографии “Достоевский”. Потом для журнала “Наш современник” я готовил со своим предисловием большую подборку высказываний о Селезнёве его друзей и добрых знакомых — к семидесятилетию со дня его рождения.

Но и сегодня не могу сказать, что память о нём исчерпалась во мне сполна. Просто что-то, будто исчезнувшее насовсем, вдруг вспоминается с какой-то упругой, заждавшейся своего часа отчётливостью. В 1976 году, в тот самый день и час, когда Сергей Семанов, покидавший кабинет главного редактора серии “ЖЗЛ”, привёл к нам для знакомства своего преемника, Селезнёв, улучив минутку, уже в коридоре, куда вышли покурить, перво-наперво сказал мне, будто прерванный разговор продолжая, что прочитал моего “Сковороду” и очень надеялся однажды познакомиться с автором, а теперь, значит, будем ещё и работать вместе. Его при этих словах открытая южнорусская радостная улыбка, его неожиданная, с налёту похвала книге, такое же неожиданное признание, что и он совсем ещё недавно носил бородку, да вдруг поневоле пришлось сбрить, потому что для комсомольских высших чинов на Маросейке, к которым его повезли по поводу представления к должности, бородачи подзрительны, и он, преодолев досаду, смирился, но всё равно теперь бороду снова запустит, — всё это вместе меня в нём так обезоружило, так избавило враз даже от тени недоверия, что уже через несколько дней, посоветовавшись подробнее по рабочим редакционным делам, мы могли бы, пожалуй, признаться друг другу, что “единомыслие исповемы”. Если бы не тень тургеневского Базарова, в котором оба мы ценили его грубоватый укор приятелю: “Аркадий, не говори красиво”.

Такой стремительный прирост дружеского чувства мог, однако, по моей неловкости, почти тут же и иссякнуть. В февральский день, когда он подарил мне с надписью свою первую, только что изданную книжку — “Вечное движение”, — я, наспех полистав её за продолжающимся разговором, вместо того, чтобы порадоваться тому, как много прекрасных писательских имён здесь впервые собрано под одной обложкой, вдруг буркнул, что Андрей Битов в этом кругу выглядит не вполне своим или даже совсем не своим. А сверх того добавил, что и заглавие “Вечное движение”... как-то не очень... То есть отдаёт каким-то топтанием на месте, нет в этом *перпетум мобиле* стремления вырваться из привычного круга.

Может, он и хотел скрыть степень своего расстройства услышанным, но не смог. Глаза его будто заволочились туманом, и в неловком, негромком “Да?” просквозила обида. Но через миг уже заговорили о другом, будто ничего и не промелькнуло между нами. Хотя я ещё и ещё про себя вспоминал ту минуту, огорчаясь своей бестактностью. Ведь, вполне возможно, ему кто-то намеренно посоветовал дать в названии побольше молодёжного задора: движемся, мол, ребята, движемся... Пока не понял однажды: ну, и пусть! Значит, так и нужно было — сказать это напрямую. И впредь может понадобиться такая взаимная нещадящая, нелестная прямота нам обоим.

И она понадобилась, и не раз. И когда он, внимательнейше прочитав машинопись моего “Дмитрия Донского”, сказал напоследок, что ожидал всё-таки большего, потому что я, как ему показалось, не вполне и не во всём управлялся. Или когда я, принимаясь за его рукопись о Достоевском, сказал в шутку, при свидетелях, что буду “резать по живому”. Но о том, что именно позже пришлось по машинописи сокращать или уточнять, знали только мы с ним двое, без ёрничающих и потирающих ручки согладатаев.

Не удержусь всё же и процитирую из своей статьи “И поймёшь иную жизнь...”:

“И вот непонадобившуюся страницу он, перечеркнув крест-накрест машинописные строчки, в день сдачи рукописи с усмешкой протянул мне. Я тут же прочитал приписанное от руки: “Ну, Юра! Я тебя, прости, Бога ради, довёл до отчаяния, но и ты зато укатал меня. Хоть бы уж твой-то труд не пропал даром. Спасибо тебе, родной.

Ю.

Там уж, где я заартачился-закапризничал и ослушался — оставь уж так: пусть, если она всё-таки будет, эта книжка, то будет хоть немножко и моей. . .”

Кажется, я ничего не ответил ему в ту минуту, настолько были переполнены для меня смыслом эти несколько строк, где он, едва ли не впервые за годы нашей дружбы, назвал меня родным. Степень же моего “отчаяния” и участия в его труде была, конечно, страшно преувеличена, как и мера его капризности. Но это было так в духе его великодушного характера. . .

Наконец, в этих строках уместилась и наша общая на тот час тревога: “если она всё-таки будет”.

Это умение доходить в дружбе до пределов взаимной выдержки, самообладания, откровенности в поисках искомого, но не всегда сразу достижимого единомыслия я видел не раз и в работе Селезнёва с другими авторами. Ну, с тем же Вадимом Валерьяновичем Кожиновым, когда после нескольких часов сидения взаперти над рукописью “Тютчева” они выходили из Юриного молодогогвардейского кабинета обкуренные, погружённые в себя, как бы даже слегка отчуждённые, с печатью измождения на лицах.

* * *

О дружбе мужской трудно сказать что-то новое, необычное, что не было уже пережито, осмыслено и высказано другими, может быть, познавшими в дружестве гораздо большие глубины, чем успели мы, любившие Юрия Селезнёва, жаждавшие с ним дружества или, сказать по Гоголю, товарищества.

Но всегда, когда мы решаемся думать и говорить о дружбе, остаётся для всех недостижимый её образец, высказанный однажды евангелистом Иоанном Богословом (15; 12):

“Сия есть заповедь Моя: да любите друг друга, якоже возлюбих вы; болши сея любве никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя”.

НИКОЛАЙ МОНОСТОН

БЛАГОДАТЬ СТАРОСТИ

Старость – тот великий подарок Неба, цены которому человек не знает. Он ужасается, зная о неминуемом угасании, а, напротив, должен благодарить за него Великую Силу, создавшую его. Не будь старости, человек не понимал бы, что **нужно** умирать.

Тело не бывает бессмертным, и потому дряхление его должно ограничивать возможности. Так отступают желания и приходит усталость от жизни.

В одном городе свирепствовала чума. Смерть ходила от дома к дому, собирая свою дань. В доме одном она увидела старика, который сказал ей: “Если бы ты была не безобразной старухой, а красавицей, налитой соками молодости, я бы с радостью кинулся в твои объятия. Почему ты так страшна, что я не могу к тебе влечение испытывать?” А Смерть ему ответила: “Глупый старик, ты прожил свою жизнь бессмысленно, я вижу. Нужно было тебе понять, к чему тебя назначил Господь, и выполнить своё дело, и устать, и опустошить свою чашу желаний. Тогда и объятия безобразной старухи показались бы тебе желанными”.

Это и должно быть так – чтобы смерть оказывалась желанной, и понимание такого механизма жизни Господь вкладывает в нас, но все ли Его слышат?

“Зимой лучи мои могут быть умеренными, а не жаркими”, – сказал солнце. Господь ему на это ответил: “Ты похоже на Меня: обжигашь летом и греешь зимой. Я же обжигаю в молодости и даю ясный Свет в старости”.

Старость – щедрый и мудрый подарок, а люди изгнали из себя приятие старости как дара Небес и всеми силами цепляются за уходящую молодость. Молодость – ненадёжное основание жизни, оно зыблется от желаний, требующих удовлетворения, от ненасытной жажды познавать мир, от великих сил жизненных, идущих от зреющего тела. А старость – то, что внутри души растёт, как цветок. Он цветёт только раз, и в человеческих силах сделать его прекрасным.

Люди, глядя на восток утром, умиляются ему: солнце всплывает, дали озаряя утренним светом и разгоняя тьму. Когда же спускается солнце, такими красками, такими изумительными их оттенками пылает небо, что люди замирают, немея от восторга.

Такою должна быть и жизнь человеческая: её рассвет вызывает умиление и рождает надежды, а закат должен стать таким, чтобы люди немели, потрясённые его невероятным полыханием.

Старость – осень жизни. Постоянное лето невозможно. Осень и зима приходят как ледяное дыхание Вечности, но кто из людей Вечность воспринимает как праздник? Осень и зима страшат, а ведь это лучшее, что дано человеку

Господом. Осень и зима – то, что очень важно для души. Почему же люди так боятся старости? Если в жизни всё – или почти всё – делалось в соответствии с правилом гармоничного покоя, то в старости такому человеку есть за что сказать спасибо себе: он душу свою слышал, а значит – Господа.

Молодая девушка сказала старухе: “Как ты сумела прожить жизнь, ни разу никого не обидев и не обижаясь сама?” Старуха ответила: “Сначала не могла я найти этому объяснения, но теперь, у порога смерти, могу объяснить: это Господь мой не давал мне удовлетворять злыми своими душевными порывами”. “Как же ты сумела это понять?” – удивилась дева. И старуха ответила: “Мне стало хорошо видно, что нет на мне греха, когда смерть приблизилась вплотную, и мне умереть не страшно, а радостно. Кто, если не Господь, лишает душу страха и наполняет ликованием?”

Смысл притчи в том, что последние дни, последние мгновения жизни человеческой говорят окружающим о том, с каким сердцем человек уходит в Вечность. Грешник трусит, а праведник испытывает восторг и ликование. Те же, кто умирает, сожалея о малости содеянного на Земле, но спокойно, ибо им попросту не хватило времени жизни на большее, – Господа лучшие дети, ибо они совершили много хорошего для Земли, а не только для своей души.

... Неверно люди представляют себе жизнь: им кажется, что в середине её, когда силы бурлят и почти окончательно выбран путь, по которому следует идти, они в лучшей своей фазе находятся. Но это не так. К концу жизни человек превращается в то, чем становился на протяжении жизни. Речь не идёт о глубоких стариках, которым много было дано в жизни испытаний, но они в нужный момент не умерли, а остались жить и перестали быть итогом своей жизни, но печальным знаком, что уход должен быть своевременным. Старость бодрая – вот о какой фазе идёт речь. Не так много сил телесных, но душа открыта миру, и ум ясен. Такая старость привести должна к обдумыванию и спокойному приятию грядущего перехода в инобытие. Но не так в мире человеческом происходит. Смерть слишком пугает большинство людей, почти всех, за исключением исповедующих религии, где мир продолжается после смерти. Смерти надо не бояться, но призывать её для того, чтобы в нужный момент уйти, а не остаться, как забытый плащ. Призывать – не значит приближать, но дать понять своей душе, что вы понимаете её значение как великого преображения вашего.

Именно так, постоянно думая смерти, вы будете совершать лишь те поступки, кои не допустят вашего ухода с Земли в виде бессмысленного существования. Вы, помня о смерти, такую старость проживёте, которая вас подготовит к переходу в иной мир. Старость – мост, соединяющий один мир с другим, по которому вы должны пройти твёрдым шагом и улыбаясь. Вот зачем вам даётся старость, и постарайтесь наполнить её необыкновенным Светом – пониманием, что старость вы получили как награду, а не как наказание.

Луковица сказала яблоку: “Меня едят понемножку, а тебя съедают сразу – удел твой печален”. “Ничуть, – не согласилось яблоко. – Обо мне люди написали в Библии, а о тебе – нет. Я символ любви и познания, а ты – символ слёз горьких”. “Ну и что? – сказал лук. – Зато я живу дольше тебя”. “Лучше быть прекрасным символом, чем иметь долгую жизнь в этом мире, – ответило яблоко. – Ведь это даёт долгую жизнь в Вечности”.

Смысл притчи в том, что жизнь долгая не нужна человеку. Важнее то, какую память он о себе оставит. Это и есть его долгая жизнь – за порогом бытия своего на Земле.

Потребность людей в долгой жизни основана на их невежестве: они ничего не знают о незримом мире и бытии души в нём. Если бы они поняли, что задача человека – выполнить свою индивидуальную миссию на Земле и уйти в новое пространство жизни, они не так страшились бы конца земного своего существования. Но как уйти к Господу людям, осознавшим, что их задача выполнена? Молиться о своевременном уходе. И тогда зов ваш будет услышан.

Некий человек думал о смерти: его дни сокращались тяжкою болезнью. Он готовился предстать перед Судом Небесным – и вдруг выздоровел. Его отмолили близкие. Человек не был этому рад, ибо устал уже

от жизни и понимал, что пора ему наверх уходить. Родные его умели понять его и попросили прощения: “Мы сделали это из сострадания к мукам твоим, но не знали, что на гораздо большие муки тебя обрекли. Прости нас, неразумных”.

Смысл притчи в том, что молитва способна совершить чудеса и не дать человеку умереть. Но зачем? Если человек уже готов уйти в Вечность, не останавливайте его и не удерживайте на Земле. Жизнь возвращённая не будет счастливой для души, которая уже грезилась встречей с Создателем своим, а вы вдруг лишили её сей радости великой.

... Молодость уходит от человека, когда он уже хочет покинуть Землю. Молодость – то есть ощущение полноты бытия, брызжащих сил жизненных. Тогда уже пора лучами дома своего вечного наполняться, уходить в обдумывание пути своего земного и сделанного при жизни. Нужно придать телу лучи великие, чтобы оно могло излучать их и чтобы Господь мог их вобрать. Но как лучи великие придать телу, если не вся жизнь оказалась чиста? Хотя немного, но всё же можно наполнить тело Светом, для сего молитвою наполняйтесь, придайте телу этот великий импульс молитвенный, чтобы оно и лучистому Небу послужило основой, а не только Земле, поглощающей низкие вибрации. Чем больше молитесь, тем большим Светом наполняетесь, но **молитва должна быть не просящей, а дающей**. Надо осознать: молитва – единственный способ соединиться с Богом всецело. Люди, лишь обычные ритуалы совершающие, но не испытавшие этой муки осознания: никак не соединиться с Господом, кроме молитвы, идущей из души слёзной молитвы благодарной, – не приходят к Нему. Им неведомо данное немногим другим потрясение от такого осознания, которое вовсе не радость, а мука, ибо понимают те люди, из какого несовершенного сердца потянутся к Господу лучи. Этот стыд несовершенного создания – та мука, которая очень дорога Ему, ибо стыд – отправная точка совершенствования дальнейшего. Те, кто жаждет стать совершенным и понимает, каким тяжким самоограничением это даётся, милы Господу безмерно.

Мука – вот что лежит в основе самосовершенствования.

Мука – это момент осознания мимолётности земного бытия. Это лучи, из Мирового пространства идущие, вдруг достигшие души. Потрясение мучительно, но без сей муки не может быть и высочайшей радости преодоления её. Никакие иные муки нельзя назвать подлинными, ибо всё свершаемое не случайно. А обусловленное множеством осознаваемых либо не осознаваемых причин не должно быть мучительно для человека, но понимаемо как справедливое.

И тогда медленное угасание тела будет восприниматься им не болезненно, но радостно, ибо плоть, наполняясь лучами молитвенными, отчасти не истлеет, а обратится в Свет. Пусть немногий Свет, но самый чистый. Пусть никто не узнает об этом, погребая тело в землю, но Свет, видимый Небесам, изойдёт из уложенного в землю, ибо для сих лучей нет преград в мире трёх мер.

Разве несправедливо исчезновение из жизни? Нет, это закономерность. Но люди оплакивают своих любимых, ибо не знают, что лишь тела они лишились, а это в посмертии кажется смешным – скорбеть о потерянном теле.

Кости лежали в могиле. Над ними проливали слёзы родственники усопшего. Но Господу эти слёзы были непонятны: зачем оплакивать того, кто рядом со своими родными, избавленный от мук тела и потому более счастливый?

Умер некий человек, и умер не зря: ум его нездоров был, потому он много боли и хлопот доставлял и семье своей, и себе самому. Когда перед Престолом Небесным наивная его душа предстала, то спросила Бога: “Почему мои родные не радуются, что я лишился мук, а рыдают?” “Этого не могу Я понять, – ответил Господь. – Эти слёзы Я могу объяснить только невежеством. Ибо если бы твои родные знали о посмертном существовании души, то устроили бы весёлый пир, а не панихиду”.

Человека постоянно гложет нечто, и это мешает ему понять: всё целесобразно, что случается, это было результатом неких процессов, и надо лишь пытаться понять, каких именно. Но истерзанная обидой, унынием, злостью, отчаянием душа не способна быть разумной. Для сего ей нужен покой, коего человек её лишает, поддаваясь низким вибрациям чувств. Лишь осознав

Мироздание как великую справедливость, он может лишиться себя многих неоправданных мук и обрести мудрость.

Мудрость – это лучи Господни, которые человек в душу свою принимает, а не в ум. Мудростью обладает душа, а не разум, потому что её задача – стать совершеннее. Разум не может быть мудрым, ибо он – копилка знаний, а душа – копилка чувственного знания, которое и есть мудрость, если это знание получено от Господа.

Мудрому человеку люди говорили: “Ты так мало знаешь!” Он им отвечал: “Это не так. Я умею держать мост с Господом моим, и это умение даёт мне всё необходимое в жизни”. Прошло много лет, и к мудрому человеку пришёл его смертный час. “Я не мудр, – сокрушался он, – ибо душа моя не испытывает страха, который, я слышал, должен быть присущ такому важному событию в жизни, как смерть. Я бы хотел получить и этот эмоциональный опыт, который сделал бы мудрее мою душу”. Господь засмеялся: “Не душа боится смерти, а тело. Но ты всю жизнь прожил жизнью души, и потому тебе не страшно расстаться с телом, как другим людям, которые были его рабами. Эти страхи одолевают лишь тех людей, которые не душевные испытывали, а телесные радости, и знают они, что радости сии исчезнут вместе с их телом. Так пусть эти люди хоть какие-то чувственные переживания унесут с собою в мир иной”.

... Всё увядает – таков закон жизни. Что вам может принести утешение, когда вы вступаете на грань между расцветом и увяданием? Только то, что иссякающие силы Господь постарался совместить со столь же иссякающими желаниями. Это процесс медленный и гармоничный.

Если вы на Бога обижаетесь за то, что не дал вам бессмертия, то на это можно ответить так: не устают от жизни только те, кто не поставил перед собою единственно верной цели: добиться богоподобия. Люди, осознающие, что жизнь даётся лишь для того, чтобы преобразить себя, возвысить дух и устремиться в Вечность в новом, обогащённом за время воплощения виде, – не испытывают надобности в бессмертии тела. Дальнейшему преображению тело будет только мешать, и они с радостью с ним расстаются. И потому начало увядания для них не трагедия, а напротив – сигнал к тому, что следует топиться в осуществлении задачи своей главной.

Лёд покрыл реку. “Я не могу теперь журчать”, – расстроилась река. А лёд ей сказал: “Журчи подо мной сколько хочешь, я не буду тебе мешать. Но твой голос – это летний звук, а зимою нужно течь беззвучно, чтобы все знали, что не могут они музыки твою услышать, пока я не растаю”. “Разве зимой нет звуков?” – удивилась река. А лёд ей ответил: “Есть, но иные. Каждому времени года соответствует своя музыка”.

Смысл притчи в том, что каждому периоду жизни человека соответствует своя мудрость. В детстве это познание мира, в юности и молодости – познание себя, в зрелости – умножение знаний, более глубокое постижение мира и себя, в старости это – познание Неба. Для мудрого человека должно быть именно так. Живущий по-другому, бездумно, обречён умереть глупцом.

Увядание прекрасно тем, что оно умудряет душу. Люди озабочены тем, что пора настаёт подводить итоги. Это всегда заставляет собираться внутренне. Ещё очень много сил, уже приобретён опыт, развита способность сравнивать, обобщать и проводить анализ. Жизнь, достигнув почти неуловимой грани между расцветом и увяданием, становится человеку дорожкой, ибо он вдруг осознаёт её конечность. Вы достигли вершины, с которой стали видны берега моря. Пробыте удержаться на этой вершине, но тщетно: она подталкивает вас к тому, что пора спускаться. Миг покорения вершины великолепен, но бесконечно жить на ней невозможно.

Проливая потоки слёз, женщины смотрят на свою уходящую красоту телесную. Но духовная красота, сияющая в глазах, дорожке стоит. Мужчины, ищущие в женщине лишь телесную привлекательность, дёшево стоят. Так нужно ли печалиться по столь ничтожному поводу, как утрата телесной красоты?

Жена говорила мужу: “Если ты не станешь меня любить, как в молодости, я от тебя уйду”. “Куда ты уйдёшь?” – усмехнулся муж. “К другому

мужчине”, – отвечала жена. “Уйти-то ты можешь, – засмеялся муж, – но не рассчитывай на такую любовь, какую я испытывал к тебе в молодости”. “Почему не рассчитывать?” – удивилась жена. “Потому что ты далеко не так молода, как когда-то, и теперь можешь вызывать к себе чувства иные”. “Какие же?” – насторожилась жена. Муж не хотел её расстраивать и потому выразился очень деликатно: “Приблизительно такие же, какие испытывает к тебе наш внук. Он в тебе души не чает, и я вижу, как ты от этого счастлива. Я, поверь, очень тебя люблю, и никакой другой мужчина на такую любовь не способен – хотя бы потому, что у него нет о тебе таких пламенных воспоминаний, как у меня”.

Смысл притчи в том, что не нужно пытаться возвращаться к тем страстям, какие бушуют в человеческой душе в молодости, когда плоть просит огня жизни. К старости ясное тихое пламя озарит вашу жизнь куда ярче, чем бушующие огни страстей.

Увядание – это удивительный период угасания того, что одолевало тело, и воскресения в душе её изначальной светоносности. Утрачивая желания плоти, вы становитесь на возвышенность, поднявшись из пучин, вы обретаете твердь под ногами, ибо Свет, который вдруг просыпается в вас, – ваша единственная опора.

Большинство из людей и не замечает пересечения этой границы – между собственным расцветом и увяданием, а просто отмахивается от неожиданно появляющихся мыслей о конечности своего земного бытия. Печально, что так. Думать об этом необходимо, ибо только ощущение хрупкости жизни может заставить человека ценить каждое её мгновение.

Увядает всё – но ничто не исчезает. И во что вы превратили себя за время жизни, то и станет вашей сутью в Вечности. Так не разумно ли оставить попытки удерживать молодость, а посвятить жизнь тому, чтобы душу свою устремить к Свету, который не увядает, – и влиться в него, обретя тем самым подлинное бессмертие?

Человек умирал от тяжкой болезни и знал это, но молчал. Когда же проговорился, что всё ему известно, близкие с удивлением его спросили: “Как же ты это понял?” “Меня оставили здоровые желания”, – улыбнулся умирающий.

Смысл притчи в том, что угасание в себе жизненных сил можно переделить легко – их не хватает на здоровые телесные желания. Но как быть с душой? Здесь наоборот: чем меньше телесных желаний, тем ярче разгораться должна душа, тем явственнее должна быть устремлённость её к Свету Господнему. Если этого не происходит, медленное умирание будет уделом человека, а не возрождение к новому бытию. То есть старость будет не ужасом, а радостью для того человека, который воспринимает её как необходимое условие перехода в вечную юность.

Устремлённость к Свету должна быть сопряжена с муками вот какого рода: достаточны ли мои усилия, чтобы сделаться светлее – вот о чём неустанно должен думать человек. Чем более усилий он свершает на пути к Свету, тем светлее становится. Это напряжённый труд, коему суждено обернуться плодами великими.

Что следует делать, дабы стать светлым? Не унывайте, Господь вовсе не предлагает вести жизнь докучную, состоящую из молитв и постов. Надо, чтобы в вас произвольно, сама собою рождалась благодарная молитва – когда вы видите, слышите, думаете, действуете, любите и отвергаете тьму. Живите жизнью, которая вам кажется лучшей, чтобы успеть насладиться ею и проявить способности, данные вам при рождении. Но если всякий раз мучительное осознание собственного несовершенства будет приходить к вам и вы, благодаря Бога за дарованное вам на Земле, станете призывать Его, чтобы помог достигнуть большего на сём пути восхождения, то помощь получите. Дом свой покинете с чувством радости великой, ибо призывали Господа – и пришёл на зов ваш.

Три человека встретились на дороге. Один был молод, другой зрел, третий очень стар. “Куда ведёт эта дорога?” – спросил молодой. “К Господу, – ответил зрелый. – Я наконец нашёл её и теперь чувствую за спиною крылья. Если хотите, пойдёмте вместе”. Молодой с радостью

согласился, а старый испугался. “Почему ты дрожишь, старик?” – спросили первые двое. “Я впервые ступил на этот путь и боюсь, что мне не хватит сил добраться до Того, Кто дал мне жизнь, – ответил старик. – И отблагодарить Его, и повиниться перед Ним я не успею”. “Куда же ты шёл всю жизнь?” – спросили его. “Я не знаю, – отвечал старик. – Просто видел перед собою разные дороги и шёл куда глаза глядят – то по одной, то по другой. Но все эти дороги не приводили меня к Господу”. “А ты искал ли Его?” – спросил зрелый человек. “Нет, – опустил голову старик. – Я любил саму ходьбу, а цель мне была не важна. Но я прожил жизнь, полную разочарований”. “Почему же ты сейчас так испугался?” – спросил молодой. “Потому что я понял, что дороги, которыми я шёл, были ложными путями. Мне некого винить, кроме себя самого. Я завидую вам обоим, потому что вам хватит времени узреть Господа, а мне нет. Да и захочет ли Господь увидеть жалкого глупого старика?” И тогда Я сказал ему: “Ты упустил много времени, старик. Ты мог бы прожить жизнь, полную смысла и высокой радости, и мудрым был бы, и не боялся бы умереть. И всё же Я не отвергну тебя. Дорога к Господу не так длинна, как кажется. Тебе хватит сил дойти до дверей, за которыми Свет немеркнущий, но это произойдёт только на пороге смерти”. “Спасибо Тебе, Господь мой, – упал на колени старик. – Я готов добираться до Тебя ползком, лишь бы на пороге Вечности почувствовать на лице своём Свет Твой. Мне больше ничего не нужно”.

Смысл притчи в том, что никогда не поздно пойти по дороге, ведущей к Господу. Но если ты хочешь, чтобы жизнь твоя была наполнена Светом Его, начни движение, едва выбравшись из колыбели.

...Старикам, которым скоро возвращаться на Небо, стоило бы избавиться от лишней тяжести. Земные думы оставили бы они, сумели ненависть и мелкие заботы свои забыть, проняться одною любовью и благодарной добротой, ведь именно эти лучистые свойства делают человека лёгким, и они на Вечное Небо унесут их, а не что другое. Тёмные свойства души делают человека столь неподъёмным, что мучительно его восхождение и тяжела расплата. Многие неважные вещи должны покинуть душу к поре окончательной зрелости, чтобы остались в ней лишь плоды жизненных раздумий и отблески внезапных озарений, кои потрясали душу и привели её к мудрости. Это именно те плоды, которых Господь ждёт от нас.

Старик сидел возле печи и думал: “Какая долгая зима! Никак она не кончится”. А Господь ему шепнул на ухо: “Старик, зима всегда кончается, некуда ей деться. После неё наступит весна для тебя, в которой и цветение, и щебет птичий”. “О какой весне ты говоришь, Господь? – спросил старик. – Мне пора помирать, до весны я не дотяну”. “Я говорю о долгой твоей старости, после которой ты переплывёшь в вечное блаженство. Ты заслужил его своею трудной, но честной жизнью, в которой ты опирался на мудрость Мою. Это и будет весна – вечная весна – для твоей измученной души”.

Смысл притчи в том, что долгая старость хорошего человека – это Божий умысел: человеку дается напоследок очень устать от жизни. Отдых души в жизни вечной прекрасен, как весна.

...Отчего порою долго живут люди, уставшие жить и выполнившие своё предназначение? Оттого, что в них кто-то нуждается на Земле. И если этот кто-то близок Небу и уход того усталого человека для него трагедия, то Силы Света оставляют жить того, кто уже этого не хочет. Приходится ему жить ради того, кто в нём нуждается. Но за эти мучительные годы будет он вознаграждён Господом, ибо труд жизни ради спокойствия кого-то – это жертва его ради Света в Мироздании.

...Старость и последние лучи жизни – то, что полезно для души. Старость и последние дни возлагают на нас задачу обдумать прожитое на Земле время.

Обдумывание жизни – это важнейшее занятие в последние дни её. Это часть мудрого замысла Господа, ибо сил нет уже для активных действий, но важное дело душе вполне по силам.

Следует так рассматривать жизнь: что в ней стало главным? Что в ней стало полезным для Мироздания? И успел ли я всё сделать, для чего был предназначен Господом? Если последний вопрос вызывает в душе горькое сожаление, то успеть что-то изменить ещё можно – если вы задумались над сим вопросом довольно рано. Чем раньше, тем больше можно успеть. Небо умеет прислушиваться к тем, кто задаёт себе подобные вопросы, и протягивает им добрые лучи помощи. Людям, кои не ставят перед собою задачи продлить бытие Мироздания, а стараются успеть прожить жизнь, полную телесных удовольствий, не стоит рассчитывать на Вечность, которая на них устремит добрые лучи, ибо небесной радости достигают лишь те, кто стремится возвысить свой дух, а не удовлетворить тело.

Мертвецу стало невмощно, что его никак не закопают, а всё прощаются и прощаются, никак не хотят отпустить. Он мог только думать, а шевелиться не мог, потому что душа его была не в мёртвой плоти, а рядом, и мыслить она могла. Итак, душа обратилась к Господу с мольбой: “Отец, мудростью их одели: что толку прощаться с мёртвым телом, когда я, живая, рядом с ними!” “Молчи, глупая, – ответил Я ей, – ты уже всё поняла, как это просто, а они живы и пока не посвящены. Пусть прощаются, сколько им нужно, ведь и это тело было им близким и родным – твоя улыбка, руки, красивые ноги и торс. Мне приятно сознавать: так тебя любили, что не хотят расставаться. Не думал, что нужно это тебе объяснять. Разве Я не дал тебе чуткости в нужной мере?” И душа смирилась.

Смысл притчи таков: для Неба душа, конечно, важнее всего, но и тело имеет свою особую ценность. Людям живым, не понимающим, как устроено всё во Вселенной, страшновато думать, что тело, которое они любили, со временем станет землёй. Но разве Земля – не самая прекрасная планета? Думайте о том, когда хороните дорогих вам мертвецов, что благодаря вашей потере Земля станет ещё прекраснее.

... Единственный расцвет, начинающийся на пороге увядания человеческого, – это расцвет духа его. Потому не стоит людям зависеть от телесного, ибо не это ваш расцвет. Дух – вот молодость вашего существа, потому все силы устремляйте к расцвету духа. Нет важнее задачи. К этому нужно готовиться смолodu: к умению согласовать собственную жизнь с волею Неба. Человек приходит на Землю, чтобы служить Небу, и потому следует всеми силами растить в себе дух. Как это можно сделать? Радости жизни внимательным взглядом окинув, понимать, что это даётся как некое отражение радостей небесных, коих ты будешь удостоен в награду за молитвенное служение Небу. А служение сие на Земле заключается в доброделии и благодарной молитве, обращённой к Создателю радостей земных.

Понимание того, что радости земные – это аванс, а не вознаграждение за что-то, уже вами совершённое, – это должно отрезвить и направить по верному пути. Лучи Неба устремлены к людям в надежде на нашу душевную благодарность и правильное восприятие всего происходящего. Нет ничего страшнее разочарования – ни на Земле, ни на Небе. Вы сами знаете, как больно обманываться в надеждах своих. Устремите души свои к Свету – и вы не будете разочарованы. Как не будет разочарован и Господь, рассчитывающий на эту устремлённость.

... Кого человеку винить в том, что годы уходят? Никто не избавлен от бега времени в жизни земной. Думайте о том, что впереди Вечность, и о том, чем она будет наполнена для вас. Если вы, старея, тратите время на бессмысленные причитания и попытки удержать молодость, вы глупцы. Вечность не знает таких мелких категорий, там одно мерило – степень светоносности. И на это не жалеите времени жизни. Чем вы старше, тем должны быть светоноснее. Это важно, и ничто другое.

НЕБЕСНЫЕ ГОЛОСА

ОМРАЧЕНИЕМ ДУШИ НАЗОВУ Я СТРЕМЛЕНИЕ К ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

*Пути, ведущие к молодости, не дают вам покоя.
Продлить, не дать ей исчезнуть — вот чем вы озабочены.
Молодость, вечная молодость, — вот чем вы грезите,
не понимая, что молодость
Не даёт ощущения полноты бытия.
О, то иное, куда более глубокое чувство! То открывшаяся душе
Ледяная воронка бездны, откуда вдруг дохнуло на вас живое тепло.
Для вас счастье — отсутствие недугов, и переизбыток сил,
и удовлетворение всех желаний.
Для Вечности же ваша молодость — то, что она,
набравшись терпения, пережидает
Как неизбежное, с которым нужно просто смириться.
Вас переполняет желание жить — а для иных, незамечаемых вами жизнью
Это время, когда необходимо давать вам на это силы,
Ведь так всё взаимосвязано, взаимозависимо и неотделимо
одно от другого,
Что черпать силы возможно, лишь когда вы занимаете их у других.
Но вот вы стареете — и желанья должны уходить,
и прийти им на смену должно пониматье,
Что вам в изобилии отдавалось то, благодаря чему
вы познали земные радости.
Но где благодарность людская, где желание долг свой вернуть?
Вы одержимы иным желанием — вечно испытывать
безумное ликование молодости.
Не знаете разве, что закон обращенья энергий не отменён ради вас?*

ДУХ, ВОСХОДЯЩИЙ К СВЕТУ, — ВОТ ОПРАВДАНИЕ НАШЕГО БЫТИЯ НА ЗЕМЛЕ

*Издравле, всегда дух был мерилom человеческой стоимости.
Только духу дано свидетельствовать о наших пределах — или о том,
что редчайший из нас шагнул за свои пределы.
Дух ведёт человека в Небо, где неустанно туда восходившим
место отведено, —
И он же низвергнуть способен в бездну испепеляющую,
Где унижившим дух свой также предостаточно места.
Важен лишь дух, и ничто другое.
Мы всегда — его верноподданные, неразрушима наша зависимость от него,
И его устремлённость либо дарует бессмертие,
либо губит нас безвозвратно.
Вершина духа — в осознаваемой необходимости вознестись к Создателю
И в результатах труда, которому равного нет ни по важности,
ни по тяжести.
Отчего же мы бездумно теряем время, угождая собственной плоти,
Вместо того чтобы дух свой лелеять, обогревать его любовью
к Божьему миру
И, к поискам Света в себе понуждая, неугасимо пылать?
Дух должен стать нашим любимым ребёнком. На него вся надежда.*

ИРИНА МОНАХОВА

БЕЛИНСКИЙ И АКСАКОВЫ

Эпизоды полемики западников и славянофилов

История взаимоотношений (дружбы и вражды, журнальных сражений, взаимопонимания и расхождения во взглядах) В. Г. Белинского и братьев К. С. и И. С. Аксаковых стала частью не только их биографий, но и затянувшейся на многие десятилетия полемики западников и славянофилов. Белинский и Константин Аксаков фактически были у её истоков.

Полемика эта не утихает до сих пор. Это яркое общественное явление остаётся актуальным и сегодня, поэтому и обращение к его истокам представляет интерес не только как память о “делах давно минувших дней”.

То, что многое в этой полемике с тех пор изменилось, – общеизвестно. Так отличается чистый исток реки, который находится где-то в лесном роднике, от её дальнейшего течения – полноводного и в то же время несколько замусоренного, для утоления жажды непригодного. О тех истоках, о западниках и славянофилах 40–50-х годов XIX века А. И. Герцен писал: “Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей всё существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно”.

Обращение к этой теме актуально также и в связи с тем, что в 2010-х годах отмечается 200 лет со дня рождения В. Г. Белинского (2011) и К. С. Аксакова (2017).

* * *

В 1881 году в № 8 газеты “Русь” в разделе “Литературный отдел” были опубликованы (впервые) шесть писем В. Г. Белинского К. С. Аксакову. Эта публикация предварялась небольшим предисловием редактора газеты И. С. Аксакова под названием “Примечание редактора”.

Примечание во многом посвящено описанию среды общения Белинского и К. Аксакова в молодости, а именно – кружку Н. В. Станкевича, где они познакомились в начале 1830-х годов и где они оба были одними из самых активных и постоянных участников до конца этого десятилетия. И. Аксаков в примечании особенно подчёркивает, что формирующиеся славянофильские

убеждения К. Аксакова вызывали всё больше противоречий его с кружком, а затем привели к разрыву отношений с его участниками: “По прямоте своего характера, К<онстантин> С<ергееви>ч в конце 1839 или в 1840 г<оду> открыто порвал сношения почти со всеми оставшимися в Москве адептами кружка. <...> В этом же 1840 г<оду>, после одного или двух писем В. Г. Белинского, которые, к сожалению, не сохранились, последовал разрыв и между ними. Иначе и быть не могло. В это время уже слагался в К. С. проповедник того учения, которому сам Белинский дал в раздражении кличку “славянофильства” (разумея славянофильство Шишкова) и которое, по всеобщему теперь признанию, получило, во всяком случае, почётное значение в истории русского общественного развития”.

Рассказывая вкратце об истории взаимоотношений Белинского и К. Аксакова, И. Аксаков видит её как бы глазами брата Константина (что понятно и закономерно), считая воззрения Белинского 1840-х годов ошибочными и резко негативно (опять же со слов брата) оценивая содержание последнего несохранившегося письма Белинского К. Аксакову: “С свойственным ему острвенением искренности Белинский мял и топтал беспощадно то, чему ещё недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникало и созревало в К<онстантине> С<ергееви>че. Это было каплею, переполнившюю сосуд. К. С. отвечал резким, коротким письмом, и разрыв совершился”.

Но при этом И. Аксаков отмечает, что высоко ценит выдающиеся личные качества Виссариона Григорьевича, подчёркивая, что “Белинский был, независимо от своего критического таланта, человек замечательный по своей высокой честности и безусловной искренности, чуждой каких бы то ни было расчётов”. И в этих высоких личных свойствах Белинского И. Аксаков видит много общего с его идейным оппонентом К. Аксаковым. “Тем не менее, оба служили истине – как каждый из них её понимал (а мы думаем, что с переездом в Петербург Белинский увлёкся в путь ложный) – с беззаветным увлечением и ни разу не изменявшею себе искренностью”, – отмечает в заключение своего вступительного слова И. Аксаков.

* * *

Идейные разногласия К. Аксакова с Белинским начались не на рубеже 30–40-х годов, а гораздо раньше, и не только с Белинским, а вообще с кружком Станеткова, где они познакомились в начале 1830-х годов. Для Белинского это кружок молодых философов, поэтов, литераторов, объединённых научными интересами и жадной познания (но не хрестоматийного, а нового, открывающего новые горизонты в осмыслении жизни), был родной стихией. Критический взгляд на современную им Россию, осмысление существующих проблем, отрицание “ложновеличавого”, напыщенного в искусстве – для Белинского это совпадало со стилем его мышления, его взглядами на жизнь.

Для К. Аксакова же образ мыслей и настроение кружка были не вполне близки. Выросший в патриархальной семье, в помещичьей усадьбе на лоне природы, окружённый родительской любовью, вдали от острых проблем современности, он был склонен к более уравновешенному, “беспроблемному”, идиллическому взгляду на жизнь. Что же касается юношеского периода жизни К. Аксакова, особенно первых лет его общения с кружковцами, то в это время в его представлении любовь к родной стране и критика её недостатков были вещами несовместными. К. Аксаков отчасти болезненно воспринимал “отрицательное” направление кружка, но в то же время и понимал основные причины его возникновения: “Искусственность российского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма – всё это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект”.

После окончания университета К. Аксаков не только не отдалился, а ещё больше сблизился с кружком, одним из самых ярких участников которого был Белинский. В нём в большой степени сосредоточились и выразились разнообразные особенности кружка и его деятельности, к которым и отношение К. Аксакова было различным. С одной стороны, увлечение критикой россий-

ской действительности, что воспринималось им болезненно. С другой стороны, пристальное внимание к этическим вопросам, что для него было весьма ценной и притягательной темой. К. Аксаков вспоминал: “Как всегда бывает, отрицание лжи доходило и здесь до односторонности; но, надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападение на претензию, иногда даже и там, где её не было, не переходило само в претензию, как это часто бывает и как это было в других кружках. Одностороннее всего были нападения на Россию, возбуждённые казёнными ей похвалами. Пятнадцатилетний юноша, вообще доверчивый и тогда готовый верить всему, ещё многого не передумавший, ещё со многим не уравнившийся, я был поражён таким направлением, и мне оно часто было больно; в особенности больны были мне нападения на Россию, которую люблю с самых малых лет. Но, видя постоянный умственный интерес в этом обществе, слыша постоянные речи о нравственных вопросах, я, раз познакомившись, не мог оторваться от этого кружка и решительно каждый вечер проводил там”.

С Белинским связано и начало литературной деятельности К. Аксакова. Его первая публикация — драматическая пародия “Олег под Константинополем” — появилась в 1835 году в газете “Молва”, которую Виссарион Григорьевич тогда редактировал, так же как и журнал “Телескоп” вместо уехавшего в длительную командировку редактора этих обоих изданий Н. И. Надеждина. Белинский напечатал отрывки из этой шуточной драмы, сопроводив их своим примечанием, где он упомянул, что большую часть её он слышал “из уст скромного автора”, которого представил публике как молодого человека “с необыкновенным поэтическим дарованием”.

Белинский не только был дружен с К. Аксаковым, но и с начала 1830-х годов бывал в гостеприимном доме Аксаковых, где регулярно устраивались литературные вечера. Здесь Белинский, в частности, познакомился на одном из таких вечеров с Н. В. Гоголем. По воспоминаниям И. И. Панаева, посетившего Москву в 1839 году, “Белинский был всегда довольно короток в доме Аксаковых, но перед моим приездом в Москву между им и этим семейством произошло какое-то недоразумение, размолвка”.

К этому времени относятся наибольшие расхождения и, наконец, разрыв К. Аксакова с участниками кружка Станкевича, прежде всего, из-за идейных разногласий. Об отдалении К. Аксакова от Белинского и других участников кружка Станкевича говорит собственное признание Константина Сергеевича в его письме Г. С. и И. С. Аксаковым, написанное в феврале-марте 1839 года: “Что сказать вам про мои отношения с приятелями, милые друзья? Я расстался со всем их кружком, без ссоры, без вражды, отдавая им полную справедливость в том, что в них есть хорошего, расстался сам, по истинному своему влечению и чувствую себя теперь совершенно под вольным небом, и дышу свободно. — Белинский лучше всех моих приятелей; в нём есть истинное достоинство, но и с ним я уже не в прежних отношениях, хотя люблю его больше всех остальных”.

После переезда Белинского в Петербург его отношения с К. Аксаковым стремительно охладевали, как видно из их переписки. Славянофильские убеждения К. Аксакова всё более чётко определялись, а журнальная полемика (в том числе произошедший между ними в 1842 году печатный обмен мнениями по поводу “Мёртвых душ”) ещё более накаляла противостояние этих двух “партий”. Полемичности их отношений во многом сам же Белинский и способствовал — его бойцовский дух и талант полемиста здесь сыграли свою роль. По замечанию А. И. Герцена, “страстный и вообще полемический характер славянской партии особенно развился вследствие критических статей Белинского”. Конечно, он при этом увлекался, иногда слишком — это известно. Но то же можно сказать и о К. Аксакове. Например, в 1840 году, предполагая полемизировать с Белинским по поводу его рецензии на собрание сочинений М. В. Ломоносова, он решительно заявлял: “Мы с Белинским так схватимся литературно, как ещё никто с ним не схватывался”. Дух борьбы, активного противостояния оппонентам увлекал и Белинского. В 1842 году, в разгар полемики о “Мёртвых душах”, он решительно заявлял в одном из писем В. П. Боткину: “Спасибо тебе за вести о славянофилах. <...> Ненависть этих господ радует меня — я смакую её, как боги амброзию. <...> Я был бы рад их мщению, и чем бы оно было действительнее, тем для меня отраднее. Я буду постоянно бесить их, выводить из терпения, дразнить.

Бой мелочной, но всё же бой, война с лягушками, но всё же не мир с баранами”.

В дальнейшем полемика между западниками и славянофилами только обострялась. При этом и та, и другая сторона, увлекаясь, могли впадать в крайности, но и те, и другие признавали и уважали искренность друг друга и понимали, что и теми, и другими движет любовь к России и стремление к её благу, к которому они видели разные пути. Как показал исторический опыт, сами по себе реформы по западному образцу, к которым стремились западники, ещё не гарантируют стране и её народу процветания, всё гораздо сложнее. Но и идеал славянофилов имеет свои существенные изъяны. Причём “мечтательный элемент”, по выражению Н. А. Бердяева, был присущ обоим направлениям: “Славянофилы смешали свой идеал России, свою идеальную утопию совершенного строя с историческим прошлым России. <...> Западники <...> смешивали свой идеал лучшего для России строя жизни с современной им Западной Европой, которая отнюдь не походила на идеальное состояние. И у славянофилов, и у западников был мечтательный элемент, они противопоставили свою мечту невыносимой николаевской действительности”.

Увлекаясь своей светлой мечтой об устройстве русской жизни, лишённом западного влияния, славянофилы, в частности К. Аксаков, иногда слишком отрывались от действительности, что вредило их направлению во мнениях общества. Например, К. Аксаков взял за обычай носить не обычный общепринятый костюм, а старорусскую одежду (косоворотку, мурмолку), а также отпустил бороду. В результате, по шуточному замечанию П. Я. Чаадаева, “народ на улицах принимал его за персиянина”. Белинский тоже в шутку по этому же поводу заметил в одной из статей 1844 года, что, отыскивая родоначальников наших родоначальников, “мы непременно дойдём до Адама и, как истинные археологи, решим, что нам надо ходить в костюме Адама, чтоб ни в чём не отстать от своих предков”.

К. Аксаков не только сам одевался на старинный манер, но также пытался приобщить и светских дам к такой одежде и, конечно, не нашёл в этом никакого понимания. “Ни одна не решается надеть сарафана”, — сокрушался он в письме Н. В. Гоголю, который, впрочем, не одобрял таких “крайностей”, просил его “не отделять себя от общества” своим нарядом и напоминал ему о смирении. А по поводу более существенных вопросов его упреки К. Аксакову были жёстче и бескомпромисснее: “До нынешнего моего приезда в Москву я более любил её, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристёгивая сбоку припёку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его”.

Кстати, сам Гоголь (не примыкавший ни к западникам, ни к славянофилам) так сформулировал сущность своего отношения к русской старине, традиции и её роли в завтрашнем дне России: “Не умрёт из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесётся звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспряднётся, как следует, прежде у нас, чем у других народов!” — писал он в 1846 году в книге “Выбранные места из переписки с друзьями”. И этот подход представляется оптимальным — зерно всего лучшего, что было в старине, традиции, должно органично прорасти в настоящем и будущем, а не переноситься в застывших формах и в том числе во внешних атрибутах.

Если же говорить не об отношении к старине, а о том, что считали необходимым сделать в России, какие преобразования провести, то здесь западники и славянофилы были в ряде важных вопросов едины — и те, и другие требовали демократических реформ, прежде всего отмены крепостного права, свободы слова. И в оценке существовавшей тогда общественно-политической ситуации в России у них не было существенных расхождений. Характерный пример тому — знаменитое “зальцбруннское” письмо Белинского к Гоголю 1847 года и “Записка” К. Аксакова “О внутреннем состоянии России”, представленная императору Александру II в 1855 году. В этих двух сочинениях, написанных совсем с небольшим (по историческим меркам) временным промежутком, в наиболее ярком, чётком и систематическом виде были выражены общественно-политические позиции Белинского и К. Аксакова, да и вообще западников и славянофилов (насколько они могли быть выражены в совре-

менных им условиях России – при цензуре и отсутствии свободы слова). Причём “Записка” К. Аксакова, хотя и была прочитана адресатом, но не привела к какому-либо реальному результату и опубликована была лишь в 1881 году в газете “Русь”. А “зальцбрунское” письмо Белинского к Гоголю, которое, конечно, не могло тогда появиться в российской печати, вскоре после его создания разошлось в списках по всей России, так как его автор, сделавший с него копию, с самого начала воспринимал его не только как частное послание, но и как статью о самых острых социально-политических вопросах.

К. Аксаков в “Записке” писал: “Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. <...> Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабёж – страшны. <...> Стоит лишь уничтожить гнёт, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. <...> Необходимо снять гнёт с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысли и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу. <...> Есть в России отдельные язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. <...> Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землёю на прочном основании истинных коренных русских начал. Правительству – неограниченная свобода *правления*, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода *жизни* и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству – право действия* и, следовательно, закона; *народу – право мнения* и, следовательно, слова”.

Белинский в письме Гоголю писал: “Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть”.

Как бы по-разному ни относились западники и славянофилы к деятельности Петра I и возможностям возрождения древних, допетровских традиций, но важно, что в их общественно-политической позиции были сходные требования – требования реформ, свобод, отмены крепостного права. И в этом они были едины. Вот почему они, которых привычно считают разными “партиями”, по существу, представляли собой (во всяком случае в ранний период – при жизни Белинского) два крыла одной “партии” – оппозиционной к сложившейся тогда общественно-политической ситуации в России и добивавшейся демократических реформ. Это была оппозиция не столько по отношению к самой по себе высшей власти (впрочем, тут были расхождения среди западников: например, А. И. Герцен однозначно считал российское самодержавие злом для народа, а Белинский надеялся на то, что воля царя обеспечит проведение ожидаемой крестьянской реформы несмотря на нежелание правительства и аристократии), сколько к установившемуся порядку, который характеризовался повсеместным гнётom правительственных, чиновничьих структур и полным пренебрежением мнением народа.

Важным аспектом в идеях и Белинского, и славянофилов было пристальное внимание к нравственному состоянию современного им общества. И, собственно, Белинский был одним из первых русских мыслителей, осознавших огромное значение социальных вопросов, совершенствования нравов ещё в начале 1840-х годов. В этом пункте идеи Белинского и славянофилов его времени, провозглашавших цель “воспитания общества”, были весьма сходны.

И западники, и славянофилы подвергались цензурному гнётu. Статьи Белинского, как известно, зачастую появлялись в печати в “искромсанном” цензурой виде, а многие сочинения К. Аксакова по той же причине вообще не были опубликованы при его жизни.

К. Аксаков так характеризовал ситуацию в стране: “Взяточничество и чиновный организованный грабёж – страшны”, – то есть почти теми же словами, что и его оппонент Белинский в письме Гоголю: “Россия <...> представляет собою ужасное зрелище страны, где <...> нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть

только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей”. (На что, впрочем, Гоголь в ответном письме Белинскому и сам заметил то же самое: “Если же правительство — огромная шайка воров, или, вы думаете, этого не знает никто из русских?”).

Западник А. И. Герцен писал: “Русское правительство — не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское”. Этот его вывод, в сущности, совпадает с тезисом, высказанным славянофилом К. Аксаковым в “Записке” царю: “Вместо прежнего союза образовалось иго государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванною, а государство — завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле!”

Вот где было настоящее противостояние, более существенное, чем между западниками и славянофилами, — противостояние тех, кто стремился к возрождению и развитию России, и тех, кто своими делами препятствовал этому. В этой связи символично звучат слова западника Т. Н. Грановского из его письма славянофилу И. В. Киреевскому 1845 года: “Вы сами не раз говорили мне, что в России собственно только две партии — людей благородных и низких”. Кстати, по поводу братьев И. В. и П. В. Киреевских Т. Н. Грановский замечал: “Я от всей души уважаю этих людей, несмотря на совершенную противоположность наших убеждений”. А. И. Герцен в письме И. С. Аксакову 1858 года подчёркивал: “Несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землёю, и во имя этих двух баз мы горячо жмём руку вам и С<амарину>”.

П. В. Анненков в “Литературных воспоминаниях” отмечал важное общее устремление, связывающее эти противоборствующие течения общественной мысли, — к избавлению России от крепостничества: “Между партиями таилась, однако же, одна связь, одна примиряющая мысль, более чем достаточная для того, чтоб открыть им глаза на общность цели, к которой они стремились с разных сторон... <...> Связь заключалась в одинаковом сочувствии к поработанному классу русских людей и в одинаковом стремлении к упорядочению строя жизни, допускающего это порабощение или даже на нём именно и основанного”.

В современных исследованиях этих направлений даже есть идея рассматривать их как некий симбиоз, составляющие части которого дополняют друг друга и одинаково необходимы для полноценного культурного развития общества, выражая центристскую и центробежную тенденции его развития.

Действительно, и сами западники, не приемля славянофильских представлений о будущих путях развития России и считая их утопическими, всё же признавали то ценное, что есть в их идеях. Так, В. П. Боткин отмечал в письме П. В. Анненкову: “Славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, национальность. В этом их великая заслуга; они первые почувствовали, что наш космополитизм ведёт нас только к пустомыслию и пустословию; эта так называемая “русская цивилизация” исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдруг пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякого национального корня; они первые указали на необходимость национального развития. <...> Но в критике заключается и всё достоинство славян! Как только выступают они к положению — начинаются ограниченность, невежество, самая душная патриархальность, незнание самых простых начал государственной экономии, нетерпимость, обскурантизм и проч.”

К. Аксаков же отмечал, что вовсе не отвергает взаимодействия и взаимосвязи русской и западных культур в плане приобщения к их лучшим достижениям, приводя в пример деятельность русских царей в допетровский период: “Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ Русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть Русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а ещё менее — от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно”.

И в западничестве, и в славянофильстве были и крайности, и недостатки, и противоречия. Например, славянофилы явно идеализировали крестьянство,

видя в нём только положительные черты и представляя его исключением из всех сословий, которые были подвержены нравственному разложению в результате петровских реформ. То есть они не учитывали в полной мере влияние “человеческого фактора” на историческую судьбу России, не хотели видеть, что, несмотря на привитие европейской культуры, образованные сословия по своему менталитету не отличаются существенно от простого народа. “Дураки славянофилы, думающие, что европеизм нас выродил и что между русским мужиком и русским профессором легла бездна!” – восклицал Белинский, размышляя о своих жизненных наблюдениях в одном из писем 1847 года. Вообще одним из основных пунктов расхождений Белинского со славянофилами был вопрос об отношении к личности независимо от сословий.

Противоречивы воззрения К. Аксакова по одному из основных вопросов – о народе и государстве. Он утверждает, что русский народ – это “народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного”. Однако необходимым элементом русского государственного устройства, связывающим власть и народ (государство и землю), он считает общественное мнение: “Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*”. И образцовым периодом русской государственности, когда этот элемент в должной мере присутствовал, по его мнению, было допетровское время, когда “цари наши часто созывали Земские Соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства и земли”. А в петровской модели государственного устройства К. Аксакова возмущает как раз отсутствие взаимосвязи между властью и народом, когда правительство, чуждое народному духу, не интересуется народными суждениями о том или ином общественно значимом вопросе. Это приводит к нравственному разложению и ослаблению духовных сил общества. И главным политическим требованием, высказанным К. Аксаковым в “Записке” царю, было возвращение к прежнему устройству страны: “Надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях”, “Свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор”. Таким образом, речь идёт всё-таки о реальном влиянии народа на политику властей, пусть и таким необычным путём – не конституцией и представительством в парламенте, а свободным высказыванием своего мнения. Значит, следуя его логике, и потенциальная возможность “участия в правлении”, и “политический элемент” – всё это в народе присутствует и требует реализации, и не так уж он равнодушен к государственной жизни, каким его несколько идиллически сам же К. Аксаков представляет.

Другое явное противоречие и главный утопический элемент славянофильских идей К. Аксакова – это чаемое внедрение общественного мнения в политическую жизнь страны, причём по желанию именно правительства – того самого, которое, по его словам, стало чужим народу и представляет собой “завоевательное” государство, осуществляющее “иго государства над землёю”. Конечно, закономерно возникает вопрос: почему бы столь деспотическое правительство стало действовать вопреки всей своей прежней логике и поощрять свободу слова, спрашивать у народа его мнение по различным общественно-политическим вопросам, а услышав это мнение – считаться с ним и даже руководствоваться им в какой-то мере? Таким образом, в воззрениях К. Аксакова важные и ценные идеи об общественно-политическом и нравственном состоянии современной им России сочетались с неопределённым, утопическим представлением об их воплощении в жизнь.

В идеях западников тоже были свои противоречия. Например, восхищение реформаторской деятельностью Петра I в их воззрениях существовало рядом с возмущением крепостным правом, в ужесточении и узаконивании которого решающую роль сыграл как раз первый русский император. Для Белинского петровские реформы были самым значительным этапом развития России, и величие первого русского императора он видел, прежде всего, в том, что

он преодолел традиции, оттолкнулся от прошедшего, приобщил общество к просвещению и достижениям западной цивилизации.

Но при этом Белинский, как правило, не уточняет, что одним из направлений реформирования страны Петром I было ужесточение крепостного права и фактически узаконивание рабства, существование которого больше всего возмущало Виссариона Григорьевича в современной ему российской действительности. В письме Гоголю 1847 года он утверждал, что Россия “представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек”. А в одном из писем 1834 года, убеждая свою мать освободить её единственную крепостную, сравнивал крепостников с вампирами: “Бога ради, постарайтесь отпустить её на волю, иначе на вашей душе будет тяжкий грех. Можно ли сосать кровь из живого человека: это прилично одним вампирам”.

Такое же противоречие было и у А. И. Герцена, у которого характеристика Петра I как просветителя, великого реформатора и “первой свободной личности в России” соседствовала с обозначением его деятельности по закреплению крестьян как легкомысленной и преступной: “С преступным легкомыслием усилил он права дворянства и затанул ещё туже цепь крепостного права”; “Первая перепись жителей, произведённая по указу Петра I в 1710 году, подвела законные основы под все чудовищные злоупотребления; и это он, просветитель России, дал на них своё изволение”.

В то же время оба эти направления – западничество и славянофильство – сыграли огромную роль в идейном развитии русского общества. Их формирование было связано с активным и глубоким процессом роста его самосознания в 30–40-е годы XIX века, что выразилось, с одной стороны, в появившихся выдающихся литературных произведениях, а с другой стороны – в пристальном внимании к философскому осмыслению российской действительности, обобщению исторического опыта и обсуждению путей развития России. Этим, прежде всего, и ценно наследие как западников, так и славянофилов – значительным вкладом в самосознание русского общества.

Впрочем, если говорить о сходстве и разногласиях идей западников и славянофилов, то даже и Белинский в конце жизни отмечал не только те аспекты славянофильской идеологии, которые считал ошибочными, но и те, которые он ценил. Он стремился найти рациональное зерно как в идеях западников, так и в идеях славянофилов, критикуя и в тех, и в других нелепые крайности. В статье “Взгляд на русскую литературу 1846 года” он, в частности, писал: “Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и, на этом основании, всё европейское, в чём нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и всё азиатское, в чём нет человеческого. <...> Славянофилы правы во многих отношениях; но тем не менее их роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина их странных выводов заключается в том, что они произвольно упреждают время, процесс развития принимают за его результат. <...> Они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем. <...> В нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль – об этом пока ещё рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряжённого разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...”.

Споря со славянофилами, негативно относящимися к иностранным влияниям на русское общество, но в то же время не приемля противоположную крайность со стороны западничества – подражательный взгляд на Запад, – Белинский высказал весьма проницательную мысль: “Мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе всё чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль <...> не лишена основания...”

В этот период даже между ним и некоторыми из его друзей возникли моменты непонимания по поводу его отношения к их общим традиционным оппонентам – славянофилам. О сочетании свойственной западникам критики

“квасных патриотов” и близкой славянофилам истовой веры в силу народных истоков России свидетельствуют слова в одном из его последних писем: “Вы обвиняете меня в славянофильстве. Это не совсем неосновательно; но только и в этом отношении я с вами едва ли расхожусь. Как и вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их как неопровержимые доказательства. Вы же пустили в ход идею развития личного начала как содержания истории русского народа. Нам с вами жить недолго, а России – века, может быть, тысячелетия. Нам хочется поскорее, а ей торопиться нечего. Личность у нас ещё только наклёвывается. <...> Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточённые скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные люди, беспачпортные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны, – не верю я их интересам”.

Не случайно И. С. Тургенев назвал Белинского “центральной натурой” своей эпохи. Во “Взгляде на русскую литературу 1846 года” Белинский подчёркивает свою самостоятельную позицию. Рассуждая о народности, он отмечает: “Народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мёртвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... Но, к счастью, я надеюсь остаться на своём месте, не переходя ни к кому...”.

При этом полемическая сторона дискуссии между западниками и славянофилами отходит для него на второй план. Он подчёркивает, что дело не в полемике самой по себе, а в серьёзном изложении своих идей и поиске истины: “Мы хотели бы защищать наши мнения с достоинством, а противоположным противоборствовать с твёрдостью и спокойствием, без всякой вражды”.

* * *

С Иваном Аксаковым Белинский познакомился в 1840 году в Петербурге. Ещё раз их пути пересеклись в конце мая – начале июня 1846 года, когда Белинский вместе с М. С. Щепкиным направлялся на юг России (в Одессу, Крым) для отдыха и лечения. В Калуге они посетили губернатора Н. М. Смирнова и его жену А. О. Смирнову. В их доме они несколько раз встречались с И. Аксаковым, который в то время служил товарищем председателя уголовной палаты в Калуге. Общая атмосфера постоянной полемики западников и славянофилов того времени наложила заметный отпечаток на его отношение к Белинскому. Вот так И. Аксаков описывает своё первое впечатление от встречи с Белинским, которого он давно не видел: “Он очень похудел, с усами, беспрестанно кашляет, так что страшно на него глядеть. Мы раскланялись, он старался завести разговор, но я обхожусь с ним сухо и холодно”.

Но, по-видимому, даже поверхностное и непродолжительное общение с Белинским произвело на И. Аксакова положительное впечатление, и через несколько дней он уже излагает длинную тираду в его защиту в письме отцу, отвечая на высказанное им недовольство по поводу того, что А. О. Смирнова (давняя знакомая Аксаковых) принимает у себя Белинского: “Деспотизм в отношениях дружбы и знакомства, который играет такую важную роль у Константина, противен моей натуре. <...> Почему не удостоить Белинского разговором, его, человека умного и талантливого, когда она сплошь да рядом удостоивает разговора графов Шуваловых, Апраксиных, Соллогуба, Нелидова, очень многих из них любит; а Белинский, согласитесь, стоит выше их; по крайней мере, вся жизнь, вся деятельность этого человека прошла не в пошлых интересах. Убеждения свои менял он часто, но всегда действовал по увлечению и убеждению. Я не люблю Белинского, но надо быть беспристрастным. К тому же Белинский, по крайней мере при мне, не сказал ни одного дерзкого слова, ни одного неприличного выражения, ни одной цинической выходки или шутки”.

Белинский же о своей калужской встрече с И. Аксаковым в 1846 году отзывался буквально несколькими строчками в письме А. И. Герцену – лаконично, взвешенно, умудренно: “В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом. Вообще я впадаю в страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди. Грустно мне думать так, но истина впереди всего!”

На первый взгляд, может показаться неожиданной публикация славянофилом И. Аксаковым в редактируемой им газете “Русь” писем Белинского – сторонника противоположного направления. Но ряд факторов делает этот шаг вполне закономерным. Эта публикация имела теперь, в 1881 году, прежде всего, культурно-историческое значение, предоставляя интересные и важные материалы для исследования биографии и личности Белинского (который, кстати, первый употребил в статье “Русская литература в 1843 году” сам этот термин “славянофил” в печати: “У нас есть поборники европеизма, есть славянофилы и др.”), а также истории взаимоотношений и полемики западников и славянофилов в ранний период, то есть в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века.

Кроме того, представители противостоящих “партий”, во всяком случае, лучшие из них, несмотря на идейные разногласия, отдавали должное высоким личным качествам и заслугам оппонентов перед русской культурой. Да и период наиболее активной полемики между западниками и славянофилами (1840-е годы) в это время уже остался позади, а сами эти направления после ухода из жизни ряда их выдающихся представителей во многом утратили былой творческий потенциал и в определённой степени видоизменились. Так, для самого И. Аксакова – продолжателя идей “чистого”, “классического” славянофильства, одним из представителей которого был его брат, – со временем всё же более актуальными становились идеи панславизма, а в начале 1860-х годов он и сам ощутил некий водораздел – грань, отделившую прошедший период славянофильства (времен К. Аксакова, Хомякова, братьев Киреевских) от дальнейшей его истории. После смерти Хомякова в 1860 году И. Аксаков писал: “Теперь для нас наступает пора доживания, не положительной деятельности, а воспоминаний, доделываний. История нашего славянофильства как круга, как деятеля общественного замкнулась”.

Впрочем, определённое движение навстречу, к поиску взаимопонимания, общих моментов во взглядах, точек соприкосновения, которое в некоторой степени обозначилось даже ещё при жизни Белинского, тем более проявилось в последующие десятилетия. Так, самого И. С. Аксакова в 1850-е годы связывали дружеские отношения с И. С. Тургеневым, который предполагал принять участие в его “Московском сборнике” (в 1840-е годы это невозможно было бы представить). С другим ярким представителем западников – А. И. Герценом – И. С. Аксаков сотрудничал, печатаясь в конце 50-х – начале 60-х годов в “Поллярной звезде”.

А. И. Герцен тепло и с глубокой искренней печалью отзывался в печати на смерть К. С. Аксакова, подчеркнув, что прошедшее после периода самых бурных споров между западниками и славянофилами время заставило более умудрённым взглядом посмотреть на этот феномен русской общественной жизни: “Много воды утекло с тех пор, и мы встретили *горный дух*, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы. Считать нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтоб они нас перетянули к себе или мы – их, а потому, что и они, и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они – в нашей”.

В то же время письма Белинского в газете “Русь” были напечатаны не просто сами по себе, а как бы в окружении текстов, в которых есть моменты полемики по отношению к ним. С одной стороны, это предисловие И. Аксакова, а с другой стороны – это стихотворение К. Аксакова “Петру”, помещённое в газете следом за письмами Белинского. Впервые здесь опубликованное, это стихотворение, написанное в 1845 году, звучит как полемическая реплика в этом заочном диалоге уже давно ушедших друзей-противников. Как бы в ответ на письма Белинского, для которого Пётр I был воплощением движения России к просвещению и позитивному развитию, К. Аксаков высказывает свою точку зрения на деятельность первого русского императора

(“Великий гений, муж кровавый, // Вдали, на рубеже родном // Стоишь ты в блеске страшной славы, // С окровавленным топором...”).

По-видимому, и соотношение общественно-политических взглядов Белинского и И. Аксакова так же можно обозначить: “дружба-вражда”, как нередко называли и вообще отношения западников и славянофилов раннего периода. Здесь тоже есть и сходство, и разногласия.

Сам контекст газеты “Русь”, отражающий, в частности, бурные общественно-политические события 1880-х годов, резко контрастирует с опубликованными здесь письмами Белинского 1830-х – начала 1840-х годов, передающими атмосферу той эпохи – углублённых и нередко отвлечённых размышлений на философские, литературные, исторические темы. Это относилось и к полемике западников и славянофилов. Если в 1840-е годы их полемика носила скорее теоретический характер, то в 1880-е годы и вообще в пореформенной России эти две “партии” уже стремились оказывать практическое влияние на ситуацию в стране. И даже можно сказать, что в классическом виде этих направлений уже и не осталось – это теперь уже не столько западники и славянофилы, сколько либералы и консерваторы, деятельность которых имеет, помимо отвлечённого, литературного характера, ещё и характер обсуждения конкретных общественно-политических дел и участия в них. Биография И. Аксакова – тому подтверждение. На страницах его последнего издания – газеты “Русь”, выражавшей славянофильскую и консервативную позицию и полемизировавшей с западниками, либералами, – активно обсуждалось, какими должны быть пореформенная Россия и славянский мир за её границами. При этом наиболее важными и злободневными вопросами для него были формирование местного самоуправления, решение национальных проблем, в том числе на окраинах России (в Польше, Финляндии, Прибалтике), борьба на Балканах за освобождение южных славян.

Несмотря на то, что И. Аксаков был продолжателем идей своего старшего брата, в этой тематике есть вопросы, которые совершенно не интересовали последнего, например, идеи панславизма и проблемы национальных окраин. Кроме того, взгляды И. Аксакова, высказываемые им на страницах газеты “Русь”, были гораздо более консервативными и менее оппозиционными по сравнению с воззрениями его брата. Если К. Аксаков в “Записке”, поданной царю, характеризовал сложившуюся ситуацию как “иго государства над землёю”, которая “стала как бы завоёванной, а государство – завоевательным”, то позиция И. Аксакова далеко не столь категорична и определённа, и в этом отношении он от идей К. Аксакова в какой-то степени отошёл в сторону консерватизма. В частности, в статье, опубликованной в № 16 газеты “Русь” за 1882 год, он писал: “Благонамеренность правительственных деятелей не подлежит, да и не подвергается, думаем, ничьему сомнению; целый ряд частных полезных мер свидетельствует о прилежной заботе и работе людей, поставленных на высшей чреде государственного служения; но вся эта полезная и честная деятельность <...> по своему дробному и как бы случайному характеру не стоит на уровне того, что на потребу нашему историческому дню и возбуждённому общественному духу”.

В то же время главным вопросом для И. Аксакова – редактора “Руси” – остаётся проблема местного самоуправления. “Наша газета с самого начала настаивала на необходимости реформы уездных учреждений и поставила задачу уездного самоуправления на первом плане”, – подчёркивает он в статье, опубликованной в № 16 газеты “Русь” за 1881 год. Таким образом, главная идея К. Аксакова – восстановление союза Земли и Государства – осталась главной и для его младшего брата. И. Аксаков разъяснял: “Цель земского самоуправления – нисколько не захват власти, подобающей государству. <...> Призвание центральной власти в том: “да под державой её хранимы, мирное, благоденственное” и плодотворное “житие поживем”. Но это призвание может обрести себе исполнение только в том случае, если <...> Земля и Государство будут в тесном, органическом союзе между собой. “Земское и Государство дело” по мысли нашей старой старины – было одно дело, а не два, друг другу противоположные”.

Высказываемая в 1880-е годы эта идея так же, как и в 1840-е годы, подвергалась жёсткой критике западников, либералов, ставивших под сомнение саму постановку вопроса о земском самоуправлении, пока нет гарантий в европейском смысле. Полемизируя со своими оппонентами, И. Аксаков

подчёркивал: “Истинная гарантия, действительная, преимущественно нравственного свойства и зиждется в обычае, нравах, в общественном мнении, в народном признании, в соответствии закона требованиям жизни и времени. Возьмём, например, уничтожение крепостного права и наделение крестьян землёй: этот великий законодательный акт состоялся без всяких предварительных гарантий, тех гарантий, о которых внушительно твердят нам некоторые газеты, однако никакой уже властью отменён быть не может”.

Интересно, как мог бы отнестись к этим идеям Белинский? В своё время он считал их неосновательными, зыбкими, не имеющими достаточных исторических оснований и нереальными в будущем. К тому же, помня о сложности человеческой природы, он не идеализировал людей никаких сословий — ни дворян, ни купцов, ни крестьян. Поэтому вряд ли он поддержал бы идею надеяться только на нравственность и обычаи, обходясь без формальных “гарантий”. Он всё-таки уповал как на улучшение общественных нравов, так и на введение более справедливых законов и на более добросовестное выполнение, прежде всего, правительством, бюрократией уже существующих законов. Конкретный же пример уничтожения крепостного права не столь однозначен, так как намерение верховной власти освободить крепостных крестьян было обусловлено далеко не только мотивами нравственного характера, но и страхом, чтобы это освобождение не произошло “снизу”.

Один из пунктов, по которому у “позднего” Белинского не было, как представляется, расхождений со славянофилами своего времени, — это о самой по себе форме верховной власти. Ожидая от царя насущных преобразований по крестьянскому вопросу (в период активизации подготовки реформы), он, по-видимому, считал, что просвещённый монарх, проводящий прогрессивные преобразования, — это такой вид правления, который был оптимальным для России на том этапе.

Правда, сравнивая эти убеждения позднего Белинского (1840-х годов) с убеждениями позднего И. Аксакова (1880-х годов — периода газеты “Русь”), нельзя не учитывать существенную разницу общественно-политических ситуаций и настроений в эти эпохи, между которыми прошло 40 лет. В эпоху Белинского общество было взбудоражено происходящими сдвигами в подготовке к отмене крепостного права. Главную роль в этом процессе играл император, воля которого была фактически гарантом осуществления реформы. Белинский, хорошо знавший эту ситуацию, был в конце жизни воодушевлён наметившейся перспективой решения крестьянской проблемы. Однако даже в такой обнадёживающей атмосфере у него порой возникали тревожные опасения, что противники реформы будут препятствовать её проведению и негативно влиять на её содержание. Так, в одном из последних писем в феврале 1848 года он разочарованно восклицал: “Дело об освобождении крестьян идёт, а вперёд не подвигается. На днях прошёл в государственном совете закон, позволяющий крепостному крестьянину иметь собственность — с позволения своего помещика!..”

Сложно предполагать, как мог бы отнестись Белинский к дальнейшим историческим событиям. Но, скорее всего, его разочарование значительно усилилось бы в связи с последовавшей вскоре реакцией, поражением в Крымской войне, которое выявило внутреннее неустройство России, окончательным содержанием крестьянской реформы 1861 года, породившим множество социальных проблем, к чему и И. Аксаков относился весьма критически, оценивая уже свершившуюся реформу: “Манифест хорош только как брешь в крепостной стене. <...> “Положение” противоречит всем естественным и законным требованиям народа. <...> Крестьяне “Положением” более недовольны, чем помещики. Вместо того чтобы развязать их друг с другом окончательно, их связали, поставив друг к другу в самое фальшивое, враждебное положение”.

Могло ли в такой ситуации остаться неизменным отношение Белинского к монархической форме правления? (Тем более что он относился вообще к монархии скорее негативно: “Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровою мантиею? <...> Царём мог бы быть только Бог, бесстрастный и всеведущий. <...> Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям. <...> Люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства” — из письма 1841 года). Мог ли Белинский продолжать считать роль монархии целесообразной и прогрессивной в столь существенно изменившихся истори-

ческих реалиях? Хотя точного ответа на этот вопрос нет и его можно только предполагать, но, во всяком случае, учитывать эту разницу эпох и общественных настроений при сравнении взглядов Белинского и И. Аксакова необходимо. Так же, как необходимо учитывать и разницу в отношении к самодержавию раннего славянофильства (1840–1850-х годов) и более позднего, пореформенного (в том числе И. Аксакова). Если для первого были свойственны моменты критического отношения к современной политической системе и сложившемуся характеру самодержавия, которое давно перестало быть народным (что нашло яркое выражение в “Записке” К. Аксакова царю Александру II), то у И. Аксакова периода газеты “Русь” такие моменты фактически исчезают. Это тоже не могло бы не сказаться на соотношении взглядов славянофилов и Белинского, ведь он и его единомышленники считали важной и ценной именно критическую сторону мировоззрения славянофилов 1840-х годов.

Правда, славянофилы вовсе не идеализировали монархию саму по себе. И. Аксаков, не признавая религиозного ореола самодержавия, считал, что оно должно быть “народным” — соответствовать духу народа и проводить в жизнь его интересы, иначе оно становится тиранией. Такое рациональное отношение к монархии — не как к чему-то священному, а как к целесообразному способу правления, который в идеале может вести Россию к прогрессу, — отчасти было близко представлениям позднего Белинского. Однако И. Аксаков периода газеты “Русь”, порицая либералов и в целом общество, далёкое от народа, не критиковал характер русской монархии, тоже в реальности весьма далёкой от народа и не соответствующей славянофильскому идеалу. Каким могло бы быть отношение Белинского к этому вопросу в данную эпоху, непросто представить, но наверняка оно не могло бы не измениться по сравнению с 1840-ми годами, и позиция позднего И. Аксакова вряд ли могла быть ему близка.

С проблемой восстановления союза Земли и Государства непосредственно связана задача введения свободы слова. Полемизируя с оппонентами, И. Аксаков писал: “Только при полной свободе мнений и прений может рассеяться тот фальшивый, но заманчивый ореол либерализма, которым читаются наши русские европейцы. Только тогда, может, европеизм улетучится из их головы, и сами они, волей-неволей, станут лицом к лицу с нашей историей, с нашим народом, уразумеют, Бог даст, где и в чём свобода и правда, и образуют, быть может, в неразрывной связи с народом ту общественную просвещённую, ту истинную силу, которой недостаёт народу, без которой не полно бытие и самого народа”.

В поисках народной правды И. Аксаков призывал читателей практически способствовать такой гласности в программной статье в первом номере газеты “Русь” (1880): “Настойчиво просим всех поразведать мысль крестьян и прочих классов уездного общества и попытаться начертать обдуманно, на местах, сообщая, *планы уездного самоуправления*”.

Сложный вопрос — о соотношении этой идеи гласности с взглядами Белинского. Кого поддержал бы он в этом споре — И. Аксакова или его противников? С одной стороны, Белинский скептически относился к возможности необразованных угнетённых народных масс решать исторические судьбы страны. Для него здесь всё-таки был важен фактор просвещённости, приобщённости к общечеловеческим ценностям. Но с другой стороны, общественно-политическая ситуация в 1880-е годы была иная, чем в эпоху Белинского, и крестьянское сословие теперь, через 20 лет после реформы, изменилось, и объективно его влияние на эту ситуацию должно было бы увеличиваться.

Вряд ли Белинский мог отнестись отрицательно к славянофильской идее гласности. Ведь, действительно, не могут не вызвать раздумий слова И. Аксакова из редакционной статьи в № 14 газеты “Русь” (1881): “Много горечи накапливается в сердце народа от постоянного пренебрежения к его духовной личности со стороны просвещённых командующих классов. “Но он молчит, народ великий”, молчит и думает свою думу. <...> Это не угроза, а предостережение”.

Однако как это сокрушение о “постоянном пренебрежении к духовной личности” народа сочетается у И. Аксакова с утверждением (продолжающим взгляды К. Аксакова), например, из статьи, опубликованной в № 4 газеты “Русь” от 15 февраля 1883 года: “Народное представительство не должно иметь никакой власти. <...> Народу, Земле принадлежит мнение, и только

мнение, — разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение — единой личной верховной воле. Никакой иной принудительной, гарантирующей силы, кроме нравственной, мнение не должно и не может иметь”. Вряд ли Белинский не счёл бы утопичной эту модель народного представительства.

В то же время у Белинского, скорее всего, не нашли бы поддержки односторонне антизападные, антилиберальные идеи И. Аксакова. Всё-таки Белинский был убеждён, что российская жизнь должна становиться и более правовой, и более нравственной, и если на Западе есть достижения в этой области, то целесообразно было бы в определённой мере к ним приобщиться.

И. Аксаков, размышляя о путях совершенствования российской действительности и преодоления её негативных сторон, видел для этого преимущественно одно средство — самосознание общества, прежде всего интеллигенции, поиск “своей русской, утраченной нашим сознанием правды”. Он призывал больше надеяться на самокритику и самосознание интеллигенции, чем предъявлять претензии к властям, у которых, по его мнению, нет возможности исправить ситуацию (“бестолковщину, безурядицу” в стране): “Нет у власти волшебного жезла, который бы мигом нас оздоровил”. При этом ответственность за происходящее перекладывалась с власти на образованную часть населения, так как “воспитанное правительством общество стало воспитывать его самого”.

Эта точка зрения в какой-то мере могла бы быть близка Белинскому, деятельность которого во многом способствовала самосознанию русского общества. Однако вряд ли Белинский мог бы вполне разделить такой его подход, возлагающий всю ответственность на общество, “словно недугом малокровия одержимое”, и оправдывающий власть отсутствием у неё “волшебного жезла”. Тем более в пореформенное время. Всё-таки Белинский не преуменьшал роль власти и её ответственность в исторической судьбе России.

Правда, негативный опыт русско-турецкой войны обратил взгляд И. Аксакова и на задачи, стоящие перед российской властью (с чем, наверное, не мог бы не согласиться и Белинский): “Да послужит нам былое в поучение, и да истребитя, наконец, та духовная рознь, то взаимное отчуждение высших руководящих, общественных классов и народа, то неведение, неразумие, неуважение своей родной земли, своих народных задач и интересов — тот наш единственный недуг, от которого хилеет лишённый внутренней цельности, но в сущности крепкий и здоровый наш исторический, великий, государственный организм”.

Собственно, и у И. Аксакова постоянно подчёркиваемая им мысль о первостепенной важности формирования самоуправления в России соседствует на страницах “Руси” с жёсткими критическими замечаниями о духовно-нравственной атмосфере русского общества: “Все письма и статьи из провинции — только вопль, клятвы бестолковщину, безурядицу, царящую, по их словам, внутри страны”; “Вот уже несколько лет не по себе, неможется русскому человеку. Недуг этот не экономического, а нравственного свойства. *Дух наш недужен*, вот что. <...> Самый успех наиразумнейших экономических мер зависит от *духа жизни*”. В письмах И. Аксакова в конце жизни — ещё более горькие сетования: “Как трудно живётся на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнёт, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не даёт установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас” (из письма И. С. Аксакова Г. П. Галагану от 26 января 1886 г.), что делало надежды на чаемое И. Аксаковым развитие самоуправления, гласности в России и вообще воплощение в жизнь славяно-филиских идеалов не столь реальными.

Вспомним, как возмущали И. Аксакова в предисловии к газетной публикации писем Белинского его резкие слова о негативных сторонах российской действительности. Возможно, в конце жизни и И. Аксаков в большей степени понял бы пафос подобных высказываний “неистового Виссариона”, вызванных любовью к России и неравнодушием к её исторической судьбе.

ВЛАДИМИР РОДИН

Советник 1-го класса МИД РФ

АЙ ДА ШМАГИН, АЙ ДА...

Шмагин Е. А. “Трусцой по мидовским дорожкам”. М., “Весь Мир”, 2015.

Было время, когда работу советских дипломатов окутывала тайна, покров секретности и романтики. Но сегодня на дворе XXI век, и народ благодаря ТВ и СМИ воочию увидел наших дипломатов в деле. И надо сказать, не разочаровался в них. Высокая культура, мораль, этика – характерные черты современных российских дипломатов. И внешне они смотрятся хорошо. Одеты со вкусом, держатся с достоинством, как и подобает представителям великой державы, ведут дискуссии сдержанно, никогда не позволяют себе унижить или оскорбить оппонента.

А какой русский язык! Мало того! Наши дипломаты ещё и стихи пишут! В 2015 году вышел в свет сборник стихов сотрудников и ветеранов МИД РФ, посвящённый 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, – “Они победили, сражаясь за Родину” (Редактор-составитель В. Н. Казимиров). Руководство МИД РФ поддерживает работу дипломатов над словом, что “во многом роднит нашу профессию с поисками и устремлениями писателей и поэтов”, – говорит министр иностранных дел России Сергей Лавров.

Совет ветеранов МИД РФ ведёт большую работу по сохранению традиций русской дипломатической школы. Выходят в свет мемуары видных советских дипломатов: А. Добрынина, Ю. Квицинского, Ю. Воронцова, В. Кузнецова, Ю. Дубинина и др.

Куда “трусит” Шмагин?

Но вот в киоске МИД РФ появилась книга посла в отставке Е. Шмагина: “Трусцой по мидовским дорожкам”. На обложке изображён человек с тросточкой, очень похожий на Чарли Чаплина. Книга приобрела скандальную известность нелестными откровениями в оценках внешней политики СССР, деятельности МИД СССР–России, публичными оскорблениями советских дипломатов. Её автор – выпускник МГИМО, посол РФ в отставке Евгений Алексеевич Шмагин, способный и талантливый дипломат, с солидным послужным списком: Западный Берлин, Бонн, Вена, Берлин, Бишкек и вновь Бонн. По нашим меркам, он сделал хорошую карьеру. Но, судя по высказываниям самого Е. Шмагина, складывается впечатление, что он чувствует себя незаслуженно обойдённым славой, которая выпала на долю других дипломатов, в частности, Юлия Квицинского.

“Я убеждён, – мечтал Шмагин на заре туманной юности, – что скоро, теперь-то очень скоро, стóит мне получить диплом, и я нащупаю-таки, пер-

вым (!) нащупаю ту таинственную точку опоры Архимеда, с помощью которой переверну мир, заставлю Землю крутиться быстрее, сделаю её лучше, добрее, человечней”. И сам Е. Шмагин считает, что у него были все предпосылки для такого подвига. В Западном Берлине он “выдавал на-гора” 2/3 информационной работы всего коллектива. Когда он руководил Берлинским отделением посольства РФ в Бонне, то “свой новый, по-настоящему демократический, облик посольство России в Берлине впервые (!) приобрело именно в 1997–1999 годах, как бы ни утверждали иное”.

Будучи послом в Киргизии, Шмагин стал там “телезвездой”. Сам Чингиз Айтматов так отзывался о нём: “Киргизии повезло с российским послом”. В Бонне, подчёркивает Е. Шмагин, “мы заслуженно приобрели почётную славу единственно “настоящего консульства” (!). И тем не менее, в родном Министерстве иностранных дел его не оценили и не поняли. И в чём причина? Оказывается, у нас “не любят тех, кто стремится быть первым!” За “первыми”, утверждает Е. Шмагин, закрепилась дурная репутация.

Е. Шмагин признаёт, что советский МИД на протяжении десятилетий был укомплектован высокопрофессиональными кадрами, но этот коллектив “в значительной мере работал вхолостую (?!), имитировал бег на месте”. Причина – “запрограммированность внешней политики на безумные цели классовый борьбы в международном масштабе”. В чём-то Е. Шмагин, может быть, и прав (“экспорт революции”), но нельзя с ним согласиться в том, что вся внешняя политика Советского Союза была подчинена интересам классовой борьбы на международной арене. Выдающиеся дипломаты – А. Громыко, А. Добрынин, В. Кузнецов, Ю. Квицинский – прославились во всём мире как державники и патриоты своей Родины, а не как сторонники троцкистской теории “перманентной революции”, которую развенчал Сталин. Когда Е. Шмагин в качестве главной мишени для критики выбирает именно Юлия Квицинского, то здесь он явно попадает впросак. Надо обладать буйной фантазией, чтобы упрекать Юлия Квицинского, дипломатическим искусством которого восхищался весь мир, в том, что, отстаивая интересы СССР–России на международной арене, он руководствовался “идеалами классовой борьбы”. По своему характеру, утверждает Е. Шмагин, Юлий Квицинский “невольно ассоциировался с образом Дзержинского. Некоторые коллеги его так и называли – “Железный Юлик”. (Первый раз слышу. – В. Р.) А вот как отзываются о Ю. Квицинском его западные коллеги: “Толстые стёкла очков, которые делают его, на первый взгляд, неприступным, вводят в заблуждение. В светской беседе Квицинский умеет произвести впечатление весьма остроумного, находчивого и лёгкого в общении партнёра. Правда, этот дипломат может быть и иным. В конфликте вокруг СОИ, о чём рассказывают американские партнёры Квицинского по переговорам, это дипломат, который умеет отстаивать свою точку зрения упорно и, если надо, то и с имперским нажимом (выделено мною. – В. Р.) (“Штуттгартер Цайтунг”, 23 августа 1986).

Е. Шмагин подчёркивает, что Юлий Квицинский “свято верил в коммунистические идеалы и сохранил приверженность им до последнего”. А в какие именно идеалы верил Квицинский? Вот что пишет по этому поводу известный немецкий политик Эгон Бар: “Когда он (Квицинский) говорит о “кристально честном коммунисте”, то он имеет в виду требовательность к себе, верность принципам, неподкупность и скромность в жизни. Он научился презирать махинации, обогащение и коррупцию ещё со времён Советского Союза, а теперь презирает их и подавно. Это производит приятное впечатление” (“Райнише Меркур”, 16 апреля 1983).

Вот каким идеалам был верен Юлий Квицинский, Евгений Алексеевич!

Думаю, что недружественное отношение Е. Шмагина к Юлию Квицинскому продиктовано не столько разногласиями по принципиальным вопросам внешней политики Советского Союза, сколько личной обидой. В кругу друзей, где присутствовал Юлий Квицинский, Е. Шмагин “сказал что-то критическое в адрес МИДа, его заграничных учреждений и внешней политики СССР, основываясь на впечатлениях от практики в Лейпциге”. В ответ Юлий Квицинский преподал ему урок уважительного отношения к внешней политике собственного государства. Но Е. Шмагин считает, что с тех пор он всю жизнь ходил у Юлия Квицинского в “пасынках”.

Шмагин скептически относится к патриотической позиции Квицинского: “Right or wrong – my country” – “Моя страна – права она или нет”. “Какой же

здравомыслящий патриотично настроенный человек, – утверждает Е. Шмагин. – пустится опровергать этот не вызывающий сомнений тезис? Но всё же куда приятнее однажды с чистой совестью признать другое: “What’s right – that’s my country” (“Это моя страна, если она проводит правильную политику”. – В. Р.). Иными словами, если страна права и в ней сытно и комфортно жить, то это “моя страна”. А вот что говорит по этому поводу Квицинский: “Да, жертвы были! Были ошибки и преступления. Но человек не выбирает себе ни отечество, в котором рождается, ни общество, в котором появился на свет и рос. Народ без прошлого не будет иметь и будущего”. Юлий Квицинский убеждён, что ни один политик, ни один дипломат не добьётся успеха, если он находится в оппозиции к собственной стране и “отплясывает гопака” на её прошлом.

“Весь глубоко творческий и высоко патриотический запал таланта Юлия Александровича, – утверждает Е. Шмагин, – был поставлен на службу интересам советской внешней политики, которая вместе с её старшей сестрой – политикой внутренней, – в конечном итоге, привела к развалу великой страны”.

Предвижу вопрос моих уважаемых читателей: а почему Евгений Шмагин не может критиковать внешнюю политику СССР? Недостатки в кадровой политике МИД СССР–России? Руководителей посольств, “не дававших ходу” молодым, талантливым дипломатам? Законный вопрос! Отвечу: у нас есть свобода слова, но это не означает свободу распространять недостоверную информацию, свободу оскорблять и унижать людей. Ваш покорный слуга считает: если ты высказываешь мнение – даже очень смелое! – то будь добр, подкрепи его фактами. А иначе твоё мнение превращается в гамак, привязанный к гнилым веткам – сядешь в него и... рухнешь на землю. Есть такой старый анекдот. Одного еврея решили сделать раввином. Но его сосед возразил: “Какой из него раввин? У него две дочери, и обе проститутки!” Бедный еврей, кандидат в раввины, взмолился: “Помилуйте! У меня нет дочек! У меня два сына!” На что его сосед сухо отрезал: “Моё дело сказать, а вы там сами разбирайтесь!”

Мнения могут быть разными, а факты – нет

Когда Е. Шмагин критикует внешнюю политику СССР–России, то он должен сказать, чья внешняя политика? Сталина и Громыко? Или внешняя политика Горбачёва и Шеварднадзе? Истина всегда конкретна. Напомню некоторые факты.

Книга Е. Шмагина опубликована в год 70-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Лектор-международник Е. Шмагин должен знать, какой вклад в эту Великую Победу внесла советская дипломатия. В предвоенные годы Запад стремился столкнуть лбами гитлеровскую Германию и Советский Союз (так же, как и сегодня США пытаются, и безуспешно (!), столкнуть лбами Европу с Россией). Но Пактом о ненападении 1939 года Сталин предложил западным державам повоевать вначале самим с Германией. Было выиграно время и заложена база для создания Антигитлеровской коалиции. А Договором о нейтралитете с Японией 13 апреля 1941 года Сталин спас страну от войны на два фронта. Были, конечно, допущено и ошибки, и просчёты в канун нападения Германии на Советский Союз.

Послевоенная политика западных держав и Советского Союза в германском вопросе напоминала перетягивание каната. Ставка была очень высока – объединённая Германия в союзе с Западом или с Востоком. У США и СССР были разные цели в германском вопросе. Американцы хотели использовать ФРГ в качестве военного плацдарма для выдворения “русского медведя” за Урал. Создав в 1949 году ФРГ, канцлер Аденауэр потребовал восстановления объединённой Германии в границах 1937 года. Он отказался признать послевоенные реалии в Европе и, в частности, восточные границы, отвергал нормализацию отношений с ГДР, Польшей и другими социалистическими странами Восточной Европы. В 1955 году ФРГ была принята в НАТО.

Политика Советского Союза была направлена на обеспечение безопасности СССР и его союзников, недопущение возрождения милитаристской и реваншистской Германии и её нового восточного похода. Сталин не был противником германского единства. Главным условием объединения Германии он считал её неучастие в военных блоках. Когда стало ясно, что первоначальная цель советской политики – создание антифашистской демократической нейтральной Германии – не могла быть реализована, Советский Союз

стал укреплять ГДР — главный оплот на пути нового восточного похода Европы против СССР–России.

Е. Шмагин чувствовал себя во время командировки в ФРГ в середине 80-х годов “очарованным странником”: доброжелательные немцы, демократия, широкие возможности для контактов и т. д. Но он не отдавал себе отчёта в том, что эти перемены были достигнуты за счёт усилий целого поколения политиков и дипломатов Советского Союза, ГДР и выдающихся личностей в самой ФРГ, вступивший в борьбу за то, чтобы “с немецкой земли никогда больше не исходила война”. Среди них были коммунисты, социал-демократы, члены ХДС, партии “Зелёных”, священники Евангелической церкви Германии, бывшие офицеры вермахта Мартин Нимеллер и Хельмут Хильд. Важную роль в нормализации отношений с СССР сыграла “новая восточная политика” Вилли Брандта. В 1970 году СССР и ФРГ подписали Московский договор, в котором правительство Вилли Брандта признало границы всех государств в Европе, включая границу по Одер–Нейсе, а также границу между двумя германскими государствами. В 1971 году было подписано Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину, а в 1975-м — Хельсинский Акт.

Да, после войны мы жили в Советском Союзе небогато. На это жалуется Шмагин, восхищаясь сытой и комфортной жизнью в ФРГ и Западном Берлине. А почему? Он что, не знает? В войне мы потеряли 30 млн наших граждан. Нам пришлось восстанавливать разграбленное и разрушенное народное хозяйство в западной части страны. Но это ещё не всё. США, разжиревшие на войне, изобрели ядерное оружие и грозились сбросить атомные бомбы на наши города. Нам пришлось вновь затянуть потуже пояса, чтобы восстановить паритет с США в этой области. И мы этого добились. Без малого 50 лет советский народ радовался мирной жизни. И лишь после того, как к руководству Советским Союзом и МИД СССР пришли Горбачёв и Шеварднадзе, которых даже по ТВ в ФРГ (сам слышал! — **В. Р.**) называли “могильщиками СССР”, внешняя политика нашей великой державы *пошла вразнос*. Горбачёв отказался от защиты национальных интересов СССР в угоду так называемым “общечеловеческим ценностям”. Он оказался недалёковидным политиком. Вот как он оправдывал своё согласие на включение Германии в НАТО: “Реальной угрозы нашей безопасности от включения всей Германии в НАТО в условиях необратимости холодной войны я не видел, да её и не было уже на деле”.

Верхом наивности звучат сегодня слова Горбачёва о том, какие преимущества мы получим от нашего согласия на объединение Германии без всяких гарантий для безопасности СССР: “На порядок усиливается шанс иметь в её лице надёжного (!) и мощного партнёра, если не союзника, и в международных, и в наших внутренних делах”. (Михаил Горбачёв. Как это было. К 10-летию объединения Германии. “Независимая газета” 08.09.1999).

А сегодня Германия — под крышей блока НАТО — принимает участие в новом восточном походе Европы против России под руководством США. Вот вам, Михаил Сергеевич, и “надёжный” партнёр! Горбачёва Е. Шмагин называет “великим реформатором, не понятым собственным народом...”

Будучи послом в ФРГ (1986–1990), Квицинский не раз предупреждал советское руководство, что уступки в германском вопросе в ответ на крупные кредиты от ФРГ — это очень опасная игра. “Германский вопрос для нас, — отменял он, — не был никогда сравним по своей взрывной политической силе ни с каким другим вопросом нашей внешней политики” (Юлий Квицинский. Время и случай. Заметки профессионала. М., “ОЛМА-ПРЕСС”, 1999). Но его и слушать не хотели. 13 мая 1990 года он был призван в Москву и назначен заместителем министра иностранных дел. Сам Квицинский не испытывал никакой радости по поводу этого повышения. “Меня звали в Москву, — подчёркивал он, — чтобы доигрывать шахматную партию, которую по умыслу или по легкомыслию уже безнадежно “запороли” другие. Речь шла о сдаче ГДР, конец которой должен был неизбежно наступить в считанные месяцы” (там же). Квицинский отмечает при этом, что никто из руководства МИД СССР не испытывал в то время желания встать за штурвал, “чтобы постараться спасти хотя бы то, что ещё можно было спасти в условиях наступившего фиаско нашей послевоенной политики в германских делах”.

Следует отметить, что в Москву Юлий Квицинский вернулся, когда переговоры по формуле “2+4”, то есть переговоры представителей ФРГ и ГДР плюс

СССР, США, Англии и Франции по внешним аспектам германского урегулирования уже начались. Он взялся за составление проекта заключительного документа, регулирующего внешние аспекты объединения Германии. «Когда готовилось объединение Германии, – подчёркивал Квицинский, – нас уверяли, что в планы НАТО не входит движение на Восток. Когда это движение всё же началось, стали утверждать, что всё это были милые дружеские беседы с Горбачёвым, а юридических обязательств Запад на себя не брал. Нет нужды говорить, что подобные манеры являются неприличными. Но и уверения в отсутствии юридических обязательств – тоже неправда. Достаточно посмотреть на договор об «Окончательном урегулировании в отношении Германии» от 12 сентября 1990 года, чтобы понять это. По данному договору территория ГДР вошла в сферу НАТО, но там могли присутствовать только немецкие территориальные войска, не входящие в натовские структуры. Никаких иностранных войск, никаких носителей ядерного оружия. Крайней восточной границей сферы НАТО в смысле статьи 5 его Учредительного договора должен был таким образом стать Одер» («Дипломат Юлий Квицинский. НАТО: ДРАНГ НАХ ОСТЕН». М., «Международные отношения», 2013).

Известный французский политик Филипп де Вилье отмечает в книге «Пришёл момент сказать, что я думаю»: «Запад должен понимать: европейцы и американцы не сдержали обещаний, данных после развала Советского Союза. Пограничные с Россией страны не должны находиться под контролем НАТО. Ситуация на Украине во многом усложняется тем, что американцы добиваются её вступления в Североатлантический альянс. Однако русские никогда не допустят, чтобы натовские самолёты за четверть часа могли долететь до Москвы. Будучи истинным французским патриотом, я постоянно говорю нашим политикам: «Только безумцы могут так обращаться с Россией. Нельзя унижать великий народ, который относится к нам с симпатией. Зачем бессмысленно ранить русскую душу?» («Культура» № 39, 13–19 ноября 2015).

Квицинский обезвредил «бомбу» под названием Западный Берлин

И несмотря на очевидные просчёты Горбачёва, всю вину за фиаско в нашей послевоенной политике в германских делах Е. Шмагин возлагает на Квицинского: «Призрачны, к сожалению, и заслуги Юлия Александровича на германском направлении. Все его главные жизненные труды: конструирование особого политического образования (?) под названием Западный Берлин, цементирование германского раскола, сдерживание (?) поступательного развития отношений с ФРГ, изблечение Западной Германии в реваншизме и неонацизме, да и кое-что другое, – в конечном итоге, потерпели фиаско».

В Берлине, который, как известно, был взят советскими войсками, был размещён Контрольный совет, состоявший из главнокомандующих четырёх держав. Город разделили на четыре сектора. В западных секторах разместились американцы, англичане и французы со своими воинскими контингентами, в восточном – советская администрация.

В 1948 году в западных секторах Берлина была проведена сепаратная денежная реформа. Вот что пишет по этому поводу Юлий Квицинский: «Да и любому нормальному человеку было ясно: весь Берлин был ещё совсем недавно органически слит со своим непосредственным окружением, то есть с землями, входившими в состав ГДР, и выделение его западных секторов в особое образование с другой властью, валютой, общественными порядками в 1948–1949 годах было аномалией «холодной войны» («Время и случай». С. 264).

Кто же создал, Евгений Алексеевич, «особое политического образование под названием Западный Берлин»? Зачем вы наводите тень на плетень?

Западный Берлин стал гнездом шпионов и диверсантов. Он использовался для организации информационной войны против ГДР, подрыва её изнутри. До возведения стены (13 августа 1961 года) через Западный Берлин в ФРГ бежали тысячи граждан ГДР, поскольку зарплата там была в пять-шесть раз выше, чем в ГДР. Посольство СССР находилось рядом со стеной, разделявшей Берлин. По ночам там возникали перестрелки, а утром в газетах публиковались фотографии убитых пограничников ГДР. Западный Берлин считали бомбой замедленного действия на линии соприкосновения войск НАТО и Варшавского договора. И именно Юлий Квицинский стал тем сапёром, которому удалось обезвредить эту «бомбу». С 1959 по 1965 год Квицинский работал

переводчиком у посла М. Г. Первухина в Берлине. Там он убедился на собственном опыте, какая взрывоопасная обстановка сложилась в результате конфронтации на границе с Западным Берлином. По возвращении в Москву Юлий Квицинский был определён на службу в 3-й Европейский отдел МИД СССР. Изучив массу документов, он подготовил для руководства предложения, направленные на урегулирование обстановки вокруг Западного Берлина. Они были одобрены, а когда в 1970 году начались четырёхсторонние переговоры по Западному Берлину, Юлий Квицинский стал фактически главным переговорщиком с советской стороны. 3 сентября 1971 года Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину было подписано. Оно получило высокую оценку как на Западе, так и на Востоке.

Благодаря инициативе Квицинского было достигнуто соглашение об учреждении в Западном Берлине Генерального Консульства СССР. Об этом надо было бы знать Шмагину, который работал в этом консульстве.

Несмотря на свою молодость, Квицинский (ему было в то время 34 года), произвёл сильное впечатление на участников переговоров со стороны трёх западных держав. Это были первые в его жизни переговоры. Он вёл в Берлине сложную дипломатическую игру с целью достижения компромисса по статусу Западного Берлина, творил историю. И этот факт признавали во всём мире. «Западники, которые входили в контакт с ним, считают его умелым профессиональным дипломатом, исключительно умным и весьма реалистичным. Он быстро думает и обладает обострённой способностью улавливать слабые места в аргументации противника. Он не страдает «зашоренностью» прежних поколений советских дипломатов. Он хорошо разбирается в западном мире, особенно в Западной Германии. На переговорах Восток–Запад он тоже не новичок. Москва, несомненно, выработала в его лице человека, способного справляться с исключительно сложными вопросами, возникающими на переговорах» («Таймс», 27 ноября 1981).

Самое главное в Четырёхстороннем соглашении состоит в том, что Квицинскому удалось добиться в нём баланса интересов не только четырёх великих держав, но и двух германских государств.

Отношения между СССР и ФРГ – упущенные возможности

Е. Шмагин утверждает далее, что Квицинский якобы «сдерживал поступательное развитие отношений с ФРГ». Обратимся вновь к фактам. В 1986 году Квицинский был назначен послом в ФРГ. С присущей ему энергией и профессионализмом новый посол СССР в Бонне взялся за достижение главной цели: прорыва в торговых и научно-технических связях с ФРГ. За годы работы в Бонне через руки Квицинского прошло около 40 (!) различных проектов совместных предприятий, кооперационного сотрудничества, сделок в третьих странах. Квицинский считал, что у Запада была стратегическая цель – не давать нам зарабатывать деньги на высокотехнологических направлениях. Нам всегда предлагали сотрудничество в области добычи и переработки сырья. Квицинский же предложил развернуть сотрудничество с ФРГ в сфере космических исследований. «Во всяком случае, – подчёркивал наш дальновидный дипломат, – разверни мы тогда с ФРГ мало-мальски серьёзное сотрудничество в космосе, мы, несомненно, смогли бы, несмотря на падение цен на нефть, сделать очень многое для развития производственных и коммерческих связей с крупнейшими химическими и машиностроительными концернами ФРГ, подъёма сельского хозяйства и улучшения экономической обстановки. Увы, не развернули». (Эти взгляды Квицинского на развитие экономического сотрудничества с ФРГ в полной мере сохраняют свою актуальность сегодня.)

К сожалению, смелые и энергичные действия Квицинского в области экономического сотрудничества с ФРГ не нашли должной поддержки со стороны Горбачёва, который в конце 1988 года перешёл к слову социалистической системы в СССР.

А чем не угодил Е. Шмагину советский посол В. Семёнов?

Е. Шмагин критикует также и посла В. С. Семёнова и его советников за то, что они якобы переоценивали влияние в ФРГ левых сил, в частности, коммунистов и направляли в Центр необъективную информацию: «Выходило,

что Западная Германия очарована всё новыми и новыми порциями миролюбивых внешнеполитических инициатив Советского Союза, что здесь повсеместно крепнут левые силы и вроде бы даже созревают условия для мирного поглощения ФРГ, — конечно, не сейчас, но в достаточно отдалённом будущем — Германской Демократической Республикой”.

Должен сказать, что я в качестве руководителя внутривластной группы почти всегда присутствовал на беседах посла с председателем ГКП Гербертом Мисом. И чтобы мы обсуждали такую чушь, как перспективы поглощения ФРГ Германской Демократической Республикой? Как говорят в Одессе: “Не думайте, Евгений Алексеевич, что я такой дурак, как Вы мне кажетесь!” — любимая присказка В. М. Фалина. А если серьёзно, то вот что пишет на эту тему Квицинский: “Ельцин критиковал посла В. С. Семёнова и посольство за недостаточное внимание к деятельности коммунистов и развитию рабочего движения в ФРГ. Правда, он явно переоценивал возможности коммунистов и их реальное влияние на жизнь в ФРГ” (“Время и случай”).

В. С. Семёнов был, безусловно, крупной личностью, профессионалом, знавшим германский вопрос во всех его хитросплетениях. Он обладал огромным опытом как переговорщик, и у него можно было многому поучиться. Под его непосредственным руководством нашей группе внутренней политики и двусторонних отношений удалось успешно завершить в 1985 году переговоры с МИД ФРГ о строительстве новых зданий посольств СССР в Бонне и ФРГ в Москве, которые тянулись десятки лет. Зная наших бюрократов, немцы поставили строительство нового здания в Бонне и начало его открытия в зависимость от соблюдения сроков в Москве. И я посмотрел, как В. С. Семёнов громил наших бюрократов в Москве! В своей книге Евгений Шмагин восхищается новым зданием посольства в Бонне, где он работал генконсулом. Хоть бы спасибо сказал, вместо старческого брюзжания.

В. С. Семёнов считал себя режиссёром “посольского оркестра”. Он стремился пробудить в каждом из нас солиста. Давал нам свободу творчества, разрешал вторгаться в “охотничьи угодья” других групп посольства. Он не опекал нас, не заставлял отчитываться: где был и с кем встречался?

Сам он старательно избегал конфронтации с немцами, советовал и нам не поддаваться эмоциям в беседах. Даже в период резкого обострения отношений с ФРГ, вызванного принятием Бундестагом решения о размещении на территории Западной Германии американских ракет средней дальности, он сохранил спокойствие, твёрдо веря, что кризис будет преодолен. Так и случилось впоследствии. Но он требовал, чтобы мы не забывали, какая ответственность перед нашим народом лежит на тех, кто работает здесь. Об этом он говорил советнику-посланнику Юлию Квицинскому: “Помни о миллионах могил, которые за нашей спиной. Не забывай никогда о том, с кем имеешь дело”.

В посольстве царил хорошая творческая атмосфера. Никто не испытывал особого страха перед послом. Советник-посланник Терехов В. П., как и другие ответственные сотрудники посольства, смело отстаивал в беседах с Семёновым В. С. свою точку зрения. Сам В. С. Семёнов был человеком жизнерадостным, понимал юмор. Были, разумеется, и у него свои слабости. Но у кого их нет?

Работая в Австрии, Е. Шмагин вспоминал, что ему “ужасно недоставало той дружеской, искрящейся взаимоподдержки и взаимовыручки, которая царил в нашей боннской обители” (в Посольстве СССР в Бонне. — В. Р.) И он совершенно прав. Все молодые сотрудники боннского посольства: И. Братчиков, В. Поленов, О. Красницкий, Р. Карсанов и сам Е. Шмагин — стали послами, генконсулами, советниками-посланниками, то есть сделали карьеру.

За какие же грехи Е. А. Шмагин так глумится над послом В. С. Семёновым, оскорбляет его советников, живых и мёртвых?

Герои возвращаются

Затевая перестройку с целью слома социалистической системы в СССР и перераспределения собственности, Михаил Горбачёв понимал, что встретит серьёзное сопротивление внутри страны. Чтобы переломить настроения в обществе в пользу сил контрреволюции, он дал старт наступлению либеральных демократов на моральные и нравственные ценности советского народа. Начали с разоблачения “преступлений сталинского режима”. Затем стали развенчи-

вать героев Великой Отечественной войны: маршала Георгия Жукова – “погубителя солдат”, Зою Космодемьянскую. Очередь дошла и до воинов-афганцев. Запад оказал массивную информационную поддержку Горбачёву. Вторую мировую войну выиграли, оказывается, американцы. Ведь они остались на территории Германии, которая стала их оккупированным “союзником”, а русские войска были вынуждены “убраться” из Европы.

Ну, если у нации нет героев, нет в истории великих подвигов, великих побед, то с ней можно и не считаться в мировых делах – таков смысл нынешней информационной войны, которая ведётся на Западе против России. Пытаясь бросить тень на славу Юлия Квицинского как на державника и патриота, человека высокой культуры и морали, которым гордится русский народ, Евгений Шмагин – вольно или невольно – оказывается в стане наших либералов.

Он не хочет при этом замечать, что в самой России произошли огромные перемены – русские герои возвращаются. Яркое свидетельство тому – марш миллионов по всей стране в память “Бессмертного полка” с портретами героев Великой Отечественной войны. А какое уважение проявила страна к подполковнику Олегу Пешкову, командиру бомбардировщика, сбитого турками в Сирии! Министр обороны Сергей Шойгу лично встречал самолёт, на котором доставили в Москву гроб с телом погибшего офицера. Посмертно ему присвоили звание Героя России.

В связи с открытием 25 ноября в Екатеринбурге “Ельцин-центра” бывший первый помощник Бориса Ельцина Георгий Сатаров заявил, что у нас “возрождается некая мода на Ельцина!” (мк.ru. 22 ноября 2015). Упаси Бог! У нас, г-н Сатаров, возрождается традиция чтить героев Отечества.

Главный редактор газеты “Культура” Елена Ямпольская пишет: “Какая неудержимая сила постоянно опрокидывает нас в советское прошлое? И мы валимся назад, кто с наслаждением (ведь знаешь, что нелепо, смешно, безрассудно, безумно, но – волшебно), кто – с возмущёнными воплями. Какой магнит утягивает нас, будто Электроника в клетчатый чемоданчик? Очень простой – наличие идеала” (“Культура” № 40 20–26 ноября 2015).

Глубоко символично, что с возвращением героев сама Россия возвращается – в качестве важного игрока – в мировую геополитику, жёстко заявляет свой внешнеполитический суверенитет, становится фактически лидером в борьбе против международного терроризма. И опирается при этом – по русской традиции – на возросшую мощь своих главных союзников: армии, воздушно-космических сил и флота.

СЕРГЕЙ ЕСИН

СВОЯ НОША

*О книге Елены Тулушевой**

То, что Елена Тулушева заметное явление в нашей молодой прозе – это бесспорно. Речь может пойти только о том, как она это делает, то есть о жизненной и творческой базе, на которой держится её явный успех. Об успехе говорят публикации в серьёзных литературных журналах и толика премий. Серьёзная девушка, пишущая о серьёзных вещах. Врач по образованию, работала во Франции и США. Ни образование, ни кругозор, ни культура ещё никому не мешали излагать письменно свои мысли и видеть мир. О мыслях сказал не случайно, потому что ещё Пушкин полагал, что основой прозы является мысль, мысль и мысль. И сколько бы мне ни говорили, как важно в прозе плотное цветастое слово, я вслед за “нашим всем” буду думать, что без мысли и ворох пейзажей и подсвеченных уходящим солнцем далей будет для читателя мёртв. Но и словом Тулушева тоже владеет с такой уверенностью, которая предполагает не вымученные и приобретенные возможности, а подлинность таланта. Впрочем, пейзажей и городских пространств с аптекой Тулушева не пишет.

Главное сказано, теперь: необходимые детали и степень заинтересованности одного мастера в представлении другого. Всё очень просто – Елена Тулушева ещё и училась на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького, и мне, преподающему в этом институте больше двадцати лет литературное мастерство, довелось читать её дипломную работу. Но ведь не холодными мрачными глазами читаем мы своих выпускников! Чему-то мы можем их научить, но что-то и они могут нам рассказать.

Стихия Елены Тулушевой – это мир трудного детства и юности, это тяжёлые семьи и тёмные углы жизни, которые по традиции власть прячет, а русская литература по традиции раскапывает. Собственно говоря, с этим и предстоит познакомиться читателю. С неким мальчиком Васькой, который не против покурить или что-нибудь “принять на грудь”. С бюрократической системой, когда органы опеки передают уже другого мальчика в так называемые “хорошие руки”, с мамами, которые бросают в роддоме своих чад, и с мамами, для которых так важно иметь долгожданного ребёнка. “Жизнь такова, какова она есть, и больше – ни какова”. Пусть простят меня за известную цитату из Владимира Кострова, но лучше не скажешь. Правда, можно кое-что аранжировать цитатами из самой Тулушевой, но это не только о её ге-

* Тулушева Елена. Чудес хочется! Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. М., 2016.

роях, но и о нашем с ней времени. Конечно, цитаты могли быть и моими собственными, как у более опытного и старшего, но они – у Елены, как у более социально зоркой. Нам иногда только кажется, что мир сделан по телевизионной картинке!

“Три года кадетства – три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания – пятидневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, – подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у неё работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остается времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слезы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там надо было драться. Постоянно, за всё: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоеывая всё больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились восхищённые взгляды ребят, когда он выходил в “качалку”, нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту”.

Специалист, конечно, понимает, что подобное трудно сочинить и взять, как говорится, из головы. Здесь нужно сердце, ум, наблюдательность, наконец, терпение и такт, чтобы с мальчишкой поговорить, взять его руку, посмотреть в глаза, расположить так, чтобы он поверил. Подобные наблюдения писателю даются собственной кровью, но надо ещё помнить, что чужую боль писатель ещё долго носит в собственном сердце, подбирая слова и раздумывая, как бы всё это расположить. Хороший писатель это не только и не столько бытописатель, а ещё и аналитик. Доля эта не минула и Елену Тулушеву. Умеет формулировать.

“Когда Юле было пять, маму лишили родительских прав. Милиция решила оградить ребёнка от матери-наркоманки. И Юлю отдали под опеку... её бабушке. Об этом Юля узнала случайно уже лет в двенадцать, потому что в её жизни с решением чиновников ничего не изменилось: она осталась жить в той же квартире с мамой-наркоманкой и бабушкой, вырастившей наркоманку.

Наркоманами не рождается. Как правило, ими не становятся по принуждению. Ими вырастают: из бесконечных скандалов и ссор, из обвинений и сравнений со всеми, кто лучше, из унижений от близких, из конфликтов старших, из оскорблений и физических наказаний, из безразличия родных. Ими вырастают медленно, на виду у многих: родственников, соседей, учителей”.

Безжалостная, конечно, у нас жизнь, и то, что поднимается иногда у нас с гражданским гневом в Думе, продолжает бытовать и даже не прячется по углам. Гибнут, конечно, и самолёты, но как часто под сурдинку политической жизни погибают, барахтаясь в повседневном море нищеты, и люди. И собственно, чего Елена, молодая и, видимо, успешная женщина, о них пишет? Строчи себе романы “про красивую жизнь”, с дорогими квартирами и гоночными автомобилями, а лучше сценарии на телевидении, где тоже бывает мрачно, но зато везде торчат такие лёгкие к исполнению драки, стрельба и убийства! Нет, тянет своё, хорошо знакомое, трагичное и для многих сокровенное. Суровое детство? Трудная юность? А может быть, это самое загадочное русское свойство – справедливость? Тяжёлую ношу взвалила на себя Елена Тулушева, впрочем, это наша, русская ноша, а своя ноша, как известно, не тянет.

На VII Славянском литературном форуме “Золотой Витязь” книга Елены Тулушевой “Чудес хочется!” удостоена серебряной награды.

ЮРИЙ ОСТАПЕНКО

ПЕРВЫЕ ТРИСТА ЛЕТ

Кто-то из мудрых сказал в своё время, что планета наша плохо приспособлена для жизни человека, и чтобы выжить и жить на ней “по-человечески”, приходится прилагать немало усилий. Каждый из нас знает, чего стоило освоение Сибири, Крайнего Севера и других краёв, которые вот уж никак не назовёшь благословенными, где короткое лето есть “кариатура южных зим”. Все эти мысли возникли у меня после углубления в материалы замечательного сборника “Омск. 300 лет”, выпущенного в 2016 году к знаменательному юбилею нашего города (благотворительный фонд “Возрождение Тобольска”, редактор-составитель Ю. П. Перминов).

Я недаром сказал “по мере углубления”, поскольку прочитав с наскока эту книгу невозможно. Это не просто сборник материалов по истории нашего города, это любовно собранная мозаика документов, фактов, портретов людей, много сделавших для становления и развития Омска, это страницы прошлого города, ранее не доступные читателю (“колчаковский” период, очерк о православной основе этого сибирского города, подборка архивных снимков), это яркий, объёмный и полноцветный портрет современного Омска, украшенный прекрасными стихами наших земляков и тех, для кого наш город стал родным.

Я родился и вырос в Омске, поэтому каждая статья этой книги для меня есть путешествие в страну детства, в город, который много лет уже жил только в моём воображении, и сейчас эта самая мозаика вдруг сложилась для меня в цельную картину, в подробный рассказ о том, как мой город, десятилетиями цепляясь за негостеприимные берега двух сибирских рек, превращался из форштата, крепости в место поселения людей, приехавших сюда всерьёз и надолго, чтобы крепить могущество России, которое, по словам Ломоносова, “прирастать Сибирью” должно. Никто, конечно, таких высоких слов про могущество не говорил, но жизнь многих поколений омичей тому пример, и жизнь этих поколений отчётливо прослеживается в книге. Здесь и князь Гагарин, и полководец Бухгольц, и строитель знаменитого моста через Иртыш инженер Н. А. Белолюбский, и первый губернатор Омской области Л. К. Полежаев, и первый директор Нефтезавода А. М. Малунцев.

К тем людям, которые приехали сюда “всерьёз и надолго”, я отношу и своих предков, которые в начале прошлого века приехали сюда с Украины и, что называется, в чистом поле стали строить дом, укрепляя тем самым могущество державы.

В моей детской памяти город сохранился пыльным, совершенно без зелени, с плохими дорогами, с деревянными тротуарами (фотографии старого Омска, помещённые в книгу, подтверждают это). Летом степные ветры гоня-

ли по улицам облака пыли и копоти от огромных заводов, построенных в годы войны, и спрятаться от них было невозможно. Через много лет (это было уже в 70-х годах) я прочёл в какой-то из газет, что город Омск в социалистическом соревновании городов России занял первое место по озеленению. Я несколько удивился, но, благо, журналистские дела вскоре после этого занесли меня в родные места, и я был несказанно удивлён увиденным. Город действительно преобразился. Понятно, с каким чувством читал я статью известного краеведа Виктора Кочедамова, названную незатейливо “Озеленение Омска”. Да её надо было называть как-нибудь “Преобразование степи” или “Подвиг на диком берегу Иртыше” и т. д. Ну, это, конечно, журналистские примочки, но не в этом дело. Жаль, в статье (она написана в 1960 году) ничего не сказано о великом служении Омску Александра Дмитриевича Кизюрина, который ещё до революции, получив образование в Европе (Чехия, Германия), на родине воплотил свои идеи в жизнь. В Омске он вывел сорта стелющихся морозостойких яблонь, всю свою жизнь он посвящал тому, чтобы Омск был не просто зелёной, но и фруктовой столицей Сибири.

Тем не менее статей, рассказывающих о преобразении Омска, в сборнике много. Со сдержанной гордостью рассказывают многие авторы о восстановлении старинных храмов, крепостных сооружений, объектов культурного наследия (И. Дамаскин, Ю. Перминов, Ф. Букреева, А. Лосунов, Л. Трубицина, И. Никеева и др.).

А каков дореволюционный Омск в фотографиях и воспоминаниях!

А сколько нового мы узнали о сокровищах музеев Омска!

А знаменитый на весь мир Омский русский народный хор! Мы знали его и гордились им, но кому известен подвиг человека, создавшего его, – Г. Н. Пантюкова?

Украшением города всегда был Омский драматический театр. Мы гордились его архитектурой, но, оказывается, вклад его артистов в творческую сокровищницу России сопоставим со сказочной красотой его здания.

Всё это есть в сборнике, и каждая страница его, каждая фотография, любовно подобранная составителями, расставили всё по своим местам в трёхсотлетней истории города.

Первые его триста лет оказались весьма насыщенными, и об этом красноречиво говорят все девятьсот страниц прекрасного юбилейного сборника.

Разумеется, в рамках одной книги невозможно отразить деятельность крестьян и рабочих, казаков и чиновников, строителей и железнодорожников, речников и авиаторов, нефтехимиков и создателей ракет, тех, кто своим трудом создавал славу нашего города, так что, вспоминая “отцов города” и других руководителей, мы непременно должны иметь в виду и их добросовестный труд, который был и есть основа могущества города, края и всей страны. Застолбив таким образом место для моих прадедов в будущем юбилейном издании, я хочу отдать должное тем авторам, которые сделали настоящую книгу яркой, интересной, богатой по содержанию и броской по оформлению.

Иван Петров, Лариса Пономарёва, Юрий Перминов, Ирина Девятьярова, Алексей Сорокин, Владимир Чирков, Евгений Евсеев, Людмила Чебоксарова, Владимир Захаров... Надо бы перечислить всех, но ведь в почти 900-страничном фолианте десятки и десятки авторов, ярких, талантливых, высокопрофессиональных поэтов, художников, фотомастеров, собирателей старины и т. д. И тут как бы не забыть сказать самые тёплые слова в адрес оформителя книг Г. М. Метченко – прекрасная получилась работа!

Ну, и конечно, Юрий Петрович Перминов. Инициатор выпуска альманаха. Журналист, писатель, поэт, автор многих публикаций в этом сборнике. Но мы отметим его выдающуюся роль как редактора-составителя. Обработать тысячи страниц текста, перелопатить сотни фотографий, выстроить всё в стилевом единстве – это под силу немногим. У Юрия Петровича это получилось – факт, что называется, налицо.

После того, как я закрыл последнюю обложку альманаха, я понял, что мы получили в подарок прекрасный том энциклопедического характера – очередной том энциклопедии Сибири, которую издают энтузиасты, возглавляемые тобольским предпринимателем Аркадием Григорьевичем Елфимовым... Мне довелось видеть их работы, посвящённые Тобольску, Якутску, теперь вот – Омску, и я с полной ответственностью говорю о том, что грандиозный проект Елфимова–Перминова, который поддерживают местные власти (в нашем

случае – правительство Омской области), – это явление большого гражданского значения. Спасибо им.

Ну, и ложка дёгтя. Тираж этого уникального издания 1000 экземпляров. Одна тысяча! Что же это такое для миллионного города, для массового читателя? Ровным счётом – ноль. Раздали авторам, героям и родственникам героев публикаций, оформителям, на презентации гостям высокопоставленным, да и местным чиновникам – вот, собственно, и всё! По сути дела, никто из простых жителей Омска и не знает о выходе этого замечательного издания. И резонанс от его выхода в узком кругу получателей заветных экземпляров уляжется очень скоро. А “омская диаспора”, то есть те люди, которые, родившись в Омске, понесли сибирский дух по стране? А их родственники, которые помнят город на Оми и твёрдо знают, что в переводе слово “ностальгия” означает не просто печаль и тоску, а только – тоску по родине.

Эти мысли пришли ко мне после одной знаменательной встречи в Москве. Мой давний друг авиационный инженер-конструктор М. В. Липгарт, увидев у меня подарочный фолиант, стал перелистывать его и увидел репродукцию портрета М. Э. Липгарт, помещённую в книге, а потом и фото с её тюремного личного дела (с. 428 и 429). Сам Михаил Вадимович гордится своим родом: его дядя, например, считается создателем советского послевоенного автомобиля “Победа”. И встреча ещё с одним представителем его рода взволновала его.

Перечитывая после него статью, я наткнулся на ещё одну фамилию, заинтересовавшую меня: Ковлер. Я тут же позвонил главному редактору журнала “Чудеса и приключения” И. Г. Ковлеру и спросил, не было ли в его семье людей, связанных с Омском. Он записал всё, что я вычитал в нашей книге (с. 426–427), и через какое-то время дал знать, что я попал в точку.

Следует думать, что это не я попал в точку, а авторы и составители столь уникального произведения, которые подняли пласты истории, и гул от этих передвигаемых пластов будет немалым.

Сомнений в том, что книга эта будет востребованной, нет ни малейших. И она того стоит.

Не забудьте подписаться
на "Наш современник" —
на первое полугодие 2017 года!

Почта России		ф. СП-1									
АБОНЕМЕНТ на		газету	<input type="text"/>								
		журнал	(индекс издания)								
НАШ СОВРЕМЕННИК		Количество комплектов									
На 2017 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Куда		<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому _____											
Линия отреза											
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВОЧНАЯ		<input type="text"/>						
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА		<input type="text"/>						
На газету		НАШ СОВРЕМЕННИК									
журнал		(наименование издания)									
Стои- мость	подписки	<input type="text"/>	руб.	Количество	<input type="text"/>						
	переадрес.	<input type="text"/>	руб.	комплектов	<input type="text"/>						
На 2017 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
(почтовый индекс)		город									
		село									
		область									
		район									
		улица									
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
дом	корпус	квартира	(фамилия и. о.)								

Подписные индексы журнала
"Наш современник"

По каталогу "Роспечать" на 6 месяцев – 73274

По каталогу "Роспечать" на 12 месяцев – 72336

По каталогу "Почта России" МАП – 12625